

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Ли Виксен

#ИМЯ ДЛЯ ЛИС

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

История вот-вот свершится. Чтобы спасти Королевство, отважной Лис предстоит разгадать загадки таинственных посланий, сплести воедино имена и судьбы, повстречать старых друзей и врагов и не раз проверить себя на прочность. Готова ли Лис узнать правду, сколь страшной та ни была бы? Сумеет ли она сберечь свое подлинное имя и примириться с ним? Ведь самая главная битва – это битва с самим собой...

Когда мир висит на волоске, а тьма становится чернее ночи, остается лишь оседлать коня и тронуться в путь, и только Войя знает, сколько дверей придется открыть, прежде чем одна из них приведет к дому.

- [Ли Вискен](#)
 - [Имя первое: Мастос](#)
 - [Имя второе: Кремень](#)
 - [Имя третье: Алайла](#)
 - [Имя четвертое: Роуэн](#)
 - [Имя пятое: Извель](#)
 - [Имя шестое: Слэйто](#)
 - [Имя седьмое: Леди Удача](#)
 - [Имя восьмое: Король-медведь](#)
 - [Имя девятое: Капрал Заячий Хвост](#)
 - [Имя десятое: Секира](#)
 - [Имя одиннадцатое: Ос Эстос](#)
 - [Имя двенадцатое: Хлоэ](#)
 - [Имя тринадцатое: Ирэне](#)
 - [Имя четырнадцатое: Настоящая Хлоэ](#)
 - [Имя пятнадцатое: Настоящий принц](#)
-

Ли Вуксен
Имя для Лис

Имя первое: Мастос

Урожай погибал на глазах. Казалось, солнце так нещадно целовало тонкие побеги льна, что только возьми нежные листочки в руку – они рассыпались бы горстью пыли. Поля к югу от Ярвелла оскудели, но дело было не только в удушающей жаре, накатившей на пашни Королевства. Местные крестьяне никогда не любили своей земли.

Если восточные земледельцы дышали каждой толикой своих наделов, знали, где приживется сад, а где можно высадить привередливые культуры, то западники жили надеждой. Близость Ярвелла их разнежила, постоянные дотации на поднятие целины избаловали. Эти люди жили верой, что придет новая порция средств и их жизнь улучшится. Работать они не хотели и не умели, поэтому земля платила им тем же – презрением.

Я с тоской смотрела на умирающий лен, и мне вдруг показалось, что то же самое происходит и со мной: я будто сохну изнутри, теряя драгоценные жизненные соки. Но если у льна был хозяин, ответственный за его гибель, то себя я добивала сама.

«Я стала занудой, – пришлось сознаться самой себе. – Иду от цели к цели и толком не успеваю или уже не умею наслаждаться жизнью. Она проходит где-то поблизости. Но рукой не дотянуться: пальцы слишком судорожно сжимают эфес».

А рядом звенел детский смех. Носились собаки непонятной масти. Тут же мужчины с хохотом обнимали жен, и те дурашливо визжали.

Я злилась на всю эту жизнь, но, может, и завидовала ей. Хотела сойти с намеченного пути и тоже погрузиться в смех и объятия.

Так бывает с мужчиной, который перешагнул через порог зрелости и уже стал состоятельным главой семейства. В один день – неважно, ненастный или солнечный – он вдруг бросает и красавицу-жену, и своих сладких крошек и отдается какому-то демоническому кутежу. То устремляется в бордель и пробует девок самого низкого пошиба, то пропадает в лесах, охотясь на диких кабанов. И никакие слезы и мольбы не способны вернуть этого человека в лоно семьи. Глаза его блестят, как у беса, ведь примерный семьянин оторвался от рутины и вновь распробовал вкус жизни.

И, кажется, я начинала понимать, в чем тут дело. Внутри меня нарастал постоянный зуд, который выливался в произнесенные вопросы: «Куда я иду? Зачем мне вообще воевать на этой войне? За кого, за этих

людей? Волнует ли меня их судьба?».

Когда я была маленькой девочкой из замка, казалось, что мир благоволит мне. Жизнь протекала в достатке и любви рядом с пусть тайным, но столь близким объектом обожания. Потом случилось несчастье, и я уверилась, что мир меня ненавидит. Затем много чего было. Я росла и менялась, происходили счастливые события и ужасные. Подарки судьбы и ее удары сыпались на меня как из рога изобилия. Но только сейчас я осознала, что мир не любит и не ненавидит меня. Ему просто плевать.

Мир никогда не смотрел на меня и не следил за мной. Для него и девочка из замка, и мальчишка-легионер, и наемница из Ларосса были равны. Не значимее пыли под ногами. И только гордость мешала мне заметить это ранее. А теперь равнодушие мира обрушилось, словно лавина грязи, которая поглотила меня снаружи и заполнила изнутри. Я переросла и наивного Лисенка, и Бешеную лисицу и теперь напоминала лисье чучело, набитое не ватой, а равнодушием.

– Я – чучело, – тихо проговорила я.

– Да брось. – Мастос замахал на меня руками. – Ну, не выпалась. Ну, темные круги под глазами и волосы в беспорядке. Но никак не чучело. Красивая измученная женщина.

Я исподлобья злобно глянула на монаха. Не знаю, что обиднее: то, что он воспринял мои слова буквально, или то, что увидел во мне признаки «чучела».

– Лучше скажи, Лис, что делает короля – королем? – Мастос оседлал своего излюбленного конька. Чтобы скоротать дорогу, он заводил бесконечные разговоры на отвлеченные темы. И не было никакой возможности отвязаться от него. Либо ты присоединяешься, либо монах болтает в одиночестве. Варианта, когда все просто молчат, не предполагалось.

– Корона?

Мастос отрицательно покачал головой.

– Кровь? – Я уловила едва заметный кивок, который на языке старого учителя означал: «Ты близка к истине».

– Не знаю. Серебряная ложка во рту и золотой слиток в заднице.

– Королей создает вера, – вкрадчиво произнес старик. – Вера народа в то, что монарх избран божьей или людской волей. Эта вера питается такими мифами, как определенное родство по крови или наличие королевских регалий вроде короны. Но все они ничтожны перед людской верой в то, что самодержец имеет полное право занимать трон.

– И старуха Крианна этой верой обладает, ты к этому ведешь?

На сей раз беседа хотя бы косвенно касалась цели нашего визита в столицу. Поэтому я слушала чуть внимательней, чем обычно.

– Да. Народ убежден, что старушонка имеет право на трон. – Мастос задумчиво потер покрытый седой щетиной подбородок. – Крианна на троне, война окончена. Но если заглянуть в недалекое будущее, то все эти перспективы обернутся прахом. Догадываешься, почему?

– У нее нет наследника? – предположила я.

– Именно. А это значит, что как только Крианна преставится, то снова начнется война за трон. О-хо-хо. Или...

Даже эфемерная возможность избежать бойни, растоптавшей поля моей страны и согнавшей бывших крестьян под знамена легионов, была важна. Поэтому я поторопила монаха:

– Или что?

– Или она выйдет замуж.

Я поперхнулась и уставилась на Мастоса.

– В ее-то возрасте да под венец?

– Во-первых, не суди стариков так строго, – недовольно произнес Мастос, ускорив шаг. – Я и сам немолод. Но, поверишь ли, в последней деревне одна хозяйюшка...

Я в отчаянии затрясла головой. Последователь культа Элеи свято чтит свой долг нести любовь людям, но иногда чересчур увлекался рассказами о подвигах во имя богини.

Мастос поглядел на меня и вздохнул, но все же вернулся к предыдущей теме.

– Разумеется, ни о какой любви или страсти речи не будет. Политическое решение, чтобы избежать народных волнений. Крианна вряд ли принесет наследника. – Старик деликатно кашлянул. – Для этого она и вправду старовата. Но выбрать себе принца-консорта ей по силам. А затем, когда ее душа покинет этот мир, вера сделает свое дело.

– Люди забудут про кровь и корону, верно? – Я усмехнулась. – А принц-консорт сможет найти жену помоложе, чтобы нарожать хоть тысячу наследников.

– И, скорее всего, это будет человек из ближнего окружения Крианны. – Мастос сверкнул взглядом из-под кустистых, как у всех крайнийцев, бровей. – Ты понимаешь – например, генерал.

Я вздохнула. Иногда догадаться, шутит Мастос или нет, просто невозможно. К тому же обсуждать генералов я была не готова – пока нет, – поэтому обернулась, чтобы позвать мага.

– Слэйто!

При виде него, шедшего далеко позади, я почувствовала, как сердце сжалось от грусти. Ох, Слэйто...

Не без моей помощи мой милый маг вернулся с того света и открыл жизнь заново. Поначалу ему словно хотелось рассмотреть этот мир в подробностях, попробовать его на вкус, пощупать рукой. И это не красивый оборот речи. В первые дни после того, как мы покинули Волчий сад, Слэйто нередко подходил и легонько сжимал рукой мое плечо. При его росте особого труда это не составляло. И дело было не в том, что он стремился почувствовать близость или оказать знак внимания, как бы мне ни хотелось в это верить. Просто Слэйто нравилось осязать, касаться кончиками своих холодных пальцев живой плоти.

Два года жизни в ожидании неминуемого конца сделали из мага скептика и мизантропа. Он закрылся от внешнего мира, не позволял ему ни цветом, ни запахом, ни прикосновением проникнуть себе в душу. Но когда у Слэйто появилась призрачная надежда на жизнь, он отдался чувствам без остатка.

Я наблюдала за его раскрытием издалека и с улыбкой, подобно тому как мать следит за обучением слишком взрослого ребенка. Старалась не мешать, не спугнуть его искренний порыв познать мир. Но, видимо, отошла слишком далеко и что-то проглядела. Я пропустила миг, когда он сломался.

Я сказала что-то не то? Или это был Мастос? Что произошло, что случилось – осталось тайной. Просто внезапно в одной из деревенок на юге Слэйто начал отдаляться. Маг реже участвовал в разговорах, взгляд его сделался отрешенным и задумчивым, словно мой друг замкнулся в себе и вести беседы с нами ему стало неинтересно.

Поначалу я была уверена, что это пройдет. Пыталась вытащить его из раковины, втягивала в беседы, мучила вопросами, но вскоре заметила, что каждый мой порыв натывается на испуганный взгляд, совсем как у собаки, побитой камнями. И замолчала сама.

Оставались ночи. Холодные объятия, горячие поцелуи, хрупкий сон и вторжения в кошмары, где меня все еще преследовал золотой вихрь, да мои всхлипы поутру, когда все заканчивалось. Он ни разу не оставил меня одну, несмотря на то, что за день мог не проронить ни слова. А потом закончилось и это. В кабаке на перекрестке пяти дорог Слэйто невзначай сказал, что будет рядом на случай кошмаров, но в постель со мной не лег. Кинул свой тяжелый серый плащ на соломенные маты у окна и отвернулся к звездам.

Я тоже легла к нему спиной, уставившись в стену. Силой воли подавила протяжный бабий вой. Вспомнила бабушкину присказку:

«Воробья колотушкой петь не заставишь. Милу девку кулаком к себе не привадишь», и сердце немного отпустило. Слэйто был не первым мужчиной, который от меня отказался. Возможно, я просто не была создана для любви или чего-то подобного. «Это пройдет, – прошептала я себе в темноте. – Потом будет не так больно. Это ничего. Ничего».

Слэйто был нужен нам с Мастосом для похода в столицу и для защиты, иначе золотой вихрь свел бы меня с ума. Мощь, которой управлял Слэйто, была нашим секретным козырем. И поэтому я не могла себе позволить обычную женскую слабость: послать к Войе мужчину, который отправил туда же меня саму. Да и он, несмотря на то, что продолжал отдаляться, не выказывал желания покинуть наш отряд. Послушно шел, куда ему говорили, ел – когда накрывали стол, спал – когда был уверен, что в эту ночь золотой шторм не накроет меня.

Иногда мне казалось, что его отстраненность исчезает, – и в эти мгновения я ловила на себе его взгляды. В них было намешано эмоций больше, чем в Белой башне Слэйруса. И злость, и обида, и какая-то неясная мне боль. Но вот Слэйто моргал и снова становился похож на сонную птицу. Так что, возможно, все эти взгляды были лишь игрой моего воображения. Остатками веры в то, что между нами что-то было и когда-нибудь снова будет.

Вот и сейчас он потерянно оглядывался по сторонам, отстав от меня и Мастоса на добрых двадцать шагов. Маг поравнялся с одним из селян и, хотя казалось, что разум его дремал, довольно ловко уступил тому дорогу. Седой старик с редкой бороденкой только неодобрительно фыркнул.

* * *

Мы двигались на север по Западной тропе. Все чаще на нашем пути попадались маленькие деревушки, построенные словно из бумаги. Оно и ясно – престольный регион за годы войны ровняли с землей не раз и не два. Люди боялись бросать хозяйства, но и отстраивать дома надежными смысла не было. Ведь появится новый легион и опять сведет все старания к нулю. И так как Ярвелл все-таки располагался на юге, решение было найдено: непрочные, но легкие стены из упругой просушенной на солнце лозы. Возвести такой домишко силами небольшой семьи получалось за пару дней. Он давал достаточно тепла, стоил купы и не позволял дождю залить очаг.

Последнюю такую «бумажную» деревеньку мы оставили позади с

полчаса назад. Но до сих пор встречали ее жителей в холщовых колпаках, с корзинами наперевес: кто-то набрал грибов, а кто-то – лесных трав. Люди недовольно оглядывали нас с ног до головы, ворчали себе под нос и плелись в сторону поселка. Вот и старик, чуть не столкнувшийся со Слэйто, пробухтел не то проклятие, не то напутствие и скрылся из виду. Маг же заозирался, словно что-то потерял. Затем обернулся и почти вприпрыжку подбежал к нам.

– Ну конечно. Все сходится! Знаете, где мы?

– Посреди леса. – Мне все чаще казалось, что я разговариваю с умалишенным. – На Западной тропе. Да ты ведь и сам это знаешь.

– Нет, не то. – Голос Слэйто дрожал и едва не срывался. – Все сходится. И запах. По запаху-то сразу все понятно.

Я принялась. В лесу, как и положено, пахло прелой листвой, затхлой водой и немного – какими-то цветами. Резковатый сладкий аромат с легкой горчинкой бил в нос.

– Цветами пахнет.

– Глицинией, – уточнил Мастос, потянув воздух так, что затрепетали крылья его массивного носа.

– Конечно! – воскликнул Слэйто и даже улыбнулся, что редко бывало в последние дни. – Потому что раньше здесь цвели сады Сижарле!

Я ахнула:

– Не может быть!

– Мы гораздо ближе к Ярвеллу, почти дошли и оказались именно здесь. Кто ж знал, что Тропа проходит по этим землям. – Маг мечтательно прикрыл глаза. – Это как возвращение в прошлое, к тем, кого я давным-давно покинул. Арлин, Мури... Вот какому времени я принадлежу, а совсем не этому. Может, мне стоило бы уже присоединиться к своим старым знакомым...

– Ну извини, что вытащила тебя с того света, – едко заметила я.

Слэйто растерянно заморгал, догадавшись, что его слова не на шутку меня задели. На миг меня кольнуло острое ощущение недовольства собой. Когда я полезла в килиаз с Любовью, то не спрашивала Слэйто, хочет ли он возвращаться в мир живых. Я выдернула мага с того света без спросу, а теперь требовала благодарности. Это было... Эгоистично?

– Я не о том, Лис! Прости. Видишь ли... Я не чувствую себя здесь на своем месте. Мы идем сражаться с какими-то непонятными силами, а я... Просто вдруг понял, что это не мое время и место...

Внезапно заговорил Мастос:

– На фразу «Я слишком стар для этого дерьма» есть право только у

меня, молодежь. Поэтому особенно не раскисайте.

Я не стала объяснять старику, что если зачесть возраст той части Слэйто, которая существовала как Сияющий, то ему не меньше двух сотен лет, а это вчетверо больше против Мастоса. Меня интересовало другое.

– Лакцины нет. Сижарле превратился в лес. Со времен Слэйруса сменилось не так много поколений, чтобы города исчезли бесследно. Как такое возможно? – Я поддела носком сапога камень и зашвырнула его в кусты. – Ни столба, ни кладки, ничего.

Слэйто произнес фразу, от которой у меня мороз прошел по коже:

– Может, эти города не просто так исчезли. Может, и война не просто так. Вдруг нам... *помогают*?

* * *

Примерно в полдень мы сделали привал у замшелого валуна. Камень раскинулся над вытоптанной поляной, накрыв нас тенью, словно огромная ладонь. Мимо сновало все больше народу.

Вот прошла степенная матрона с выводком детишек мал мала меньше. Следом проковылял солдат со споротыми с кителя петлицами: то ли дезертир, то ли в увольнительной. Одну ногу бывший легионер подволакивал. Уж не на Переправе ли Адской гончей он получил свою рану? Потом прошла старуха с тележкой, на которой были разложены ароматные травы, за ней нескончаемой вереницей потянулся простой люд. Мы сидели под валуном, словно зрители, и прохожие, как и положено настоящим актерам, не обращали на нас никакого внимания.

– Если это места бывшего Сижарле, значит, мы добрались до Вурусты. А это считай уже под Ярвеллом, – сказал Мастос.

Я взглянула на него вопросительно, не прекращая вычищать грязь из-под ногтей острием ножа.

– Это что, город какой-то?

– Ну уж не деревня. Главная кузница Королевства по части ремесленников, если не считать Штольца, но там больше по металлам и камням. – Мастос начал указывать на людей. – А сюда тебе, если ты хочешь, чтобы твоя дочь стала, скажем... Ну вот – мастерицей расшивать господские костюмы. – Старик ткнул узловатым пальцем в направлении проходившей мимо девушки в белом чепце с вышитой на нем голубыми нитками короной. – Или сына мечтаешь отдать в краснодеревщики. – Палец монаха указал на юношу, казалось бы, обычного крестьянина. Но на поясе

паренька висели странные инструменты, из тех, что я знала, – маленький рубанок и долото. – Так вот, всех их надо отправлять именно в Вурусту. Обучение тут стоит недешево, зато какой толковый выйдет мастер!

– Город – это хорошо, – произнес вдруг Слэйто. Сегодня он был на диво разговорчив. – Мы сможем остановиться в гостинице. Помыться и привести себя в порядок, постирать одежду. Я не хочу прийти в столицу жалким голодранцем.

– Гостиница! Ха! Бери выше. – Старик радостно потер ладони. Я обратила внимание, что чем ближе мы к цели, тем четче проступает в нашем сельском учителе нечто новое: степенность, цепкость. Ну да это был вопрос десятый. Если бы помимо Алайлы и золотого шторма я решила бы разбираться еще и с прошлым Мастоса – то храни меня все боги, голова бы просто лопнула.

Монах расплылся в улыбке:

– В Вурусте живет моя бывшая ученица. Дом добротный и большой, места хватит всем.

– Примет ли она бродячую свору вроде нашей? – засомневалась я.

– Долг платежом красен, – загадочно протянул Мастос. – А почти все мои ученики – крайне благодарные и щедрые люди.

Я взглянула туда, откуда тянулась вереница ремесленников. Где-то там, за верхушками елей, лежала Вуруста, а еще дальше – Ярвелл. До Атоса, живого и во плоти, оставалось рукой подать.

* * *

Вуруста напоминала муравейник. Высокие дома желто-серой кладки, красная черепица и бесконечный людской поток, заполнявший все свободное пространство.

Многие мастерские выходили открытыми окнами-порталами на улицу. Я с удивлением разглядывала массивные ткацкие станки и непонятные машины из дерева и железа для обработки посуды. Где-то в глубине этих комнат вздыхали печи или трещали прялки, а на порогах сидели мастера. Они криками подгоняли своих учеников и следили за торговлей, которая кипела тут же: на широких подоконниках были выложены всевозможные диковинки. Переливавшиеся невесомые ткани, глиняные миски с изумительной росписью, браслеты из дерева и кости. Покупатели подходили, оценивали товар, вертели его в руках и лениво протягивали мастерам монеты. Те кричали и торговались, надкусывали желтыми зубами

купы и махали рукой: «Будь ты проклят, скряга! Уж спасибо тебе за покупку. Приходи снова да приноси побольше денег».

Мои спутники не проявляли такого же интереса к Вурусте, как я. Слэйто снова замолчал, погружившись в раздумья. Мастос же оглядывался по сторонам почти с ненавистью. Заметив, что я за ним наблюдаю, монах виновато пожал плечами:

– Не люблю этот город. Он нечистоплотный.

Я тоже осмотрелась. Улицы были разве что не вылизаны. Булыжники мостовой блестели.

– По-моему, тут довольно чисто.

– Нет, Лис, не грязный, а нечистоплотный. Посмотри вокруг. Видишь ли ты разрушенные войной дома?

Удивительно, но, учитывая близость к столице, городок и впрямь был слишком идеальным. Мы видели столько сожженных селений – а Вурусты война словно и не касалась. Монах объяснил:

– Раз за разом сюда, под Ярвелл, приходили легионы: то один, то другой. И каждый раз Совет попечителей Вурусты откупался от армии. Один раз, второй, третий. Город не трогали, потому что он платил каждому захватчику звонкой монетой.

– Должно быть, жители тут богаты, – присвистнула я.

– А знаешь, за счет чего? – Старик устало потер переносицу. – Только очень зажиточный купец может отправить свое дитя к местным мастерам. Образование дорожает с каждым годом. Крестьяне и десять лет назад не могли себе позволить стать тут подмастерьями, а сейчас и подавно. Обучение, развитие талантов, помощь в получении мастерства – все это должно быть бесплатным. А вместо этого Вуруста превратилась в огромное чудовище, которое высасывает деньги. Кто их загребает? Знал бы я – свернул бы им шеи. – Старик сделал характерный жест, сжав кулаки и красноречиво их провернув.

Мимо прошла девушка-швея, за ней – парень-портной, потом совсем юный мальчик с деревянными ложками на поясе. Их всех объединяло одно – то, что читалось в горделивой осанке, новой, нештопаной одежде, свежей, незагорелой коже лица. Все эти подмастерья были городскими жителями. Не из тех, что с восьми лет не разгибают спину в поле. Конечно, не аристократы и даже не детишки первых богачей страны, но они определенно знали о голоде меньше, чем те сельские ребята, что провожали нас взглядами больших грустных глаз в последнем поселке.

Миновав лабиринт улочек, мы вышли к небольшому, но опрятному домику в два этажа. Кладка снизу покрылась пушистым мхом, вся

конструкция, казалось, угрожающе нависает над улицей. Однако в целом дом производил впечатление надежного строения из тех, что возведены на века.

Вокруг по улице носился, наверное, добрый десяток ярко-рыжих детишек. Они все были разного возраста, но похожи, словно капли росы. Возле ярко-зеленой двери стояла женщина и сосредоточенно чистила картофель в большой чугунный котел, то и дело покрикивая на детей. Достаточно было взглянуть на нее лишь раз, чтобы понять, что хозяйка – южанка самой чистой породы. Причем не с западного юга, где в далеком прошлом народ по большей части смешал свою кровь с крайнийцами. Нет, такими красавицами славится моя родина – юг восточный: Флавис, земли Зельдена, Вальдшнепье. Белая кожа, но не фарфорово – тонкая, а плотная и словно напитанная изнутри светом и теплом. Медные волосы женщины с приятным красноватым отливом были заплетены в толстую косу и перекинуты через шею на манер шарфа. Сама южанка, статная и высокая, казалась олицетворением природных сил. Ее дети – без сомнения, именно ее, – довершали картину.

Мастос подвел нас к хозяйке. Та заметила старика слишком поздно. Мне показалось, что на мгновение в ее глазах мелькнул испуг, но его быстро сменила настороженность. Едва взглянув на Мастоса, она перевела взгляд на меня и Слэйто, словно подбирая слова, но монах ее опередил:

– Никка, дитя мое! Давно не виделись. Позволь представить тебе моих друзей и вновь воспользоваться твоим гостеприимством. Мы направляемся в столицу по учительским делам.

Могло показаться, что последнюю фразу Мастос выделил, понизив голос. Но объяснение совершенно точно обрадовало Никку, она с облегчением вздохнула.

– Не могу же я отказать старику-учителю. Проходите, скоро будет суп. – Сказав так, женщина подхватила котел и скрылась в доме. Мастос посеменил вслед за ней, а мы со Слэйто остались. Похоже, гости у Никки собирались нечасто – дети плотным кольцом окружили нас и с жадностью разглядывали. Один сопливый малыш даже умудрился почти вытащить у меня из ножен меч.

Слэйто присел на корточки и спросил шестилетнего мальчика, чье лицо, словно брызгами, было усеяно крупными веснушками:

– А что же, папа ваш не рассердится, если мы у вас погостим?

Мальчишка облизал сухие губы и улыбнулся, продемонстрировав нехватку нескольких молочных зубов.

– Папа на шаробатках. Папа в штолице. – Малыш явно гордился своим

отцом.

Вперед вышла девочка постарше, лет двенадцати. По ней было видно, что она считает себя самой ответственной и умной в этой ораве, маминой правой рукой. Ей, видимо, вменялось присматривать за младшими братишками и сестренками. Она деловито приладила ладошкой вихры на голове малыша и сообщила:

– Не слушайте Пиррина. Он пока не очень умный. Наш папа не какой-то трудяга на сдельных работах, его пригласили в сам дворец – он мастер-штопарь. Перешивает гобелены, может очень искусно поправить дорогой ковер. Он много чего умеет!

– Какой молодец, – сказал Слэйто, чем вызвал у девчушки теплую улыбку. Впрочем, это могло быть и кокетство. В деревнях Слэйто спросом не пользовался. На вкус селянок он был слишком тощ: разве такой мужчина забьет свинью или нарубит дров так, чтобы хватило на неделю? Зато в городах мой маг притягивал взгляды скучающих барышень. Возможно, они принимали его тонкую кость и бледность за признаки аристократизма. А ведь известно, что никто так не мечтает о графе, как мещанка средней руки.

Вот и сейчас рыженькая девочка вдруг схватила Слэйто за руку и почти сразу же сморщилась. «Почувствовала нечеловеческий холод», – догадалась я. Перетерпев, девочка сжала пальцы и потянула Слэйто в дом. Маг шагал за ней покорно, будто лошадь на поводу.

Я последовала за ними, размышляя, хотел ли Слэйто когда-нибудь детей или боялся их так же, как и я. Сейчас это уже не имело значения, но вопрос сам по себе был любопытным.

В доме между тем готовились к ужину.

Детишки явно знали свои роли: кто-то рвал из большого горшка на окне салат, кто-то расстилал чистую скатерть, другие сновали с тарелками от большого серванта к столу и обратно. Кроме рыжих детей под ногами крутилась парочка толстых котов, все как на подбор такого же солнечного окраса. Посреди этого организованного спектакля возвышалась сама Никка, подобно громогласной богине, раздавая указания.

Пару раз за вечер я замечала неодобрительные взгляды, которыми, словно гребнем, прочесывала меня сверху донизу хозяйка, но причину ее неприязни понять не могла.

Когда на столе уже закончились и ржаные булочки, и картофель, запеченный с сырной корочкой и ягодами бузины, когда от окорока с клюквенным желе на подносе осталась одна подлива, а кисло-сладкий чай из кизила был разлит по разномастным чашкам, потек вялый разговор.

Хозяйка смотрела на своего бывшего учителя словно бы с недоверием,

а меня почти в открытую не замечала. Слэйто начал показывать детишкам, как сплести паутинку из ниток и бусин, и вовсе выпал из беседы.

– Заметила, как много крайнийцев на улице? – обратился Мастос к Никке. – Что слышно из столицы? Не тревожит ли это новоиспеченную королеву?

Женщина покачала головой.

– Говорят только, что разные княжества Края пришли на поклон к новому монарху Королевства. У них ведь по-прежнему нет единого правителя. Вот каждый мелкий князек и решил задаривать старуху, чтобы она потом продавливала его интересы на родине.

– А они тут бойню не устроят? Все-таки соперники.

– Вряд ли. – Никка тяжело поднялась и начала собирать посуду. – Они на чужой земле. Да и, говорят, один из генералов Крианны – крайниец. Думаю, эта свора скорее идет поглазеть на него.

Я скрипнула зубами, но, похоже, Никка этого не заметила. Неожиданно на подоконник широкого и низкого окна с улицы запрыгнул еще один кот. Он был толще прочих, выражение морды хранило диковатое выражение. К тому же кот был ранен: одно ухо порвано, а на щеках глубокие царапины.

– Кьюз! – воскликнула Никка и метнулась к окну. Животное тоже двинулось ей навстречу, подволакивая лапу. – Я уж и не ждала тебя живым!

Мастос подошел к коту и потрепал его по холке, но тот на каком-то интуитивном уровне перенял от хозяйки неприязнь к монаху, зашипел и замахнулся когтистой лапой. Старик едва успел убрать ладонь.

– Ну, тише, тише. Сильно тебя подрали, дружище. Это где же его так?

– В Ярвелле, – чуть слышно сказала Никка. – Простите, мне надо залечить его раны.

Она подхватила огромного кота в охапку, словно пушинку. До чего же складно смотрелась вместе эта парочка: огромная рыжеволосая женщина и такой же огненный кот-великан! Перекинув его через плечо, Никка скрылась на втором этаже.

Я не подала виду, но меня смутило, что кот далековато загулял. Прогулка между городами – это вам не шутки.

Мастос уже зевал, да и Слэйто явно вымотался. Он негромко рассказывал что-то двум парнишкам Никки. Те слушали с открытыми ртами, но под его плавный рассказ моргали все медленней. Я же тихонько выскользнула из дома в душную ночь – решила немного пройтись, а на обратном пути поймать Никку и расспросить хорошенько. Не то чтобы меня смущала людская неприязнь, но было бы нелишним узнать, за что

меня так откровенно презирают.

Многие мастерские не закрывались даже на ночь. Усталые, с покрасневшими глазами подмастерья подкидывали уголь в огромные домны. Жужжали невидимые прялки. При свете слабой лучины немолодая женщина вышивала бисером подол дорогого платья. Проходя мимо нее, я вдруг вспомнила рассказы бабули. Якобы моя тетка так искусно шила, что могла за ночь вышить на корсете дракона, настолько похожего на настоящего, что к утру он улетал. Это, конечно, были старушечьи байки, но я видела пару платков, которые остались в наследство от тетушки, – работа и впрямь выглядела изумительно. Да и мама частенько говорила, что, не опозорь ее сестрица семью, ту отправили бы учиться на придворную вышивальщицу. Интересно, хватило бы моим родным денег на оплату обучения в Вурусте?

Когда я подошла к дому Никки, меня поджидал сюрприз. Искать хозяйку в доме не пришлось – она сидела снаружи и стирала какие-то детские вещички в огромном корыте. Рядом на влажной скамье лежал огромный кусок щелочного мыла, и прачка его не жалела – мыльная пена под ее усердными руками сбилась в плотную шапку. Никка заметила меня, но поспешно отвела взгляд. Впрочем, я уже присмотрела для себя старую колоду возле скамьи.

– Не против, если я присяду? – поинтересовалась я больше для успокоения совести – все равно бы села.

– А, леди-рыцарь, – тихо произнесла Никка. – Чего это вам тут понадобилось посреди ночи? Я таких, как вы, знаю, вы стиркой исподнего не занимаетесь.

Отступить было поздно – хозяйка вознамерилась затеять ссору. Я не собиралась ей потакать, поэтому миролюбиво спросила:

– Вы «таких, как я, знаете»? А я-то думала, нас на все Королевство двое: я и генерал Секира в Ярвелле.

– Как бы не так! – вскинулась хозяйка, еще усерднее взбивая мыльную пену. Ее руки ходили, словно поршни, казалось, еще чуть-чуть, и она разорвет те тряпки, что стирала, на клочки. – Сейчас в какой легион ни сунься – везде леди-рыцари. Это... модно! – Последнее слово прозвучало как плевок.

Новость искренне меня удивила. Оказывается, пока мы со Слэйто и Аэле галопом спешили в Волчий сад, положение женщин в армии менялось.

– Да ну? И неужели все они – такие мастерицы боя?

– Потаскухи они, вот кто! – Выкрикнув это, Никка внезапно

испугалась и взглянула на темные окна: не разбудила ли детей. И продолжила злым шепотом: – Мастерицы кроить себе доспехи, не скрывающие зад, да искусно мазать морды румянами. Я уверена, что половина этих «рыцарей» набиралась из борделей. Но кто скажет им слово против? Мужики язык на плечо закинули и плетутся за ними, как привязанные.

Я взглянула на нашу хозяйку искоса.

– Так вот, значит, в чем дело?

Она с силой опустила руки в мыльный раствор и принялась разглядывать сквозь пену свои длинные тонкие пальцы.

– А чего скрывать? Слышала я, как Пиррин сказал вам: «Папа зарабатывает». Нет, дорогуша, папа не пашет, как вол, в Ярвелле. Папа в легионе Алых Маков обхаживает их Сапфирчик. Так эти новоявленные леди-рыцари себя называют: Изумрудик, Рубинчик, Топазик. Совсем как в притонах.

Я кивнула. Жрицы любви частенько брали вместо имени красивый псевдоним, и чем больше блеска, тем лучше – драгоценные камни были вполне в их духе. Никка успокоилась и замолчала, поэтому я все-таки решилась на вопрос:

– Неужели твой муж бросил тебя с детьми и укатил в легион? Ну он и мерзавец!

Никка рассерженно швырнула тряпки в воду, да так, что окатила меня мутной пеной. Затем уперла натруженные руки в бока.

– Если бы! Нет, он явился ко мне на порог и заявил: «Не изменял и не буду! Но душой не люблю больше. Детей не брошу, тебя не брошу, но врать не могу. Люблю Сапфир, поэтому считаю себя предателем твоей любви и твоего доверия. Как скажешь – так и поступлю».

– А ты?

– А что я... Орала, бесилась, кричала ему: «Хоть вешайся! Хоть удавись!». Так ведь он, дурень, даже веревку побежал искать. – Эти слова Никка произнесла с некоторой нежностью. – Потом остыла и наказала возвращаться в легион и предложить Сапфирчику свою любовь. Коли примет, пусть вместе жизнь строят – кто я такая, чтобы им мешать? А коли нет – я и все дети тут его ждем. И простим. Прощу.

Деньгами он нас не обидел, и сейчас еще высылают. К тому же свои нас не бросят... – Никка сказала это и осеклась. – Свои – в смысле родня. Но я вот, знаешь, нет-нет, да и мечтаю, чтобы эта Сапфирчик нашла себе ухажера побогаче и помоложе, бросила моего увальня, а он бы вернулся. Представляю, как корить его буду, как все припомню. А потом обниму

крепко-крепко...

Она уставилась на меня невидящим взглядом, словно вспоминая сцену прощания с мужем. А я поразились тому, насколько мудры бывают женщины Королевства и как великодушны. Куда там богине Элее в вопросах любви до такой вот простоволосой Никки с руками в мыльной пене?

– А все равно урод он редкостный, твой муженек, – сказала я то, что она хотела услышать. Это было правилом негласного женского кодекса солидарности.

– Урод, – тихо согласилась Никка и подняла на меня взгляд. – А ты ничего так. Не противная. Не красишься, как потаскушка, мужиков не цепляешь и, похоже, в самом деле умеешь мечом махать. – Она указала на корундовый клинок в ножнах, которые я сняла и прислонила к стене.

– По части мужчин – это не ко мне, – уныло согласилась я. – То ли мама чего важного в детстве не объяснила, то ли просто удачи нет.

Никка хитро улыбнулась и кивнула на дом.

– Ты из-за него, что ли, переживаешь? Брось. Со стороны видно, как он в тебя влюблен, аж дышать боится.

– О боги, я очень надеюсь, что ты сейчас не про Мастоса!

Мы расхохотались, но, спохватившись, начали зажимать ладонями рты, чтобы не разбудить детей. Когда мы успокоились, я спросила Никку, надеюсь, что мой голос не выдает сильного волнения:

– Ты правда думаешь, что Слэйто что-то чувствует? Ну, ты понимаешь... Ко мне?

– Конечно. Стоит тебе отвернуться, так и сверлит взглядом. Равнодушный так себя не ведет. Может, цену себе набивает, а может, какую чушь в голову себе вколотил. Поговорить вам надо.

– Некогда мне с его заморочками разбираться, – мрачно вздохнула я. – Вот закончим в Ярвелле, и тогда...

Даже себе я не могла сознаться, что не хочу заводить разговор совершенно по другой причине. Задав вопрос, ты наверняка получишь ответ. Какие у меня шансы, что он мне понравится?

Вдруг Никка наклонилась почти к самому моему уху и сжала мокрыми пальцами плечо.

– Я сейчас тебе кое-что скажу, а потом пойду спать. И ты меня больше ни о чем не расспрашивай и завтра об этом не заговаривай. Мне за такое грозят неприятности, но...

Она беспокойно огляделась, а затем прошептала:

– Мастос совсем не тот, за кого себя выдает. Не доверяй ему.

Никка поднялась и быстро скрылась в доме, оставив меня гадать, с кем же я бок о бок иду в столицу.

* * *

Мы выдвинулись в столицу на рассвете. Я не спала всю предыдущую ночь. Разговор с Никкой не шел у меня из головы. Мало того, что мы направлялись туда, где нас поджидали крайне опасные противники, так и в моем маленьком отряде затаилось неведомое зло. Я, конечно, всегда была излишне подозрительной, и за последние годы это качество только усилилось. Вот только Слэйто не верил Мастосу с самого начала, поэтому списать все исключительно на мои страхи не выходило.

Мы миновали лес. Деревья расступились, и теперь впереди, насколько хватало глаз, расстилались лоскутными покрывалами поля: засыпанные солью, выжженные дотла, истоптанные конницей. Здесь ничего не будет расти еще долгие годы. Земля не родит урожая, люди не смогут прокормить себя. И потянутся с востока обоз за обозом: мука, сливы, картофель – пропитание для целого региона, вот только надолго ли его хватит? На год? Два? Десяток лет?.. Я вздохнула и только тогда заметила, что все это время Мастос вел со мной оживленную беседу.

– Волки очень преданные животные. Вы, может, и не слышали, но, однажды образовав союз, самец уже никогда не оставит самку, – нудел старик. – Это в их природе – любовь до скончания жизни. Они охраняют семью и не позволяют пришлым чужакам ее разрушать. Что примечательно, и волчицы хранят верность своему избраннику до самой смерти. Даже после гибели спутника волчица не будет искать ему замену.

– Очень увлекательно, – сказала я кисло. Своей болтовней монах словно пытался сделать наше со Слэйто молчание менее угнетающим. Сегодня он трепался больше обычного, а я, когда не отвлекалась на выжженные поля, пыталась выловить из его рассказов хоть малую крупицу правды о том, кем Мастос являлся на самом деле.

– У лисиц же история иная. Обычно это довольно верные животные. Но в случае гибели лиса его верная спутница быстро находит замену из числа наиболее сильных и молодых самцов. А иногда папаши-лисы и вовсе растят чужих щенков...

– Может, хватит? – обиделась я за честь своих тезок. – Тебя послушать, так лисицы какие-то жеманные кокетки, а волки – пример для подражания.

Монах успокаивающе вскинул ладони: мол, сдаюсь. Но меня было

трудно провести. Мастос неспроста завел свою историю про волков и лисиц. Хотел ли он поддеть меня?

– Я просто пытаюсь тебя подбодрить, дитя. Вся моя жизнь – это подборка старых историй из запыленных книг, ведь я учитель. По-иному развлекать не умею, – покаянно протянул Мастос и истрепанным рукавом протер мундштук своей новой, вновь-не-слишком-симпатичной трубки. Ей было, наверное, не меньше лет, чем самому монаху, и вся ее поверхность была изрезана, исплевана, исколота и загажена. Но Мастос с самого начала трепетно относился к своему сокровищу.

А чего стоил запасной кисет, который завел старый учитель? В первом хранился мятный табак. Во второй монах прятал искуренные остатки самокруток, на которые перешел, когда потерял свою старую трубку в одном из ночных переходов. Сказать по правде, не то чтобы потерял. Насколько я знаю, ее зарыл где-то Слэйто. Как наркомана со стажем, его безумно раздражали привычки других зависимых людей. Сначала он долго жаловался, что мятный дым разжижает его мозги, потом предпринял диверсию, закопав трубку. Мастос повздыхал и перешел на самокрутки. И каждый измятый узловатыми пальцами окурочек теперь уходил в запасной кисет. В Вурусте у кого-то из подмастерьев Мастос приобрел себе трубку взамен старой. Я даже немного порадовалась, заметив, какая буря страстей запылала в глазах Слэйто, когда он увидел нового «уродца». Все-таки на какие-то переживания маг был еще способен.

Сейчас Слэйто сильно обогнал нас, чтобы спастись то ли от унылых разговоров и мятного дыма, то ли от меня. Я с тоской взглянула ему вслед.

– Ваш разлад тревожит меня, Лис. Нам понадобятся все силы, чтобы осуществить задуманное. А Слэйто, он словно... Словно напуган, как маленький капризный ребенок. Он испытывает твоё терпение. И если оно не так крепко, как я надеюсь, быть беде, – заметил Мастос.

– Просто старайся не вступать, – чуть грубее, чем следовало, ответила я. Отецеская забота Мастоса была мне в тягость. Имеющиеся у меня подозрения делали любое проявление нежности наигранным. Да и мой настоящий отец был скуп на сантименты, и теперь я воспринимала подобное покровительство как вторжение в свою личную жизнь. – Я разберусь. Со всеми. Со Слэйто, с Атосом, с Алайлой. Мне хватит сил.

Ох, я врала старику. Легко бороться со злом, чье лицо тебе неведомо. Легко побеждать злодеев, о чьих ужасных делах ты знаешь не понаслышке. Но не дрогнет ли рука, когда доведется занести меч над братом?

В прошлом мне уже пришлось убить друга. Капитан легиона Алой Розы Кэрк, чей меч я носила с собой, был одержим проклятым ключом. Он

перебил половину отряда, и я должна была его остановить. Легко ли мне жилось с этим воспоминанием? Должна признать, что легче, чем следовало. Боль почти стерлась из памяти, и, ради богов, будем честны: кем был Кэрк в моей жизни? Ролевая модель, отличный собеседник, просто хороший парень, луч света во тьме нашего легиона. Он во многом помог мне, и именно благодаря ему я находилась там, где была сейчас. Но... Это ужасное «но». Убить Кэрка, свалить все на проклятый артефакт и Алайлу и в попытке отомстить снять с себя всю ответственность. Это было легче, чем просто легко.

«Попробуй убить Атоса», – прошептал внутренний голос. Взглянуть в глаза своему наставнику. Убедиться, что любовь к проклятой леди Алайле в нем сильнее голоса разума. Попробуй убить не просто друга, а брата или даже кого-то более родного.

– Ора-ва-дэш! – выругалась я так громко, что Мастос сбоку испуганно дернулся. Его знаний заокраинского должно было хватить, чтобы перевести эту немудреную брань. Смысл сказанного дошел до него не сразу, но, как только фраза уложилась в голове, кончики ушей монаха моментально порозовели.

Забавно, но стоило выругаться, как перед нами, будто по волшебству, за очередным полем выросли серые зубцы крепостной стены Ярвелла.

Меня всегда удивляла любовь людей к большим городам. За всю свою жизнь я, конечно, побывала не во всех. Пожалуй, лишь Ларосс и Штольц могли называться настоящими большими городами, да и Вуруста тоже. Я никогда не считала себя селянкой, но и горожанкой прослыть не довелось. Не уверена, есть ли такая фраза, но как особенное явление «житель замка» определенно существует.

И вот я наконец-то увидела великолепную столицу нашего Королевства – Ярвелл. Город городов, жемчужина страны, исконная столица, где испокон веков находится престол наших монархов. Мне так часто и так красочно описывали Ярвелл, что я уже приготовилась зажмуриться, чтобы не ослепнуть от его сияния. Но, как и со всеми большими городами в моей жизни, меня вновь ждало разочарование.

Одинаковые дома тянулись, сколько хватало глаз. Высокие, заслоняющие собой небо, а иногда и смыкающиеся над головой безобразными арками. Все строения были возведены из желтого крошащегося кирпича. То тут, то там он осыпался целыми блоками, оголяя деревянные скелеты домов. Лошади копытами разминали выпавшие обломки, и все дороги, что ветвились подобно змеям, были покрыты желтой дурно пахнущей пылью. Окна здесь распахивались настежь, и

душная вонь улиц смешивалась с чадом помещений, где готовили пищу или то, что местные за нее принимали. Открытые створки находились на уровне глаз, и даже если ты не хотел, то поневоле становился свидетелем быта жителей Ярвелла. Быта бедного и убогого, но непохожего на нищету, в которой прозябала деревня.

Я вспомнила небольшой домик Филадельфия – сколько усердия было вложено в то, чтобы окружить себя недорогими, но красивыми и милыми сердцу вещами! А то, что я видела в распахнутых окнах Ярвелла, больше напоминало свалку. Поломанная мебель, гниющие доски стен, обозленные и мрачные люди, живущие в этой угнетающей обстановке. У многих вместо кроватей вдоль стен валялись тюфяки, на которых ютились дети. В паре домов посреди комнат были сооружены очаги, на растопку которых шла, судя по всему, мебель. Резные ножки стульев, дверцы этажерок – все это кучей дров было навалено возле угольев, огороженных от остальной обстановки теми же желтыми кирпичами.

Пока мы шли по дороге ко дворцу, мне вслед то и дело несло: «Чего уставилась?!», «Ступай куда шла» или просто бессмысленное «У-у-у!». Весь город был пропитан злобой, грязью и ненавистью.

– Мастос, скажи, что мы сейчас в самом нищем квартале и такой ад творится не повсюду, – нервно попросила я монаха, отскочив от очередной порции помоев, которые одна из жительниц верхних этажей решила вылить прямо нам на головы.

Монах почесал бороду и ответил:

– Конечно, в Ярвелле есть квартал знати, но то, что ты видишь здесь, Лис, скорее обыденность, нежели исключение. Все эти люди живут очень бедно, а отсутствие денег вынуждает их быть злыми и вечно недовольными. Попробуй повеселись, когда желудок пуст, а одежда истрепалась в лохмотья. Жители Ярвелла, как это ни странно, стали самыми пострадавшими заложниками этой войны – хотя за все ее время столицу ни разу не разграбили.

– Они оказались в изоляции, верно? – Слэйто вслух подтвердил догадку, пришедшую на ум и мне. В последние дни маг выглядел собранным, и то, что он принял участие в разговоре, я восприняла как чудо.

– Да, жители столицы никогда не выращивали хлеб, не ткали, не занимались работой по металлу или дереву. Все, что они умели, – это держать в руках вожжи и подгонять трудяг из других городов Королевства. Пройдитесь по улицам, и вы не найдете ни одного мастера. Зато наверняка повстречаете пару крючкотворцев, десяток ростовщиков да с полдюжины писарей. У них бывали сытые времена, когда неграмотные крестьяне

сгоняли свои отары к воротам Ярвелла. Но как только старый король умер, цениться начали те, кто мог выковать меч, вырастить зерно или выучить солдата. А таких в столице почти не было.

Мастос ухмыльнулся и посмотрел на спешащих мимо прохожих. Только сейчас, прекратив разглядывать обстановку домов через открытые окна, я обратила внимание на то, что горожане были не просто грязны и неухожены. Они были измождены. Более тощие, чем селяне, с ввалившимися глазницами и строго поджатыми растрескавшимися губами. То, с каким наслаждением и издевкой смотрел на жителей Ярвелла Мастос, было мне неприятно.

– Ярвелл не грабили, ведь здесь с короной на подушке сидел Совет мудрецов. Да и кто из претендентов на престол не видел себя в роли короля? Зачем же рушить свою будущую столицу, зачем воровать у себя самого? – продолжил старик. – Проблема была в том, что грабили и жгли другие земли. Поначалу каждый житель Ярвелла довольно потирал руки: меня обошла беда, пусть глупая деревенщина страдает, а я отсижусь тут за крепкими стенами. Но радость длилась недолго, ведь скоро каждому региону пришлось выживать самостоятельно. Никто уже не думал о барышах, которые можно получить, снабдив столицу едой, – самим бы не пропасть. Припасы, ткани, скот – все уходило в ненасытные легионы. Люди редко задумываются, насколько прожорливое чудовище война. Она пожирает не только пищу и кров, она ест людей, съедает целые поколения. А после подбирает души выживших, оставляя лишь пустую внешнюю оболочку.

Старик вздохнул. Где-то неподалеку зазвучала громкая перебранка. Женский визг оборвал смачный удар. Я поежилась.

– Жителей Ярвелла бросили без средств к пропитанию и существованию. Закрыли, будто банку с пауками, и предоставили самим себе. То, что ты видишь сейчас, – это уже жизнь. Пару месяцев назад было намного хуже. Но горожане оживают. Все еще озлоблены, но уже не изолированы. Правда... – Мастос запнулся, проследив взглядом за вихрастым мальчишкой, который нес на плече пару голубей со свернутыми шеями. – То, что породила в жителях Ярвелла война, не исчезнет в одночасье. Старуха Крианна не вылечит это хлебом. Нынешние дети и дети их детей – все они будут помнить голод и страх. И ненависть, конечно.

Старик замолчал и отстал. Мы со Слэйто прошли вперед. Справа от нас запахнулась дверь, судя по вывеске, ведущая в кабак «Тромбон и гусь». На улицу вышвырнули человека – тот рухнул прямо в коричневую лужу, попытался встать, но не смог, да там, среди нечистот, и затих.

Я хотела пройти мимо. Время, как всегда, утекало сквозь пальцы, а ведь нам еще предстояло придумать, как попасть во дворец. Но, скользнув взглядом по грязной шевелюре старика, лежавшего лицом вниз, я остановилась. Меня передернуло: крайниец – старый, запаршивевший и, похоже, вшивый. Чувство некоего родственного долга толкало меня помочь старику, но брезгливость мешала к нему прикоснуться. Так я и стояла, раздираемая противоречивыми чувствами и мучимая стыдом за них.

Тем временем на крыльцо вышел кабатчик. Такого никогда не спутаешь с завсегдатаем или простым слугой. Пожелтевший от времени фартук, чей карман оттягивают монеты, тряпка для протирания стойки, от одного вида которой тошнота подкатывает к горлу, надменный вид, словно все вокруг – случайные посетители его кабака, а он король и бог этого мира. Черные с солью бакенбарды так густо росли по обе стороны его лица, что больше напоминали двух мертвых зверьков, прилипших к обвислым щекам.

Мужчина смерил меня взглядом и усмехнулся. Я все еще стояла в растерянности, в то время как Слэйто склонился над стариком и пытался привести его в чувство. Мастос задержался на другом конце улицы и не спешил подходить к нам, заинтересованный какой-то вывеской.

– Готова поспорить, будь у этого человека кожа светлее, а волосы не пепельными, а черными, как у тебя, ты бы не посмел вышвыривать его, будто собаку, – процедила я сквозь зубы.

Кабатчик удивленно вскинул черные густые брови.

– А маленькая госпожа-рыцарь считает, что у крайнийцев в Ярвелле особые привилегии? В «Тромбоне» мы вышвыриваем за порог и белых, и черных. Ха, да я бы самого Войю вышвырнул, если бы он решился лапать моих девочек! – Кабатчик сплюнул темную от жевательного табака слюну на мостовую и посмотрел на меня, впрочем, как мне показалось, без особого злорадства.

Между тем Слэйто не то чтобы поднял, а скорее выволок старика из лужи и теперь тщательно обтирал испачканные руки о стену. Решив, видимо, что желтая пыль лучше коричневой грязи.

– Думаю, я должна сказать «извините», – неловко заговорила я.

Кабатчик махнул огромной ладонью.

– У нас тут много тех, кто подсыплет тебе яду, если твоя кожа не того цвета или твой костюм... – Он многозначительно указал пальцем на мой фаранк. – ...чересчур вызывающий. Но не я, госпожа. Если слишком тщательно выбирать клиентов – тот пойдет, а этот не очень – рискуешь остаться не у дел. Но крайнийцев в последние дни много, это правда. И, как

среди всякого племени, среди них полно сорного семени.

Последнюю фразу кабатчик произнес в рифму и сам рассмеялся тому, как ловко это вышло. Я вопросительно на него взглянула. Первое впечатление прошло, мужчина уже не казался мне ни надменным, ни противным – нет, он начал вызывать симпатию.

– Новая королева – новые правила для всех, госпожа. Крайнийцы едут договариваться с Крианной, да только притащившись в Ярвелл многие ведут себя совсем не как гордые дети степей. Наши женщины кажутся им доступнее своих, а наше вино бьет в голову сильнее крайнийской отравы.

– Кас-кас, – мечтательно проговорила я. – Сто лет не пила настоящего кас-каса. Удивительно, что настолько крепкий напиток так легко ложится на язык и так нежно кружит голову.

Кабатчик набычился.

– Кас-кас ваш – пойло для мулов! Впрочем, пусть лучше бы хлебали его. От нашей браги крайнийцы совсем дуреют. Насильничают девок, бьют стекла. Мне всегда было плевать на все эти расовые предрассудки. – Хозяин кабака примолк, пропуская забулдыгу, который вывалился из дверей заведения и нетвердой походкой направился вдоль улицы. Затем продолжил: – Но скажи на милость, госпожа, почему я должен спускать кому-то подлость только из-за цвета его кожи?

Я с усмешкой кивнула на Мастоса, который все еще торчал где-то за пределами видимости кабатчика.

– Я знаю отличных крайнийцев.

– А я знаю омерзительных жителей Королевства, чья кожа белее снега. Так вот, насильник, что белый, что черный, заслуживает одного обращения. – И кабатчик сжал ладонь в кулак, который был размером с мою голову, не меньше.

Я попыталась сдержать улыбку, но не смогла. Потом кивнула черноволосому мужчине и произнесла:

– Ну что ж, добрый господин, буду иметь в виду, что если захочу выпить в самом терпимом к иноземцам кабаке Ярвелла, то мне надо в «Тромбон и гусь». Тут я получу все, чего заслуживаю, и неважно, что на мне надето. – Я развернулась, и мы со Слэйто продолжили свой путь, надеясь, что Мастос нас все же догонит.

– Хорошеньким девушкам у нас вино отпускают дешевле! – прокричал мне в спину кабатчик.

Впереди уже виднелась высокая крепостная стена замка Ярвелла. Ветер трепал потертый флаг с геральдическими лилиями, двумя розами и двумя перекрещенными мечами, символизировавшими королевскую линию всей нашей многострадальной страны. Королевство и само напоминало этот флаг: выцветший, местами истертый до дыр, но гордо реющий на ветру.

Мастос не стал задерживаться у кабака, он пошел в обход и сильно обогнал нас, а теперь стоял и любовался замком. Я неслышно подошла к Слэйто и положила руку ему на плечо. Маг вздрогнул и печально мне улыбнулся.

– Боишься? – спросила я.

– Разве там, за стенами, нас ждет кто-то страшнее Поглощающего или богини? – В тон мне шутливо ответил Слэйто, но я почувствовала, как по его спине волной прошла дрожь.

– Может, и страшнее. Там меня ждет мое прошлое.

– И наше будущее, – добавил подошедший Мастос. – Но ждет оно, увы, вас, а не меня.

Я с удивлением посмотрела на старика. Ветер трепал полы его монашеского одеяния. Мастос был так худ, что, казалось, каждый новый порыв грозит сбить его с ног.

Но сейчас в глазах монаха светилась какая-то незримая сила, мощь, он больше напоминал воителя, чем беспомощного старца.

– Лис, не удивляйся. Ты же еще до Волчьего сада таила подозрения. И раз за разом они наполняли чашу твоего терпения, да так, что рано или поздно хлынуло бы через край...

– Что ты...

Но старик прервал меня властным движением руки. Слэйто почти незаметно вышел чуть вперед, встал вполборота к Мастосу, словно нас разделяя. Этот жест покровительства и защиты с его стороны меня разозлил. Между тем старик продолжал:

– Я часть твоей истории, милая. Я был задолго до и буду после. Мы еще встретимся, но больше не увидимся.

– Ты несешь чушь, – сказала я, чеканя каждое слово, – и пугаешь меня. Я не понимаю ничего из сказанного тобой.

Мастос улыбнулся и сделал шаг вперед, попутно доставая что-то из кармана. Слэйто резко вскинул руку, воздух вокруг заискрил и налился магией, но старик всего лишь протянул клочок бумажки. Я опередила мага и схватила белый квадратик первой. На нем торопливым, но удивительно изящным почерком было выведено в столбец несколько коротких слов.

– Изначально имена были написаны не моей рукой, – сказал Мастос и попятился. – Пришлось переписать, столько лет ведь прошло.

Я наконец оттолкнула Слэйто и шагнула навстречу старику, помахав бумажкой у него перед носом.

– Что именно я узнаю? Что мне с этим делать?

– Я врал тебе, Лис. Я совсем не тот, за кого себя выдаю. Но я знаю о том, что происходит, не больше твоего. – Монах, или кем бы он ни был, вздохнул, словно пытаясь собрать воедино мысли. – Я сделал, что должно, – то, о чем меня просили. Но на этом моя миссия не закончена. Я буду присылать тебе письма. Про них.

Старик узловатым пальцем указал на бумажку. Я чертыхнулась. Происходило нечто абсурдное, и было это крайне не вовремя. Все мои мысли сейчас занимало то, что таилось за стенами крепости Ярвелла: моя грядущая встреча с Атосом и Алайлой. Для своего безумия Мастос избрал самый неудачный момент.

– Хорошо, – медленно, словно беседуя со скорбным духом, произнесла я. – На листке имена, и сейчас ты собираешься уйти, чтобы потом слать мне письма про этих людей. Так? Почему же ты не можешь рассказать о них прямо сейчас? Или отдать написанное тобой?

– А ты все еще не поняла, милая? – Мастос тревожно заозирался. – Мы ведь не одни с тобой играем в эту игру. Я долгие годы собирал эти истории, но если бы все они хранились у меня... – Старик нервно засмеялся. – То они могли бы убить меня и сжечь все мои труды. Тогда все эти знания не дошли бы до тебя и не спасли бы Королевство.

– Что еще за «они»? – не выдержал Слэйто.

– Они. Проклятый народ. Дети короля-медведя. Те, кого вы зовете зверолоудьми.

– Так какого же Войи ты молчал, если знаешь о них и у тебя есть что-то, что поможет с ними бороться? – сквозь зубы прошипела я. Пойми я раньше, что Мастосу известно о монстрах, – давно бы отправила его к Гардио или Извель. Куда угодно, лишь бы подальше от себя.

– Потому что вся жизнь – это бусины, – просто, словно прописную истину, произнес старик.

Я растерялась. Рука против воли метнулась к груди, туда, где раньше в броню были вплавлены бусины Карамина. Бусин не было, как и самой брони, но их образ продолжал меня преследовать.

– Нельзя перескочить с первой бусины к последней, Лис. Все в мире подчинено порядку, и тот, кто решится его нарушить, рискует разорвать нить и рассыпать бусины жизни так, что никто уж и не соберет. – Старик

нервно сглотнул. – Пока тебе следует помнить одно. Тот листок, что ты держишь в руках, – ключ к победе. И вот еще что.

Старик закатал рукав рубы и показал запястье. На дряблой, покрытой пигментными пятнами коже неявно проступала татуировка: какая-то хищная птица, расправившая крылья. Со временем синие чернила выцвели, и то, что раньше представляло четкий рисунок, сейчас можно было угадать лишь по контурам.

Я подняла взгляд на лицо старика. Он был так серьезен, так сосредоточен, что я рассмеялась.

– Храни тебя все боги, Мастос. Милая татуировка, не знаю, что еще сказать.

– Это знак и маяк, он просил показать его тебе, – упрямо произнес старик.

Раскатав рукав, он вдруг резко развернулся и пошел прочь – от замка и от нас.

– Думаешь, нам следует задержать его? – спросил Слэйто. Было видно, что от всего увиденного ему не по себе.

– Какой в этом толк? Дед спятил, чем он нам поможет там? – Я кивнула на крепостную стену.

– А вдруг он правда знал что-то про зверолодей? Может...

– Нет, – резко прервала я мага. – Сначала Алайла, все остальное потом. Если я начну думать обо всем сразу, у меня взорвется голова.

Маг кивнул.

Мастос уже скрылся из виду, и мне вдруг стало горько от мысли, что больше я его не увижу. Последние недели я изводила монаха, срывала на нем злость за то, что наши со Слэйто отношения рассыпались в прах. Возможно, именно мои придирки и плохое настроение окончательно свели его с ума?

Я бегло прочитала имена на листке: Роуэн, Ос Эстос, Леди Удача... Нет. Ничего. Я не знала людей с такими именами, даже не слышала о них никогда. Разве что последнее в списке: Ирэне. Популярное южное имя. В моем замке так звали трех служанок. Как этот список мог на что-то повлиять? Справа на листке, напротив перечня, была схематично изображена башня с голубкой, но не было ясно, относится она к какому-то из имен или ко всему списку в целом.

– Ну уж нет! – сказала я так громко, что Слэйто подпрыгнул и воззрился на меня с удивлением.

– Нет, – повторила я чуть тише. – Мы идем в замок. Все остальное подождет.

– И как ты намерена туда попасть? – поинтересовался он. – Стены выглядят неприступными.

– Зачем нам лезть на стены, когда ворота открыты? – удивилась я, указывая на опущенный подвесной мост надо рвом, который опоясывал замок. – Странные вы, мужчины, существа. Если битва, так до смерти. Если стены, так штурмовать. Если девушка, то только неприступная. А если леди не против, то вам и не интересно, – не без горького сарказма заметила я.

– Просто... – стушевался Слэйто. – Ну зайдем мы в главные ворота, а вдруг там армия? И что будем делать? У меня есть силы, но против даже двух десятков подготовленных и ожидающих боя людей один я не продержусь.

– Как будто если мы полезем на стену, армии гарантированно не будет, – усмехнулась я. – Это не та миссия, в которой у нас есть шансы, Слэйто. Тут либо пан, либо пропал. Я попытаюсь вновь вызвать Алайлу на честный бой. Один раз я ее победила, думаю, что смогу сделать это снова. Если только она не откажется.

– А что же Атос? – тихо произнес Слэйто, смотря себе под ноги.

– А Атоса я убить не смогу, – честно призналась я, – и тебе не позволю. Поэтому давай надеяться, что Алайлу мы повстречаем первой.

Мы двинулись к воротам замка. Поднятая тяжелая решетка напоминала частокол острых зубов, придавая проходу сходство с голодной ощерившейся пастью. Мне предстояло встретиться со своим прошлым, и я была рада, что иду не одна. Не глядя на Слэйто и почти без надежды я попыталась нащупать его ладонь. Удивительно, но он поймал мою кисть и легонько сжал ее. Страх отступил.

Имя второе: Кремень

Никаких стражников, охраняющих королевские ворота, – это первое, что я отметила. Затем то, что мы были не единственными, кто вошел в крепость. Праздные гуляки, несколько мечников, булочница с корзиной свежее испеченного хлеба. Замок, в котором сейчас находилась самая могущественная женщина Королевства, возвышался на расстоянии пары десятков шагов – и полное отсутствие охраны?

– Теперь ясно, – произнес Слэйто и указал на пару солдат в белых с зеленым кантом плащах. – Они набирают рекрутов, поэтому вход свободен. Удачно мы зашли, Лис. Хорошо бы везение продолжилось.

И вправду: легионеры Белого Чертополоха, одетые в форму своих цветов, расспрашивали о чем-то двух мечников, которые вошли чуть раньше нас. Один из солдат даже старательно записывал что-то, умудряясь держать и свиток, и перо с чернильницей на весу.

– Давай притворимся рекрутами, – тихо предложила я Слэйто. – Наверняка за отбраковкой солдат следит командование. Лучшего шанса может и не быть.

Маг неопределенно кивнул, стараясь на меня не смотреть. Вот проклятье! Глаза его опять были красными. Когда он успел принять элеевых слез? Наркотик, который простым смертным дарил уверенность в своем всемогуществе и быструю кончину, наделял мага невероятной силой. Конечно, Слэйто готовился к встрече с Алайлой и Атосом, но я была почти восхищена его талантом принимать дозу настолько незаметно.

Между тем мечники отошли от солдат и скрылись за каменной аркой где-то в глубине двора. Слэйто воспользовался этим и приблизился к легионерам.

– Мы слышали, у вас идет набор, – дружелюбно сказал он. – Хотели с подругой попробовать свои силы на службе новой... Простите, истинной королеве.

Солдаты переглянулись. Слэйто не производил впечатления грозного вояки.

– Мы ищем местных жителей для охраны дворца, приятель, – сказал легионер помоложе. – Стараемся дать работу жителям Ярвелла. А вы похожи на пришлых. И, прости, конечно, но слабо верится, что сабля твоя... – он указал на перевязь Слэйто, – для боя, а не просто для красоты.

Я уже давно перестала врать себе насчет собственной скромности – во

мне всегда прятался демон публичности. Я была показушницей в худшем значении этого слова. То, как я перескочила через Атоса во время нашей первой битвы... Все эти драматичные и театральные жесты... а если копнуть еще глубже, то вся история моих злоключений началась с того, что я решила продемонстрировать свое мастерство владения мечом одному юному лорду. Но жизнь преподает уроки только внимательным ученикам, а я была прогульщицей.

Поэтому в один короткий миг я выхватила меч с перевязи, другой рукой выдернула из ножен кинжал и резким движением рассекла кожаные ремни, удерживающие оружие солдат. Не успели тяжелые ножны упасть на землю, как оба клинка уперлись в горла легионеров.

– Вашей королеве нужны писари и крючкотворцы или настоящая охрана? – спросила я. Парни хватали ртом воздух. Тот, что был пошустрее, ощупывал рукой пустоту на месте своего меча. – Потому что если вы ищете лучших мечников Королевства, то они перед вами. И я не буду предлагать свои услуги дважды.

– Да. И я не буду, – гордо сказал Слэйто, словно это не я, а он только что разоружил обоих вояк. – Таких мечников, как мы, еще поискать. Я так вообще на вес золота.

Я бросила на него недовольный взгляд. Что-то не вовремя мой маг оттаял. То слова от него не допросишься, то шутит, как в былые времена, но совсем неуместно.

Молодой солдат с пером в руке деликатно отвел клинок от своего горла и как ни в чем не бывало произнес:

– Да, ты и вправду хороша в деле. Грех отказывать в работе. Ответите на пару вопросов и можете проходить вперед, там капитаны оценят ваши боевые навыки. И нет, Корин. – Писарь осуждающе посмотрел на своего сослуживца, который от гнева начал багроветь. – Мы не будем обвинять их в нападении и докладывать об этом начальству. Ты хоть представляешь, как скучно на гауптвахте? А именно туда мы попадем, если кто-нибудь узнает, что какой-то новобранец обезоружил солдат Белого Чертополоха прямо посреди королевского двора.

– Умный легионер. Карьеру сделаешь, – усмехнулась я и подмигнула тому, которого звали Корином. – Бери пример. Так что за вопросы? Личного характера?

– Ничего особенного, просто выясняем, кто приходит во дворец и зачем. Начнем с тебя. Расскажи, как тебя зовут, откуда ты и где работала до этого времени?

Время замкнулось само на себе. Солнце, душный давящий шлем, грудь

еще не привыкла к бинтам и жутко чешется. Я стою перед капитаном Алой Розы, тот плюется, когда говорит, а на носу у него огромный прыщ. «Как тебя зовут, малец? Ну?!» Что бы ни говорил Мастос про последовательность бусин, я прекрасно знала, что это вовсе не очередность событий. Это витки, каждый из которых повторяет предыдущий. Все это уже было раньше. Я приходила в легион, и мне было страшно. Капитан спрашивал, как меня зовут, а я только задыхалась, потому что не придумала мужского имени. И в тот раз, как и теперь, впереди меня ждал Атос, но тогда я об этом еще не знала.

– Ну? – повторил легионер с пером. – Как тебя зовут?

– Меня зовут Лис.

* * *

– Это было слишком легко, – сказал Слэйто. То, что я приняла за возвращение эмоций мага, скорее всего, было побочным эффектом элеевых слез. Я уже видела такое раньше – он начинал двигаться чересчур резко, уголки рта подрагивали, словно при тике. – Ты чего такая бледная?

Мы прошли во внутренний двор. Чуть поодаль, у стены, увитой красным плющом, была разбита тренировочная площадка. Четыре столба с натянутой по периметру веревкой огораживали посыпанный песком квадрат земли, на котором неумело мутузили друг друга два паренька.

– В смысле бледная? – спросила я, хотя мои мысли сейчас витали очень далеко. Я беспокойно оглядывалась, пытаюсь в открытых ли галереях замка, в тени ли дворца отыскать рослую мужскую или хрупкую женскую фигуры.

– Будь чуть веселее, Лис, ну! – Маг сжал мое запястье так, что стало больно. – Я почти уверен, что смогу уговорить Атоса отречься от его прекрасной девы. Войя, я уверен на все сто! Ты не знаешь и половины моих трюков.

И он расхохотался так, что рекруты вокруг начали на нас оглядываться.

– Прекрати, – шикнула я на него. – О чем ты? Сначала Мастос спятил, а теперь и ты?

Слэйто вновь улыбнулся одной из своих самых отрешенных улыбок и взглянул на меня. На одно мгновение мне показалось, что во взгляде его читалась чистая, безудержная ненависть. Если бы Слэйрус ее когда-либо дистиллировал, она выглядела б именно так: пламя, вскидывающееся над угольями, которые, казалось, было совсем остыли. Пламя и дым, которые

душат тебя, иссушают, а то, что остается, подхватывает ветер – вот что такое была эта ненависть. На тот миг мне почудилось, что я ненавижу себя не меньше, чем он, что горю заживо и считаю это вполне заслуженным.

Но как всегда, секунда – и снова передо мной сонный Слэйто с прикрытыми глазами и блаженной улыбкой.

– Не могу же я оставить тебя одну, Лис. Я обязан о тебе позаботиться.

– Позаботься о том, чтобы в следующий раз получше отмерить дозу, – буркнула я, все еще напуганная тем, что прочла во взгляде своего спутника.

– Где ты учился драться, солдат? В любом кабаке дерутся отчаянней! Боги, спасите, да любая кухарка лучше оттаскает за волосы поваренка!

Голос раздавался со стороны площадки. Я узнала бы его из тысячи. Не изменившийся, не треснувший – все такой же зычный, громкий голос командира. Друга. Брата.

– Атос жив, – прошептала я. В эту секунду я могла не думать о последствиях, а просто позволить себе насладиться счастьем осознания. – Он жив.

* * *

Я никогда и никому бы в этом не призналась, но после магического взрыва нередко представляла, что Атос чудесным образом спасся, и вот мы встречаемся. В этих мечтаниях я, конечно же, сразу прощала его глупую веру в Алайлу и щенячью преданность ей. Мы смеялись, обнимались и уезжали на поиски приключений далеко-далеко. В этих мечтах не было Атоса, лишь выдуманный его образ: мой смелый защитник, мой учитель, мой брат... Мой, мой, мой. Не настоящий Атос, обуреваемый своими страстями, а некое приложение ко мне, тот, кому по долгу службы вменялось делать меня счастливой.

Это и было самым сладким: воображать себе идеальный мир и идеальную дружбу. И как только противный голос разума тихонько шептал: «Погоди, не все так просто...» – я попросту обрывала грезы. Мечты должны приносить радость, верно? Никому не нужна правда жизни.

Но он и вправду был жив, стоял в паре десятков метров, дышал тем же воздухом, что и я, и от души ругался, как в былые времена. И то, что мы встретились, вдруг стало самым худшим моим ночным кошмаром. Взявшись за край, я натянула фаранк на лицо так, что один из его слоев скрыл меня от глаз до самой шеи. Теперь я была готова встретиться со своим двухлетним страхом.

Я смотрела на Атоса, может быть, с минуту, пока не поняла, что пытаюсь отыскать в нем чужака. Мне хотелось, чтобы он выглядел или вел себя иначе. Чтобы я с легким сердцем могла сказать: «Да, он ошибся и избрал зло. Что ж, можно убить его со спокойной совестью». Но, к своему нарастающему стыду, я видела лишь крайнийского мальчишку, который на людях всегда вел себя слегка вызывающе. Разве что чуть возмужавшего, отрастившего волосы, завязанные теперь в небрежный хвостик, и одетого в форму бело-зеленых оттенков, приличествующую генералу. На спине в ножнах, как всегда, висел огромный двуручный меч, вот только это был другой клинок – это я поняла издали. Атос нетерпеливо постукивал костяшками пальцев по ограде импровизированной арены, как делал тысячи раз в беседе со мной. Начал колотить – дурной знак, нервничает или даже злится.

Он на миг прекратил отчитывать рекрута и взглянул куда-то за мою спину, затем равнодушным взглядом скользнул по мне и вновь отвернулся.

– Ты надеялась, что он узнает тебя, верно? – тихо и немного печально сказал Слэйто. – Что ваша встреча сложится как-то иначе, а не посреди толпы безусых юнцов?

– Немного приватности мне бы и вправду не помешало, – с горечью ответила я.

– Это можно устроить.

Я ничего не успела возразить, как вдруг Слэйто резко повел правой рукой, обводя весь двор невидимой окружностью. И люди начали валиться с ног, словно подкошенные незримой косой: рекруты, legionеры, служанки – все, кто входил в магический круг Слэйто, без чувств оседали на землю. К горлу подкатила тошнота. Я слишком хорошо помнила, как беззвучно падали маленькие птички в вербовой рощице, пока я бежала, пытаюсь спастись от разрушающей волны. Зрелище людей, падающих в полнейшем молчании, слишком напоминало день, когда я простилась с Атосом.

На своих ногах во дворе остались лишь трое. И теперь, развернувшись, Атос вовсе не выглядел безучастным. Он смотрел на нас оценивающе, особенно на Слэйто, который не потрудился опустить руку после заклинания, – так и стоял, словно деревенский указатель.

Атос вынул меч из ножен и указал на Слэйто.

– Если они мертвы, сейчас ты к ним присоединишься.

Он сказал это спокойно, но я заметила нечто поразительное. С каждым словом над Атосом взвивались язычки темного пламени.

Не дьявольской энергии проклятого ключа, нет! Я была уверена, что это было облучение вроде моего. Он был зол, но не проклят.

– Они спят. Кто я, по-твоему, – убийца? – с легкой усмешкой спросил маг.

– А почему нет? Что я должен подумать? Ты не представился, а твоя ока молчит. Люди вокруг меня лежат без сознания – это очень плохое начало любой истории. – С этими словами Атос направился к нам, меряя землю широкими шагами. На полпути он сбросил плащ. Ну разумеется, в битве он только стеснял бы движения.

Я попыталась остановить его, но от волнения мой голос сорвался на хрип, и вместо фразы вышло нечленораздельное карканье. Этого, однако, хватило, чтобы крайниец замер, так и не приблизившись. Слэйто взглянул на меня и, сообразив, что толку от меня никакого, снова обратился к Атосу.

– Нам нужна Алайла. Против тебя я ничего не имею, более того – у меня даже есть на тебя планы, генерал. Но оставим их на будущее. Сейчас мы хотели бы повидать Алайлу.

Эти слова словно ввели Атоса в транс.

Он выглядел так, будто ему меч в грудь воткнули, даже пошатнулся. Лицо побледнело, а разгоревшиеся вокруг языки темной магии с едва слышным шипением стали растворяться в воздухе. На меня генерал не смотрел, его взгляд был прикован к магу. Наконец крайниец ответил:

– Алайлы вам не видеть. Дело в том, что она мертва.

Слэйто нахмурился. Он пытался разглядеть в лице Атоса признаки лжи, но видел только то же, что и я: обескураженность, растерянность, удивление.

– Ты ведь не хочешь сказать, – проговорил маг, наконец опустив руку, – что Секира – это не Алайла?

– Секира определенно не Алайла, – ответил Атос с такой интонацией, будто перед ним идиот. – С чего ты вообще это взял?

– Гори оно все адским пламенем! – заорала я. Голос вернулся, а цепи страха, сковавшие меня, рассыпались. Как я могла забыть, что Слэйто настойчиво велел мне делать то, что я хочу, позабыв о том, что должно? И почему сейчас я должна была строить из себя глыбу льда, молчать или сражаться с Атосом? Почему? Ведь единственным моим желанием было обнять этого идиота!

Я метнулась к нему. Атос ошибочно решил, что сумасшедшая ока пытается на него напасть, и поднял меч.

– Тебе всегда не хватало реакции, засранец! – прокричала я, проскочив под мечом и тыльной стороной кожаной перчатки отбросив от себя его широкое лезвие. – И мозгов не хватало! И, мои боги... – я расхохоталась.

Я стояла перед ним и уже не чувствовала себя ни маленькой, ни

малозначимой. Все два года, что разделяли нас, исчезли, сделались не важны. Мы всегда были волком и лисенком, вот и все. Атос смотрел на меня ошарашенно, он начинал что-то понимать. Но еще до того, как он окончательно пришел в чувство, я порывисто его обняла.

– Я скучала, – прошептала я, уткнувшись в его рубашку, пропитанную знакомым запахом выделанной кожи и дыма.

Целую вечность ничего не происходило.

Где-то в мире начинались войны, где-то рождались герои, а я стояла и ждала. Наконец грубая шершавая ладонь легла мне на макушку и легонько потрепала волосы.

– А я-то как скучал, Лис. Ты даже не представляешь.

* * *

Тысячи вопросов теснились в моей голове. Но когда я, приложив всю силу воли, смогла разорвать объятия и на шаг отступить от Атоса, то невольно залюбовалась им. Он смотрел на меня с дружеской улыбкой, такой знакомый и родной, но кое-что в его лице меня настораживало. Он не был удивлен. Рад, спокоен, но как будто ожидал меня.

– Где же «Эгей, Лис, ну и где ты пропадала?» – я шутливо толкнула его локтем, а затем добавила глухим голосом: – Я-то ведь тебя похоронила, поэтому несколько иначе смотрю на эту встречу. Мы с тобой как два мертвеца, что встретились на просторах загробных лугов.

– Недавно я узнал, что ты жива, и уже успел это отметить. – Атос вдруг схватился за голову. – Мне столько надо тебе рассказать! О том, как выжил в Сиазовой долине, о встрече с Секирой, о том, как я оказался генералом Крианны. Но... – Он осекся и весьма недобро посмотрел на Слэйто. – Сначала скажи мне, кто это и могу ли я ему доверять?

Я обернулась к магу. Он снова сдулся, как сложенные кузнечные мехи. Весь задор, что подарили ему элеевы слезы, выветрился. Слэйто стал будто прозрачным, а на лице блуждала одна из его загадочных улыбок. Магу не повезло – он был одним из немногих людей, которые вызывали у порывистых и страстных натур жуткую антипатию. Подобные чувства испытывал к нему Гардио: он смотрел на Слэйто так, словно тот был заразой или нечистотами. А теперь, судя по всему, и Атос проникся к магу отвращением. А ведь если крайние заражены тем же пламенем, что и я...

Словно отвечая на мой незаданный вопрос, Атос сказал раздраженно:

– Да, я вижу, что этот твой приятель полыхает, как костер в ночь всех

богов! И я догадался, что он маг.

– Я Слэйто. – Маг протянул узкую ладонь Атосу. Ох, как удивится крайниец ледяному холоду этих пальцев! Но Атос руки не подал. Он всмотрелся в лицо Слэйто, а затем вытянул указательный палец и нацелил его на мага.

– Ты мне не нравишься, – сквозь зубы процедил генерал. – И я хочу, чтобы ты уяснил это здесь и сейчас. Тебя привела Лис, но я буду следить за тобой каждую проклятую секунду.

Они стояли друг напротив друга: один массивный, будто гора, другой худой, как щепка. Впрочем, маг был не намного ниже Атоса, а его полыхающая аура словно добавляла ему веса. Воздух вокруг заискрился, но не подобием снежинок, как в тот раз, когда мы пересекали Русалочью падь. Теперь это были частицы огня Кисуне, который полыхал в душе мага. Слэйто уже не выглядел потерянным. Та обжигающая ненависть, с какой он совсем недавно смотрел на меня, сейчас будто выплеснулась из его глаз. Это был не тот Слэйто, которого я знала. Может быть, охотник Слэйрус или то, что сделало его богом.

– Я мог бы убить тебя на месте, мальчишка, – прошептал маг. – Стоит проявить немного уважения.

Атос не был трусом, но тот жар, что исходил сейчас от Слэйто, заставил его отшатнуться. А я, как обычно, кинулась спасать ситуацию.

– Довольно, петухи несносные! – Я встала между мужчинами и с силой оттолкнула их друг от друга. Слэйто отлетел на пару шагов, а Атос лишь слегка покачнулся. Левую ладонь будто ошпарило исходящим от мага жаром, и я сжала ее в кулак. – Не можете вежливо познакомиться, так просто молчите.

– Что, во имя всех богов, тут происходит?!

Резкий, сухой, но невероятно властный голос заставил нас всех взглянуть вверх. От одной из башен замка во двор вела широкая каменная лестница, на которой застыла маленькая фигурка. Она приблизилась, и я с удивлением обнаружила, что обладателем столь командирского тона оказалась сухонькая старушка, одетая в бежевый чепец, из-под которого выбивались прядки седых волос, и простое домашнее платье. Самым примечательным было то, что она курила трубку, которую перекидывала из одного угла рта в другой с ловкостью заправского матроса.

– Когда я говорила, что дневной отдых необходим, то имела в виду себя – пожилую достойную леди. Так какого Войи, Атос, у меня спит весь двор?! – прогрохотала старушка, а затем указала на меня и Слэйто. – И, будь все проклято, почему к нам пришла еще одна ока? Сколько ока должно

быть в моем замке, чтобы ты был счастлив, генерал? Может, просто пригласим сюда целый токан?

Атос неуклюже поклонился и попытался поправить плащ, который незадолго до этого сбросил с плеч. Рука несколько раз ощупала воздух, и это не осталось незамеченным.

– Бросил! В грязь! – взвилась женщина. – Да знаешь ли ты, какой адский труд для прачек – каждый раз отстирывать ваши белые плащи и исподнее, генерал?! Как сорванец, швырнул на землю и забыл!

Лицо Атоса приобрело совсем уж страдальческое выражение. Он обернулся к нам и, пригибаясь под градом угроз всех кар небесных, негромко сказал:

– Позвольте представить вам монарха и вседержательницу трона Королевства – ее величество Крианну. – А затем обернулся к королеве и, стараясь перекричать ее, произнес: – Это Лис, ваше величество! Она наконец-то до нас добралась!

Старушка резко замолчала, вновь проделала трюк с перекачиванием трубки, выпустила кольцо дыма и изрекла:

– Долго же ты добиралась, девочка. Почти все в сборе. Но ради всех пропойц и праведников, зачем было вырядиться ока?

Я не сразу поняла, что это вопрос, требующий ответа. Но старушка – или королева, как теперь следовало ее называть, – вопросительно приподняла брови.

– Эм-м, – проямлила я. – Мне так удобнее, ваше величество. Да и к тому же красиво. Ярко. М-м-м...

– Извель с ума от счастья сойдет, – бросила королева, развернувшись и начиная подниматься по лестнице. – Вы завтракали? Любите сосиски с хреном? Не беда, если нет, ведь я все равно не предложу вам ничего другого.

– Извель? – переспросила я Атоса. – Мне не послышалось?

– Она здесь, Лис, – улыбнулся крайниец. – Мы все собрались. Ждали только тебя и еще кое-кого.

Я посмотрела вслед королеве. Та шла тяжело, было заметно, что, несмотря на громогласный голос и пристрастие к курению трубки, Крианна совсем не молода. Одну ногу она подволакивала, как человек, страдающий подагрой.

Все мои представления о том, с чем я столкнусь в Ярвелле, рушились, словно огромный дом из игральных карт. Секира не была Алайлой, Атос не был мне врагом, Крианна больше напоминала трактирщицу, нежели королеву. Еще и Извель находилась тут же, уму непостижимо. И меня

ждали! Я знала, что с помощью ключа Алайла никогда не стала бы Поглощающей. Ведь рядом со мной ходил живой пример того, что магические силы в Королевстве приобретаются совсем иным путем. Но я была готова к схватке с ней, обезумевшей и потерявшей человеческий облик, а теперь... Алайла мертва?

Из размышлений меня вывело деликатное постукивание по плечу.

– Может, все-таки пойдем и полакомимся сосисками? – осведомился Слэйто. – Твой великолепный Атос меня жутко разозлил, а когда я злюсь – мне хочется есть.

– Просто взять и уйти? А они пусть валяются себе дальше? – возмутился генерал. Рекруты, легионеры и служанки вокруг нас все еще оставались без сознания.

– Они придут в себя минут через двадцать, – нетерпеливо ответил маг. – Мы можем подождать здесь, а можем пойти и поесть сосисок. Меня, знаешь ли, не каждый день приглашает на завтрак королева.

И он устремился вдогонку монаршей особе.

– Идиот, – сквозь зубы кинул ему вслед Атос, а потом посмотрел на меня и добавил уже чуть мягче: – Твой друг – идиот.

– Все мои друзья – идиоты, – парировала я. – Иначе бы они со мной и не дружили.

Носа коснулся тонкий аромат жареных свинины и яиц, который явно доносился из окон той башни, в которой скрылись королева и маг. В животе глухо заурчало.

– Да понял я, понял! – буркнул Атос. – Пошли завтракать.

Но прежде чем покинуть двор, он подбежал к белоснежному плащу и, старательно отряхнув, аккуратно свернул ткань под мой непрекращающийся смех.

* * *

Я вошла в замок и удивленно заозиралась. Где же оно, то былое великолепие, про которое в детстве рассказывал мой Принц? Юный лорд замка пару раз ездил в столицу на детские балы. Пока отец усиленно подыскивал ему подходящую партию среди скучающих аристократок кровей разной степени благородности, мой друг осматривал замок Ярвелла. Этот мальчик мог быть жестоким, грубым и своенравным, но Принцу сложно было отказать во врожденном любопытстве. Возвращаясь из поездок, он первым делом бежал ко мне в библиотеку или в комнаты

оружейника, где я коротала дни со своим отцом. Глаза его лихорадочно блестели, а слова вылетали изо рта быстрее, чем мысль успевала родиться в среброволосой голове.

Юный лорд рассказывал о великолепных залах, в которых на паркете из черного дуба танцевал весь высший свет Королевства. О сияющих платьях дворянок, о галантности кавалеров, о том, как степенно и мудро выглядел наш король. Мне уже тогда казалось, что он привирает, слишком уж красочными были его описания. Порой он начинал нести такую чушь, что я ловила его на вранье, совсем как в тот раз, когда он сказал, что придворный фокусник выпустил прямо в бальном зале настоящего феникса. Но даже будучи уличенным во лжи, Принц не переставал рассказывать мне о прелестях придворной жизни. Правда, все его истории заканчивались одинаково: красота дворца Ярвелла – ничто по сравнению с нашим замком, поэтому какие бы чудеса ни творились в столице, он всегда рад возвращению домой, ко мне. Мое крохотное сердечко трепетало, а Принц еще пару дней с помощью служанок и дворовых людей разыгрывал приемы и балы. Сам он притворялся королем, я играла королеву – и это прощалось мне хотя бы потому, что все знали, что ее величество давно покинула столицу. Наши друзья – подмастерья и конюшие – изображали придворную аристократию. «Как ваши дела, милорд Конский навоз?» – «Превосходно, я только что купил десять кораблей симмского шелка, кардинал Протопи-камин!» Сейчас, гуляя коридорами настоящего столичного замка, я будто снова слышала голоса друзей моего детства. Принцу хватало пары таких «балов», и спустя некоторое время его интерес к столице угасал. Он снова с головой уходил в обычные наши забавы.

На юношеские балы мой Принц уже не попал. Старик-король слег и умер. Война вспыхнула подобно ужасающему костру, в одночасье поглотив все на своем пути: родственные связи, обязательства, клятвы верности многочисленных родственников монарха. Пламя раздора пылало не один год и не одно десятилетие, и теперь на его пепелище осталась лишь острая на язык старушка с трубкой, которая семенила передо мной, то и дело припадая на одну ногу.

И больше ничего. Где прежнее великолепие, где гобелены, повествующие об истории нашего Королевства, где королевские гвардейцы в багряных мундирах и с напояженными усами? Вокруг царило то же запустение, что и в Белой башне Лисьего чертога. Пыль клубами вилась в солнечном свете, который просачивался сквозь разбитые витражные окна. Наверное, когда-то давно рисунок на них изображал райские цветы или неведомые страны. Выбитые стекла лежали тут же, под ногами, и звонко

хрустели под подошвами моих сапог. Красные, синие, фиолетовые и ярко-оранжевые осколки усеивали коридор, словно диковинные опавшие листья. В углах, куда не проникал свет, таились, как в солдаты в засаде, груды мусора – то ли убранные туда кем-то не слишком опрятным, то ли образовавшимися сами собой, из ничего.

Но даже этот грязный и неухоженный замок будил и выталкивал на поверхность сознания все мои сокровенные воспоминания. Я словно видела их: мальчика и девочку, что бегут к огромной ясеновой двери по грубым камням. Дети смеялись. Я скривилась.

– Тут сейчас немного грязно, – извиняющимся тоном произнес Атос, который шел немного позади. – Но вот увидишь, мы приведем это место в порядок – и замок вновь засияет во всем своем величии. Он будет дарить людям ту же веру в светлое будущее, что и прежде.

– В замках не живет вера. Тут обитают лишь интриги и предательства. Вера – сущность свободолюбивая, она может жить только под открытым небом, тебе ли не знать, – сказала я так тихо, что крайниец почти наверняка не услышал.

Неужели всюду, куда бы я ни пришла, меня ждали одни обломки? Зброшенная Белая башня, руины святилища в Волчьем саду, теперь вот замок Ярвелла. На душе стало тревожно, ведь Мама-Ока предсказала в моем будущем массу пугающих вещей. Что, если тьма, которая ожидала меня впереди, не истерпала себя в Сиазовой лощине? И все эти развалины – предзнаменование грядущего? Бр-р, кажется, я становилась не просто старой занудой, а суеверной и мнительной бабкой. Не успела порадоваться встрече с давно потерянным другом, а уже выискиваю новые дурные предзнаменования.

Меж тем мы дошли до кухни. Королева не повела нас в столовый зал, а пригласила в не очень чистую, наполненную дымом и чадом поварскую. Здесь заправляла высокая и сухопарая женщина лет сорока. Ее мышиноного цвета волосы были забраны в высокий пучок – настолько тугой, что, казалось, он натягивал кожу на лбу. Сощуренные и недоверчивые, или же просто подслеповатые глаза соседствовали на лице с тонкими, но удивительно вытянутыми вперед губами, словно повариха силилась поцеловать кого-то невидимого. Королева представила нам хозяйку кухни:

– Это Глэйда. Она у меня и за портниху, и за повара, и за горничную...

– И за сиделку, когда эта старая карга набегаeтся, натрудит свою ногу и упадет без сил. Вот тогда и начинается: «Глэйда, сделай припарку. Глэйда, принеси мне чаю!» – разворчалась прислужница, снимая вымазанный в саже передник.

Я, может, и удивилась бы, если б еще во дворе не уяснила одну простую истину – леди Крианна была очень своеобразной королевой. Ничего подобного до нее королевский двор Ярвелла не видел многие десятки, а то и сотни лет.

– Она придушивается, – неожиданно ласково произнесла ее величество. – Мы с Глэйдой последние двадцать лет – не разлей вода. Можно даже назвать нас подругами.

– Только одна подруга сидит на троне и срет в золотой горшок, а другая этот горшок выносит. Ну, что встали? Садитесь давайте, сосиски сами себя не съедят.

Несмотря на обещание немногим большего, чем жареные яйца и свиные сосиски, кухонный стол, накрытый слишком уж вычурной ажурной скатертью, едва не ломился от разнообразной снеди. Тут был только что испеченный ржаной хлеб с хрустящей корочкой. В большой фарфоровой бульоннице дымилась ароматная похлебка с лесными грибами и травами. Толстыми ломтями был нарезан деревенский сыр, политый прозрачным медом. А на сладкое нас ожидали самые настоящие шиколоне – пирожные из шоколадных коржей с шоколадным же кремом, пропитанные таким количеством патоки, что зубы сводит от сладости.

Мы уселись за стол, и хотя в голове продолжали тесниться вопросы, я начала набивать рот горячими булочками и сосисками. Несмотря на простоту рецептов, это было поистине королевское разнообразие.

– Хде Ижвель? – пробурчала я с набитым ртом.

– В библиотеке, наверное. Увидишь ее после завтрака, – отмахнулся Атос.

– Как ты...

«Выжил», – хотела спросить я, но королева бросила на меня выразительный взгляд.

– Когда я пищу принимаю, язык я в клетку запираю! Разве в ваших токанах не учат есть без болтовни?

Я замолчала. У меня еще будет время узнать об Атосе, Алайле, этой загадочной Секире, а сейчас можно было просто наслаждаться стряпней Глэйды. Слэйто, похоже, тоже восторгался завтраком. Учитывая, что все последние недели для того, чтобы маг поел, мне приходилось ему чуть ли не ложку в руку вкладывать, видеть, как он с аппетитом уминает хлеб и мясо, было радостно. Слэйто искоса поглядывал на Атоса и с каким-то остервенением вгрызался в сосиски. Крайниец же с довольной улыбкой наблюдал за мной. Как жаль, что это была не восторженная улыбка из разряда «Какое счастье узнать, что ты жива». Ему кто-то рассказал обо мне,

предупредил, что я иду. Разве что Извель, узнавшая об этом от Мамы-Ока? Но, Войя подери, это было нечестно. Атос уже успел обрадоваться и пережить все эмоции, меня же лихорадило от радостного возбуждения. Мы снова не были равны – теперь уже в счастье. Что за злая судьба не могла уравнивать нас хотя бы на миг этой встречи?

Я быстро проглотила шиколоне целиком, даже не почувствовав вкуса шоколада, и вытерла рот полотняной салфеткой, подложенной мне под тарелку заботливой Глэйдой.

– Все! Я поела! И я хочу знать все! С того самого момента, как мы попрощались в Сиазовой лощине.

Атос застыл, так и не донеся кусок хлеба до рта.

– Тогда тебе придется отложить встречу с Извель, ведь история выйдет не из коротких, – ответил он.

– Как-нибудь переживу. – Я нахмурилась. – Видеться с ней мне не к спеху. Ведь я не думала, что Извель мертва, и не оплакивала ее два проклятых года.

– Что ж. – Атос поднялся из-за стола. – Пойдем прогуляемся вдвоем. Я не хочу делиться этим рассказом с кем-то, кроме тебя.

Последние слова предназначались Слэйто, который приподнялся над стулом, чтобы последовать за нами, да так и оцепенел.

– Ничего... – пробормотала я. – Пообщайся пока с Королевой, Слэйто. Это и вправду очень личное.

– Ну разумеется, – холодно произнес маг и уселся обратно.

Имя третье: Алайла

Мы с Атосом покинули кухню через другую дверь и спустились по пологому крутому коридору в сад, который располагался во внутреннем дворе крепости. Как и сам дворец, сад был заброшен и неухожен, но, в отличие от замка, ему это придавало шарма. Громадные клумбы заросли буруцветом. Декоративные сосенки, которые не подстригали вот уже много лет, топорщили ветви, будто мохнатые лапы. Дорожки, когда-то посыпанные белым песком, что угадывалось по их контуру, теперь заросли местами выгоревшей, местами вытоптанной травой. И над всем этим буйством природы возвышались огромные столетние ели. Я запрокинула голову, рассматривая солнце, запутавшееся в их ветвях.

– С чего бы начать... – растерянно сказал Атос.

– С извинений, – неожиданно для себя самой ответила я. – Прости, что оставила тебя в лощине. Что не приложила чуть больше усилий, чтобы спасти тебя. И хотя, похоже, я все-таки сделала верный выбор, но он дался мне непросто и стал причиной многих бессонных ночей.

– Думаю, извиняться должен я, – медленно произнес Атос. – Мне всегда твердили: «Слушай свое сердце!», но тот единственный раз, когда я пошел у него на поводу, едва не стоил мне жизни. Я не поверил тебе, оттолкнул тебя и вляпался в дерьмо небывалых размеров.

Казалось, я должна была испытывать чуть больше радости. Вот он, тот волшебный миг, знакомый любой женщине, когда можно воскликнуть в одно слово: «Я-же-тебе-говорила!». Но, увы, не почувствовала почти ничего. Атос взглянул на меня из-под взлохмаченной челки, как делал раньше, явно ожидая ответа.

– Твои слова много значили для меня. – Я старалась говорить так, чтобы не обидеть друга. – Но они были бы ценны именно тогда, в Сиязовой лощине, когда ты был Волком, а я – Лисенком. А сейчас я и сама не знаю, кто я. Но рада, что мы с тобой сошлись во мнении, что Алайла была сукой.

Атос поморщился от грубости, и все та злость и обида, которые копились у меня внутри под толстым слоем чувства вины, наконец прорвались наружу, подобно извержению огромного вулкана.

– Слово «сука» тебе не понравилось? Seriously? Ты что, намерен защищать эту дрянь даже после того, как она уничтожила целый регион на севере? Заразила магией и прикончила всех, кроме нас двоих?

– Нет. Алайла – чудовище... То есть была чудовищем. Но то, что с ней

случилось, о боги, я бы не пожелал этого даже заклятому врагу. Не говоря уж о женщине, которую, как мне казалось, я любил.

Мы остановились у девятикора. Высокий разросшийся куст нависал даже над Атосом, а его крупные белые плоды-шарики покачивались над нами, словно гигантские ягоды омелы. Атос рассеянно сорвал пригоршню шаров и стал, отрывая их от кисти, бросать на дорожку.

– Давай по порядку. – Я сжала виски. – По порядку. Вот я убегаю, только пятки сверкают. Что потом?

– Потом возвращается Крамер. Его лошадь загнана, сам он напуган. С ним приехала пара солдат, разве что портки не обмочивших, в таком они были ужасе. Крамер много о себе думал, но я этой уверенности не разделял. Это он мнил себя стратегом и главой легиона, однако Алайла вертела им так же, как и мной. Когда мы с тобой уезжали из легиона, я думал, что Крамер не достоин быть ее мужем. И вот в конце концов он получил ровно то, чего заслуживал.

Алайла пришла в себя после боя с тобой, но стала заговариваться. Будто общалась с кем-то, кого никто не видел. Просила собеседника унять его голод. Эти разговоры напугали Крамера еще сильнее. Настолько, что он попытался сбежать из лагеря. Вот тогда-то все и началось. Я... Ох, каким же я был идиотом, – Атос проговорил это с чувством, словно смакуя собственную никчемность. Каждое слово он произносил с наслаждением. До этой минуты мне казалось, что я единственная, кто медленно, день за днем изводил себя чувством неумной вины. Но оказывается, где-то на другом конце Королевства жил Атос, который упивался своей никчемностью с ничуть не меньшей страстью.

В руке у крайнийца осталось всего три шарика девятикора. Он посмотрел на них и с ожесточением сжал кулак, только сок в стороны брызнул.

– Она убила Крамера очень быстро. Кинулась ему на спину и кинжалом пропорола горло от уха до уха. Он упал и почти сразу же затих, но Алайла не спешила отходить: стояла над ним, как дикий зверь, выгнув спину, и урчала совсем по-звериному. Я же просто застыл, как ошолоп. Помнится, я думал, что это все дурной сон. Ты мне рассказывала про свои кошмары, вот и я решил, что провалился в один из таких.

Затем Алайла завизжала и попыталась снять с груди цепочку, но вела себя, будто марионетка, не властная над своими руками. Вроде бы и дергает цепочку, а жест, чтобы снять через голову, не выходит. На ее шее что-то висело, но я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть, что именно. Это было похоже на ключ, тот самый, про который ты мне рассказывала. Я

метнулся к ней, но...

Атос судорожно сглотнул, затем глубоко вздохнул и отер взмокший лоб. Думаю, даже спустя столько времени это были тяжелые воспоминания. Между тем крайниец продолжил:

– Первая волна лишила весь мир звуков. То, что было на шее Алайлы, испустило мощный удар, я еле на ногах устоял. А ее саму выгнуло дугой так, что, стоя на цыпочках, она макушкой касалась земли. И рот Алайлы распахнулся в крике, но я не слышал ни звука. Я попытался заорать сам, но и себя не услышал.

Вторая волна убила все цвета, мир посерел. Вот я смотрю на Алайлу, на ее развевающиеся черные волосы, еще миг, и я не могу отличить их цвет от цвета неба или травы. Все поблекло, истончилось, стало словно нарисованным золой на пергаменте. От удара второй волны я рухнул на колени. Я пытался приблизиться к Алайле, но какая-то невидимая сила не подпускала меня ближе.

Третья волна началась вокруг нас. Будь я чуть дальше от Алайлы, сейчас бы с тобой не говорил, Лис. Но вокруг нее возникло око шторма, маленькое пространство спокойствия. Нас там оказалось четверо: я, Алайла, тело Крамера да какой-то безымянный солдат. Как только парень смог подняться на ноги, сразу кинулся прочь. Но стоило ему сделать пару шагов, как его растворило... Я, Войя подери, не могу подобрать другого слова. Будто в самом воздухе было нечто, превратившее его в пыль. Я до сих пор иногда вспоминаю его удивленное лицо. На одной половине застыл широко раскрытый зеленый глаз, а другая рассыпается в красноватый песок.

И все, кто был вокруг, растворялись тоже. Все, что осталось от Алой Розы, обратилось красной пылью. Смерть – неблагодарный садовник. Розовый сад скосили под корень. – И Атос снова замолчал. Это была не драматическая пауза, как у бывалых рассказчиков. Я видела, что внутри моего друга все еще бушует тот ураган, что превратил людей в песок. И если тот безымянный солдат рассыпался мгновенно, то сам Атос медленно повторял ту же судьбу – воспоминания крошили его изнутри.

– В конце концов рот у нее почти разорвался, – с трудом выдавил из себя Атос.

Я вздрогнула. День был солнечный, но мы будто стояли там, в серой и беззвучной Сиазовой лощине.

– Что, прости?

– Она беззвучно кричала так сильно, что рот у нее разорвался. Кожа на щеках лопнула, и нижняя челюсть почти упала на шею. Она посмотрела на

меня и попыталась что-то сказать. Я до сих пор уверяю себя, что это было «прости» или «я не хотела». Но в глубине души знаю – она говорила: «Почему ты еще жив?».

В кустах пронзительно крикнула птица. Я подскочила, рука заученно метнулась к эфесу меча. Убедившись, что из озаренных солнцем кустов ко мне не подкрадывается призрак прошлого с разорванным ртом, я попыталась унять дрожь в коленях.

– Значит, такой и была ее смерть? – спросила я. Тело больше не трясло, а вот голос все еще подрагивал.

– Не совсем. Когда Алайла произнесла эти слова, вокруг нас вдруг начали открываться двери.

– Прости. Я с ума схожу или...

– Или мы сходим вместе, Лис. Вокруг меня и Алайлы начали появляться двери. Самые разные: деревянные и каменные, обитые железом и тростниковые, большие и маленькие. Сверху и снизу, со всех сторон одновременно. Ты должна понять, я уже чувствовал себя трупом, и двери показались мне логичным предсмертным бредом. Говорят, последователи Церкви Прощения идут после смерти по длинному коридору навстречу свету. Вот я и подумал, что безбожники вроде меня видят кучу дверей.

Мы нервно захихикали. Атос продолжил:

– Все двери были заперты, но те, что возникли ближе всего к Алайле... Их будто сквозняк тревожил. Они слегка подрагивали. Одна огромная каменная дверь выглядела старше всего на свете, словно осколок гор Хаурака или чья-то древняя могила. Другая тоже была старой, но яркой и расписанной знакомыми узорами – может быть, ока или народов Симма. Я услышал рык из-за каменной двери, там что-то таилось и выжидало. Но оно явно собиралось выйти. Алайла тоже это чувствовала. В эти последние мгновения, когда я следил за ней, ее глаза наполнились ужасом. Она, кажется, сообразила, что впервые в жизни ее идеальная задумка пошла не по плану. И в этот миг дверь с треском отворилась. Я не успел разглядеть того, что накинuloсь на Алайлу. Это существо было слишком быстрым. Оно, или же «это», если та штука не принадлежала миру живых, схватило Алайлу и ринулось в открывшуюся узорчатую дверь. Оно ушло, даже не заметив меня. И будь я проклят, если не возношу за это благодарности всем богам, до которых долетают мои молитвы. И теперь, Лис. Самая интересная часть, верно? Как я выжил.

– Не льсти себе, – подначила я его. – Мне это совсем-совсем не интересно.

– А стоило бы проявить немного любопытства, ведь именно тогда я и

встретил его.

– Его? – Я недоуменно подняла брови.

– Его, – произнес Атос с каким-то неизъяснимым трепетом. – Среброволосого принца в багряном плаще.

Меня как ледяной водой окатило. Есть истории, которые следует погребать в завалах памяти и никогда не пытаться раскопать и оживить. В моей жизни был всего один Принц, и я была абсолютно уверена, что наши пути никогда не пересекутся. А учитывая, что мой юный лорд тоже обладал серебряными волосами...

Впрочем, Атос заметил мое замешательство и понял его абсолютно верно:

– Прости, Лис! Я не забывал твою историю, да и это имя дал ему вовсе не я. И, Идас мне свидетель, этот парень вряд ли твой богатенький южанин. – С этими словами он схватил мою руку и сжал ее. Атос даже попытался поднести ее к губам, но, видимо, сам счел, что выглядит глупо, и просто стиснул мои пальцы. Я растроганно улыбнулась.

– А ты стал мягче. Уже совсем не дикий и колющий крайниец.

– Это вряд ли моя заслуга. Я извлек уроки из нашего с тобой прошлого и постарался не быть такой занозой в заднице для нее, – проговорил Атос, отпуская мою ладонь. – Вернемся к принцу – если ты не против, чтобы я так его называл.

Я покачала головой и двинулась по дорожке – торчать под кустом мне надоело. Хотелось размять ноги, да и просто сбежать из тени, как будто там могли прятаться сумасшедшие женщины, проклятые ключи и таящиеся за каменными дверями чудовища.

– Принц возник откуда-то из-за моей спины. Я не сразу разглядел его. Вернее, так: я до сих пор не знаю, что именно видел. У него были короткие серебряные волосы, мальчишеская стрижка, сам он светился так ярко, что я не видел ни черт лица, ни одежды. Спереди сияющий, а сзади – багряный, словно в плаще. Принцем его назвала Извель.

Я схватилась за голову.

– Извель ведь не было в Сиазовой лощине!

– Если ты перестанешь меня перебивать, я, может быть, расскажу всю историю, – рассердился Атос. Я примирительно подняла руки, и он продолжил говорить, время от времени гневно посверкивая на меня голубыми глазами из-под челки: – Когда мы встретились, все, что я заметил, это короткие серебряные волосы, красный плащ и яркий свет. Он рывком поднял меня на ноги, вернее, даже поднял за цепочку.

После этих слов крайниец залез рукой за ворот рубашки и, потянув

тонкую цепь, достал кулон – две руки, переплетающиеся будто в танце, с облупившейся белой и синей эмалью. – Узнаешь сувенир?

– Еще бы, – усмехнулась я, но внутри разлилось приятное теплое чувство: он сохранил мой подарок.

– В общем, принц за цепочку поднял меня, и тут я и заметил, что круг безопасной земли сужается. Алайла была оком урагана, но, когда неизвестное существо утащило ее за расписную дверь, островок спокойствия начал уменьшаться. Тело Крамера, ранее лежавшее нетронутым, уже наполовину превратилось в красный песок, разносимый тьмой. Принц довольно грубо подтолкнул меня в сторону одной из дверей. «Кто ты?» – хотел спросить я, но мир оставался все так же нем и бесцветен. Что я мог еще сделать? Остаться там – в Лощине? Рассыпаться в красный прах? Я уже решил покориться судьбе, но в последний миг меня озарило.

Атос поглядел на меня и сбивчиво произнес:

– Прости меня еще раз. Я вспомнил о тебе слишком поздно. Все, конечно, происходило быстро. Но это вряд ли меня оправдывает. Паршивый я друг, верно?

– Ужасный, – подтвердила я и похлопала его по плечу. – Самый жуткий тип, которого я встречала в своей жизни. Эгоистичный баловень.

Крайниец нахмурился, пытаясь разгадать, шучу я или говорю серьезно, но продолжил:

– Я пытался кричать принцу, объяснить жестами, что ты где-то там – за пределами нашего уставленного дверьми островка. Попробовал даже вырваться за край, но принц так саданул меня под дых, что я чуть не упал. А затем он раскрыл ладонь, и перед моим лицом закачался очень знакомый браслет из зеленых бусин, но как будто нить была подлиннее. Это не было совпадением – я понял, что принц знает о тебе и не даст пропасть. Поэтому я покорился незнакомцу, и тот наконец вытолкнул меня за одну из дверей. Она была похожа на ту, куда нечто утащило Алайлу: те же узоры, только более свежая краска. Весьма неожиданно я вышел в Ирбисе.

– Так, Атос, все, что ты рассказывал до этого, и так пахло бредом. Мне тяжело поверить в двери и принцев. Но Ирбис, зараженная столица Заокраины? – Я недоверчиво покосилась на крайнийца.

– Уж поверь мне. Я два месяца выбирался из этой дыры. Это, наверное, заслуживает отдельного рассказа, но я чувствую, что нас поторапливают.

Едва заметным движением глаз Атос указал на крытую галерею. Там, у одной из колонн, увитой, как стена и во внутреннем дворе, красным плющом, притаилась тень. Очень высокая и худощавая тень.

– Буду краток. Я оказался в разрушенной столице Заокраины. Смертельной магии там больше нет, но ее остатков оказалось достаточно, чтобы я облучился и стал видеть... всякое. Твое свечение, например, или ауру твоего приятеля. Я шел по разрушенным и заброшенным городам Заокраины, кормился охотой и разговаривал вслух сам с собой, чтобы не свихнуться. На полпути к Королевству я встретил небольшой отряд наемников. Как выяснилось, у ребят было задание – найти меня. Кто его выдал, парни не знали: заказчик пожелал остаться анонимным. Управляла наемниками волевая шатенка, и звали ее Секира.

– Теперь мне стыдно, – засмеялась я и нарочно повернулась спиной к галерее. Ибо нечего стоять над душой. – Я была уверена, что Секира – это Алайла, и шла сюда с твердым намерением убить вас обоих.

– Очень страшно, – ухмыльнулся Атос.

– Ты многое пропустил, генерал, – печально сказала я. – Теперь я – профессиональная убийца. Но ты не останавливайся.

– Это уже почти конец истории. Секира вначале показалась мне безумно похожей на тебя: опасная, дерзкая, смелая. Она, конечно, намного старше – думаю, ей лет сорок. Но потом я догадался, что сходство между вами существовало лишь в моей голове. Я переносил нашу с тобой дружбу на нее. Мне хотелось воскресить то, с чем я так беспечно расстался. А Секира оказалась отличным слушателем и другом. Мы вместе вернулись в Королевство, нанялись на службу к Крианне и, как бы громко это ни прозвучало, окончили проклятую войну. Я сменил имя – Атос был повязан с легионом Алой Розы. Его помнили как генерала-беглеца и предателя. Отступника. Мне же хотелось написать свою историю заново. Один из наших наемников заметил, что, когда мы сражаемся спина к спине с Секирой, вокруг только искры летят. Это была отличная идея: стать кремнем и вместе с острой секирой рождать искры и пожары на поле боя.

– Вы не... – Я даже не знала, как закончить эту фразу. Стояла, как дурочка, посреди заросшего сада, взрослая женщина с онемевшими губами. Стесняющаяся, будто ребенок, простых вещей. – Вы вместе?

– Нет. Может быть. Не уверен. А вы? – Атос кивнул на тень в галерее. Но Слэйто, заметив этот жест, исчез – будто растворился среди плюща.

– Нет. Да. Войя его знает. Эта взрослая жизнь меня доконает. – Я растерянно поддела носком сапога маргаритку и сбила ее со стебля. – Все было гораздо проще, когда мы просто путешествовали к Белой башне. Кстати, почему ты не искал меня все эти годы? Как мы умудрились жить в одной стране и не слышать друг о друге?

– А мы слышали, – засмеялся Атос, явно довольный тем, что мы

сменили столь щекотливую тему. – Ты слышала про генерала Кремня, одного из многочисленных военачальников какого-то там легиона. Я определенно слышал про некую сумасшедшую наемницу-ока из Ларосса – Бешеную Лисицу. Но мы спрятались за новыми именами, как делали уже много раз. Нас не узнал бы сам дьявол. Впрочем, я не искал тебя по другой причине. Просто был уверен, что принц выведет тебя через одну из дверей. Может, в Симм, может, в Тарасию, да куда угодно. Я полагал, что тебе, как и мне, понадобится время, чтобы вернуться в Королевство.

– Твой принц-засранец меня никуда не вывел, – заметила я раздраженно. – Все три волны ударили в меня, и я так и осталась сломанной куклой лежать в Сиазовой лощине. Кажется, этот герой был заинтересован лишь в твоём спасении.

– Была ведь еще Извель. Принц сделал кое-что значимое и для нее. Она подробностей не рассказывала, но где-то под Штольцем Извель пыталась встретиться с некой важной особой. Охранник ударил ее, и она уже собиралась отступить от цели, но принц вышел из ниоткуда и расчистил для нее дорогу. Она запомнила то же самое: короткие серебряные волосы, багряная спина, будто под плащом, неземной свет, исходящий от всего тела. Правда, в ее истории есть особенность: она уверена, что на голове у этого существа была маленькая корона. Поэтому она и назвала его принцем.

Я со стоном опустилась в траву.

– Не пойми меня неправильно, Атос, я безумно рада, что ты жив. Но как же меня это достало. Я только что разобралась с тем, кто такие Поглощающие и Сияющие. И тут жизнь подбрасывает мне новые загадки: двери, принцы, перемещения в заброшенные города. Как только мне кажется, что я понимаю, что к чему, – бам! И я снова чувствую себя пятилетним ребенком, вокруг которого бушует ураган.

– Ну так жизнь и есть ураган, – философски заметил Атос, ероша мне волосы. – Он подхватывает тебя, срывает с места, ставит все с ног на голову. Но только с его помощью мы оказываемся там, где должны быть.

– И где же мы должны быть?

– Здесь. Вместе. Я два года жил этой надеждой. Поэтому можешь смеяться, но ты видишь перед собой человека, которому больше не о чем мечтать.

Я закусила верхнюю губу, стараясь сдержать улыбку, но у меня не вышло.

По дороге между высокими кустами и елями к нам с Атосом спешила женщина. Платье с туго зашнурованным корсетом, добротные ботинки,

набивные рукава и даже белые перчатки – по части изящества костюма эта леди могла посоперничать с любой столичной модницей. Только вот облачена в корсет из китового уса была моя давняя подруга. Гадалка, любительница книг и лекарственных трав – Извель собственной персоной.

Имя четвертое: Роуэн

Ока даже не дала мне подняться с травы. Рухнула в своем белом облачении на колени и обхватила меня, крепко прижав к пышной груди.

– Мой Лис’енок! – радостно прокричала она. – Вот нас и свэли проклятые дороги этого Королэвства!

– Ох, удушишь, – прохрипела я, впрочем, не пытаюсь высвободиться из объятий подруги. – Я жутко рада тебя видеть. Два года.

Ока оценивающе оглядела меня и разочаровано зацокала языком:

– Совсэм сэбя не щадишь! Худая, как вэтка! А грудь? Гдэ грудь? Ее и тогда-то толком нэ было...

Я скрестила руки на груди, потому что заметила, что Атоса вдруг тоже заинтересовало, куда исчезли мои формы.

– Как дела, Извель? Что ты делаешь тут, в королевском дворце, да еще и в таком наряде? Не подумай... – я замешкалась, подбирая слова. – Ты выглядишь великолепно. Но где же кольца с браслетами и сотня юбок одна поверх другой? Что стало с моей гадалкой?

– Она все там жэ, дитя. – Извель приложила руку в белой перчатке к груди. – Затаилась и ждет своего часа. Но пока я стараюсь не раздражать старушку Крианну и одэваюсь соотвэтственно ее взглядам на благочэстивый образ.

– Королеву Крианну, – поспешил поправить Атос.

Но Извель не удостоила его ни словом, ни взглядом. Зато обхватила своими ладонями мое лицо, словно я была пухлощеким младенцем, а она – доброй тетушкой.

– Если кто и должэн объяснить свой вид, так это ты, Лис. Ты одэта как ока! Мнэ это льстит, но, признаться, тэбя сложно узнать в этом наряде! Что жэ случилось?

– Это длинная история...

– Вэсь наш мир – одна длинная история! Мне тожэ многое надо тэбе рассказать, Лис’енок. Но у нас так мало времени.

– Да ты шутишь! У нас впереди все время мира. – Я засмеялась, но, заметив, как потемнела лицом ока, мигом уняла смех.

– Тэбя в замок привел старый монах, моя дэвочка. Нэ так ли? Ты удивишься, но он всэх нас привел сюда. Кого-то прямым путем, а кого-то чэрез посрэдников. Он собрал нас всэх здесь не просто так. Мы все станэм последней стэной, защищающей Королевство.

– От чудовищ, – тихо добавил Атос. – Мы с Секирой не просто так нанялись к Крианне. Нас познакомил старик. Мастос – крайниец, как и я.

– Он же просто старый сумасшедший, – проговорила я, уже не особенно веря в свои слова.

– Можэт, – тихо смеясь, сказала ока. – Но мой народ верит, что мы все живем на разных гранях безумия. И тот, кого ты считаешь бэзумцем, может быть гением или спасителэм.

– Святой Мастос, какой бред...

Извель резко встала.

– Ты ведь не одна пришла в замок, Лис’енок. Я с радостью познакомлюсь и с твоим спутником.

Я обернулась на павильон, но маг не показывался: то ли ушел во дворец, то ли спрятался получше.

– Я не уверен, что это будет приятное знакомство, Извель, – с сомнением в голосе произнес Атос. – Ты говорила, что в снах видела Светозарного рыцаря, а этот парень больше похож на злобный волшебный труп. Ай, за что?! – Крайниец, которого с размаху я пнула по лодыжке, обиженно на меня уставился.

Извель хлопнула в ладоши.

– Я найду его. А послэ встретимся в тронном зале. Почти все фигуры матицца на своих мэстах. Пора обсудить, как мы спасем этот мир.

* * *

Я бродила по незнакомому дворцу одна. Сознательно подавила в себе желание идти с Извель или Атосом, держать их руки, слушать их голоса. Я уже пережила эмоциональную смерть, потеряв Атоса, а затем возрождение чувств, когда сочла Слэйто и Аэле своей новой семьей. Сейчас мне меньше всего хотелось наполнять свой мир другими людьми. Правда, спасти мир мне хотелось еще меньше.

Я пару раз прошлась по двору вместе с рекрутами. Как и обещал маг, они проснулись и разбрелись кто куда. Затем по ошибке зашла в прачечную, воздух в которой был таким влажным, что им можно было захлебнуться. Лопнув мыльный пузырь и подмигнув малышке-прачке, я двинулась дальше.

Куда же ты запропастился, Слэйто? Неужели тебя так обидело то, что я вновь обрела своих старых друзей? Смешно, учитывая, как легко ты сам от меня отказался.

Я побродила по конюшне и каким-то образом очутилась на скотном дворе среди деловитых свинок и куриц. Присев на колоду отдохнуть, я вдруг поймала себя на мысли, что хочу уйти. Да, я снова очутилась в центре событий, намечалось что-то грандиозное. Со мной были мои друзья. Но как же я устала от тайн, врагов и загадок! Это утро с сосисками и ржаным хлебом показалось таким прекрасным только потому, что оно было обычным. Без магии. Без планов по спасению мира. Просто утро и сосиски, Войя их подери.

– Привет, Лис-воительница, повелительница куриц и спасительница свиной, – произнес веселый голос.

Давно ли Слэйто стоял здесь, прислонившись плечом к косяку стойла и наблюдая за мной?

– Куда ты пропал? С тобой хотела познакомиться моя подруга Извель.

– Ока, – кивнул маг. – Наблюдал за ней, когда она разыскивала меня на летней террасе. Мне она нравится. Спокойная аура, уверенная и сильная.

Я подняла на него утомленный взгляд.

– Тебя все ищут, а ты со стороны следишь. Ну что за ребячества, Слэйто? То ты неделями отмалчиваешься, то рвешь и мечешь при встрече с Атосом. Потом ешь, как будто год голодал.

– Я пытаюсь смириться, – улыбнулся маг. Он подошел и присел на корточки рядом, его коса упала на песок. Поморщившись, я подняла ее за кончик и начала отряхивать.

– С чем смириться? С тем, что ты не самый крутой парень на свете? Добро пожаловать в мой мир. Его величество Атос даст тебе фору.

– С тем, что все в этом мире временно.

Я уставилась на него.

– Какая проникновенная глубокая мысль. Долго ты к ней шел?

Он пропустил колкость мимо ушей и серьезно произнес:

– Дольше, чем следовало. После того как ты вернула меня с того света, я носился, как умалишенный, думая, что это мой второй шанс: на жизнь, на счастье, на любовь. Но что, если это не шанс, а всего лишь отсрочка смерти?

Я перехватила его косу и в два взмаха намотала ее на кулак, притянув мага к себе.

– Не смей так обращаться с даром, который я выторговала у Аэле! Я шагнула за грань жизни и вытащила тебя не для того, чтобы ты играючи разбазаривал его на нытье и вздохи.

Он не отвечал, а лишь смотрел на меня с болезненной улыбкой. Я пыталась, но никак не могла понять, отчего меня так злит его меланхолия.

Конечно, в моих мечтах восставший из могилы Слэйто любил жизнь – и меня как неотъемлемую ее часть. Он не рассуждал о краткости отведенного ему срока, не пытался пугливо найти себе место в этом неуютном и новом для него мире. Слэйто должен был просто смело шагать вперед, но у него не получалось. Я так жаждала от него поддержки, что сама не могла стать той опорой, в которой он нуждался. Но вести себя иначе тоже не могла. Мир вокруг рушился, времени на сантименты просто не оставалось.

– Все. Прекрати. Нас ждут в тронном зале. Поговорим потом. – Я поднялась, выпустив его косу. Слэйто встал вслед за мной.

– Конечно, – сказал он равнодушно.

Мы пошли в сторону главного строения. Шагали рядом, плечом к плечу, но между нами пролегли столетия и километры наших собственных мыслей. Я взглянула на профиль Слэйто и впервые задумалась о том, какие истинные желания крутились в его светлой голове. Чего это двухсотлетнее существо хотело теперь, после возрождения, и к чему стремилось? И самое главное, почему он остался рядом?

* * *

Тронный зал, как и весь дворец, едва напоминал о собственном былом величии. Некогда самодержец принимал здесь иностранных монархов, а просители выстраивались в длинную очередь к трону, чтобы слезами или лестью выбить милость. Сейчас все, что осталось нетронутым, – это мраморные плиты пола да огромные люстры с огарками свечей высоко под потолком. Вместо трона на возвышении стояло обитое бархатом кресло. Один из его подлокотников был разодран, будто кошка несколько лет подряд точила об него когти. Солома и вата, выглядывающие из-под роскошной обивки, говорили о новой королеве больше, чем флаги Белого Чертополоха, развешанные по стенам.

У подножия ступеней, ведущих к трону, стоял стол с массивной столешницей и ножками в виде звериных лап. Вокруг него выстроились семь стульев: все как на подбор из разных комплектов и, такое ощущение, что даже из разных эпох.

На двух уже сидели люди. Извель, облокотившись о стол, смотрела перед собой, но взгляд ее ни на чем не сосредотачивался – она блуждала где-то в своих воспоминаниях. Атос, будто нерадивый ученик, ковырял столешницу ножом, но, как только заметил нас с магом, тут же поспешил его спрятать.

Одновременно с нами в зал из маленькой дверки справа от трона вошла ее величество. Она не видела прикованных к ней взглядов, и я поразились, какой усталой и вымотанной выглядела эта старая женщина. «Она не хотела быть королевой, – подумалось мне, – ее вынудили принять эту ношу». Корона – тяжкий груз, если власть не вызывает в тебе страсти.

– Ну что ж, мы почти в сборе, – бодро произнесла Крианна.

Мы сели на стулья. Я покосилась на два пустующих места и спросила:

– Должен прийти кто-то еще?

– Одно место за Секирой, – ответил вместо королевы Атос. – Она сейчас в северных землях Тилля, пытается договориться с их дарганом о военной помощи. Я лично не понимаю, что она находит в этих вечно прищуренных ребятах, но она в них бесконечно влюблена.

– Очаровательно, ты еще и нетерпим к другим расам, – хищно улыбаясь, вставил Слэйто. – Мой отец был из Тилля. Еще одна причина нам с тобой крепко подружиться.

Атос закатил глаза, а королева нахмурилась и проговорила:

– Да, Секира вряд ли к нам присоединится. А вот второй стул, как я надеюсь, в ближайшее время займет король.

– О, так вы замужем? – Я искренне удивилась, потому что слышала только о королеве Крианне и никогда – о ее супруге.

– Замужество? Брось, деточка, хоть я и угодила в золоченую клетку дворца, мне хватило мозгов, чтобы не сковывать себя узами брака, – расхохоталась Крианна. – Нет, я говорю об истинном короле. Том, для кого я сейчас согреваю трон своей тощей старой задницей.

– Неожиданно. Впрочем, я устала удивляться. То есть вы выиграли войну не для себя?

– Посмотри на меня, Лис. Я одной ногой стою в тронном зале, а другой – в могиле. А то, что у меня между ног, накроет Королевство, если я не успею передать власть кому-то молодому, полному сил и более достойному этой проклятой короны.

– Знаю я одного молодого и достойного, – пробормотала я себе под нос. Но чуткая старуха все равно расслышала.

– А он один и есть. Последний наследник истинного короля, штольцевская кровь с русалкой на гербе. Когда-то его именовали принцем Роуэном, а сейчас, если верить нашему генералу, он величает себя Гардио.

Вместо трубки старуха достала кисет, а из него – щепотку жевательного табака и, закинув ее в рот, заработала челюстями, как жерновами.

– И он придет? – на всякий случай уточнила я. – Придет, ни слова не

сказав, возьмет власть, сядет вон в то милое кресло и начнет править?

– Его приведет сюда тот же, кто привел тебя. Наша темная, во всех смыслах этого слова, лошадка – Мастос. А возьмет ли Гардио на себя это бедствие, будет зависеть от того, повзрослел наш принц или остался маленьким обиженным щеночком. – Крианна метко сплюнула желтую от табака слюну в специальную медную плевательницу, притаившуюся у ближайшей к ней ножки-лапы.

Извель потянулась через стол и взяла мою руку.

– Ты послала его искать меня, Лис’енок. Но вышло так, что йа сама нашла его раньше. Ему надо было очень мало: нэмного веры в то, что он не один стоит против всех чудовищ в Королевстве. Когда он придёт сюда, то увидит, какую силу мы собрали, – теперь мы можем им противостоять.

– А как ты сама очутилась здесь?

– Меня направил в столицу Мастос. – Извель задумчиво свела свои белоснежные брови. – Станный человек, страшный. Но он служит дэлу, в которое вэрит, в этом я увэрена.

Какая-то мысль билась у меня в голове, будто птица под крышей дома. Я забыла нечто важное, нечто, связанное с Мастосом. Но на меня сейчас и без того столько всего свалилось, что я лишь крепко зажмурилась и отодвинула потерянную мысль на самые задворки разума.

– Итак, ни Секиры, ни Гардио с нами нет. Но мы все-таки собрались. Гражданская война окончена, но по Королевству толпами бродят монстры. Один из них упорно преследует меня во снах, точнее сказать – в кошмарах. Слэйто пока держит оборону, однако я бы хотела вернуть себе право на спокойный сон.

– Они не будут ждать, – внезапно сказала королева. – Эти сволочи годами собирали силы, заселяли наши земли, прятались в наших городах. Но вовсе не для того, чтобы за пару сотен лет мирно выжить нас из Королевства. Эти твари не желают ждать.

– Почему вы так считаете? – спросил Слэйто. – Мы повстречали нескольких из них, и они не были настроены враждебно. Девочка-выдра, человек-волк. Напуганные, обозленные, но не враги.

– Знаешь, светленький, – обратилась к магу Крианна, и я невольно улыбнулась – уж больно подходило это прозвище Сияющему. – По шелудивой овце не судят все стадо, а по спящему волку не оценивают стаю. Я не знаю, кого вы там встречали, но война идет всюю: деревни на севере уже попали под удар. Две недели от какого-нибудь отдаленного села нет вестей, а когда туда добираются мои солдаты, дома заселены, очаги топят, люди довольны. Только вот это уже другие люди. А те, кто жил в

этом селе раньше, – просто исчезли.

– У нас две главных задачи, – начал Атос, поглядывая то на королеву, то на Извель, ожидая, что те подтвердят его слова. Обе женщины благосклонно кивали. Мой крайниец всегда умел очаровывать дам постарше. – Во-первых, выяснить все, что сможем, о том, с кем мы имеем дело. И, во-вторых, собрать все силы, что у нас остались после изнурительной войны, чтобы ударить врага в самое сердце.

– Только беда, что нэт у нэго сэрдца, – мрачно заметила ока. – Это не лэгион, на который можно напасть и разбить его.

– Именно поэтому и надо узнать, кто наш противник. Но это не значит, что пока мы ищем ответы, нельзя призвать под знамена людей, которые еще в силах держать меч.

– Боюсь, людьми мы не обойдемся, – проговорила королева.

Мрачное молчание повисло в зале, только подметающая пол служанка шуршала метлой: шух-шух-шух. Наконец королева нарушила тишину:

– Я думаю, вы устали с дороги и вам следует отдохнуть. Я попросила Глэйду подобрать комнаты из тех, что почище, и постелить там свежее белье. А то здесь даже некоторые сортиры со времен старого короля не чищены.

Я поднималась вслед за вертлявой служанкой – той самой, которая только что подметала в зале. Девушка трещала, будто позабытая на ветру вертушка, но я едва понимала смысл сказанного. Усталость навалилась на меня гранитной плитой. Я бегала наперегонки с ветром, потом – со временем. И каждый раз мои силы поддерживала лишь призрачная надежда на то, что гонка однажды оборвется. Что я смогу остановиться, вдохнуть полной грудью и больше никуда не спешить. Но как только исчезала одна цель – появлялась другая. И я опять начинала чувствовать себя собакой из тех, что участвуют в погоне за шустрым зайцем. Мне никогда не догнать его, будь он неладен.

Служанка, видимо, что-то спрашивала у меня по пути в покои, и, заметив, что я ее не слушаю, не на шутку обиделась.

– Вот-ваша-комната-госпожа, – быстро пробормотала она и скрылась, взметнув юбкой пыль.

Я вошла, но внутри меня поджидал очередной сюрприз – молоденькая девушка в ажурном чепце и аккуратном белом переднике. Она выглядела растерянной.

– Что случилось, милая? Мне сказали, что это моя комната и я могу тут отдохнуть, – обратилась я к горничной.

– Я, правда, не знаю, как это произошло, госпожа, – дрожащим

голосом произнесла девушка и указала на стол перед распахнутым окном. Там вальяжно разлегся полосатый кот. Толстый, в коричневую полоску, с разодранным ухом – настоящий пират!

– Ну, подумаешь, котик, – удивилась я. – Я люблю котов. Они хищники сродни лисам. Такие же симпатичные и подлые твари.

Девушка всплеснула руками.

– Да дело не в коте! Кот пришел позже. Кто-то пробрался в ваше окно и подложил вот это. – Только сейчас я заметила аккуратную стопку исписанной бумаги, которую мохнатый наглец прижал к столешнице своим задом. – Я убиралась тут, вышла на секундочку и... Ума не приложу, кто и, главное, как мог сюда попасть?

Я подошла к окну и выглянула наружу. Взобраться на стену мог только циркач или муха. Узенький парапет, тянувшийся от подоконника, вел к более низкой крыше холла. Тропинкой в мое пристанище могла послужить только она.

– Пройти тут мог только ты, – пробормотала я, почесав кота за ухом. – А учитывая, какой ты жирный, удивительно, что и ты сюда добрался.

– Ладно, – добавила я чуть громче, обратившись к горничной. – Не переживай.

Девушку как ветром сдуло. Я присела на колченогий стул и вытащила листы из-под кота. Заполненные ровным почерком пронумерованные страницы желтой бумаги приятно шелестели под пальцами.

Кот, видимо, вознамерился посторожить голубей и перебрался поближе к распахнутым створкам окна, где уселся, ворча и размахивая хвостом. Я принялась читать.

Дорогая Лис,

Я выполняю свое обещание и начинаю присылать письма, которые помогут тебе одержать победу в войне. Каждое письмо – это ключ к прошлому. Ведь не разобравшись до конца, что таится позади, ты не можешь смело шагнуть вперед. На этих страницах перед тобой раскроются тайны, но ты должна будешь их сохранить. Зная твой нрав, понимаю, что это будет сложно. Однако пойми, что истории, собранные мной по крупицам, принадлежат тебе не больше, чем мне или их непосредственным участникам. Все это – чей-то неведомый замысел, в котором ни один из героев не знает своей роли.

Читай эти истории, моя дорогая Лис, и делай свой ход. Это твои козырные карты, твои камни в матицца.

Первым рассказчиком выступлю я сам, потому что вряд ли в живых остался хоть кто-то, знающий так подробно события жизни и исчезновения маленького принца Роуэна. Я стоял над его кроваткой, когда повстречал кое-кого особенного, и уже тогда почувствовал, что в маленьких младенческих пальчиках рано или поздно будет сосредоточено будущее моей страны.

Я и начну с них, этих хрупких маленьких пальчиков, которыми малыш Роуэн сжимал только лаковую погремушку да край своего шелкового одеяльца. Эти ручки почти никогда не касались груди матери, да и от отца он слишком рано отдалился. Благородная кровь Роуэна стала не величайшим даром, а проклятием. Выпуская нас в жизнь, родители не спрашивают нашего согласия. Они рожают нас иногда по любви, иногда по нелепой случайности, а в случае с Роуэном – как часть великой политической игры.

Мать принца приходилась королю двоюродной сестрой. Их матери были не просто сестрами, а близнецами. И, к счастью, ни одна из них не дожидая до этого странного союза. Монарх тогда еще не именовался «старым королем», он был полон сил и страстей, но тратил их не на благо нашего Королевства, а, увы, на свои порочные увлечения. В самых отдаленных уголках страны король находил магические артефакты, забирал их себе, а потом часами просиживал над своими сокровищами, закрывшись в кабинете. В конечном счете, скорее всего, именно игрушки Поглощающих и Сияющих его и прикончили. Ведь еще до рождения принца он мог подолгу недвижно созерцать очередную безделушку, не реагируя на просьбы близких, а ночами заходил в мучительном кашле.

Королева, которая двадцать пять лет назад прибыла в Королевство юной и напуганной симмской принцессой, смирилась со странными увлечениями супруга, равно как и с тем, что детей у них не будет. Сколько бы двор ни требовал наследника – живот у прекрасной королевы не рос. Я частенько видел их вместе – нашу правящую чету – они не выглядели супругами или любовниками, скорее старыми друзьями, в меру заботливыми, но довольно равнодушными к судьбе друг друга. Может, и не было между ними близости, которая приводит к детям, а может, королева физически не могла зачать. Бесплодная Слива – так ее прозвали при дворе, намекая на сизовато-синий фрукт, украшающий герб острова Симм.

Графиня Штольца свалилась к нам как снег на голову. Она сама,

пятеро ее детей, буйный супруг – все они в одночасье заполнили дворец. В какую бы комнату я ни совался вместе со своими сиятельными учениками, там обязательно уже находился кто-нибудь из штольцевской родни. Все как на подбор: белобрысые, с крупными чертами лица, смешливыми большими ртами – в каждом из детей легко было разглядеть их мать. Графиня была прямой противоположностью королеве. Монархиня в свои сорок почти была прозрачна, хрупка, как хрустальный бокал, и передвигалась неслышно, словно эльф. А вот леди из Штольца со своим огромным бюстом, белокурой толстой косой и громоподобным голосом сотрясала дворец, будто великан из древних легенд.

Семейство графини прибыло якобы чтобы «помочь по хозяйству». Никто из приближенных толком не мог объяснить, что означала эта фраза. Муштровать горничных? Проверять работу ключниц? Зачитывать устав камердинерам?

Все понимали, что король все более и более отдаляется от управления страной и вот-вот свихнется от своих магических игрушек. И графиня знала это не хуже прочих. В то время как дворяне помельче начали мелочную дележку земель под ничего не видящим взглядом монарха, леди из Штольца, кузина короля, прибыла в Ярвелл, чтобы упрочить свое положение раз и навсегда. И она знала, как это сделать.

Графиня не стеснялась королевы. Она стала посещать семейные обеды четы, без приглашения заходила в личные покои, вмешивалась в собрания королевского совета. Однако королева так и не поставила ее на место. Наша Бесплодная Слива испугалась конфликта и сделала то, что показалось ей наилучшим выходом: просто стала ходить другими коридорами. Король, конечно, тоже поначалу ошалел от такого напора, но безудержная энергия его кухни неплохо встряхнула монарха. Он стал чаще улыбаться, заинтересовался делами подданных и даже начал выходить в сады своего дворца, прогуливаясь с двоюродной сестрой, которая была шире его в плечах и на голову выше.

Когда-то давно сестры-близнецы с разницей в год понесли младенцев. Одному из них предстояло стать последним королем умирающей династии, а другой – супругой пьяницы-северянина, осевшего в Штольце и живущего лишь пирами да охотой. Но несколько безоблачных лет дети провели вместе. Они делили огромный дворец Ярвелла, как площадку для своих игр, и были самыми счастливыми детьми в Королевстве. Потом судьба развела их на долгие годы, но секрет графини состоял в том, что она-то никогда не забывала милого мальчика, с которым была так дружна в детстве. Этот сидящий мужчина, помешанный на проклятых

безделушках, все еще был для нее тем же сорванцом. И пока придворные дрожали и пресмыкались, она единственная знала, чем рассмешить и развлечь своего короля.

Как быстро эта дружба переросла в нечто большее, не знал никто из двора. Я был так доволен изменениями в короле, что закрывал глаза на то, что графиня занимает все больше и больше места в его жизни. Монарх вновь слышал меня, когда я говорил с ним, и даже мое предложение по реформе образования – возвращение сельских школ – уже вызывало у него не кривую усмешку, а едва заметный интерес. Я был так окрылен этими метаморфозами, что не заметил, как наша тихая королева собрала всех своих фрейлин и переехала из опочивальни супруга в дальний флигель дворца. Она перестала появляться на обедах, балах и даже государственных праздниках. Словом, везде, где она могла пересечься с шумной графиней и своим потерянным супругом.

Графиня ждала этого шага и, закрыв дверь супружеской опочивальни, где медленно спивался ее недалекий супруг-северянин, переселилась в будуар попросторнее – королевскую спальню. Буквально через пару месяцев ее живот заметно округлился, а щеки порозовели. И, знаешь, никто, ни один из придворных не высказал ни одной гнусности в тени дворцовых переходов. Все вздохнули с облегчением. Это мог быть наследник. Пусть и дитя ближайших родственников, но чистый по крови, высокий по происхождению и вернувший нам короля.

Малыш родился чуть раньше срока. Графиня, прогуливавшаяся в одиночестве по своим любимым садам королевского дворца Ярвелла, просто почувствовала слабость и присела на одну из скамеек. И уже через двадцать минут без единого вскрика подарила этому миру принца Роуэна. Крепкого, кровь с молоком, мальчугана. Не просто ребенка – продолжение династии. Все взоры были обращены к колыбельке. И даже я, увлеченный лишь своей реформой, пришел посмотреть, о чем все так судачат.

Счастливый отец, казалось, совсем оттаял. Несмотря на незаконное рождение, наличие графа Штольца (пусть и не совсем вменяемого от ежедневных возлияний), да и вообще спорное положение графини при дворе, монарх отдался отцовству по-настоящему. Он часами играл с малышом Роуэном, названным в честь деда короля. А вот графиня медленно, но верно отдалялась от своего кузена. И это тоже было политическим шагом. Она связала себя с династией прочнейшей из нитей. Что бы ни произошло в Королевстве, она была и будет матерью наследника. Поэтому, покинув постель короля, графиня Штольца вернулась в семью: вытерла лица своим заплаканным и заброшенным детям, обняла совсем

одичавшего от одиночества мужа и, прихватив несколько тысяч олов из казны, укатила обратно на север.

Так Роуэн стал сиротой по материнской линии. Но у него оставался любящий отец, целый рой нянек и кормилиц, и что самое поразительное – у его колыбельки все чаще стала появляться... королева. Да, наша Бесплодная Слива вышла из своего темного флигеля, стоило шумному семейству Штольца покинуть дворец. Другая на ее месте возненавидела бы малыша, это живое доказательство измены мужа, но только не королева. Она ведь любила детей. Это и было самым страшным и трагичным в ее судьбе. При всей своей нежности и природном материнском инстинкте она не смогла дать стране то, чего та от нее так ждала, – наследника. А вот графиня смогла. И, может быть, именно это оправдало в глазах королевы противоестественный союз ее супруга и северянки.

Она не могла и не хотела злиться на Роуэна. И хотя королева продолжала избегать мужа, ее все чаще замечали в детской. Поначалу у порога, потом у кровати, а иногда и на ковре возле нее. Среди разбросанных игрушек и крошек печенья Бесплодная Слива смеялась залихватистым смехом и пела свои чудные симмские колыбельные.

Однако судьба уже готовила этому венценосному малышу тяжелое испытание.

Однажды король не запер дверь своего особого кабинета, где хранились его магические находки, и оставил сына играть с бумагами (не исключено, что среди тех листов находился и мой законопроект). Когда отец вернулся в покои, то Роуэн, уже посиневший, лежал лицом вниз на каменном полу, сжимая в ручонке какую-то проклятую драгоценность. Я проходил мимо кабинета, когда обезумевший король выскочил из дверей и стал звать на помощь. Именно я подбежал к малышу и вырвал из его ладошки смертоносную вещицу. Вырвал и швырнул в стену с такой силой, что та разлетелась вдребезги. Но темно-зеленое магическое пламя уже окутало принца Роуэна, и в сознание он так и не вернулся. Я видел это пламя, возможно, потому, что сам коснулся артефакта. Видел его и король, проводивший с вещами Поглощающих гораздо больше времени и прекрасно понимавший, что от неизвестного недуга принца не спасет ни один лекарь.

И тогда король решился на то, что любому нормальному отцу показалось бы безумством. Он взял мальчика и поскакал в ближайший к нему Удел Света. Люди редко говорили о хозяине этого места, как и о прочих высших магах, но его не обвиняли ни в особых злодействах, ни в тяге к жестокости. Я следовал за моим королем, как он ни проклинал меня,

как ни гнал назад. И хотя принца вез отец – я видел лишь светлую головку за краем плаща, – мне казалось, что с каждым километром сердце Роуэна билось все тише, выдох все реже сменялся вдохом.

Когда мы вошли в Чертог Света, то словно шагнули из летнего полдня в студеные зимние сумерки. Воздух искрился снежинками, а дыхание вырывалось облачками пара, инеем оседая на усах и бороде. Сияющий явился к нам почти сразу. Седой старик, иссохший, как старое дерево, но чей взгляд пронизывал насквозь. Нехорошие у него были глаза, мертвые и равнодушные. Он не был одет в магическую робу или плащ. Обычная крестьянская рубаша и штаны. Ноги его были босы: он шел по снегу, не замерзая, и, к моему удивлению, не оставлял следов. Маг ничего не сказал, а только подошел к королю, который трясся то ли от холода, то ли от страха перед Сияющим. Затем старик отодвинул ткань с лица мальчика, закутанного в плащ, и произнес:

– Интересно.

Мозолистым пальцем он коснулся сначала лба принца, затем кончика носа и нижней губы. Потом словно разрезал воздух по этой линии над лицом Роуэна. В тот же миг вокруг ребенка словно что-то разорвалось, лицо мальчугана побагровело, он учащенно задышал, а потом и вовсе разревелся. И я, и король потрясенно уставились на волшебника, спасшего малыша, но тот не дал нам сказать ни слова.

– Пока он с тобой, – Сияющий ткнул пальцем в короля, – он будет в опасности. Ты уже сгнил до нутра, играя с вещами, которые тебе неподвластны, а теперь хочешь сгноить и сына.

Король собирался ответить, но маг махнул сомкнутой ладонью перед лицом монарха, и тот замолчал, словно по волшебству. Хотя почему же «словно» – это и была магия, мгновенно запечатавшая рот великому королю.

– Пока он принц, он не будет знать покоя. Каждому встанет поперек горла, каждому будет мешать. И ты его не защитишь, – пригрозил старик. – Пусть отречется. От имени, от рода, от дворца.

Сияющий развернулся и собрался уходить, но, помедлив, взглянул на меня. Столько лет прошло, а я все еще помню его ужасающе-пронзительный взгляд. Глаза старые и мудрые, не прощающие и бесконечно усталые. Он смотрел на меня или сквозь меня, будто пытался разглядеть будущее, а затем изрек, кивнув на короля:

– Он уже потерял свою империю. Не надейся на него, беги пока несут ноги. Ты уже знаешь, что грядет.

Он ошибался. Тогда я еще ничего толком не знал, а только чувствовал

где-то глубоко внутри, что впереди нас ждут страшные и темные времена.

– Строй свою империю, Мاستос, – добавил старик, непонятно как узнавший мое имя. – Империю слухов, тайн и донесений. Такие королевства обычно стоят прочнее, чем те, что воздвигнуты на человеческой крови. Придет время, и ты спасешь мир.

С этими словами он исчез. А мы с королем покинули Удел Света, оба пребывая в замешательстве. Каждый услышал жуткое предсказание, и каждый должен был решить, как ему с ним жить.

Король был смелее меня. Покуда я продолжал учить молодых герцогов и герцогинь при дворе, даже не помышляя о строительстве какой-то там империи, он поступился своей любовью к сыну и отослал Роуэна к матери, подальше от опасной магии.

Вместе с ребенком королева словно потеряла смысл оставаться в Ярвелле подле супруга. Наша венценосная госпожа собрала своих фрейлин и в один день покинула и дворец, и столицу. Сначала все твердили, что она отправилась на Симм повидать родных, затем – что решила посетить все тридцать святилищ богов Королевства, чтобы замолить грехи мужа, но постепенно голоса умолкли. Потому что поняли: Бесплодная Слива покинула дворец и страну навсегда. Оскорбленная, раздавленная, так никем и не понятая. Одинокая чужестранка в дальнем краю, у которой отняли единственное, что приносило ей радость, – малыша Роуэна.

Мальчик же изредка приезжал в Ярвелл, чтобы повидать отца, но оставался лишь на пару дней – искусству править он обучался у себя в Штольце. Лишить сына прав на престол, несмотря на предречения Сияющего, король так и не смог. И уже вскоре пожалел об этом. Здоровье его пошатнулось, и ближайшие родственники – многочисленные дядья, племянники, троюродные братья и сестры – почуяли запах большой наживы.

Первое покушение на Роуэна произошло, когда тому сравнялось восемь. В тот раз один личный охранник принца погиб, а другой был тяжело ранен и месяц потом умирал, несмотря на старания врачей королевской семьи. Не прошло и полугода, как на мальчика напали снова, когда он гулял в саду своего дворца с гончими. Собак убили, хотя они и не были сторожами, а до мальчика не добрались лишь чудом – он успел укрыться в доме на дереве и отрезать веревочную лестницу. Покуда наемные убийцы пытались взобраться на дуб, подросла стража. Графиня, которой сын был выгоден во дворце и сильно мешался в Штольце, конечно, пыталась его защитить. Но и она, подобно королю, сильно сдавала позиции на политическом небосклоне нашей страны. Пришли новые родственники,

молодые, с полным ртом острых и крепких зубов, не гнушающиеся убийством ребенка. Что могла противопоставить им стареющая графиня вместе с маленьким кругом прислуги и охраны?

Король понимал, что начинает сбываться вторая часть предсказанного, и уже собирался для спасения Роуэна лишить принца столь ненавистной самому монарху короны. Но не успел. Последнее покушение было спланировано намного тщательнее. Говорят, руку к нему приложили несколько внучатых племянников короля и приближенные к трону аристократы Ризетти (думаю, тебе знакома эта фамилия). Дворец в Штольце превратили в мышеловку, заблокировав все входы и выходы. Двадцать обученных наемников переходили из комнаты в комнату, убивая всех, кто встречался им на пути. А если и теряли одного из своих бойцов, сильно не переживали: больше золота досталось бы выжившим. До покоев Роуэна они добрались в последнюю очередь. Личная охрана принца, люди, которых он знал с младенчества, сдерживала натиск дюжины убийц, пока принц пытался сбежать через окно. Ценой своей жизни они подарили мальчику несколько бесценных минут, и он сумел спрыгнуть сначала на крышу близлежащей конюшни, а затем на землю и убежать прочь от своей прежней жизни. Его последние минуты в Штольце наблюдала старая кухарка, единственная выжившая в той бойне. Пока наемники свирепствовали в замке, она спускалась в погреб за картофелем, а когда вернулась, то увидела, как убегает единственный законный наследник трона Королевства: без ботинок стремглав уносится прочь от своей короны и предназначения, пачкая белые чулки о мерзлую землю.

Хотя отец и не смог спасти Роуэна, тот защитил себя от предсказания Сияющего сам. Как мальчик выживал, что ему, привыкшему к мягким перинам и белому хлебу, пришлось перенести, вживаясь в новую роль сироты, – знают одни боги. Короля эта утрата, да и смерть графини, сломала окончательно. Он стал заговариваться, слег, а затем оставил этот мир и проблемы, которые сам же ему и принес. Я не покидал короля до конца. Мне казалось предательством бросить своего монарха и покровителя. В свою последнюю ночь он много говорил, бессвязно кричал, звал давно умерших слуг и друзей, но минут за десять до смерти на него снизошло просветление. Взгляд стал спокойным, лоб разгладился. Он увидел меня подле кровати и узнал. Я подбежал и схватил моего государя за руку.

– Знаешь, Мастос, – сказал он с небывалым сожалением в голосе, – мне жаль, что я так дурно обошелся с Лалеей.

У меня слезы подступили к горлу: король вспомнил о своей маленькой

и хрупкой жене с острова Симм.

– Я ведь знал, что ее дразнят Бесплодной Сливой. Даже мне это прозвище казалось забавным. Какой же я был дурак. – Государь судорожно вздохнул и потянулся пальцами к горлу, будто его сдавливала невидимая удавка, а он пытался ее ослабить. Затем взглянул на меня с испугом и доверительно прошептал: – Не подумай, будто я схожу с ума. Но я видел ее вчера. Она вошла в комнату в белом платье, села у кровати и погладила меня по голове, как много лет назад. Мне кажется, Лалея уже умерла и теперь зовет меня за собой. Мне страшно, но, похоже, я уже готов. Тем более когда знаю, что она ждет меня на той стороне.

В ту ночь он и отошел. А я, раздавленный горем, бродил по замку, пока не встретил... королеву-вдову. Оказывается, она сама, а не ее призрак, вернулась из добровольного изгнания, чтобы проститься с супругом. Я не смог утаить от нее этого разговора. Мне хотелось чуть облегчить ее боль – а по глазам я видел, что страдает она неимоверно. Выслушав меня, королева улыбнулась и спокойно промолвила:

– Хорошо.

Через пару дней ее нашли повешенной в библиотеке дворца. Рядом лежала записка: «Он ждет меня на той стороне. Не могу его обмануть». В тот момент королевская династия оборвалась.

И если честно, я не знаю, о ком весь этот рассказ. О старом короле, королеве, графине или Роуэне? А может быть, обо мне самом? Я бежал из дворца, но помнил, что за предсказание оставил мне Сияющий. Мне предстояло построить свою империю. От одного у меня было пророчество, а от другого – список имен. И я не подвел их обоих. С теми силами, что мне удалось собрать за десятки лет, я без труда нашел вольного копейщика Гардио, которого раньше знал как Роуэна Штольского.

Его новое имя поначалу показалось мне странным, незвучным для Королевства. Но позднее я узнал, что на языке острова Симм «гард» означает цветущий сад, а «ио» – сливу. Было ли это совпадением, или же Роуэн так отдал честь королеве, чье невмешательство позволило ему появиться на свет и чья забота так запомнилась маленькому мальчику? Той, что могла бы стать его истинной матерью, не сойдишь звезды иначе. Спросите у него об этом, когда все закончится.

* * *

Больше ничего не было. Я сидела, словно в забытьи, настолько далеко

меня перенес рассказ Мастоса о рождении и детстве моего друга. Пальцы слегка поддрагивали. Я налила себе воды из графина, стоявшего на столе, и отпила половину, чтобы успокоиться.

Значит, Гардио был настоящим наследником старого короля, а Мастос некогда служил придворным учителем. Более всего меня смущало предсказание, сделанное тогда еще молодому мужчине Сияющим: «Строй свою империю, Мастос».

Старик неспроста странно вел себя, когда мы прощались. Ах, Войя меня подери! Я судорожно стала рыться за пазухой и в сумке. Ведь он дал мне какой-то список имен! Кот-пират недовольно заворчал, видимо, я мешала его охоте. Наконец листок был найден. Я вытащила его и стала разглаживать на столе, при этом неловко задела кота локтем. Тот разъяренно взвизгнул и сиганул на паркет, опрокинув задней лапой и графин, и стакан. Проклятье!

Вода залила записи о Роуэне и листок. Но если история принца была написана на плотной бумаге, то лист с именами был тонкий и истертый, будто тысячелетний пергамент.

– Нет, нет, нет, – шептала я, но напрасно. Чернила расползались по бумаге, и я уже могла прочесть лишь отдельные слоги: Ро... Ир... Эс...

Я начала размахивать листочком в надежде его просушить, но тот внезапно распался от влаги и мокрыми ошметками шлепнулся на стол.

«Поздравляю, – подумала я про себя. – Я только что уничтожила список, который должен был спасти мир».

Слева на столе стояла чернильница с гусиным пером и лежала стопка листов. Я взяла один из них, аккуратно оторвала от него половину, а затем половину от половины. На получившемся клочке сверху я написала:

Роуэн

Затем, подумав, вывела справа от имени кривоватый знак башни с голубкой.

Это все, что я помнила из того списка. Но если Мастос будет последователен в своих письмах, то я смогу восстановить его весь – и, может быть, тогда пойму тайный смысл игры старого монаха.

Я вздохнула, скользя взглядом по пустому листу с одним лишь именем. Почерк у меня стал ужасно корявым. И неудивительно. Как легионер я расписывалась крестом, а как Бешеная Лисица вряд ли писала что-то сложнее долговых расписок. Мой учитель каллиграфии из замка потерял бы сознание, если б увидел, как огрубели навыки его блестящей ученицы.

– Но на войне красивый почерк ни к чему, – сказала я сама себе и прямо в сапогах улеглась на кровать.

Кошмар окутал меня очень плавно. После Волчьего сада золотой вихрь настигал меня всего два или три раза, но Слэйто всегда был рядом. Он вытаскивал меня, закрывал собой от этой могучей и пугающей силы – сияния, способного выжечь глаза.

Но сейчас мага здесь не было. А я, прекрасно осознавая, что сплю, не могла заставить себя проснуться. Я стояла в зеленом льняном платье, вернее, в его лохмотьях. По внутренней стороне бедер струилась теплая кровь. Волосы были растрепаны, губы разбиты. Я стояла посреди темноты и переживала ужас изнасилования, которое произошло много лет назад, так, будто все случилось только что.

– Ищешь новые способы, чтобы сломить меня, тварь? – проговорила я, стараясь совладать с дрожью в голосе. – Тогда тебе придется придумать что-нибудь пострашнее.

– А что, если это был я? – произнес голос справа. Я обернулась и увидела Принца, наследного лорда и моего мучителя. – Что, если я и есть среброволосый принц в багряном плаще? Тот, кто спасает твоих непутевых друзей?

Я расхохоталась так, что горло начало саднить от боли. Привкус крови на языке в кошмаре не сильно отличался от настоящего.

– Это самое глупое, что я слышала. Плохо стараешься, господин Золотой вихрь.

– Я не он. Я лишь отражение твоих скрытых страхов, – проговорил Принц, рассыпающийся в красную пыль. – Я тяну время до его прихода. Отвлекаю тебя, как и любой страх. Но вот идет тот, кого ты ждала.

Я уже знала это, чуяла его: волоски на теле встали дыбом. А бесплотные голоса из тьмы начали ритмично повторять:

– Идет король. Король-медведь. Идет король. Король-медведь.

Я попыталась зажать уши, но эти бесовские слова я слышала и не ушами, они проникали прямо в мозг. Ритмично, гулко, безумно, страшно.

В спину дохнуло теплом. Запах гниющих роз и вербы – запах смерти.

– Тебя там даже не было, – прошептала я, падая на колени.

– Не было ли? – пророкотал знакомый голос – мягкий, убаюкивающий и нечеловеческий.

Я уже была готова упасть в объятия монстра за моей спиной и раствориться в них. Но в этот самый миг впереди, словно фонарь, замаячил слабый огонек. Он быстро приближался. Мой светлый маг легким шагом

разрезал тьму, и голоса сторонились его света.

– Как ты мне надоел, – устало произнес вихрь. – Когда мы встретимся вне сна, я разорву тебя на части.

– Когда-нибудь, когда-нибудь, – пропел Слэйто. – Но пока сгинь.

Я открыла глаза. Все та же комната в замке Ярвелла. На столе ночной ветерок шуршал листьями с историей Роуэна. Каменные стены, для тепла завешанные домоткаными гобеленами. Слэйто склонился надо мной, присев на краешек кровати и положив свою могильно-ледяную ладонь мне на лоб.

– Он приходит, когда ты слабеешь, совсем как простуда. Чует твою слабость и идет по отсветам моей магии. Вот поэтому нам так опасно быть вместе.

– Но если бы не ты, он схватил бы меня, – улыбнулась я, не догадываясь, различает ли он в темноте эту мою деланую храбрость.

– И если бы не я, он вообще бы на тебя не вышел, – вздохнул маг. – Как только ты становишься тревожной, переживаешь, нервничаешь, – он, как чума, выползает из подполья. Постарайся не впускать дурные мысли в голову, Лис, ладно?

– Останешься со мной до рассвета? – спросила я вместо того, чтобы ответить на его вопрос.

Слэйто не пообещал, но и не сдвинулся с места. Наверное, пока что не стоило рассказывать ему о Мастосе и его письмах. У всех моих друзей и без того полно забот. Пусть письма пока останутся моей тайной.

– Мне нравится спасать тебя от чудовища, – внезапно произнес Слэйто. – Я чувствую себя значимым и важным.

– Так и есть, глупый, – засмеялась я.

– Я как будто ненастоящий. Временный, – с расстановкой произнес маг. – Ты и Атос, Извель и Крианна, – все вы настоящие, со своим прошлым и будущим. А я будто персонаж, придуманный в сказке лишь для того, чтобы спасти принцессу от дракона до тех пор, пока не появится истинный герой. Я необходимый ход сюжета?

– Ты дурак, – искренне ответила я. Затем перевернулась на бок, но когда холодная ладонь Слэйто попыталась соскользнуть с моего лба, я поймала его пальцы и силой удержала их на месте.

* * *

Он пришел зябким утром. Мужчина в поношенном желтом плаще.

Возраст путника было сложно определить из-за седины, которая пробилась в золотистых волосах и почти целиком окрасила в пепел ухоженную бороду.

О том, что странник вошел в Ярвелл, королеве донес один из тех стражников, что дежурили на всех воротах. И пока тот шагал по просыпающимся улицам столицы, весть о его появлении уже передавалась из уст в уста.

Мы все высыпали на парадное крыльцо дворца, чтобы посмотреть на нашего короля, когда он вернется в свои истинные владения. Крианна была взбудоражена, трубка так и ходила из одного угла ее губ в другой. Извель, словно маленькая девочка, привставала на цыпочки, надеясь разглядеть путника раньше прочих. Атос выглядел растерянным, Слэйто отрешенно молчал. А я? Меня наполняло странное чувство торжества. Мой друг – законный король страны. Будет ли он достоин этой роли? Сможет ли противостоять угрозе, нависшей над его родиной, или так никогда и не наденет тяжелую корону? Кто бы знал. Я ждала не короля Роуэна, о чьем детстве мне было известно теперь намного больше прочих, а своего друга Гардио, которого однажды оставила среди серебристых тополей.

Утро было прохладным, и, стоя на балконе с королевой и друзьями, я куталась в плед, найденный в моей спальне. Во дворе сновали легионеры Чертополоха. Кто-то с башни подал им знак, и солдаты, выстроившись в две ровных колонны, застыли, словно статуи. Когда мужчина вошел во двор, легионеры приложили кулаки к груди, приветствуя его. Не одновременно, вразнобой, кто-то к левой стороне, кто-то к правой. Один молоденький солдат и вовсе поднял свой сжатый кулак в воздух и исправился только после того, как посмотрел на товарищей. Но даже эта демонстрация произвела на путника изрядное впечатление. Он вздрогнул и будто даже собрался развернуться и уйти, но тут заметил нас на балконе. Мы же как по команде ссыпались со ступеней дворца. Последней ковыляла Крианна, проклиная нас отнюдь не изящным слогом.

С последней нашей встречи Гардио стал выглядеть старше. Морщины вокруг глаз залегли глубже, углы некогда вечно растянутого в улыбке рта скорбно опустились. Он подстриг свои кудри, и теперь, с короткой стрижкой и почти седой бородой, выглядел собранным и решительным. Гардио осмотрел нашу группу: удивленно поднял брови, заметив Атоса, нахмурился при виде Слэйто. А потом громогласно провозгласил:

– Эх, девочки мои!

И подбежал к нам с Извель. Я не сразу сообразила, что он собирается делать. А Гардио распахнул объятия и стиснул меня и ока так, что ребра

затрещали. Он подхватил нас и поднял над землей, крепко прижимая к себе. Я заверещала, требуя вернуть меня на ноги, а Извель расхохоталась.

– Никогда нэ отказывайся от объятий, Лис’енок. Кто знает, когда тэбя захотят обнять в следующий раз и захотят ли вовсе.

Гардио же от души расцеловал в щеки и меня, и мою подругу и только после этого расцепил руки.

– Не знала, что вы знакомы, – удивленно произнесла я, потирая спину.

– Ты сказала мне искать ока, я это и сделал. Но Извель нашла меня раньше, и лишь чудом прорвалась в мой шатер. У нас с этой старушкой своя долгая и красивая история. Почти роман, – печально улыбаясь, ответил Гардио.

– Ты сэбе льстишь, Гар, – нежно произнесла Извель, легонько ударив его по руке.

– Гар! – Я, негодуя, обернулась к Атосу. – Ты слышал это? Гар!

А Гардио уже и сам подошел к крайнийцу и крепко обхватил его за предплечье.

– Слышал, что ты умер. И бесконечно рад, что это не так.

Генерал с чувством сжал руку блондина, но промолчал. Атос все еще выглядел несколько растерянно, будто не знал, как обращаться к своему другу: по имени или новому титулу.

Затем Гардио подошел к Слэйто и неожиданно для меня положил руку ему на плечо.

– Не могу сказать, что счастлив видеть тебя, приятель. Но раз ты привел сюда Лис целой и невредимой, то заслуживаешь моего доверия.

Затем он развернулся к Крианне.

– Тетя.

– Троюродный племянник.

Они стояли друг напротив друга – и вряд ли можно было найти пару контрастнее. Сухая старуха, пропахшая табаком, сгорбившаяся под весом прожитых лет и свалившейся на нее ответственности. И мужчина – еще молодой, широкоплечий, с ясным взором и твердой верой в свои силы. Такие разные и все-таки схожие в том, что нельзя было увидеть глазом. Что-то истинное и мощное, текшее в их жилах.

Королевская кровь?

– Нам надо многое обсудить, Роуэн, – произнесла Крианна, а затем обернулась к нам. – Может быть, это займет не день и не два. Вам придется подождать. Разговор предстоит не из легких. И ты. – Старуха указала пальцем на меня. – Переоденься, наконец, во что-нибудь достойное!

– А мне нравится ее наряд, – тихо, но очень твердо произнес Гардио.

Старуха пожевала губами и, покачав головой, заметила:

– Ты станешь хорошим монархом. Но уж больно ты мягок.

Крианна взяла племянника под локоть, и они направились во дворец, склонив головы и тихо переговариваясь о чем-то своем, королевском.

– Он станэт вэликим королем, – вдохновенно произнесла Извель, глядя вслед Гардио. – Роуэн Пэчальный.

– Лишь бы ему было чем править, – заметил Атос. – Если мы не справимся с напастью, которая поглощает Королевства, его запомнят как Роуэна Без Трона, властелина разрушенной страны и убитого народа.

Имя пятое: Извель

Мы гуляли по Ярвеллу второй день. Холод, который принес на своих плечах новый король, решил погостить в столице подольше. Для юга этот зябкий, колющий ветер, от которого стынут пальцы, был в новинку. Но, кажется, измотанные жители города уже не обращали внимания на такие мелочи, как холодное утро.

Мы с Извель шли по пыльным улочкам и говорили. Обо всем на свете: о людях, книгах, растениях, природе вещей и чувствах. Не упоминали только о самом главном, старательно избегая тем, касавшихся нашего общего прошлого или еще более пугающего совместного будущего. Когда мы проходили под вывеской булочной и нас окутал аромат свежеиспеченного хлеба, мы застыли, точно два ребенка, перед огромным прилавком, выходящим прямо на улицу. Некоторые торговцы легче перенесли войну, и их дело процветало, как и у этого булочника. На лотках и деревянных подносах дымились маленькие улитки с корицей, огромные ржаные караваи, плоские соленые лепешки с кунжутом и тмином. Но нас с Извель манили, конечно, пирожные, которые притаились в самой глубине: с марципановыми цветами и белоснежной ванильной посыпкой.

– Нечего тут околачиваться! – прикрикнул булочник. – Либо покупайте, либо проходите.

Я собиралась уже поставить наглеца на место, как вдруг кто-то окликнул:

– Леди! Эй, леди?

Я обернулась и увидела чернобрового хозяина таверны «Тромбон и гусь». Оказывается, булочная, которая нас привлекла, располагалась прямо напротив этого самого питейного заведения. Мы с Извель приблизились к моему знакомцу, и тот даже присвистнул от удивления.

– Госпожа с белой кожей, одетая как ока. И ока, обряженная как королевская фрейлина. Более странной парочки я раньше не встречал. Мне-то все равно, но вот наш Нэврин, – владелец таверны кивнул на булочника, который демонстративно от нас отвернулся, – тот еще сноб. А вы еще меня пытаетесь обвинить в предрассудках! Но мое предложение все еще в силе.

Мы воспользовались радушием хозяина, который представился как Шмулс, и вошли в «Тромбон и гусь». Наверное, пить красный, сладковато-перченый эль более соответствовало нашему возрасту, чем глазеть на пирожные. Заняв столик в самом углу, мы продолжили разговор, правда,

внезапно повернувший в другое русло.

– Ты избегаешь Атоса, Лис? Или мне это примечалось?

Я сморщила нос и начала чесать лоб. Я делала так всякий раз, когда собиралась соврать, и она прекрасно знала о значении этого жеста.

– Не то чтобы избегаю, Извель. Просто не ищу встреч, можно так сказать.

– А раньше вы были не разлей вода, – невинно продолжила Извель, поглядывая на меня поверх сложенных у лица длинных темных пальцев. Перчатки она сняла и аккуратно положила на столик.

– Раньше многое было иначе, – уклонилась я от объяснений. – Ему неловко рядом со мной. Я это чувствую, и неудобно становится уже мне. За два года, что не виделись, мы обросли новыми жизнями, как звериной шкурой. Туда, в прошлое, не пробиться, а как строить все заново – мы оба не знаем. К тому же его на каком-то глубинном уровне раздражает Слэйто. Он вчера за ужином сказал, что тот пьет чай, слишком громко хлюпая! Ты же там была.

– Была, – невозмутимо подтвердила гадалка. – И Слэйто и правда ужасно-ужасно хлюпает.

Ее улыбка от меня не укрылась. Я втянула голову в плечи и сложила руки замком на затылке, словно пытаюсь спрятаться в домике. Извель ласково коснулась моего плеча.

– Твой светленький очень милый. Атос чувствует твою нужду в нем и ненавидит его за это. Он привык быть всем и каждому опорой, наш большой и могучий волк. Ему не просто принять то, что эту роль заняли, но он смиритесь, – на мгновение Извель задумалась, – или найдет способ заменить Слэйто в твоей жизни. Иного пути для волков не существует.

Мне совсем не хотелось обсуждать это даже с Извель. Поэтому мы некоторое время молча пили эль, а когда я перевела взгляд на подругу, то заметила, что она слишком сильно тербит свои белые перчатки.

– Ты, кажется, хочешь чем-то поделиться, Извель?

Та тревожно глянула на меня и обреченно вздохнула.

– Я думаю, что браслет мне дал Мастос.

Я ошарашенно взглянула на нее, потому что сразу догадалась, о каком именно браслете говорит она.

– И ты молчала? О боги, я была уверена, что эта вещица принадлежала Карамину, богу дорог!

– Может, и принадлежала, – неуверенно повела плечами Извель. – Но получила я ее от молодого крайнийца.

– Молодого? Мы точно говорим о том самом Мастосе?

– Давным-давно мнэ пришлось покинуть родной токан. Я вступила в бродячую труппу циркачэй, которые никогда не задерживались дольше дня на одном мэсте. У нас были и куклы-марионетки, и фокусник, а я прэдсказывала судьбу. Мне нэлегко тебе говорить об этом, Лис’енок, но тогда были нэ лучшие дни моэй жизни. Я была опустошэна.

Ока залпом допила оставшийся эль – добрую половину кружки – и сделала знак Шмулсу, чтобы тот повторил заказ. После этого Извель продолжила:

– Я прэдсказывала людям только страданиэ и боль. Видэла только эти чувства в своэй собственной жизни и надэялась, что смогу освободиться от них, прэдрекая другим напасти. Люди часто плакали в моэй палатке, тряслись от страха, умоляли разглядэть другой исход. Но тщетно. Однажды моэго совета попросил молодой крайниец. Он был хорошо одэт, даже носил очки. Да я впэрвые их тогда увидэла, навэрное. Он нэ хотел знать свою судьбу, он пришэл за советом. Он хотэл начать какое-то свое дэло, но всэ нэ рэшался: хватит ли у нэго сил. Я тогда лишь подумала, что это очэредной богатенький бэлый сынок размышляет, торговать ему свининой или говядиной. Но, раскинув карты, очень удивилась. Настолько, что даже нэ стала искать горя в прэдсказании.

«От твоего дела будет зависеть множество жизней. Если верить картам, весь мир, который мы знаем, в твоих руках, – сказала я ему, а потом с горэчью добавила: – Ну и пусть горит синим пламенем. Пусть катится к Войе, обливаясь слезами и захлебываясь кровью, этот проклятый мир...»

Он нэ удивился, Лис. Зато пэрвый из многих взял мэня за руку, и мы проговорили вэсь день и всю ночь. Юноша нэ стал терзать мэня расспросами, просто тихо слушал, как я изливала свою злобу, и был так добр ко мнэ. Имэнно он рассказал, что все люди и события оставляют слэд в нашей душе. Помнишь, я говорила тебе о тени от костра на камнэ твоей жизни? Это ведь нэ я придумала, Лис’енок.

Но я не рассказала тэбе главного. Мастос – а сэйчас я почти уверена, что это был он, – сказал, что только чэловек решает, какую память оставит на камнэ его жизни нэкое событие или друг. Лишь мы рэшаем, покрыть ли свою душу копотью или наполнить ее свэтом. Тая обиду, храня боль и накапливая злобу, мы день за днэм сами осквэрняем свой камэнь. Не успэешь оглянуться, как твой камень души будет настолько закопчен, что на нэм больше не сможет отразиться ничья тэнь. И это хуже, чэм просто умэреть.

– А если человек не принес тебе никакой радости? – тихо спросила я, вспоминая о копотии на собственном сердце. – Как можно сохранить в душе

свет, если света и не было?

– Дажэ в самой тэмной ночи есть звезды, Лис’енок. Искать свэт надо не в чужом сэрджэ, а в своем собствэнном.

– Так или иначе, – продолжила Извель, – крайниец спас мэня тогда. Отвэл от края пропасти, в которую я лэтела на своих сломанных крыльях. Иногда обычный разговор можэт отстроить разрушэнное, и во мнэ вновь засияло пламя жизни. Уходя, он вспомнил, что нэ заплатил мнэ за гадание. Я бы и нэ взяла ничэго, такое сильное впэчатление произвел на мэня гость. Но он настоял, хотя и заявил смущэнно, что его кошэлек украли. Ещэ дэнь назад я обозвала бы его лжэцом, но тут лишь сказала, что любой малости мнэ хватит. Крайниец снял браслэт с зэлеными бусинами с запястья и отдал его мнэ. В тот день и каждый послэдующий эти бусины дарили мнэ вэру в то, что нэ бывает пропащих людей, а мэня ждэт мой собствэнный путь. Но пришло врэмя, и браслет смэнил хозяина. Отдавая его тебе для заокраинской брони, я была встрэвожена, задавала сэбе вопрос: «Останусь ли я прежней, лишившись его?». Но оказалось, что браслет был просто бэзделушкой, а сила всэ эти годы жила внутри мэня самой.

Рассказывая свою историю, Извель смотрела в окно. Глаза под белоснежной каймой ресниц влажно заблестели, возможно, именно поэтому она на меня и не смотрела. Мне почему-то показалось неуместным рассказывать ей сейчас о том, что чем-чем, а безделушкой браслет не был, и о том, как он спас мне жизнь в Сиазовой лощине. Это была исповедь Извель, не стоило нарушать это таинство. Я только позволила себе спросить:

– Почему ты так уверена, что это был Мастос? Крайнийцев в Королевстве было много и годы назад.

Гадалка зябко поежилась. Утренний холод проникал даже сквозь плотные кирпичные стены таверны и сворачивался у ног колючим лесным зверем.

– Мне кажэтся, что он сам хотэл напомнить о той встрэче. После знакомства мы с Гаром рэшили исследовать в поисках тварей юг страны. Я собиралась пройти через Врата Рэмира, но не смогла. Там все перекопано, и куча строитэлей: говорят, скалы начали крошиться и проходить там опасно. Мнэ пришлось идти в обход, по горным тропам, там я и встрэтила Мастоса. Он спэшил, как и я, на юг – но восточнее. Приятный, тихий, любэзный. Он как будто возник в моэй жизни в самое нужное врэмя.

«Возник в моей жизни в самое нужное время». Что ж, так могла сказать и я сама. То, что Мастос встретил нас со Слэйто и Аэле после битвы в Русалочьей пади, уже не казалось мне удивительным совпадением.

Монах все рассчитал.

– Это он сказал мнэ, что Крианна вот-вот захватит столицу и власть. Он сказал мнэ, что ты жива, как и Атос, и что мы все встретимся во дворце. Он говорил нэ как прэдсказатель, а как наблюдатэль. У мэнэ же нэ было причин ему нэ вэрить. Он сказал, что Гара перэхватит кто-то из его учэников, а сам он должэн спешить. На прощание он почти вскользь спросил, где мой браслэт с зэлеными бусинами. Я даже не сразу поняла, о чэм он, и, кажется, ничэго ему нэ ответила. Лишь когда он скрылся из виду, я сложила все в уме и догадалась, что этот старик и есть крайниец из далекого прошлого.

* * *

В тот день мы с Извель больше не говорили ни о прошлом, ни о будущем. Мы прилично набрались эля у Шмулса и учинили небольшой переполох во дворце, вернувшись ночью и горлая заокраинские песни. Крианна даже лично вышла нас отчитать. Странно, но, несмотря на поздний час, королева была одета и не выглядела сонной. Казалось, что они с Гардио совещаються вторые сутки без перерывов на сон или еду.

* * *

Я лукавила, говоря Извель, что не избегаю Атоса. А между тем делать это становилось все сложнее. Странно, но как только ты прикладываешь усилия и выдумываешь всевозможные схемы, чтобы избежать встреч, они начинают случаться по десять раз на дню. Мы сталкивались в конюшнях, псарнях, голубятнях, на кухне, во внутреннем дворце, в оружейной. В конце концов, я уверилась, что единственное место, где Атоса точно нет, – это его собственная комната, и была в шаге от того, чтобы направиться туда и просидеть там до вечера.

Это был поздний вечер второго дня совещаний Крианны и Гардио. Когда я вышла в крытую галерею, выходящую в сад, на небо уже высыпали звезды. Еще днем я заметила ржавую железную лестницу, ведущую на черепичную крышу галереи, и вот теперь, сбрасывая сапогами чешуйки ржавчины, забралась наверх. Над головой был глубоко синий небосклон, а под ногами раскинулся пахнущий свежей зеленью сад. Я почти наугад сделала пару шагов и села.

– Привет, – донеслось из темноты.
– Да ты издеваешься, – простонала я.
– Если хочешь – я уйду, – беззлобно сказал Атос. – Не думал, что встречу тебя здесь...

– ...И именно поэтому сюда залез, – закончила я за него. – Нет, я не хочу, чтобы ты уходил. Тут ведь так хорошо, правда?

– Немного напоминает наше путешествие. Я никогда – ни до, ни после – столько раз не глядел на звездное небо. В детстве небосклон не привлекал меня, а когда я стал командиром наемников, а затем генералом, то всегда бывал слишком занят для подобных занятий. Но после нашего эпического похода к Белой башне я на многое, не только на звезды, стал смотреть иначе.

– Славное было время, – согласилась я. – Знаешь, мне до сих пор интересно, почему же ты вот так просто сорвался на север вместе со мной?

– Боюсь, истинные причины тебе бы не понравились. Но так или иначе – я, как ты говоришь, сорвался. А вернулся уже совсем другим человеком. Я и раньше частенько слышал, что дорога меняет, но не понимал, как именно. Только сейчас понял: дорога не меняет людей, она людей создает. Из нас закрытых, зашоренных, потонувших в своих проблемах она вытаскивает на свет нас истинных.

– Если нам было так хорошо тогда, то почему все стало сложным сейчас?

– Потому что людям нужна драма, – со смешком ответил Атос. – Мы не любим, когда все просто и понятно.

Я придвинулась к нему в темноте и положила голову ему на плечо. Пусть завтра все станет иначе, пусть снова будут перепалки между ним и Слэйто, пусть мы вновь начнем избегать прямого взгляда, но сейчас над нами раскинулась ночь, которая стирала два года и возвращала нас к костру, возле которого спали Извель и Ким.

– Ты – моя семья, Атос. И я так рада, Войя мне свидетель, что ты выжил в Сиазовой лощине. Наверное, это единственное, что имеет значение. Все остальное решится так или иначе.

Какое-то мелкое существо пронеслось по коньку крыши, из-под его лап посыпались мелкие камушки, которые зашуршали по черепице. Потом вновь стало тихо. Атос правой рукой обнял меня за плечо и прижал к себе.

На третий день нас снова собрали в тронном зале. Молоденькая горничная, та самая, что обнаружила подкинутые Мастосом записки, провела меня туда лабиринтом коридоров и оставила в одиночестве. Затем начали подтягиваться остальные. Сначала появилась Извель, сегодня облаченная в бледно-зеленое платье. Похоже, моя подруга всерьез увлеклась модами и вряд ли намеревалась возвращаться к цветастым юбкам. Корсет плотно облегал ее точеную талию, приподнимая и без того небольшую грудь. Рядом с такой женщиной-статуэткой я все сильнее ощущала себя мальчишкой: плоскогрудым, с костлявыми плечами и твердым, как камень, задом. Ни одной приятной округлости на всю меня.

Потом нетвердым шагом вошел Слэйто. Маг выглядел так, будто всю ночь гонялся за кошками по крышам и дымоходам. Взгляд слегка ошалелый, самого едва заметно покачивает. Но я сочла, что лучше ничего не спрашивать. Захочет рассказать – расскажет.

Последним из зрителей подтянулся Атос. С ним все было просто. На королевских харчах крайнийский генерал обленился и взял за правило спать до обеда, поэтому теперь казался растрепанным щенком – сонно моргал и все безуспешно пытался заправить батистовую рубашку за пояс бриджей.

Гардио показался из-за маленькой дверки позади трона вместе с Крианной, и вид у него был хуже некуда: под глазами залегли темные тени, скулы заострились, словно он не ел несколько дней подряд. Когда Гардио заговорил, голос его прозвучал надтреснуто.

– Я думаю, мои самые близкие друзья заслуживают первыми услышать о решении, принятом мной и моей дражайшей тетушкой. Я – единственный сын покойного короля и, хотя не был рожден в законном браке, все еще являюсь его ближайшим родственником. Поэтому вынужден... – Гардио запнулся и, устало покачав головой, продолжил: – Поэтому с честью принимаю монархическую корону и беру на себя управление страной. Моя тетушка Крианна по мере сил будет помогать мне и передает во владение легион Белого Чертополоха. И хотя теперь я возвращаю себе ненавистное имя короля Роуэна, прошу вас звать меня, как и прежде.

Атос поднял руку, пытаясь привлечь внимание Гардио, будто ученик, стремящийся ответить на вопрос. Наш новый король кивнул крайнийцу, и тот заговорил:

– Вы вместе с тетей оценили риски такого признания? Аристократия только-только смирилась с правлением Крианны, потому что надеется на ее неомощность и слабость, простите за откровенность. А ты можешь

показаться нашей знати не самым подходящим кандидатом. Ты молод, полон сил, и зубы у тебя все на месте. Белый Чертополох выиграл эту войну, но я не уверен, сможет ли он выстоять еще одну.

– От этой проклятой войны устали все, – ответила за Гардио Крианна. – Даже те, кто на протяжении последних десяти лет подбрасывал в ее костер новые поленья. Это будет время передышки для нас всех. Через десять лет, возможно, появятся те, кто оспорит права Роуэна на трон. Но я, если позволят боги, к тому времени уже помру, и разбираться с ними придется вам.

– Я полагаю, мы должны присягнуть? – растерянно протянул Слэйто. – Я плохо разбираюсь в том, что делать, когда у тебя на глазах объявляют о новом короле.

Гардио страдальчески посмотрел на мага. Новоиспеченный король подошел к круглому столу, который так и стоял у подножия трона, и тяжело опустился на один из колченогих стульев.

– Я очень хочу поесть и выпить. Выпить, наверное, даже больше. Но если верить Крианне, счет идет на дни и недели. Поэтому первым моим королевским указом будет назначение вас отрядом со специальными полномочиями, который направится в Дивные библиотеки Кармака и отыщет любое возможное упоминание о монстрах. Секира сейчас по просьбе Крианны занимается тем же в Ларгориуме, в дарганских книгохранилищах. Она – частый гость Тилля, и ей там рады, поэтому тетя и отправила ее подальше. В Кармаке предстоит поработать вам.

– Всем четверым? – Атос обвел нас полным сомнения взглядом. – Не лучше ли разделить усилия? Я не так хорошо читаю, и от меня среди книжных полок будет мало толку.

– Скорее всего, это будет только начало вашего путешествия, – довольно бесцеремонно оборвал его Гардио. – Мне известно, что на один из крупных городов Королевства готовится нападение. Возможно, будет много жертв. Я хочу, чтобы вы держались вместе, – я не могу позволить себе терять союзников.

– Откуда такие сведения? – усомнился Слэйто.

– Прэдсказания ока, – мрачно вставила Извель. – Мы вместе слышали это от Папа-Ока на сэвере. Большой город накроет красный туман, и начнется вэликая рэзня.

Красный туман!

А ведь нечто подобное было и в моем видении во время разговора с Мама-Ока еще перед тем, как я ступила на порог Белой башни в Лисьем чертоге.

– Значит, мы идем в библиотеку искать хоть что-нибудь о монстрах? И стараемся не разбредаться на случай атаки. Хорошо, мой король. – Я присела в шутливом реверансе.

Гардио устало потер веки.

– Чуть серьезнее, Лис. На кону людские жизни.

– А чем в это время займешься ты сам?

– Я хочу попросить военной помощи у соседних государств. Тилль нам уже отказал, это письмом сообщила Секира. Крайнийцы, хоть и пришли поклониться Крианне, знать не желают о наших нуждах. Остаются Симм и Тарасийя. Я пересекался лет десять назад с послем синеруких, вдруг он вспомнит меня. Когда-то наши страны были очень дружны. На свои силы рассчитывать глупо: как это ни забавно, в стране, где десятилетиями шла война, есть серьезная нехватка в людях, готовых взять в руки меч.

Я не была уверена, что стоит это говорить, но не сдержалась:

– Попробуй связаться с правящей династией острова Симм. Их принцесса была последней нашей королевой. Мне кажется... Нет, я уверена, что они наслышаны о тебе.

Гардио смерил меня долгим и тяжелым взглядом. Что бы ни творилось по ту сторону его голубых ледяных глаз, он не удостоил меня ответом. Я знала то, чего не должна была знать. Возможно, именно поэтому Мастос и подкинул мне эти записи?

Принял ли король к сведению мой совет или нет, так и осталось для меня тайной. Гардио попросил прощения и отправился завтракать. Крианна сказала, что проследит за нашими сборами, и тоже покинула зал. Остались лишь мы вчетвером: тайное общество борьбы с чудовищами.

– Ну что, значит, пойдем в Кармак, – наигранно весело произнес Атос. – Это уже второе наше путешествие на север через Хаурака, Лис. Забавно, как все повторяется.

– И не говори, – тихо проговорила я. Меня эта цикличность не радовала. Именно на севере я обнаружила разбитый легион Алой Розы, и пережить это снова мне совсем не хотелось.

– Почему Кармак? – спросил Слэйто. Он, кажется, пришел в себя и сейчас стоял, привалившись плечом к колонне, и задумчиво потирал подбородок. – Своя библиотека есть и в Ярвелле. Вряд ли книжное собрание столицы меньше, чем в городе воинских академий.

– Почти всю библиотэку Ярвелла пэревозили в Кармак, – ответила ему ока. – Боялись мародерства и поджогов. Поэтому все книги, которые когда-либо цэнились в Королэвстве, сэйчас имэнно там.

– Тебе двести лет, Слэйто, неужели ты никогда не слышал про чудовищ? Может, мы и без книг обойдемся? – спросила я. Правда, совсем забыла, что о возрасте нашего мага ни Атос, ни Извель не знают. У крайнийца после моего вопроса брови удивленно взлетели вверх, а на губах у Извель заиграла какая-то слегка пошловатая улыбка.

– Я не встречал монстров. Вернее, тех, кто зовет себя проклятым народом. Все чудовища, которые попадались мне на пути, обычно оказывались просто людьми. Или, вернее сказать, редкий человек не оказывался чудовищем.

– А кто ты сам? – насуплено спросил Атос. – Ты так часто противопоставляешь себя людям, что даже тугодуму вроде меня становится ясно, что ты у нас нечто иное и особенное. Может, поделишься?

Слэйто склонил голову так, что челка скрыла его глаза, словно всерьез взялся размышлять над этим вопросом. А затем внезапно резко поднял голову и ответил вопросом на вопрос:

– А кто ты сам, Атос? Я, может быть, и не уверен в том, кто я есть, – божественная прихоть или случайный герой. Но я готов биться об заклад, что и ты сам не знаешь себя истинного. Так кто ты?

Атос, весьма довольный тем, что распалил собеседника, хранил спокойствие.

– Я – крайниец, генерал, друг этим людям. Я хорошо знаю, кто я.

– Разве это не всего лишь одна сторона медали? – почти шелестящим шепотом поинтересовался Слэйто. Я знала этот его особый голос. Так же он разговаривал с монстром-осьминогом на берегу озера. Это был не старый добрый маг-растяпа, а змея, готовящаяся к броску. – Это тот, кем ты хочешь казаться милым девочкам вроде Лис. А ты истинный? Каков ты, Атос? Ты – убийца? Ты – предатель? Ты – мститель? Они знают тебя таким? Ты себя таким знаешь?

Еще мгновение, и крайниец бросился бы на Слэйто. Я хорошо видела это в глазах Атоса. Однако напугала меня не взрывная ярость, которой и раньше славился мой друг. Где-то за ней бился страх, может, и не заметный обычному наблюдателю, но хорошо знакомый мне. Страх быть раскрытым.

– Ладно-ладно, не кипятись. – Маг вскинул ладони, словно говоря: «Ну что с меня, такого дурака, взять».

– Если я случайно его убью в пути, то... То извините, – бросил Атос и направился к дверям.

– Славное предстоит путешествие, – вздохнула Извель, проводив его взглядом.

Мы выехали из города вечером. Я впервые в жизни отправлялась в путь настолько подготовленной. Упитанные лошадки звонко цокали подкованными копытами по мостовой Ярвелла, в седельных сумках хранился отличный сухой паек, а в кошеле даже звенело с десятков монет. Гардио позаботился о том, чтобы его особый отряд ни в чем не нуждался.

Атос сменил свой наряд генерала на обычную одежду наемника. Хотя война была окончена, привлекать лишнее внимание к обмундированию генерала Белого Чертополоха было ни к чему. Извель облачилась в костюм наездницы, не слишком практичный для длительного путешествия. Впрочем, я уже не удивлялась: ока явно прониклась самыми теплыми чувствами к одежде столичных модниц.

Я же так и не нашла в оружейной ни одного нагрудника или щитков, которые бы мне подошли. Вернее сказать, мне ничего не нравилось. После лисьей брони все казалось угловатым, тяжелым и сковывающим движения. Я не раз и не два пожалела, что бросила свой доспех в Волчьем саду. Повинуясь минутному порыву расстаться с прошлым, я обрекла себя на отсутствие защиты в будущем.

Ярвелл остался позади, когда я обернулась и посмотрела на столицу, освещенную лучами заходящего солнца. Только так она напоминала город с картинки из книги в замковой библиотеке или то удивительное место, которое описывал мой Принц. Ничего удивительного – не только люди, но и города со стороны выглядят лучше, чем внутри. Желтые стены домов, озаренные закатом, слегка золотились и даже мерцали. Неужели эти кирпичи сомкнутся над Гардио? Как там говорила Крианна – золоченая клетка? Удастся ли новому королю изменить жизнь нашей страны к лучшему или город и политиканы сожрут вольного копейщика живьем?

– Он справится, – пообещала я сама себе.

– Что ты сказала, милая? – поинтересовалась Извель, которая решила, что я обращаюсь к ней.

– Я говорю, что рада покинуть Ярвелл. Не люблю большие города. В них чувствуешь себя загнанным в хлев вместе с тысячей других бедолаг. Кто же захочет добровольно запереть себя в этих желтых стенах?

– Ну, вперэди у нас столько звездного нэба, сколько тэбе хочется. – Подруга улыбнулась. – Еще успеэш соскучиться по мягкой пэрине и крышэ над головой.

Город быстро скрылся из виду, будто его и не было. Каждый из моих

путников ехал молча, каждый был погружен в свои мысли. Мы не гнали лошадей, хотя Гардио и просил нас поторопиться. Возможно, просто перед тем, как проникнуться ритмом путешествия, надо немного помедлить и помолчать – нельзя оседлать дорогу с наскока, она этого не любит. Словно в ответ на мои размышления впереди показалась небольшая заброшенная церквушка из тех, что строили для селян служители Церкви Прощения. Деревянная постройка стояла, покосившись, скособоченная то ли войной, то ли временем. Менее помпезная, нежели ее городские собратья, и не настолько устремленная ввысь. Атос остановился первым. Крайниец, пожившись, вглядывался в каменного голубя на фронтоне церкви. Символ Прощения выглядел кротко и смиренно. Но мы с Атосом знали, какую жестокость порой скрывают крылья этой миролюбивой птицы.

– Зайдем? – предложила Извель. Она успела спешиться и с любопытством заглядывала в приоткрытые двери, из-за которых веяло прохладой и ароматом цветов.

– Зачем? – удивился Атос. – Среди нас нет последователей Прощения.

– Храм – это место богов. Незавжно, в честь кого он был воздвигнут, благость будет жить под его сводами, – спокойно ответила ока. – У моего народа есть традиция: перед важным путешествием мы молимся тому, в кого верим, чтобы он благословил наш путь. Неужели тебе не в кого верить и некого попросить о защите в пути, Атос?

– Боги не услышат, как бы громко мы ни молились, – мрачно отозвался Слэйто. – Но перевести дух перед дорогой, оставить тревоги позади – это хорошая традиция.

Он, как и ока, спешил и, приняв у нее поводья, привязал их к хлипкой ограде, окружавшей церквушку. Затем маг легонько толкнул трухлявые двери и вместе с Извель скрылся в темном нутре церкви. Мы с Атосом пожали плечами и поспешили присоединиться.

Пола под ногами не оказалось. То ли селяне растащили доски, то ли они просто сгнили, но под ногами пружинила обычная почва. Сквозь разбитый потолок на голую землю падали последние лучи солнца. Возле покосившегося алтаря разрослись белые колокольчики. Они и издавали тот терпкий аромат, который я учуяла еще снаружи. Это были огромные заросли, казалось, срезай их охапками – заметно не будет. Белые головки закачались в такт легкому движению воздуха, которое мы вызвали, приоткрыв дверь.

Даже Атос, сначала дичившийся церкви, остановился, очарованный цветами и запахом, наполнявшим ее стены.

– Помните ту старую сказку про цветочницу, что выращивала в

заброшенной церкви цветы на продажу? – с мечтательной улыбкой произнес Слэйто, сорвав один из колокольчиков и вплетая его в свою косу. – Она была дочерью земли и погибла в мольбах к ней.

– Это самосев, – отозвался Атос. – Семена ветром занесло в трещины в стенах. Колокольчики – известный сорняк, вытесняют любые другие растения. Неудивительно, что они тут так разрослись.

– А мне нравилась та сказка, – тихо сказала я, присев на каменные нагромождения, возможно, когда-то бывшие скамьей.

– Можэт, это и нэ сказка вовсэ. Можэт, в одном из миров это случилось на самом дэле. А нашу с вами историю там, напротив, считают сказкой!

На эти слова Извель Слэйто тихо засмеялся, а Атос недоверчиво фыркнул.

– Я бы не хотела быть героем сказки, – произнесла я, поморщившись. – От них слишком многого ожидают. Герои должны быть образцами нравственности и морали, принимать верные решения, убивать драконов и спасать принцесс. Я предпочитаю оставаться самой собой, со всеми своими недочетами и без восторженной толпы за спиной.

– Я был бы, безусловно, положительным персонажем, – отозвался Атос. – Таким Хани-дурачком. Мне бы все прощали, потому что я вызывал бы сочувствие своей слепотой и трагической судьбой.

– Я был бы второстепенным персонажем, – выдал из угла Слэйто. – Но я это уже говорил Лис. Может, у меня была бы какая-то нравоучительная роль. Что-то вроде: не стоит принимать наркотики или притворяться живым.

– Хватит-хватит. – Извель даже ногой притопнула. – Мы пришли в цэрковь, чтобы в тишине и покое подготовиться к путэшествию, а вы развэли балаган!

Мужчины неловко переглянулись и замолчали. А Извель подошла ко мне, наклонилась и прошептала на ухо, щекоча мою щеку своими белоснежными кудрями:

– Сказки сами выбирают героев, Лис'енок, и сами себя рассказывают. Хочешь ты быть примером или нэт, это их нэ волнуэт.

Мы сидели в тишине церкви, вдыхая сладостный аромат колокольчиков. Солнце скрылось, и сумерки затопили полуразрушенное здание. Мысли впервые за долгое время начали плавно течь, а не перескакивать с одного на другое. Я почувствовала на лице дуновение ветра. Но не того, что заставил колокольчики кивать белоснежными головками. Нет, меня вновь коснулся ветер странствий. Только сейчас я осознала, что впереди лежит путь – мой единственный верный любовник.

Путешествие началось.

Имя шестое: Слэйто

Это была самая необычная компания из тех, в которых мне доводилось бывать. Двухсотлетний маг, то замкнутый и сонливый, то вспыльчивый и готовый разве что не в драку лезть. Крайниец, похороненный мной два года назад, променявший меня на другую и испытывающий за это странный стыд. Умудренная годами и знаниями гадалка, одетая в лучшие шелка Королевства и большую часть времени пытающаяся разнять этих двоих. И я – отличное дополнение к нашему странному отряду.

Когда мы с Мастосом еще только шли в столицу, мне казалось, что от всей этой кочевой жизни я окончательно вымоталась. Мысли занимали смертельная усталость и обида на всех и вся. На Атоса, который, как я думала, захватил вместе с Алайлой власть в стране. На Слэйто, с которым у нас все как-то нелепо оборвалось, даже не начавшись. Я злилась даже на Аэле за то, что та стала Элеей, и на Мастоса – за его тайны.

Но только сейчас, мерно покачиваясь в седле, я слышала свой собственный внутренний голос, который все это время заглушали гневные вопли обиды. Я злилась на себя.

Сколько прошло времени с тех пор, как я покинула замок? Годы. Я повидала страну, послужила в легионе, дважды перешла горы, сразилась с демоном из сказок и с Поглощающим, открыла заветный ларец с Любовью, поцеловала богиню... я прошла километры и испытала то, что обычной дочке оружейника и не снилось. Но в итоге так и не разобралась с главным вопросом своей жизни: кто я?

Похоже, именно это и ставило в тупик золотой вихрь из моих кошмаров. Он раз за разом требовал, чтобы я назвала себя. Но проблема была в том, что я и сама уже плохо представляла, кто я такая и чего хочу. И вот я направляюсь спасти мир, возле меня близкие друзья, у меня есть цель, у меня есть, если так можно выразиться, предназначение. Но весь фокус крылся в том, что никто из них не догадывался, что я играю с ними в одной команде исключительно по инерции.

Во мне не было благородства Извель, устремлений Атоса, долга Гардио. Даже сил Слэйто у меня не было. Но самое печальное – у меня напрочь отсутствовало желание спасти эту страну и всех ее жителей. Тех, кто, на мой взгляд, заслуживал спасения, можно было посадить в одну лодку и увезти на Симм, чтобы пересидеть там бурю, а может, и основать новую колонию. Да, меня волновали замечательные Мама-Ока и Фил с

женой, Ким и Никка, даже Шмулс, кабатчик из Ярвелла, но этих людей было так мало! А все остальные? Я ведь не только прочитала дневник Слэйруса, но и прожила в Королевстве без малого тридцать лет. Аэле могла напомнить мне, как заботиться о близких, но пробудить во мне любовь ко всему роду человеческому было не под силу даже ей.

А самое страшное, что в глубине души я презирала жителей Королевства. И, может быть, даже ждала расправы над ними за их равнодушие, грубость и неотесанность. За то, что они забивают заокраинцев камнями и насилуют дочерей оружейников. За такие проступки они заслуживали пришествия золотого вихря. Но в этих страшных мыслях я не решалась признаться даже самой себе. Зато злость, гнев и ярость сплетались у меня в груди в тугой комок, мешая разобраться в том, кем я была и кем становилась.

– Мне иногда кажется, что лошадь под тобой умрет. Ты огромный и мускулистый, неужели тебе не жалко животное? Слезь с него и иди рядом, как пристало мужчине!

– Я хотя бы выгляжу, как мужчина, а не как ивовый прут. Неужели твоя болезненная худоба впечатляет дам?

– Это в моде. Ты, видимо, пропустил.

– Я был занят – заканчивал гражданскую войну, знаешь ли!

Ох, опять эти двое. Атос и Слэйто не могли и километра проехать, чтобы не начать друг друга задирать. Стоило одному успокоиться, как другой улучал момент и подначивал спутника, чтобы перепалка вспыхнула вновь. Мы с Извель терпели сколько хватало сил, но обычно первой срывалась моя подруга. Крыла обоих отборными заокраинскими ругательствами, и те примолкали. Ненадолго. Поначалу я пыталась вмешиваться, но очень скоро с удивлением поняла, что им нравятся эти споры. Неприязнь, что искрила между ними во дворце, исчезала. Эти шуточные перебранки все больше напоминали какое-то робкое знакомство двух очень скромных мальчишек. Они узнавали друг друга и, мне хотелось надеяться на это, начинали друг другу симпатизировать.

Мы проезжали одну деревню за другой. Деньги и провиант из королевских кладовых позволяли нам не задумываться о месте для ночлега и о том, как прокормить себя. Однако пока мои друзья нежились на тощих матрасах в гостевых домах, я все чаще уходила спать на свежий воздух. Извель не зря обещала мне сколько угодно звездного неба. На западе Королевства по ночам чистое и ясное небо, будто драгоценные камни на черном бархате, украшали сотни звезд. Как можно запереть себя в комнатухе с клопами, когда лучший на свете шатер с самым драгоценным

пологом ждет за порогом?

В одной из деревень до нас дошли хорошие вести. Сутулый крестьянин с диковато косившим глазом и копной седых волос, обстриженных в кружок, приветствовал нас при въезде словами:

– Слыхали новости? У нас новый король!

Мы приблизились к его тыквенным грядкам. Атос осторожно ответил:

– Что-то слыхали, отец, да ничего толком. Что в народе говорят?

– Да радуются. – Мужчина задумчиво поковырял в ухе заскорузлым ногтем, вытащил палец и стал разглядывать найденное там на свету. – Крианна – баба неплохая, да больно уж стара. Ну как перекинется, а потом – снова война за трон, что ли? Да и к тому же, ну сам посуди – баба же!

От меня не укрылось, как понимающе переглянулись Слэйто с Атосом. Ну, Войя вас возьми, я еще накручу вам хвосты за такое оголтелое женоненавистничество.

– А кто новый король? – решил подыграть Слэйто.

– Сын старого короля, принц Роуэн откуда-то с севера. Сам я плохо помню те дни, клял много, – с ностальгией произнес крестьянин. – Но местные говорят, что да – дескать, был там сын и это он и есть. Крианна, опять-таки, при нем остается. Мужик он крепкий, молодой, послужит стране еще долгие годы. Холостой к тому же. Ох, сейчас эти аристократочки в очередь встанут, чтобы наследников с ним настругать и получить корону. Я бы на это посмотрел.

Мы покинули крестьянина, а он и не заметил – все продолжал поиски чего-то таинственного в своих ушах, запустив туда руку чуть ли не по локоть.

– Зря мы оставили Гардио одного, – встревоженно сказала я. – Этот человек прав: король – лакомый кусок. Его же сейчас на части разорвут. И я говорю не только про потенциальных невест. К нему вереницей потянутся просители, политики... Да все Королевство! Нехорошо, что через это ему придется пройти одному.

Атос со Слэйто вновь переглянулись и как-то понимающе заулыбались.

– Что? – не выдержала я. – Я чего-то не понимаю, не так ли?

– Гардио может выбрать в жены любую женщину Королевства. Самые лучшие красавицы выстроятся в очередь к его спальне. Да это же воплощение мечты любого мужчины, – сказал Атос и захохотал. К моему удивлению, Слэйто присоединился – не так басовито, но вполне искренне. А затем сделал уж совсем невозможное – по-приятельски толкнул Атоса в плечо.

«Вот так», – подвела я мысленно печальный итог: я потеряла двух мужчин моей жизни, зато они обрели друг друга. Я – самая одинокая на свете чудо-сводница.

* * *

Мне предстояло пересечь горную цепь Хаурака в третий раз, и, казалось, меня уже ничем не удивить – так часто я мигрировала с юга Королевства на север и обратно. Но когда наши лошадки подошли к Иолитовым тропам, мысли о монотонном горном переходе вылетели у меня из головы.

Отвесные скалы снизу доверху были покрыты сине-фиолетовыми кристаллами-иолитами: где-то мелкой, почти пылевой россыпью, где-то – целыми друзами размером с кусты репейника, что росли внизу. Все это фиолетовое великолепие сверкало и слепило глаза. Гора поднималась не так отвесно, как у Врат Ремира, но о пешем подъеме речи быть не могло. Именно поэтому полвека назад предприимчивые торговцы организовали здесь канатные дороги. Плетеные люльки, покачиваясь на крепких канатах, поднимали путников от одной площадки к другой. Я смогла разглядеть пять таких пересадочных точек, но по идее их должно было быть больше. По фиолетовым склонам неустанно ползли плетеные корзины с путешественниками – сегодня мы были не единственными желающими попасть наверх.

Не знаю, кто заправлял этой переправой в военное время, но сейчас вход стерегли краснорубашечники. Видимо, дело по сдаче лошадей в аренду показалось им слишком мелким и они решили прибрать к рукам и другие доходные места. Охранник и сборщик платы в одном лице поджидал нас возле странного входа на первую площадку. Огромные валуны оставляли здесь узкий лаз – совсем небольшое пространство, достаточное для того, чтобы пробраться к плетеной корзине и рабочему, натягивавшему канат на подъемном механизме.

Я не сомневалась, что протиснусь сама, да и Слэйто с ока, без сомнения, сумеют сделать то же самое. Но вот широкие плечи Атоса внушали опасения. Крайниец и сам почувствовал проблему и занервничал.

– А иначе туда никак не попасть?

– Нет, – добродушно ответил охранник. – Дорога ветшает, пришлось ввести квоту по весу. Если мы будем поднимать всех желающих жирных купцов, не ровен час канат где-нибудь перетрется. Сначала думали

взвешивать каждого, а потом нашли выход попроще. Кто не пролез – будь добр, топай до ближайшей переправы, – хохотнул мужчина.

– Что я говорил? – ехидно произнес Слэйто, с недобрым блеском в глазах поглядывая на Атоса. – Ты слишком мясистый.

– Я смогу пройти, – дрогнувшим, необычайно высоким голосом заявил Атос.

– Что нам делать с лошадьми? – растерянno спросила Извель.

– Можете заплатить мне, и ваших лошадей переправят через ближайший проход работники Красных конюшен. Недели четыре – и встретитесь с ними на противоположной стороне, – предложил охранник. – А нет, так продайте здесь – а там возьмете новых.

– Гляжу, у вас тут все на мази, – скептически заметила я.

– Наши хозяева потому и взялись за эту переправу. Основной заработок идет с тех, кто приезжает сюда на лошадях, а вовсе не с платы за проход.

Оценив деловую хватку краснорубашечных, мы продали лошадей, конечно же, почти за бесценок. Смысла переправлять их на ту сторону не было – мы не могли позволить себе ждать, пока их проведут пологой тропой. После этого мы протиснулись к люлькам. Атос сдержал обещание и прошел между валунами. Как именно он просочился, не понял, кажется, даже сам крайниец. В какой-то миг казалось, что наш генерал застрял, но стоило Слэйто дьявольски захохотать, как уязвленное самолюбие буквально вытолкнуло его на другую сторону.

Мы начали подъем – по одному человеку в люльке, большой вес плетеная корзина попросту не выдерживала. На каждой площадке мы редко собирались больше чем по трое, включая работника, поднимавшего корзину. Меня пригласили первой, вторым шел Слэйто. Замыкали группу Извель и Атос. Стоило мне подняться на три площадки выше, как смотреть вниз стало попросту страшно: высота была необычайная, а ведь взобраться предстояло в десятки раз выше. Иолиты, усеивавшие стены и показавшиеся мне вначале невероятно изящными, в середине пути утомили. Их отблески слепили глаза, а насыщенный фиолетовый цвет быстро приелся. Однако, видимо, все те, кто путешествовал через эти места, норовили забрать на память небольшой сувенир. Хотя все стены и были покрыты самоцветами, вокруг площадок на расстоянии вытянутой руки не виднелось ни одного камешка.

На шестой или седьмой такой остановке работник подъемника замешкался, и мы со Слэйто были вынуждены ожидать пересадки вместе. Маг беспокойно бродил туда-сюда по каменному островку.

– Так хочется взять на память один из камней, – пожаловался он. – Я бы сделал из него брошку или, может быть, перстень. Подвеску. Да что угодно! Мне просто хочется маленький камушек!

Он встал на самом краю и потрогал рукой отвесную стену. Правда, у тех, кто бывал здесь раньше, руки, похоже, были гораздо длиннее, да и инструменты – более подходящими: как назло, ни одного, даже самого ничтожного иолита!

– Пожалуйста, – взмолилась я, – перестань раскачиваться на краю! У меня сердце уходит в пятки, когда я вижу, как ты там шатаешься.

Маг развернулся и с легким удивлением произнес:

– Ты волнуешься за меня? Или из-за того, что, упави я, ваш отряд по спасению Королевства потеряет мага?

Мне захотелось с размаху огреть его по бледной щеке, чтобы привести в чувство. Но я, кажется, повзрослела, потому что нашла в себе силы сдержаться.

– Как от мага толку от тебя немного. Сотворишь заклинание помощнее – и вот ты уже выдохся, как вино в открытой бутылке. Я-то помню нашу битву с Мамочкой! Поэтому не набивай себе цену. Конечно, я волнуюсь за тебя.

Тот хмыкнул и вновь зашарил руками по стене. Затем со злостью треснул кулаком по горной породе и воскликнул:

– А Атос, без сомнения, достал бы его!

Маг указал на небольшой, видимо, отколовшийся кусок иолита, который лежал на крошечном уступе. Тот и вправду был до обидного близко – казалось, ничего не стоит дотянуться, – но Слэйто не смог.

– Можешь остаться тут и попросить его помочь, если тебе так приспичило, – предложила я.

Воздух накалился. Как я уже знала, это был сигнал к тому, что настроение Слэйто упало и Кисуне внутри него бушует. Я не ошиблась – мой друг почти выплюнул:

– «Атос, достань мне камень». «Атос, позаботься о Лис». «Атос, замени меня». Не слишком ли много просьб?

Я рассмеялась, подумав, что он шутит, но осеклась, увидев, с какой горечью смотрит Слэйто.

– Лис в состоянии сама о себе позаботиться, – сказала я жестче, чем мне бы хотелось. – Для этого ей не нужны ни Атос, ни Слэйто. Я прекрасно обходилась без вас раньше и смогу обходиться потом. Просто... Просто я не хочу жить без вас, когда можно каждый день наблюдать за вами и радоваться тому, что вы живы.

Рабочий крикнул, чтобы мы поторопились, поэтому я развернулась и пошла к люльке, которая как раз спустилась с верхней площадки. Снизу уже поднималась, покачиваясь, корзина с Извель, а места здесь было не так уж много.

Я дала себе зарок не подкармливать капризы Слэйто и даже лишний раз не обращать на него внимания. Но Войя меня дернул посмотреть вниз, когда корзина уже начала подниматься!

Маг снова стоял на самом краю крошащейся площадки. Рабочий был занят канатом моей корзины и не видел, как из-под ног Слэйто сыплется песок. Мой друг тянулся пальцами к крохотному камешку, и, казалось, тянулся изо всех сил, но пары сантиметров все равно не хватало. Он сделал еще один рывок и пошатнулся. В этот миг у меня из легких вышел весь воздух. Я не могла даже вскрикнуть от охватившего меня ужаса. Маг пару раз качнулся над пропастью, пытаясь поймать равновесие. Мне уже чудилось, как он летит вниз, чтобы раскроить свою глупую голову о камни далеко внизу. Но он лишь скользнул рукой до уступа, стиснул желаемое в кулаке и отшатнулся обратно.

– Идиот, придурок, ненормальный, умалишенный, – злобно зашептала я себе под нос. Кричать не хотелось, потому что я была уверена, что голос сорвется на жалобный писк, – такой страх я испытала мгновение назад.

Слэйто же посмотрел вверх и, широко улыбаясь, помахал мне зажатым в пальцах иолитом. И выкрикнул вслед моей удаляющейся люльке:

– Я сам достал камень! Может, и с остальным справлюсь?

* * *

Только очутившись на самом верху, я смогла наконец-то выдохнуть и перестать смотреть вниз. Иолитовые тропы остались позади, и теперь нас ждал небольшой переход по плоскогорью. Дышать стало невероятно тяжело, о том, что на такой высоте каждый вздох дается непросто, меня предупреждали еще в замке. Но я немного приспособилась, не поддаваясь панике и успокоив дыхание, сделав его более размеренным.

Весь переход занял меньше суток – мы даже не планировали вставать на ночевку. Однако многие путешественники предпочитали задержаться здесь и разбить лагерь. Те, кто поднимались перед нами, и те, кто взобрался на гору с другой стороны, раскидывали шатры и ставили маленькие палатки.

Вокруг шатров сновали кошки и собаки. Как они тут оказались? Неужели кто-то привез питомцев с собой, да так и оставил на высоте? Впрочем, зверушки чувствовали себя намного лучше, чем люди: они не выглядели ни голодными, ни задыхающимися. Извель, ранее уже пересекавшая Иолитовые тропы, рассказала мне красивую легенду о животных этих мест. Якобы в них переселялись души тех, кого забрали горы, – опытных проводников, неумелых путников, случайных гостей. Они оставались тут, зачарованные здешней красотой, и помогали людям по мере своих сил.

Неудивительно, ведь место было почти волшебным: над нашей головой, задевая макушку Атоса, плыли самые настоящие облака. Я не могла достать их рукой, даже подпрыгнув. По моей просьбе Атос потрогал их и ответил, что нет, они не похожи ни на вату, ни на пух – скорее на мокрое исподнее. Но я все равно шла всю дорогу, открыв рот и задрав голову. Мое предложение остаться тут на ночь не встретило одобрения. Я и сама понимала, что лучше нам спуститься как можно быстрее: воздуха словно не хватало, я никак не могла им надышаться. Спустя пару часов появилась одышка, заболела голова, а живот скрутило болью.

– На обратном пути спешить не станем, – пообещала я то ли Извель, к которой обращалась, то ли самой себе. – Тогда, говорят, можно привыкнуть к горному воздуху. Разобьем палатку, полюбуемся на звезды – может, Атос достанет рукой и до них?

– Ученые моего народа, когда они еще существовали, считали, что звйозды – это раскаленные шары, удаленные от нас на сотни тысяч километров, – немного смущенно произнесла она. Я не стала смеяться над ее словами. Кто знает, может, так оно и есть? Хотя я с детства была уверена, что звезды – это просто блески из фольги, которые боги наклеили на занавес неба. Только теперь и боги были не богами и небо грозило обрушиться нам на головы в любой миг. Если когда и пересматривать свои убеждения, то сейчас самое время.

* * *

Обратный спуск показался намного скучнее подъема по Иолитовым тропам. Во-первых, тут не было стены из самоцветов, во-вторых, мы так утомились горным воздухом и переходом, что сил восторгаться совсем не осталось, да и идти пришлось в полной темноте. Я мечтала лишь о том, чтобы добраться до твердой земли, обнять ее и никогда больше не

забираться так высоко. Люльки покачивались на сильном ветру, нас всех подташнивало.

Как только мы спустились, я возблагодарила небесные силы и объявила привал. Мы снова были на севере, в двух неделях пути от Кармака, а это значило, что цель близка. Постоялого двора поблизости не обнаружилось, и мы натянули огромный тент, чтобы защитить себя от ветра и дождя, который то принимался накрапывать, то утихал.

На усеянную камнями твердь полетели походные покрывала. Я отлучилась по нужде, а когда вернулась, застала Извель и Атоса уснувшими спина к спине. Слэйто сидел чуть поодаль, завернувшись в одеяло на манер кочевника, и тоже клевал носом. Я могла бы потеснить ока и крайнийца, но у меня не было сил и желания их двигать, чтобы тоже уместиться под тентом. Поэтому я оперлась спиной о валун и соскользнула по нему вниз. Последние мысли были о животных, сидящих на вершине Хаурака и следивших за сменой дня и ночи своими печальными глазами. «Если бы я умерла, то хотела бы переродиться в одного из них», – подумалось мне.

* * *

Это был не шорох, не скрип и вообще не звук. Это был пульсирующий и живой страх, чутье, заставившее меня открыть глаза. Еще до того, как я разомкнула клейкие после сна ресницы, уже знала: происходит что-то очень плохое.

Люди! Незнакомцы окружили тент, под которым я видела вздымающуюся спину Атоса и белеющий подол юбки Извель. Мужчины вели себя странно: они будто принюхивались, подергивали носами и обнажали верхние десны в зверином оскале. Я успела перевести взгляд на Слэйто. Он, как и я, сидел чуть в стороне, но в отличие от меня тень валуна не скрывала его. Над ним возвышались двое. Маг свесил голову будто бы в глубокой дреме, но незнакомцам не было видно, что глаза его вот-вот откроются.

Все дальнейшее происходило, как в страшном сне. Те, что стояли возле тента, опрокинули жерди, служившие его каркасом, – ткань рухнула на спящих. Поднялись руки с мечами. Слэйто метнулся и успел повалить одного из нападавших, но меч второго прошил тент – раздался громкий крик. Женский. Я рванулась из своего убежища, все еще плохо соображая и не до конца управляя сонными конечностями. Онемевшая от сна рука никак не могла выхватить меч из ножен.

Тот, кого опрокинул Слэйто, дважды ударил мага кортиком в район ключицы с такой мощью, что он отлетел. Тут закричала уже я. Мысли неслись безумной чередой. Его же убьют! Их убьют! Нас всех убьют! Мы были слишком беспечны. Слэйто, разбрызгивая красные капли, упал за валун и исчез из моего поля зрения, а нападавший направился за ним. Из-под тента наконец выбрался Атос, он был в ярости, но растерян не меньше меня – зато уже с обнаженным кинжалом. Правильный ход – от его меча на узкой площадке среди валунов не было бы никакой пользы, даже не размахнуться. Извель не поднималась. Я закричала еще громче, стараясь привлечь внимание нападавших. И у меня это вышло.

Они обернулись. Лица их подернула уже знакомая мне рябь. Ласки, песцы, куницы, хорьки – на нас напали совсем не люди!

– Проклятое дитя! Палач! – крикнул тучный человек-песец, указывая на меня. – Убить ее первой, убить ее, убить!

Его приятели завопили, как хищники на охоте, почуявшие слабую и ошарашенную добычу. Это был клич самой смерти. Чудовища бросились на меня.

Я наконец выхватила меч и приняла оборону. Раскроила морду ласке, мощным ударом отбросила от себя куницу. Но я ошиблась в расчетах. Поначалу мне казалось, что над тентом стояло не более пяти монстров. Но они словно лезли из каждой расщелины, и место каждого убитого тут же занимало новое верещащее чудище. Кровь стучала в висках, рукоять меча то и дело норовила выскользнуть из взмокших ладоней. Я сражалась, но едва ли отдавала себе отчет в движениях – меня вели инстинкты бойца. Где-то там, под тканью, лежала неподвижная Извель, где-то там, за валунами, захлебываясь кровью, умирал Слэйто.

Злость, боль и, конечно же, мой верный спутник страх переполнили меня, и я закричала, срывая голос:

– Убью! Убью вас всех! Каждого! И вашего короля-медведя! Уничтожу! Сожгу! Разорву!

С каждым словом мне становилось чуть легче, а эта показная бравада, похоже, немало напугала монстров. Чудовища начали отступать, но мой меч догонял беглецов. Я пыталась пробиться к Атосу, но, боги мне свидетели, на каждого из нас двоих приходилось не менее десятка зверолодей. Я услышала яростный вскрик крайнийца – кто-то достал его. Я и сама пропустила удар, который глубокой царапиной разодрал бедро.

«Это конец. Не будет никакой библиотеки. Не будет финального сражения. Мы станем первыми героями, которые погибли в середине своего пути, убитые бандой неумелых куниц», – такая нелепая мысль

родилась в моем затуманенном разуме.

Вдруг мой нос уловил тонкий запах паленой шерсти. И вмиг, будто по волшебству, монстры обратились в пылающие и скулящие столбы. Это было жуткое, леденящее кровь зрелище. Монстры стояли, вытянувшись в струнку, будто не могли согнуться или упасть, и полыхали оранжево-синим пламенем. Я уже видела этот огонь – именно он сжег древних-мы в Тополисе, и только один человек на свете мог его призвать.

Из-за камней, пошатываясь и держась за грудь, вышел Слэйто. Волосы его были всклокочены и местами покраснели от крови, глаза же – широко распахнуты. Он сделал два шага, запнулся и полетел на землю. Я отбросила меч и кинулась к нему. Мне было плевать на полыхающих монстров и на битву. Стыдно признать, но в эту секунду я даже забыла про Извель. Я приподняла мага, сильно сдавив рану над ключицей, чтобы остановить кровотечение:

– Ну же, не вздумай тут умереть, Слэйто, – прошептала я ему на ухо. – А то так и не узнаешь, что я тебя люблю.

В широко распахнутых глазах мага появилась осознанность. Он моргнул раз, другой и перевел на меня взгляд.

Мне всегда казалось, что самые важные слова в своей жизни я скажу в каком-нибудь романтическом месте, на закате, нежась в объятиях возлюбленного и вглядываясь в его сияющие глаза. Определенно точно в этих мечтах не было места запаху паленой шерсти, крикам сгорающих заживо врагов и испачканным в своей и чужой крови рукам. И, конечно, в этот важный миг своей жизни я не должна была зажимать огромную кровоточащую рану. Все должно было быть совсем не так... Но когда это в моей жизни все складывалось так?

Сейчас вся вселенная сжалась до размеров худого юноши, который истекал кровью у меня на руках и, казалось, отдавал последние силы, чтобы спалить дотла звероловдей. Все вокруг пылало, а он становился все холоднее и холоднее. Сознание, которое вернулось к Слэйто в миг моего отчаянного признания, снова утекало.

– Соберись. Не так. Не здесь. Не сейчас, – лепетала я, надавив на рану так сильно, что мне почудился треск ребер. – Не оставляй меня. Не смей.

Вдруг кто-то рывком отдернул меня от мага, да так, что я отлетела и с размаху приложилась плечом о валун. Атос не церемонился – он склонился над магом и отвесил ему такую пощечину, что, казалось, должен был вышибить весь оставшийся дух.

– Слэйто, от следующих минут будет зависеть твоя жизнь. Если ты трусливая баба, то можешь сдаться, закатить глазки и сдохнуть. Но если

где-то под этими патлами все-таки притаился мужчина, то собери свои яйца в кулак, наконец! – рывкнул крайниец. – Тебе надо оставаться в сознании, понял меня, заяц?!

– Не ори, – еле слышно прошептал Слэйто. Я не могла поверить своим глазам – он медленно приходил в себя.

– А ты – не вякай. Сейчас я прижгу твою рану на счет раз...

– А-а-а-а-а!

Маг закричал, а я метнулась к нему, как мать к страдающему ребенку, но сильная темная рука схватила и остановила меня. Извель! Хвала всем богам, Ока была жива. Она шикнула на меня, и мы начали следить за тем, как Атос раскаленным клинком прижигает рану на груди Слэйто. Раскалил ли он его в огне горящих звероловцев? Когда он успел? Неужто догадался и сделал это, пока я бестолково зажимала рану и ныла над угасающим магом?

– Пей. – Атос приложил к губам Слэйто небольшую походную фляжку. Тот скривился от запаха и попытался отвернуться, но крайниец с силой влил содержимое ему в рот.

– Это кавес – он поможет твоему телу восстановить кровь. Если у тебя нет какого-то заклинания для лечения, то лучше пей до дна, иного варианта у нас пока нет. – Атос оторвал рукав своей рубашки и начал разрывать ткань на полосы. Какое-то неприятное воспоминание шевельнулось в памяти, но тревога настоящего угрюмо на него заворчала, и бывшее пронеслось мимо.

Меня поразило то, как четко, быстро и ладно действовал Атос. Он не терял ни секунды, можно сказать, спасал Слэйто у меня на глазах. Иногда я забывала, что Атос – не просто вздорный мальчишка, а генерал, бывший глава легиона Алой Розы, поставивший точку в гражданской войне. Сейчас он вновь проявил себя как лидер, как мужчина, который способен быстро принимать решения и действовать, а я чувствовала себя беспомощной и разбитой.

– Ты в порядке, Извель? – спросила я, пытаюсь отвлечься от тяжести навалившегося на меня ощущения бесполезности.

Ока указала на бедро. Белая ткань юбки пропиталась алой кровью.

– Мэня лишь задэли. Я большэ испугалась, чэм пострадала. А вот ты, Лис’енок, похоже, вся в ранах.

– Ерунда, – попыталась я отмахнуться, но Извель была намерена осмотреть меня с ног до головы.

Я огляделась: лагерь был разрушен. Вокруг уже в безмолвии догорали трупы. В этой груде углей и тряпья сложно было разглядеть существ, еще с

десяток минут назад дышащих и движущихся. Все спалил огонь Кисуне, таившийся где-то глубоко внутри Слэйто.

Мы собрали, что смогли, из уцелевших вещей и перебрались на участок почище. Хотя до нас все еще доносился смрад горелой плоти, дышалось здесь легче. Атос нес на руках Слэйто, а мы с Извель – скудные уцелевшие припасы. Затем так же в молчании развели костер, подогрели вина и промыли свои раны. Слэйто лежал, прикрыв ресницы, глаза беспокойно дергались под веками – будто ему снился сон. Он больше не выглядел умирающим, но и на живого походил мало.

– Мы были беспечны, – наконец сказал Атос. Это было то, о чем думал каждый из нас, но никто не решался произнести вслух. – На нас уже открыта охота. Больше мы не можем позволить себе быть застигнутыми врасплох. До Кармака доберемся, оставляя одного дозорного на стреме. Всегда, даже если просто присели передохнуть.

– Как же мы дойдем до Кармака? – тихо спросила я, кивнув на Слэйто.

– Возьмем лошадь и телегу, – уверенно отозвался Атос. – Не бросать же его здесь, тем более раз ты его так любишь.

Я почувствовала, что сгораю, будто зверолюди. Удушающая волна стыда поднялась от пяток до самой макушки, щеки запылали. До этого момента я не знала, слышал ли кто-то из моих спутников признание, – но сейчас сомнений не оставалось. Почему же мне было так мучительно стыдно? Потому, что я произнесла это вслух, или потому, что услышал именно Атос? Мне оставалось только склонить голову, чтобы никто не заметил моей красной физиономии. Извель, моя милая подруга, проявила чуткость и предпочла сменить тему.

– А остались ли у нас дэньги на лошадей? Король был щэдр, но вряд ли рассчитывал на то, что мы будем дэлать крупные покупки.

– Не хватит на телегу и лошадь – купим тачку с ослом. Помочь Слэйто сейчас смогут только в Кармаке. Ни в одной из близлежащих деревень нет лекарей, сведущих в таких ранах...

– И в инфекциях. Одни боги ведают, сколько гадости было на твоей рубашке, которой ты меня так заботливо перевязал, – подал голос Слэйто.

От меня не укрылась улыбка, скользнувшая по нахмуренному лицу Атоса. Он был рад возвращению мага.

– У меня есть новости. Не перебивайте, потому что мне тяжело говорить, – продолжил Слэйто. – Когда меня толкнули за валун, я уже попрощался с жизнью, но кое-кто пришел мне на помощь. Ваш среброволосый принц, про которого вы периодически вспоминаете. Правда, на этот раз никакой короны на нем не было, да и плаща я не заметил.

Просто сияющая фигура с короткими волосами. Совсем невысокий, может, на полголовы выше Лис.

Мы слушали, затаив дыхание. Некто, таинственный образом спасший Атоса и помогший в какой-то передраге Извель, вновь появился в наших жизнях.

– Между мной и монстром словно дверь отворилась. И этот принц шагнул из нее, когда чудовище уже наносило удар. Он... обнял меня. – Слэйто говорил медленно, но не с сомнением в собственном рассказе, а не решаясь дать оценку тому, что случилось. – Монстр попал кинжалом принцу в спину, лезвие вошло по рукоятку. Но тот даже не обернулся, а выхватил мою саблю и ударил назад, буквально распоров монстра на две части. Принц сделал это, несмотря на то, что у него из спины торчал проклятый кинжал!

Последнюю фразу Слэйто произнес слишком громко и тут же закашлялся. На бесцветных губах выступила кровь. Я, махнув рукой на все, что мог подумать обо мне Атос, подошла к Слэйто и краем своего фаранка вытерла выступившие капли.

– После этого принц просто шагнул сквозь меня. Я слышал скрип, словно за мной открылась невидимая дверь. Всего лишь шаг – и его нет, как будто и не было. А затем я услышал, как кричит Лис. – Маг поднял на меня глаза. – Собрал остатки сил и выпустил огненного Лиса погулять.

Атос устало уронил голову на замок из сцепленных рук.

– Кем бы ни был этот принц, мы обязаны ему больше, чем твоей жизнью. Не закрой он тебя от кинжала – колдовать было бы некому. Он спас меня, тебя и девчонок. И, заметьте, когда бы он ни приходил – всегда прибывает чертовски вовремя.

– Может быть, он заблудился в этих двэрах? – заговорила Извель. – И всё, что он пытается сделать, – это выбраться?

От ее слов повеяло такой безысходностью, что, несмотря на тепло разгорающегося дня, у меня холодок пробежал по спине. Чтобы прогнать это чувство, я бодро произнесла:

– Он раз за разом выручает нас. Если доведется его встретить, я его поблагодарю. Он спас моих мальчиков. – Я с улыбкой посмотрела на Атоса и на Слэйто. – Обоих. Я обязана принцу своими сердцем и душой.

Солнце поднялось над нашими головами – северное, негостеприимное, но все же согревающее. Теперь счет шел не на недели, а на дни. Все зависело от того, как скоро мы прибудем в Кармак. Здоровье Слэйто, наша собственная безопасность, судьба Королевства... Принц не мог спасти нас бесконечно, наступало время самим позаботиться о себе.

Имя седьмое: Леди Удача

Это были самые длинные двенадцать дней в моей жизни. Кармак, вначале казавшийся таким близким – уже по одну сторону гор с нами, – с каждым шагом словно отдалялся. Мы нашли телегу и лошадей и ехали, наверное, по двадцать часов в сутки. Слэйто не становилось ни хуже, ни лучше. Маг большую часть времени спал, либо молчал и меланхолично наблюдал за меняющимся пейзажем из-за борта повозки. Остальным повезло больше – раны не воспалились. Мы с Атосом были третьими калачами, нам доводилось переживать и не такое, а ока просто миловали ее заокраинские боги.

Ели в седле, жевали твердое вяленое мясо, ранившее десны. А когда вставали на короткий отдых или сон, один из нас всегда оставался сторожить. Ночь мы сочли слишком опасной для отдыха, поэтому спали днем. Это было правильным решением, ведь на нас напали еще дважды. Один раз небольшая группа купцов, проехав мимо нас, резко развернулась и попыталась ударить в спину. А через пару дней мы издалека заметили нелепую и плохо спланированную засаду из трех куниц. Наши воинские навыки позволили нам отразить оба нападения. Сейчас мы были готовы, более того – напряженно ждали, когда будет совершен следующий удар. Магия больше не пригодилась, хватило ярости и стали.

Когда на тринадцатый день впереди забелели стены Кармака, я поблагодарила высшие силы. Сложно было, засыпая, каждый раз прислушиваться к дыханию Слэйто. Я ежеминутно боялась, что силы оставят его, что мы не довезем мага до лекаря и мне придется рыть ему могилу так же, как я копала ее для Кошон. Было невыносимо думать, что маг останется где-то среди северных дорог, без памятника или надгробия, а нам придется ехать дальше.

Но мы добрались. Остановив коней, мои путники вместе со мной смотрели на неприступный Кармак.

– Библиотека, – коротко сказал Атос. За эти две недели крайниец слегка осунулся. Вернее сказать, вернулся к своему обычному виду. Во дворце Крианны сытая и размеренная жизнь сделала генерала мягким и медлительным. Оказавшись среди полей, Атос подтянулся, движения его стали четкими, а на лицо вернулась жесткая складка недоверия, залегшая между бровей.

– Лэкарь, – напомнила Извель.

– Точно, – спохватился Атос. – Эй, волшебничек, ты жив еще?

Слэйто с трудом поднял руку и показал крайнийцу неприличный жест. Разведенные большой и указательный палец при сложенных остальных означали примерно следующее: ты раздвигаешь ноги, как распутная женщина, каковой являлась твоя мать. Эти познания я получила еще в легионе Розы.

Атос усмехнулся. Мы тронули лошадей и направились в воинскую столицу Королевства.

* * *

Атос знал, куда нас вести. Он и раньше бывал в Кармаке, более того, когда-то в своем бурном прошлом даже лечился здесь. Поэтому, следуя по широким мощеным улицам, мы подошли к дому с криво висящей вывеской: «Лечение потешных болезней, страстей по алкоголю и прочих хворей. Кн.д.н. пр. г-н Авинна».

– Это место не выглядит домом достойного доктора, – произнесла я с сомнением. – Что, Войя подери, за потешные болезни такие?

Атос вздохнул и покосился на меня. Ответила ока.

– Любовные болэзни, Лис’енок. Это возный город, тут лэчат в основном распутников и выпивох.

Сам господин Авинна встретил нас внутри своей импровизированной клиники. Сложно было догадаться, что этот человек – лекарь. Если бы меня спросили, кем может работать такой здоровяк, я бы ответила: мясником, дубильщиком, может быть, даже палачом. Но лекарем? В моем сознании врачеватель должен был походить на маленького сухонького старичка. Господин Авинна же оказался грузным, под два метра ростом обладателем такой густой черной бороды, что казалось, будто она нарисована на его шее углем.

– Атос? – произнес он неожиданно высоким и певучим голосом. – Ну и встреча, господин королевский генерал! Да еще и при дамах. – Лекарь отвесил легкий поклон.

– С нами друг. Тяжело раненный.

Приятным сюрпризом стало, что Авинна был не из болтливых. Он кивнул и последовал за крайнийцем на улицу к повозке, затем попросил занести Слэйто внутрь его дома, куда-то в дальние комнаты, куда ни меня, ни Извель уже не пустили. Мы стояли и ждали вердикта, растерянные и уставшие. Авинна с Атосом вышли спустя минут десять, которые

ощущались целой вечностью. Лекарь вытер руки пушистым белым полотенцем и неспешно заговорил:

– Ваш друг в плохом состоянии, но его жизни ничего не угрожает.

Мы трое так громко выдохнули, что врачеватель даже слегка дернулся.

– Парень потерял много крови, перебита подключичная артерия. С такими травмами не живут, но ваш приятель держится, будто на волшебстве. Мне придется вскрыть на ране ожог и почистить ее. А пациенту – много кушать, много спать, дышать свежим воздухом и не двигаться. За помощь и прием я не возьму с вас денег, просто пущу по городу слух, что у меня лечится сам королевский генерал, – засмеялся Авинна.

– Мы заплатим вдвойне, только никому не говорите, что мы здесь были, – попросила я. – Нас ищут. И если узнают, что мы не просто в Кармаке, но и оставили здесь Слэйто, вы сами можете стать следующей мишенью.

– Власти? – только и спросил лекарь.

– Враги престола, – мрачно ответил Атос. И ведь даже не пошутил.

* * *

Мы вышли к повозке. Атос растерянно потер подбородок.

– Странно оставлять его тут, но я не вижу другого выхода. Мы не можем тащить его в библиотеку, когда он на ногах не стоит.

– Сунься мы в любую гостиницу, нас узнают, – заметила Извель. – Крайниец, ока, дэвушка в боевом костюме. Как ни прячься – мы выделяемся. Кармак нэ такой большой город, вэсти разнесутся моментально.

– У меня с собой королевская грамота. Что, если нам разрешат жить прямо в библиотеке? – сказал Атос и посветлел лицом. – Не надо будет никуда выходить: можно целыми днями искать... искать то, что мы собираемся найти. Никто не увидит в городе ни одного из нас.

Я внутренне сжалась и спросила:

– Неужели и Слэйто нельзя будет навещать?

– Нет, – отрезал крайниец, беря лошадь под уздцы. – Это может привести монстров к нему или к нам. Лучше затаимся, заляжем на дно на некоторое время.

Мы двинулись вверх по улице, а я все продолжала оглядываться на обшарпанную клинику. Иногда нити судьбы сходятся, а иногда расходятся.

Мы со Слэйто вновь оказались на разных бусинах. Но он был жив и могла ли я просить большего?

* * *

Дивные библиотеки Кармака не зря носили свое название. Хотя солдатня и книги казались несовместимыми, но второе по величине книгохранилище Королевства расположилось именно здесь – в воинской кузнице нашей страны. Дело было, разумеется, в том, что в Кармаке не только проходили муштру простые солдаты, но и возвращались офицерские кадры. Здесь аристократов учили владеть мечом и обучали азам воинского мастерства. История этого славного города сложилась задолго до нашей гражданской войны, в те времена, когда управлять армией мог лишь дворянин, а настоящий меч никогда бы не попал в руки служанки вроде меня. Но жизнь изменилась. Война за престол возвела простородных, но талантливых людей наподобие Атоса в свои фавориты. Теперь не надо было иметь благородную кровь, чтобы решать исходы сражений, – достаточно было славы ловкого убийцы или громкоголосого командира. Поэтому Дивные библиотеки Кармака годами оставались заброшенными, пока в них не спрятали от греха подальше бесценные свитки и фолианты из Ярвелла.

Когда мы вошли в Библиотеки, первое, что поразило меня, – сумрак, царивший под сводами здания. Слабое свечение исходило только из кованых гнезд на стенах, которые, казалось, предназначались для факелов. Но, подойдя поближе, я поняла, что в железных переплетениях были укреплены банки, внутри которых парили светящиеся зеленые огоньки.

– Светлячки, – удивленно произнесла я. Наш провожатый, хмурый парнишка без пары пальцев на правой руке, в длинной робе, сердито цыкнул на меня и ответил шепотом:

– Солнечный свет портит свитки. Поэтому мастера библиотеки испробовали разные типы свечения. Брали и светящиеся грибы, и люминесцирующих медуз, но и те и другие требовали влажных условий содержания. А вода для книг еще хуже, чем свет. Поэтому стали разводить светлячков.

Сначала я подумала, что встретивший нас мальчик был единственным калекой-библиотекарем. Но по дороге к мастерам мы повстречали не одного увечного: молодые юноши без ног, глаз, кистей, прихрамывающие и косящие. Я немало таких повидала в легионе Алой Розы. Подобные ребята

вместе со мной служили в снабженцах. А в Кармаке, кажется, им нашлось другое применение – библиотечное.

Мастера приняли нас радушно. Седобородые старцы внимательно прочитали грамоту от новоиспеченного короля и согласились укрыть нас от недругов, дать кров и оказать посильную помощь в поисках. Извель тут знала. Я догадывалась, что ока, любившая книги больше жизни, посещала библиотеку, но была приятно удивлена тому, как обходительно мастера общались с моей подругой. Пословица о том, что любовь к книгам включает союзы прочнее брачных, оказалась правдой.

Нам предоставили допуск во все залы и выдали в помощь все того же мальчика-сопровождающего, которого звали Лореем и который оказался далеко не в восторге от своего нового назначения. Вооружившись банками со светлячками на длинных шестах, мы отправились в недра Дивных библиотек. Помещение центрального хранилища было невысоким (Атос доставал рукой до потолка) и больше всего напоминало склеп: полки с книгами стояли плотными рядами. Мой импровизированный светильник охватывал лишь небольшое пространство, но, судя по эху, которым отзывался каждый наш шаг, в длину зал тянулся на несколько километров.

– И что же господа намерены найти в Дивных библиотеках? – с кислым видом поинтересовался Лорей.

Мы растерянно переглянулись.

– Все, что связано с вселением духов в тела животных, – с сомнением начала я.

– Про чудовищ? – больше спросил, чем сообщил Атос.

– Про магические свойства железа, – добавила Извель.

– Любые тексты, где упоминается проклятый народ.

– И про заколдованные артефакты – нас интересует ключ!

Парень посмотрел на нас, словно на безумцев, и заключил:

– Это самая бессвязная мешанина, какую я слышал. Не думаю, что у этих историй вообще есть что-то общее. – Он хмыкнул и безрадостно добавил: – Похоже, поиски будут долгими.

* * *

Лорей, к сожалению, оказался прав. Дни и ночи в отсутствие солнечного света сливались в одно бесконечное среднее время суток. Мы перебирали сотни книг, читали выдержки, переводили, что могли, спали, ели и снова принимались за работу. Больше всех маялся Атос. Мы с Извель

могли бегло читать на языке Королевства и на заокраинском, а также весьма приблизительно понимали праматерь языков. Генерал же едва осиливал крайнийские тексты, а их нам почти не попадалось.

– Сколько мы здесь провели? – поинтересовалась я однажды посреди очередного бесплодного поиска.

– Шестой день идет, – отозвался Лорей.

Я насуплено посмотрела на Атоса, но так и не решилась попросить отправить нашего юного друга к лекарю Авинне. Лишь пробурчала под нос:

– Надеюсь, со Слэйто все хорошо.

Крайниец всегда отличался хорошим слухом, поэтому неудивительно, что он меня услышал.

– Со Слэйто все замечательно. Он хотя бы видит солнце. Скорее всего, отъелся на лекарских харчах и сочиняет сонеты и поэмы, или чем там еще занимаются подобные франты.

– Я кое-что нашла, – разволновалась вдруг Извель. Это была первая хорошая новость за неделю, и мы с Атосом нависли над ока.

– Вы мне тэмните, – недовольно заявила она, пододвинув банку со светлячками поближе. – И нэ радуйтесь сильно, это нэ про звэролюдей.

– А зачем ты нас тогда позвала? – раздосадованно спросила я. Но Извель не заметила негодования в моем голосе и взволнованно произнесла:

– Тут кое-что очень важноэ про один знакомый нам артэфакт. Послушайте.

И ока зачитала стихотворение, которое звучало примерно так:

«Время негласное правит над нами,
Над смертью царит и милует дарами.
Бусины, равные счетом волкам,
Станут короной всем прочим дарам.
Жизнь – колесо. Знай, найдешь сей венец:
Первая бусина – нитке конец.
Дверь открывая, назад не пройти,
Истина ждет лишь в начале пути».

– Это очень похоже на... полную белиберду, – вздохнул Атос.

– Нэ думаю. – Извель показала нам корешок книги. – «Боги: истоки и могущественные дары», автор – монах Иераком. Я читала про нэго, говорят, он общался с Поглощающими и Слепящими, собирая сведения для

своего труда.

Я невольно заерзала.

Я рассказала Извель почти все про Поглощающих, не утаила и историю Слэйто. А вот раскрыть личность нашего компаньона Атосу не спешила. Сначала думала, что это создаст еще больше напряжения между мужчинами, а потом – что разрушит зарождающуюся дружбу. Но про браслет Карамина я рассказывала обоим, поэтому могла говорить откровенно.

– Даже если в стихе речь о тех самых бусинах, тут много противоречий. Например, в строках говорится, что это дар времени, а, как мы знаем, браслет принадлежал Карамину, богу дороги и спутнику путешественников. Тут также упоминается, что бусин столько же, сколько волков. Если это иносказание, то под волками имеются в виду чувства, как в Волчьем саду. Опять ошибка: всего чувств-волков насчитывается восемнадцать, а бусин в браслете было шестнадцать. Ну и история с возвращением к началу совсем не к месту. Хотелось бы думать, что все это связано с дверями, которые призвал ключ и из которых выходил среброволосый принц. Но не будем забывать: сейчас артефакт нам бесполезен. Он уничтожен магическим взрывом в Сиазовой лощине.

Извель, согласная с моими доводами, кивнула и сказала устало:

– Возможно, завтра нам повззет больше, Лис'енок. Можэт быть, хотя бы во снэ мы увидим, где искать? Потому что мои идэи иссякли.

Ока была права. Надежда найти ответ быстро таяла. Можно было прожить в Дивных библиотеках еще год и не отыскать ничего. Требовалась демоническая удача, чтобы среди этих залов обнаружить хотя бы намек на проклятый народ.

* * *

Ночевали мы в старых кельях. Когда-то при Дивных библиотеках Кармака был монастырь и монахи денно и нощно вели учет всем книгам и свиткам, попавшим в эти стены. Поэтому кельи построили как можно ближе к книгохранилищу. Не знаю, как чувствовали себя монахи, но мне в этой комнатухе было неуютно. Все те же банки со светлячками служили единственными источниками света в комнатухе размером едва ли два метра на метр. Даже мне тут было тесно и душно, что уж говорить об Атосе. В первую же ночь ему приснилось, что он лежит в тесном гробу.

– Я проснулся и понял, что это не сон. Наши кельи и есть настоящие

каменные гробы, – добавил крайниец.

– Мастера-библиотекари говорят, что монахи нередко умирали во сне, – признался Лорей. Возвращаться в келью мне хотелось теперь еще меньше.

Поэтому, после того как мы нашли стих, я решила побродить по центральным залам. Там было так же темно, как и везде, но купол находился высоко над головой, а по невидимым воздуховодам в помещение попадал свежий воздух с улицы. Это настолько разительно отличалось от затхлости книгохранилища, что по вполне понятным причинам мальчишки – ученики библиотекарей выбрали это место для своих сборищ. В темноте раздавался гул разговоров, иногда прерываемый всплесками смеха. Здесь обитала сама жизнь: юная, громкая, несдержанная. И она мне нравилась.

Откуда-то справа до меня донеслось мяуканье, а слева – легкая перебранка, окончившаяся звучным шлепком-подзатыльником. Внезапно на меня налетел невысокий паренек. Судя по шуршанию, в руках у него была стопка листов, которая рассыпалась от столкновения. Мальчишка резво отскочил и, даже не извинившись, побежал прочь.

– Постой! – крикнула я вслед удаляющемуся топоту. – Ты забыл свои записи.

Но парень то ли не слышал, то ли испугался. Я подобрала листы и направилась к кабинетам мастеров-библиотекарей, чтобы оставить их там, – пусть сами разбираются, кому принадлежат бумаги. В коридоре, где располагались кабинеты мастеров, было намного светлее. Здесь банки в несколько рядов были расставлены на полках, грубо сколоченных из необработанных досок. Я мельком бросила взгляд на листы в своей руке и замерла. «Дорогая Лис...» – значилось в начале. В трясущихся ладонях я держала новое послание от Мастоса и, без сомнения, новую историю.

Света в моей келье не хватало, поэтому я устроилась прямо в коридоре под одной из полок и, разгладив бумагу, начала читать.

Дорогая Лис,

это новая история, которая должна помочь тебе в войне. Как? Я все еще не нашел ответа, но знаю, что весь труд моей жизни – не напрасен. Я собирал сведения о людях из списка, чтобы их истории сыграли ключевую роль в сражении, которое тебе предстоит. Прежде чем рассказать о Леди Удаче, прошу тебя, окончив чтение, выдохнуть, сосчитать до десяти и изучить мое небольшое послесловие.

Вы знаете, что такое боль, проповедник? Не физическая боль, когда тебе прижигают струп или ломают ребра в глухом переулке. Это боль проходящая, скажу больше: она ненастоящая. Я про ту боль, которая выворачивает твое нутро наизнанку. Это чувство не оставляет ничего от тебя прежнего, разрушает тебя. Ты готов отказаться от себя, принять любое зелье, чтобы хотя бы на мгновение забыть о том, кто ты такой. Потому что ты уже не человек, а живое воплощение боли. Тридцать лет назад я этого еще не знала. Это сейчас я уже четырежды мать с тремя сыновьями. И, поверьте, знаю все о том, как болит сердце.

Но если вернуться на треть века назад и посмотреть на меня, босоногую девчонку со светлыми косами, – что я могла знать о страданиях? В нашей деревне всегда были работа и хлеб. Родители мои, люди хоть и небогатые, имели целых два поля, с которых круглый год снимали симмский овес. Меня не гнали работать на земле, я отвечала за порядок в доме: приготовить обед или ужин, подлатать скатерть, постирать одежду. Но все у меня выходило легко и просто. Мы со старшим братом, бывало, целыми днями оставались вдвоем в большом доме, пока родители работали в полях. Мой брат Берех, такой же, как я, светловолосый, но гораздо более тщедушный, не любил наше жилище. Ему казалось, что по углам прячется слишком много темноты. Поэтому он нередко уговаривал меня сбегать в токан, расположенный всего в двух-трех километрах от деревни.

Конечно, взрослые с ума бы сошли, признайся мы им в своих вылазках. Но разве бессмысленные и глупые запреты могли нас остановить? Деревенские хоть и относились с осторожностью к близкому соседству с ока, истинной вражды не было. И мы, дети, видели это, перенимали не только пренебрежительный тон взрослых в отношении заокраинцев, но и их скрытый интерес. Пестрая одежда, так непохожая на нашу, чужая быстрая речь, темнокожие улыбчивые лица – все это манило и завораживало как взрослых, так и детей. Но старшие умело скрывали свое любопытство под огромным пологом недоверия, а мы себе не врали и, улучив момент, сбегали в токан.

Нашей любимицей была Леди Удача. По-настоящему ее звали иначе, но спустя столько времени я и не вспомню, как. Молодая – ей, наверное, было слегка за тридцать, – с осиной талией и тонкими пальцами, унизированными перстнями, наша Леди была лучшей гадалкой токана восточного юга. Свое прозвище она получила за то, что никогда не

предсказывала неудач, не грозила проклятиями, не предвещала бед.

– У каждого человека в будущем есть и хорошэ, и плохэ. Бэда все равно случится, так зачэм кликать ее раньше врэмени? Я лучшэ расскажу о радостях, которыэ ждут тэбя вперэди.

И в этом был определенный толк: от желающих получить лишь хорошие предсказания отбою не было. Но дети любили ее не за гадание – кого в десять лет волнует будущее? Леди Удачу мы обожали за ее звонкий смех, непотребные анекдоты, которые она рассказывала нам громким шепотом, за то, что всегда находила минутку, чтобы оценить наши детские сокровища, ну и, конечно, за Эшема. Ее четырнадцатилетний сын для нас был подобен богу. С кожей черной, как полночь, белыми, как снег, кудрями до плеч, стройный и грациозный, Эшем, без сомнения, был самым красивым оком, которого я видела за всю свою жизнь. Я почти уверена, что все, кто знал сына Леди Удачи, были немножко в него влюблены. Дело было даже не во внешности. Я никогда не встречала юношу, столь талантливого в дружбе. Он мог очаровать беседой самого сердитого и надменного крестьянина, сам увлекался собеседником и увлекал его собой.

Видимо, Леди Удача очень рано родила Эшема. Когда мы видели их вдвоем, они больше напоминали приятелей, чем мать и сына. Она выглядела моложе своих лет, он – старше и собраннее. Я не раз становилась свидетельницей того, как Эшем отчитывал мать за легкомысленность или вздорность. В ответ та только хохотала своим низким грудным смехом и, взметая разноцветным подолом пыль, ускользала от его нотаций.

Я не меньше прочих хотела дружить с Эшемом, но меня в их компанию не принимали. Стоило нам заметить его в токоне, как мальчишки бежали к своему другу-оку, всем своим видом давая понять, что девочке делать с ними нечего. Даже мой брат Берех закусывал губу и пожимал плечами: дескать, прости, но я не могу помочь. И я часами слонялась потом по палаточному городку, глотая горькие слезы обиды и пиная попадавшихся мне кур. Сначала я не могла взять в толк, почему те же самые мальчишки, что с радостью бежали со мной наперегонки и удили рыбу, вдруг начинали стесняться меня в токоне. Но потом Леди Удача, пряча взгляд, что было ей совсем несвойственно, рассказала, что именно Эшем не хотел видеть меня в своей компании.

– Клоди, ты должна понять, – сказала гадалка, – что для Эшема опасно находиться рядом с дэвочками и дэвушками из вашэй дэревни. Один злой взгляд, одно злое слово, и это навлечет бэду на всэх нас.

Тогда я поняла из ее оправданий только то, что Эшем недолгобливает девочек и почему-то не хочет находиться с ними рядом. Эта моя ошибка

сыграла роковую роль во всей истории с Леди Удачей, но кто же знал, как все обернется? Конечно, уже спустя пару лет, став постарше, я поняла, о чем говорила гадалка. Мужчина-ока, пусть и совсем молодой, был плохой компанией для молоденькой девушки из деревни. Могли поползти слухи, а родители хранили невинность дочерей, как цепные псы. Я уже говорила, что к заокраинцам относились без особой ненависти. Но они оставались чужаками и ни один деревенский житель, кроме детей, не доверял им. Поэтому Эшем защищал себя самого и своих людей как мог.

Наши походы в токан участились, а мальчишки даже в деревне перешептывались у меня за спиной. Сказать, что это задевало меня, – ничего не сказать. Я видела, как преображались мои подруги в двенадцать-тринадцать лет. Мне тогда казалось, что вместе с растущей грудью что-то ломается у них в головах. Еще вчера залезть на яблоню было отличной идеей, и вот на следующий день они сидят и только и говорят, кто из мальчиков симпатичнее да какой узор этим летом считается самым модным. Меня пугало взросление, и я отчаянно цеплялась за Береха и его компанию, а те настойчиво выдавливали меня из своего секретного кружка.

Наконец в один из тихих вечеров, когда родители были дома, мы с братом забрались подальше от их глаз на пыльный чердак. Я решила, что пора заканчивать эту игру в секреты. Берех что-то увлеченно рисовал пальцем на пыльном полу, а я, вооружившись веником из сушеного дикого хвоща, встала над ним.

– Ну-ка, выкладывай, что вы делаете с Эшемом в токানে, братец, иначе тебе не поздоровится!

Берех был старше, но тонюсенький и слабее даже нашего кота. Я же была крепкой, здоровой и дралась, как Войя. Поэтому, поняв, что я настроена серьезно, он выложил мне все от и до. Оказывается, заокраинец учил деревенских ребят чтению и письму. Я уже собиралась завопить: «Да ты брешешь!», как Берех отодвинулся и показал, что он выводил в пыли: закорючки, загогулины... буквы. Без сомнения, мой брат умел писать.

Это поразило меня. Хотя наша деревня и считалась богатой, но тех, кто владел грамотой, можно было перечесть по пальцам. Да вру, хватило бы и одного пальца – читал у нас только богач Тонбо. Только у него дома была одна книга на всю деревню – какой-то из трактатов Святой Сефирь. Я видела однажды эту тонкую книжку через грязное окно его дома. Он читал трактат семье за ужином, а я поражалась, как роскошно выглядела обложка книги, выложенная янтарем из Тонхи и рубинами с севера. Тогда мне показалось, что столь тонкие листочки недостойны настолько пышного облачения. Но внук Тонбо потом рассказал, что сама книга – именно эти

жалкие листочки – по цене в несколько раз превосходила свой переплет.

Неудивительно, что о людях, умеющих читать и писать, мы всегда говорили с особым благоговением. В детских головах прочно засело, что это дар и талант, присущий только очень богатым или достойным людям. Но неумытые ока? Мои мальчишки? Я была одновременно и в ужасе, и в восторге. Пусть не я сама, но мой брат стал носителем тайного знания. Уже одно это заставило меня надуться от гордости, словно рыбий пузырь. И я, конечно же, хотела знать все подробности. Много ли у Эшема книг? Откуда они у него? О чем в них написано? Берех, видя мой энтузиазм, перестал скрывать эту тайну и начал ей похвально. Рассказал, как Леди Удача тайно учила сына, как скрывала свое увлечение от соплеменников. Оказалось, что читать у ока запрещено, – это страшный грех. Но Эшем и Леди считали, что их народ заблуждается, и хотели поделиться своими знаниями с мальчиками из деревни.

После того как я раскрыла тайну моего брата, он успел сходить в токан еще раз или два. А потом произошло ужасное.

Как сейчас помню, я лущила купленный матерью горох, когда Берех ворвался в комнату так, что чуть не снес дверь.

– Там Рэйлин... Он... Там такое! – И брат отчаянно разрыдался.

Мы с Берехом и нашими родителями выбежали из дома. Возле крыльца старосты уже собралась приличная толпа. Сизоносый отец Рэйлина, главный деревенский забияка, держал заплаканного сына за предплечье и тряс его, будто набивную игрушку. Не проходило и дня, чтобы папа Рэйлина не напивался. Они были самой бедной семьей в округе, отчасти поэтому мальчик рос таким задирой. Ему приходилось выбивать уважение из сверстников кулаками. Однако и он состоял в тайном кружке чтения Эшема...

– Ну, говори, – ревел белугой отец Рэйлина, – этот грязный ока трогал тебя? Где он трогал тебя? Здесь? – Он схватил сына за промежность и сжал с такой силой, что мальчик заплакал еще горше.

– Бил... трогал... да. – Рэйлин не выглядел искренним, а лишь напуганным. Своим отцом, вниманием, публичным унижением. Он не говорил правду, а просто хотел, чтобы от него отстали и отпустили. Но его отец только начал.

– Этот грешник трогал моего мальчика! Он щупал его! Они все – грязные растлители! Мы что, спустим им это? Мы что, позволим, чтобы они и дальше насильничали наших детей?!

Ему ответил нестройный гул голосов. Даже наши родители, иногда нанимавшие ока работать в полях и довольно тепло отзывавшиеся о них,

выглядели встревоженными. Я стала матерью троих и много позже поняла, почему достойные люди нашей деревни схватились за оружие. Страшно, когда твоему ребенку что-то угрожает, этот страх каленым железом выжигает имя виновного в твоей душе. И даже если ты не до конца веришь в произошедшее – ты сделаешь все, чтобы уберечь детей от смутной угрозы.

Но тогда я была в ужасе. Эшема обвиняли в насилии и растлении, а эти слова четко связывались в моей голове с девушками и тем, что им угрожает. Я не нашла ничего лучше, как выступить в защиту ока, подобрав, по моему мнению, самые правильные слова.

– Эшем ни в чем не виновен! – крикнула я со своего места. – Он даже никогда не приглашал девочек из деревни! Он всегда звал только мальчиков! Он любит только мальчиков!

И этого было достаточно, чтобы подписать Эшему приговор. Стараясь защитить своего друга, я, сама того не желая, накинула ему на шею пеньковую веревку. Растлитель, развратник, грешник. Эти слова повторяла толпа, направляясь в токан. Мы живем в том странном мире, где чужак, насильничавший твою дочь, остается понятным тебе мерзавцем. Но если он посягнул на твоего сына, то храни его боги от родительской ярости.

Конечно же, Эшем не трогал и никогда не тронул бы ни мальчика, ни девочку из нашей деревни. У него была симпатичная невеста-ока, а самое главное, он смотрел на наших мальчиков даже не как на сверстников, а как на учеников. В тот день они повздорили и даже подрались с Рэйлином. Наш задира случайно или намеренно разорвал пару страниц в книге, и Эшем ему здорово за это навалял, приказав навсегда покинуть тайный кружок.

Вне себя от ярости и обиды Рэйлин направился домой, где выложил все отцу. Но тот был пьян, зол на свою судьбу и искал, куда бы направить внутренних демонов. Кто придумал эту грязную историю: Рэйлин или его отец? Думаю, что последний. Он недолго любил заокраинцев и давно искал повода показать, кто хозяин этих земель, а кто – гость. Возможно, когда сын рассказал, что его избил ока, отец нашел в этом возможность прилюдной порки. Я все еще ищу в людях только хорошее. Мне до сих пор не хочется думать, что житель моей деревни был так низок, что сразу задумал убийство. Нет, он просто хотел огласки и сам не ожидал, что толпа с таким рвением подхватит его клич. Мой выкрик про то, что Эшем любит мальчиков, подтвердил его ложь и отрезал ему путь к отступлению.

А удача отвернулась от нашей Леди. Ее не было в токоне, когда ее сына волокли за белые кудри в деревню. Растерянные заокраинцы ничего не

успели предпринять. Староста угрожал всеми земными и небесными карами, клялся, что история о том, что ока укрывают насильника, дойдет до короля. И те просто опешили и отдали нам Эшема. Молча.

Леди вернулась только на третьи сутки. Я помню, проповедник, как она шла по улице нашей деревни. Постаревшая на двадцать лет за один день. В ее глазах поселилось безумие, а на лице отражалось такое горе, какого я не видела никогда прежде. Я побежала к ней, схватила ее за подол и позвала:

– Леди Удача!

Она повернулась ко мне и тихо сказала:

– Нэт больше Лэди Удачи, Клоди. Посмотри на мэня хорошенько и запомни: так выглядит Боль.

Она оставила меня и дошла до пепелища от костра, на котором жители деревни сожгли ее сына. Не осталось ни костей, ни праха – ничего. Только пепел, который разносил безразличный к горю ветер. Она просидела там целый день, загребая пригоршнями золу и всматриваясь в нее, словно среди угольной пыли могла прочесть последние мысли сына.

Это конец истории Леди Удачи. Она бросила свой токан. Затем и я повзрослела и, покинув свою деревушку, отправилась в Штольц, чтобы стать первой женщиной-писарем Королевства. Если какое-то зерно и заронили в мою голову Эшэм и Леди, то это была мысль о том, насколько свято чтение и письмо. Берех остался дома, он унаследовал поля моих родителей, нашел красавицу-жену и иногда приезжал ко мне с семьей, чтобы повспоминать старые деньки.

И вот однажды, когда он, уже растолстевший до неприличия и потерявший все до единого светлые волосы, поднялся из-за праздничного стола, то не отправился спать, а поманил меня прочь от наших детей и супругов на задний двор.

– Помнишь наше детство, Клоди? Помнишь Леди Удачу? – спросил он. Дождавшись, пока я кивну в ответ, мой брат продолжил: – История Эшема без конца крутится у меня в мыслях все последние дни. Моему сыну сейчас как раз двенадцать. Столько было и мне, когда случилась та заварушка. Он крепкий юноша, но иногда с головой совсем не дружит.

Брат вздохнул и замолчал. Я чувствовала, что ему есть еще что сказать, и терпеливо ждала, пока он соберется с духом.

– Родители уже столько лет в земле, а я все хранил детскую обиду: как они могли допустить такое? И вот сейчас, глядя на сына, начинаю понимать. Этот страх за них, таких хрупких и непутевых, делает нас иногда лучше, а иногда... Но в конце концов наши родители поступили

правильно. – И вдруг он ухмыльнулся.

Я вздрогнула.

– Ты же знаешь, что Эшем не обижал Рэйлина.

– Конечно, да и все это поняли. Не сразу, но когда накал страстей поутих и Эшема дотащили до деревни, то не стали вешать его сразу. Его заперли в сарае.

Я потрясенно кивала. Ребятишек тогда разогнали по домам, и все, что мы увидели с утра, – это каменные лица наших родителей да горячее пепелище за деревней.

– Мама с папой первыми догадались, что история уж больно притянута за уши. Но они не были дураками и не могли просить за какого-то ока всю деревню. Не могли даже выступить на его стороне. Но и участвовать в расправе не желали. Мне все это рассказывал отец, когда был при смерти. Он сказал, что они поговорили с Рэйлином без его отца, а затем – с Эшемом. Потом просто оставили дверь сарая приоткрытой. Когда сельчане во главе со старостой пришли вешать бедолагу, того уже и след простыл. И если Эшем был достаточно умен, а я думаю, что это было именно так, то покинул Королевство быстрее, чем ветер, что разносил пепел его погребального костра.

– Но кого же тогда сожгли?

Брат засмеялся.

– В костер кинули коровьи кости да пару бревен. Жгли до последнего, чтобы не осталось ничего. Староста боялся уронить свой авторитет в глазах жителей токана. Он уже сам сомневался в вине Эшема и радовался, что парень сбежал. Но ему надо было показать, что жители Королевства не потерпят преступлений ока. Потому они и устроили это представление. Но Леди Удачу они сломали, пусть и думая, что оберегают своих детей. Представляешь, Клоди, возможно, Эшем где-то на острове Симм или в Тарасийи, а его мать все еще тут, и спустя столько лет не знает, что ее дитя живо...

Редкая удача, подумала я тогда, проповедник. Редкая удача.

* * *

Без сомнения, ты уже узнала в Леди Удаче свою подругу Извель. И, думаю, она уже поведала тебе о таинственном даре, который некий крайниец подарил ей, совсем еще молодой девушке, в передвижном цирке на юге Королевства. Шестнадцать зеленых бусин, которые, по преданию,

могут спасти жизнь, сам я получил от милого моему сердцу среброволосого друга. Кстати, листок с именами тоже передал мне именно он.

Теперь к делу. Твоим самым первым побуждением сейчас будет пойти к Извель и рассказать ей о том, что сын, которого она похоронила много лет назад, выжил. Это добродетельно и милосердно. Но ответь сама себе: имеешь ли ты право так поступать? Извель, конечно же, отправится на поиски Эшема и оставит тебя с Атосом в этих библиотеках. Насколько оскудеет ваш отряд без ее удачливости и начитанности? Готова ли ты ради правды рискнуть всей вашей миссией? После войны ты можешь рассказать ей все, но сейчас это станет роковой ошибкой. Сохрани тайну Эшема до конца, каким бы он ни был, и следуй к следующей истории, которую, не сомневайся, я вскоре пришло.

* * *

Дочитав строки, я почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Вся та боль, которую пережила Извель, опрокинулась на меня, словно чан с кипящей водой, – я в ней тонула.

Как можно нести столь тяжкий груз под сердцем долгие годы? Улыбаться, сражаться, спасать чужих детей, когда твоего собственного ребенка сожгли из-за нелепой ошибки?

Вместе с тошнотой пришел и гнев на Мастоса. Как мог этот человечешко узнать подобное и смолчать? Да еще и равнодушно писать мне: «Готова ли ты ради правды рискнуть всей вашей миссией?». Однажды я рискнула своей жизнью и гармонией мира ради спасения Слэйто – и это, Войя подери, единственный мой выбор, в котором я никогда не сомневалась. Мы справимся и без Извель. Она имеет право знать!

С этой мыслью я кинулась в келью к своей подруге. Ока не спала. Она сидела, прислонившись спиной к холодной каменной стене, и шептала то ли заокраинское заклинание, то ли молитву. Когда я ворвалась, Извель удивленно приподняла брови.

– Что случилось, Лис’енок? Нэ можэм ли мы поговорить позже? Я молюсь о тэх, кто большэ нэ с нами, и это единствэнная молитва, которую я стараюсь нэ пропускать.

– Эшем жив, – выдохнула я. Глаза Извель округлились, пальцы сжали тонкий край ветхого одеяла, на котором она сидела. Не о своем ли сыне молилась сейчас ока? И не стала ли моя весть ответом на ее молитвы? – Не

спрашивай, откуда я знаю, но сомнений в этом нет. Жители той деревни не сожгли его, они выпустили его из хлева, где держали, а в костер кинули коровьи кости. Он убежал куда-то далеко – может, даже покинул Королевство.

На лице Ока сейчас отражалась борьба слишком сильных чувств. На миг, как мне показалось, я увидела лицо Леди Боли, о которой говорила в своем рассказе маленькая Клоди. Затем я увидела Надежду, Сомнение, Ярость, Слабость... Неужели именно так представляли эмоции перед Сияющим Слэйрусом, когда он пытался выделить чистую эссенцию любви? Как может в одном человеке уместиться столько чувств?

Я схватила Извель за взмокшие от волнения ладони.

– Он жив, Извель. Это главное! Пожалуйста, не повредишь в уме от этой вести. Ведь если он жив, ты можешь его найти.

Заокраинка опустила голову и с минуту сидела, не шевелясь. Я, внутренне дрожа, слушала ее прерывистое дыхание и боялась, что она разразится проклятиями или смехом сумасшедшей. Со своей глупой верой в правду я ни на миг не задумалась о том, каково это – принять подобную новость спустя столько лет.

Наконец Извель подняла голову. Ее взгляд был ясен, и только мокрые дорожки на щеках говорили о том, что она плакала. Ока ласково погладила меня по щеке.

– Я всегда знала, что ты вестник счастья в моей жизни, Лис’енок. С первой минуты нашей встречи я была уверена, что ты принесешь покой и мир в мою жизнь. Но сегодня ты сделала намного больше: ты придала этой старой и никчемной жизни смысл. Я не могу покинуть вас сейчас. Какой мне прок искать сына в стране, на которую вот-вот обрушится беда? Да меня убьют раньше, чем я найду хоть след моего мальчика. Но теперь... теперь у меня намного больше смысла и сил, чтобы искать ответы и сражаться с врагом. У меня есть цель: после войны я найду сына. И это лишь благодаря тебе, Лис’енок.

Она порывисто заключила меня в объятия. Мы сидели в полумраке, не просто обнимая друг друга, а будто захватив в хрупкое кольцо рук всю нашу дружбу, все наши надежды и чаяния. Я вдыхала маслянистый аромат ее волос и думала, что, как бы Мастос ни ошибался во мне или Извель – все сложилось именно так, как должно было. История никогда не прислушивается к рассказчику. Так говаривала моя бабушка.

Имя восьмое: Король-медведь

Странно, но будто именно этого письма не доставало, чтобы оживить поиски. Глаза Извель, обычно полные глубокой и спокойной грусти, сейчас светились изнутри. Нет, не светились – полыхали ровным пламенем, ведь у ока появилась цель. Собрав нас четверых следующим утром, она объявила новый план:

– Чем больше книг мы перэбираэм, тэм дальше мы от цэли. Я подумала, что, возможно, мы просто нэ там ищем. Ниточки всэй этой истории могут тянуться нэ от полужверей или жэлез. Что, если мы что-то упустили?

Мы с Атосом задумчиво переглянулись.

– Я рассказал все, что знал о существах. Гардио и Лис сталкивались с ними чаще моего, – пожал плечами генерал.

Я сдавила пальцами виски. Что я могла забыть или упустить? Монстры, сны, нападения, железо, обгаренное кровью, и вселение в животных. Извель ласково сжала мое плечо.

– Просто положиись на удачу, Лис’енок. Нам обязательно повезет.

Перед глазами замелькали все наши встречи с чудовищами: от последней, в которой ранили Слэйто, к первой – там, в Крылатой пещере перед горным перевалом, на стенах которой Гардио нашел странные рисунки...

– Извель! – произнесла я неожиданно громко. – На стенах пещеры, где мы впервые столкнулись с монстрами, были рисунки: людей то ли с песьими головами, то ли с голубиными. Мы тогда не придали этому значения, ведь и представить не могли, что монстры бывают разными. Гардио пошутил, что там изображено генеалогическое дерево монстров.

– О.

Этот краткий звук издал Лорей, которого мы почти перестали замечать в своей компании. Мальчик приходил и уходил, помогал носить тяжелые пыльные фолианты, иногда подсказывал, в каком разделе искать ту или иную книгу. Но мальчишка всегда выглядел настолько недовольным, что мы попросту перестали обращать на него внимание, – лишь бы не выслушивать, как он «счастлив» служить у нас на посылках.

Лорей поставил на пол банку со светлячками, которую до этого держал в руках, и начал взволнованно рассказывать.

– Есть одна довольно древняя запись. В ней собраны истории автора,

который ездит по северу и общается с тамошними стариками. Один из рассказов как раз касается пещеры с рисунками странных людей.

Атос схватил мальчишку за цыплячьи плечи и тряхнул его.

– Почему же ты раньше об этом молчал?

Лорей сердито засопел.

– Про пещеры и рисунки в них вы заговорили впервые. Да и вообще, мы ни разу не брали книг из этого раздела.

– Какого еще раздела? – не выдержала я.

– Раздела сказок.

Повисла тишина. Все мы знали, какую роль сказки играли в нашем путешествии раньше. Неудивительно, что мы к ним вернулись. Это было логично: новый виток нашей истории.

– Нэси книгу, малыш, – подтолкнула Извель замешкавшегося Лорея. – Попытаем удачу.

* * *

Как только книга, более напоминавшая истертую старую тетрадь, оказалась у нас, Извель ловко выдернула ее из рук юноши. Ока заскользила пальцами по строчкам оглавления и беззвучно зашевелила губами.

– Вот! Сэверная пещэра, или История о Мэдвежьем остроге. Но почему тут часть на тильском? – удивленно спросила она, но не нас, а скорее саму себя. – Ладно, дочитаем – поймем.

Северная пещера, или История о Медвежьем остроге

В поисках старых историй, сказок и побасенок я приехал на самый север Королевских княжеств. Здесь с давних пор жил удивительный народ – ханси, который говорит на причудливой смеси из тильского и королевского языков. Женщины носят высокие головные уборы из выкрашенного в красный цвет льна, которые набивают соломой. А мужчины – широкие пояса того же цвета. Знаком особой доблести у местных охотников служат ожерелья из медвежьих клыков. Именно о медведях я и решил расспросить самую старую местную жительницу – Бабушку Ошкэ.

Я сразу спросил, есть ли у ханси сказки, связанные с медведями, ведь я собираю истории для детей, а те обожают выдумки о говорящих зверях. Несмотря на то, что Бабушка Ошкэ была подслеповата и не вставала с кровати уже многие годы, язык у нее оставался острым. Она сказала, что

историй для развлечения детей у нее нет, а вот рассказать страшное предание своего народа она в силах. И вот что она мне открыла.

На севере, глубоко в лесу, есть темная пещера – Медвежий острог. Если озарить факелами ее своды, то увидишь множество картинок о том, как люди с головами зверей, птиц и рыб поклоняются трону, на котором сидит медведь. В преданиях ханси говорится, что раньше, до нас (то есть людей из Королевства), эти земли населяли другие люди. Они ничем не отличались от нас внешне, но были умнее и «не боялись богов». В каждом регионе у них были свои князья, а правил всеми умный, но гордый Король. Король и знать презирали силы природы, они подчиняли их себе и использовали как хотели. Хотел один князь получить силу льва – брал душу льва и оставлял себе. Хотел другой стать гибким, как лоза, – крал ее душу. И так увлеклись князья, что начали терять человеческий облик. Головы у них стали звериными, и изъяснялись они чаще рычанием, а не словами. Но больше всех жаден был Король. Он собирал души животных без счету, но особенно, как королей северных лесов, жаловал медведей. Простые люди же не отличались от нынешних: одни восхищались своими правителями, другие считали, что до добра это не доведет.

Боги до поры до времени закрывали глаза на бесчинства Короля и князей, но взмолились животные, и птицы, и рыбы, и деревья, заплакали кровью небеса. И пришло к тому народу само Время и сказало им: «Последний шанс даю вам, одумайтесь, люди!». Но Король был слишком горд. Рассмеялся он в лицо Времени и сказал: «Я подчинил природу, подчиню и тебя!». Разозлились тут все боги, и Время взъярилось, и прокляло оно тот народ навсегда. В одну секунду вышибло из всех людей души и вернуло их в землю. А душу Короля, который всех виновнее был, Время заперло в самую дальнюю темницу. И с тех пор король-медведь бродит в межвременье проклятым и воет без обличья и без тела.

Бабушка Ошкэ сказала, что я и сам могу сходить в пещеру и посмотреть рисунки на стенах, если не верю ей. А потом попросила записать предсказание, которое передавали в семье от матери к дочери. Все ее дети умерли, и на Бабушке Ошкэ знание прервалось бы. По ее просьбе я записал предсказание о возвращении короля-медведя на языке ханси. Вот оно...

ÁÆÉÎÚ ÚßÔÇĘŇÇĖŠĢ Džârċb Ōǎ3zĴ wîŕÇÔΩŸ

– В этом языкэ больше от тильского, чем от королэвского, – произнесла Извель. Ее палец быстро-быстро забегал по строчкам. – Я нэ

понимаю ни слова.

– Среди мастеров-библиотекарей есть знатные языковеды! – радостно закричал Лорей. Кажется, то, что дело сдвинулось с мертвой точки, вдохновило и его.

Мы не сговариваясь вместе кинулись по узким коридорам Библиотек наверх – к кабинетам мастеров. В голове не укладывалось, что чудовища и правда люди, жившие до нас. Обычные люди, которые, как и заокраинцы, играли с магическими силами так дерзко, что их прокляло само время. И сейчас они возвращаются к жизни. Ведь что-то подобное говорила мне и старуха-тополь, матриарх древних-мы. Она твердила, что эта земля принадлежит им и они собираются вернуть ее. Может, и старая карга была одной из тех княгинь, что своровали души деревьев? Еще два-три года назад я бы ни за что не поверила в подобные сказки, но теперь твердо знала: на свете существует мало вещей, более реальных, чем легенды.

Мы почти миновали огромный зал, когда здание сотряс страшный удар. Мальчишки-библиотекари, окружавшие нас в полутьме, заголосили – кто от удивления, кто от страха. Второй удар оказался сильнее первого – с потолка со скрежетом оторвалась плита перекрытия и упала почти перед нами, подняв столб гипсовой пыли. Мы закашлялись. Первым что к чему сообразил Атос.

– К выходу! – закричал он. Увидев, что мы замешкались, крайние схватил нас с Извель за шкурки и потащил к видневшемуся позади тусклому прямоугольнику света.

– Мастера в другой стороне, – прокричала я. Удар следовал за ударом, мне приходилось надрывать связки, чтобы Атос услышал меня посреди этого шума и визга мальчишек. Книгу со сказкой про Медвежий острог я прижимала к груди, как самое бесценное сокровище.

– Они не выберутся, – отрезал Атос. – Найдем других языковедов. Иначе нас засыплет вместе с ними.

В тот момент, когда мы с учениками выбежали из библиотеки, изнутри здания донесся ужасающий грохот. Где-то там, в главном зале, обвалилась крыша – теплый пыльный поток вырвавшегося воздуха едва не сбил нас с ног. Но мы устояли и начали спускаться по лестнице. Атосу уже не требовалось нас тащить. Я сбегала по широким ступеням, крепко держа за руку Лорея, который в шоке оглядывался на руины Библиотек.

Как только мы отбежали на безопасное расстояние, то рассмотрели, что творилось наверху теперь уже разваливающегося здания. На проломленной крыше сидело ужасное существо – получеловек-полунасекомое высотой не менее пяти метров. На человеческой шее

покоилась голова огромного богомола, а руки, вполне людские и росшие из плеч, ближе к локтям зеленели и заканчивались омерзительными лапками насекомого, зелеными и зазубренными. Именно ими монстр колотил по остаткам крыши, обрушивая ее внутрь здания. Чудовище было увлечено своей работой, на тех, кто успел спастись из Библиотек – полтора десятка мальчишек и нас, – оно не обращало внимания.

– Надо убираться из города, и быстро, – тихо и отрывисто произнес Атос. – Они знали, что мы в Библиотеке. Это не случайное нападение, а открытое объявление войны.

– Не раньше, чем мы заберем Слэйто, – ответила я и обернулась к мальчику-библиотекарю. – Лорей, спасибо за помощь. Тебе лучше покинуть Кармак. Направляйся в столицу и проси приема у нового Короля, скажи, что помогал нам, и он найдет тебе место во дворце.

– Разве там будет безопасно? – удивительно спокойным голосом спросил Лорей, вглядываясь в монстра на крыше библиотеки. – Разве где-то в Королевстве теперь может быть безопасно?

Я не нашлась что ответить и лишь потрепала мальчика по щеке на прощание. Атос, Извель и я быстрым шагом двинулись по переулкам к лекарской лавке Авинны. На улицах царило нездоровое оживление, но монстров не было видно. Одни люди бежали в сторону библиотеки, другие с криками неслись от нее прочь.

Как только мы достигли дома Авинны, я сразу кинулась внутрь. Хозяин возвышался за прилавком и тревожно выглядывал на улицу через окно.

– Что там происходит? – спросил он, не дав мне и рта раскрыть.

– Чудовища в городе, – спокойно ответил Атос, даже не пытаясь что-то объяснять. – Где наш пациент?

– О боги, чудовищ нам не хватало, – довольно сдержанно отозвался Авинна. – Ваш друг выскочил, как только начался этот адский грохот. В одной рубашке и штанах, чуть ли не босиком. Ничего не сказал. Ему стало значительно лучше в последние дни, поэтому я надеюсь, что сейчас он набегается и вернется долечиваться.

– Это вряд ли, – хмуро пробормотал Атос, а затем развернулся ко мне и яростно произнес: – Ну и где нам теперь его искать?

– А я откуда знаю? – растерялась я.

– Смотрите, – испуганно произнесла Извель. Ока указывала рукой в окно лавки. По камням мостовой тихо стелился красноватый туман. Проулок, из которого он вытекал, был заполнен им доверху, будто набит красной ватой. А здесь туман лишь клубился по камням, но с каждым

мигом зримо поднимался все выше и выше.

– Через мою лавку можно выбраться из города, – произнес Авинна. Лекарь достал откуда-то из-под прилавка огромный тесак и со смачных хрустом всадил его в столешницу. – Я закрою двери, и любому чудовищу, что погонится за вами, придется познакомиться с моим другом, сударем Башка-с-плеч. – С этими словами здоровяк ласково погладил рукоять своего оружия.

Я сунула книгу в руки Атоса и быстро проговорила:

– Уходите прямо сейчас. Возвращайтесь к Гардию, в столице есть переводчики. Я возвращаюсь в город искать Слэйто. Как только мы сможем, догоним вас!

Атос рассвирепел и с такой силой ударил меня старинной книгой по голове, что искры из глаз посыпались.

– Ты думаешь, мы отпустим тебя туда одну, идиотка? Этот туман может быть отравленным или смертельным. Я ни за что...

Атос был не только прекрасным другом, но и когда-то учил меня бою. Крайниец нередко повторял, что хорошая память – один из главных навыков бойца. Видимо, его воспоминания притупились, ведь он не вспомнил, какой быстрой я могу быть, когда захочу. Пока он заканчивал фразу, я уже метнулась к двери и выскочила на улицу. Туман источал сильный цветочный запах – не приятный, как в заброшенной церквушке, а нестерпимо сильный и противный, будто прогорклые старческие духи. От этой вони слезились глаза и слегка кружилась голова, но не более. Поэтому я нырнула в туман без раздумий. Я знала, как найду Слэйто: маг должен был оставить слабый магический след. Черные искрящиеся завихрения в воздухе, незаметные обычному глазу. Я собиралась идти за ним так, словно он был дичью.

Красный туман обволакивал меня со всех сторон. Я бежала, то и дело останавливаясь и припадая к земле. Темные всполохи, на которые я надеялась, были едва различимы, зато от лекарской лавки в глубь проулков тянулась ровная цепочка багряных капель. Я следовала по этому кровавому следу, и с каждым шагом красный туман все надежнее отрезал от меня посторонние звуки.

Поначалу я слышала крики людей, которые, подобно мне, блуждали в непроглядной пелене. Потом только шепот, вскоре затих и он. Я перестала видеть капли на булыжниках и шла по наитию. Казалось, что я слышу где-то впереди биение сердца. Оно, как и сердце Слэйто, билось в унисон с моим. Вот и пришлось идти, полагаясь лишь на этот звук, которой вполне мог оказаться насланным чудовищами мороком.

Судя по тому, что руки перестали касаться стен, я вышла в просвет между домами, может быть, даже на площадь. Мое сердце забилося чаще, чужое – тоже. Ветер слегка всколыхнул завесу тумана и лизнул меня в щеку теплом.

«Беги, Лис», – услышала я у себя в голове голос, принадлежавший, несомненно, Слэйто. Но маг опоздал. Мощный удар обрушился на мою спину. Я упала лицом на мостовую, попыталась встать, но была опрокинута новым ударом, который по касательной задел и затылок. Что-то вязкое и теплое заструилось вдоль уха к подбородку.

– Это и есть ваша избранная? – спросил насмешливый голос, слегка подрагивающий на некоторых гласных, словно его обладатель намеревался заржать, как конь. Я попыталась встать, но чугунная тяжесть придавила меня к земле. Что-то невероятно твердое и тяжелое уперлось между лопаток и прижало меня к мостовой.

– Разгони свою вонь, Фрейлина. Дышать же нечем, – злобно отозвался другой голос, хрипящий и посвистывающий.

После этих слов туман начал редеть. Я не могла повернуть шею, любая попытка пошевелиться лишь усиливала давление сверху. Но как только воздух очистился от красных миазмов, я разглядела, что нахожусь на площади в компании трех монстров. Тот, что прижимал меня к земле, стоял справа. В спину мне давило массивное копыто. Получеловек-полуконь был похож на кентавров из старинных легенд за одним исключением: вместо человеческой головы на шее покоилась лошадиная. Он перебирал мощными копытами и выдувал воздух с фырканием, косясь на меня красным безумным глазом. Слева стоял монстр-бобр. Раньше эти животные казались мне весьма милыми: деловитые, толстые, с забавно торчащими передними зубами. В этом же существе не было ничего забавного. Толстый, будто надутый изнутри шар-живот, морда, сочащаяся слизью и гноем, два желтых кривых клыка и омерзительные лысые когтистые лапы. Перед этой парой возвышался третий монстр, или, вернее сказать, возвышалась – догадаться, что чудовище было женщиной, не составляло труда. Ростом с двоих человек, но тощая, будто доска, женщина-чудовище с головы до ног была одета в платье из цветов: орхидей, тигровых лилий, росянок и венериных мухоловок. Зеленая кожа казалась невероятно упругой и находилась в постоянном движении, будто под ней ползали маленькие жучки. У монстра не было волос, кожа со лба плавно переходила в огромный цветок, венчавший голову, словно шляпа. Руки и ноги у дамы отсутствовали. Из плеч и из-под подола тянулись плотные лианы. Женщина-чудовище неотрывно смотрела на меня, и ее лицо искажала

яростная гримаса. Это была искренняя ненависть. В одной из рук-лиан монстр сжимала безвольное тело. Маг висел вниз головой, его распущенные волосы стелились по камням мостовой.

– Чего ты ждешь, Тевий? – прошелестела полуконю женщина. – Размозжи ей голову копытом. Отомсти палачу за нашу кровь.

Тот выглядел озадаченным и не спешил выполнять наказ монстра-цветка.

– Как это жалкое создание умудрялось убивать наших князей? Как она справилась с твоей матерью и ее роццей?

Тевий перенес вес на копыто, которым прижимал меня к земле, и я захрипела. Подняв в воздух другую переднюю ногу, он ловко выбил мой меч из ножен и дважды стукнул его. Корунд выдержал удар, и клинок со звоном отскочил в сторону.

– Дурацкий меч, слабое тело, глупые привязанности, – заметил полуконь, кивнув на Слэйто, так и висевшего без чувств. – Это похоже на пошлый розыгрыш, Фрейлина.

– Мне плевать, как она это сделала, – прошипела та в ответ. – Я хочу ее смерти здесь и сейчас.

Из проулка раздались шаги. Сейчас, как никогда, я желала, чтобы Атос не послушался меня и пришел на помощь. Монстры тоже тревожно переглянулись. Но звук скребущих по камням когтей заставил их расслабиться. Тот, кто шел к нам, не носил сапог и царапал булыжники лапами. Через пару мгновений на площади появился полуволок. Для меня все чудища были на одно лицо, но я была готова поклясться, что именно с ним я столкнулась в Волчьем саду. Впрочем, полуволок не смотрел на меня и обращался лишь к бобру. Если это и был он, с нашей последней встречи его речь стала чище и четче.

– Министр, докладываю: крайние схвачен живым. Потеряли десять человек, но скрутили мерзавца. Силы противника обезоружены и нейтрализованы. Все две сотни из стражи города убиты, северные казармы в настоящий момент полыхают – в них заперты королевские новобранцы.

– Что с ока? – сухо поинтересовался бобр.

– Убежала. С какой-то книгой, это заметили наши соглядатаи. Лекарь прикрывал ее побег и положил на это жизнь. – Голос волка дрогнул. – Достойная смерть не для мирянина, но для воина.

– Эти жалкие людишки – не воины, – отрезал бобр-Министр. – Почему вы не прикончили крайнийца на месте?

Полуволок опустил морду. Я все не могла поймать его взгляд, чтобы убедиться, мой ли это знакомец.

– Люди говорят... – глухо произнес он.
– Что говорят? – истерично взвизгнула Фрейлина.
– Всякое. – Полуволок вздохнул. Сейчас он выглядел как обычный сержант, которого распекает высокое начальство. Я повидала десятки таких усталых вояк в Алой Розе. И полуволок всем напоминал хорошего и исполнительного солдата, за тем лишь исключением, что был двухметровым мохнатым чудовищем.

Министр кивнул, предлагая гонцу закончить рассказ.

– Говорят, что девчонка – избранная. Что она убила тысячи наших бойцов, а князя молчат, чтобы не нагнетать панику.

– Какая ересь! – завопила женщина-цветок, но бобр бросил на нее столь испепеляющий взгляд, что та осеклась и испуганно замолчала, покачивая руками-лианами.

– А ты сам что думаешь? – вкрадчиво поинтересовался министр.

Полуволок пожал плечами и неуверенно произнес:

– Я солдат, мне думать не положено. Но если бы мы на глазах наших людей официально казнили этих «избранных», всю их шайку, то развенчали бы мифы об их особенности. Все бы сразу поняли, что это простые людишки – и мрут так же, как и прочие. Повесить их на эшафоте, и дело с концом.

Бобр думал, его осклизлые щеки нервно подрагивали. Решения Министра ждали и Тевий, и Фрейлина, которая из последних сил сдерживалась, чтобы не поделиться своим ценным мнением.

Вдруг бобр резко нагнулся и дернул меня за подбородок с такой силой, что хрустнула шея. Своими звериными глазами он вглядывался в мое лицо.

– А ты что скажешь, глупый человек? Лежишь молча, пока решается твоя судьба. Какой позор для известной воительницы. Разве тебя можно было считать палачом моего рода?

Я могла только играть от противного, надеясь, что ненависть этих существ заставит их спорить с любым моим утверждением.

– Убейте меня прямо сейчас, – глухо ответила я. – К чему тянуть? Пусть монстры даже тела моего не увидят. Безвестная смерть почетнее казни. Вот увидите, обо мне еще будут слагать легенды.

Тевий вновь перенес вес тела на копыто, упирающееся мне в спину, а другое занес над моей головой.

– Позволь разmozжить ей череп прямо здесь, друг, – заржал он, обращаясь к Министру. – Гадкий рот, мерзкие речи, а один удар – и останется лишь кровавая каша.

– Нет, – резко ответил Бобр. – Мы повесим их. Вздернем, как

преступников. И пусть на это смотрит не только проклятый народ. Все жители этого гнилого города увидят, что ожидает тех, кто не склонит перед нами головы.

С этими словами он развернулся и покинул площадь. Полуволок последовал за ним. Тевий с Фрейлиной переглянулись.

– Он волен решать, – произнес жеребец и опустил копыто на мою голову. Свет померк.

* * *

Сознание возвращалось, будто прибой. Сначала я почувствовала резкую вонь, но после миазмов красного тумана она казалась почти родной – гниль и плесень, застоявшаяся вода. Затем я почувствовала холод – камни под моей грудью и лицом были обжигающе ледяными. И лишь потом, когда попробовала двинуться, все тело отозвалось болью, будто меня пару дней подряд лупили палками. Голова гудела, рана, нанесенная копытом Тевия, горела и болела, как проклятая.

– Аккуратнее, Лис, – раздался знакомый голос. – Тебя закинули сюда, будто куль с мукой. Если решишь подняться, делай это медленно.

Я сцепила зубы и приподнялась на локтях в попытке оглядеться. Вокруг было сумрачно, но света из маленького оконца вполне хватало, чтобы я увидела небольшую камеру и обоих моих спутников. Все мы были прикованы к стенам за щиколотки короткими массивными цепями. Слэйто, похоже, так и не приходил в сознание. Атос сидел, привалившись к заплесневелой стене. Его руки и лицо были покрыты ранами, один глаз заплыл.

– Привет, – сказал он.

– Какого Войи, Атос, – простонала я. – Ты должен был уйти из города вместе с Извель! Кто сейчас защитит ее и книгу?

– Да пошла ты, – неожиданно грубо ответил крайнеец. – Когда ты спасалась из Сиазовой лощины, ты повесила на меня побрякушку, поцеловала и была такова. А как только речь зашла о нем, – он кивнул на лежащего Слэйто, – то без раздумий кинулась в туман. Я даже не знаю, что оскорбляет меня сильнее, – то, что ты не размышляла, идти ли за ним, или твои ожидания, что я не пойду за тобой.

Он замолчал, насупившись. А я тщательно подбирала слова, потому что последнее, чего бы мне хотелось, так это задеть чувства моего горделивого друга.

– Именно Сиазова лощина и то, что я бросила тебя там, научили меня никогда не оставлять друзей. То, что я потеряла тебя, сделало меня такой, какая я сейчас. То, что ты отрекся от меня из-за любви к Алайле, привело в мою жизнь Слэйто. Все это не случайности, Атос. Это цепочка твоих и моих решений.

– И посмотри, куда они нас завели. – Атос окинул взглядом камеру. – Нам не сбежать отсюда.

– Мы вместе влезли в эту передрагу, вместе и выберемся, – наигранно бодро произнесла я. – То, что нас собираются прилюдно казнить, уже величайший дар небес. У нас есть отсрочка, и мы еще живы. Хорошо, что и Слэйто здесь. Я не знаю, приведем ли мы его в чувство и есть ли у него силы колдовать. Но согласись, ситуация могла быть намного хуже.

– На вашем месте я не стал бы сильно рассчитывать на меня. – Слэйто с трудом разлепил глаза и часто заморгал. Было заметно, что даже неяркий свет, проникавший в камеру, мучает мага.

– Как ты? – спросила я. Это прозвучало настолько нежно, что мне самой стало противно, – тоже мне, курица-наседка.

Слэйто бледной ладонью прикрыл лицо и негромко произнес:

– Бывало и лучше. Я почти месяц не принимал элеевых слез и только начал восстанавливаться. Мне не под силу даже карточный фокус, не говоря о серьезной магии. И монстры об этом знают. Они не прикончили меня раньше только потому, что исчерпывающе убедились в моем бессилии. Если хотите выбраться живыми из Кармака, на меня не надейтесь – я бесполезен.

– Я это всегда говорил, – отозвался Атос.

Я уже было вскинулась, чтобы оборвать его, но посмотрела на крайнийца и увидела, с каким сочувствием он смотрит на распростертого на полу мага. В его словах не было жестокости, а только попытка подбодрить.

– Когда начались беспорядки, я кинулся в город, чтобы найти вас. Потом из разговоров монстров понял, что у вас был шанс спастись, но воспользовалась им лишь Извель. Зачем вы вернулись? – Голос мага был сух и строг. В эти мгновения в нем просыпался двухсотлетний Сияющий, которому были недоступны простые человеческие порывы.

Мы с Атосом переглянулись, и мой друг, заметив, что я замешкалась, поспешил на выручку.

– Так вышло. Не оставлять же было твою тощую задницу со всеми этими чудовищами один на один.

– Если ничего не изменится, завтра нас повесят, – меланхолично

ответил Слэйто.

– Значит, будем уповать на чудо, как всегда, – серьезно сказала я.

* * *

День был не хуже прочих. Разве что слишком ветрено. Сильные порывы хлестали по лицу и развевали плащи монстров, охранявших эшафот. Фаранк не удерживал мои непослушные кудри, и они упорно лезли то в глаза, то в рот. Руки были связаны за спиной – не поправить, а веревка натирала шею. Но это были пустяки.

Слева стоял Атос, и лицо его было перекошено от ярости. Он периодически тихо ругался себе под нос, вглядываясь в толпу, что нас окружала. За Атосом – Слэйто. Его волосы, как и мои, развевались на ветру. На миг мне показалось, что я вновь вижу его в шлеме, как в нашу первую встречу. Но стоило моргнуть, и видение растворилось. Маг не злился, как Атос, скорее пребывал в глубокой печали и время от времени бросал на меня многозначительные взгляды.

День как день. Может быть, это день моей смерти? Мы стояли на помосте вот уже час, но никто из монстровой знати так и не появился, чтобы вынести приговор и привести его в исполнение. Зато на площадь перед деревянным эшафотом, установленным под вековой липой, начали стекаться жители Кармака. Все на одно лицо – бледные, полные ужаса и страха перед нечеловеческими захватчиками. Именно из-за них и злился Атос. Монстров было мало, невероятно мало даже для того, чтобы захватить город, не говоря уж о том, чтобы удержать его. А вот людей было очень много. И не только стариков и детей, но и крупных мужчин, и парней с воинской выправкой. Все жители Кармака сдались на милость чудовищам не от безысходности, а из страха.

– Они могли бы опрокинуть помост, – яростно шептал Атос, старясь не привлекать внимание стражи. – Могли бы смять всех этих чудовищ и на руках вынести нас из города. Но посмотри на них: уперли носы в землю и даже глаза боятся поднять.

– Не ты ли попрекал меня, что я слишком строга к людям?

– Это Кармак! Не деревня, а воинская столица Королевства. Если этот город способна захватить горстка бобров и горностаев, то страна обречена. Что бы мы ни нашли в той книге, за нами никто не встанет. А сейчас... Лис, ты меня слушаешь? – спросил он раздраженно.

Я действительно отвлеклась. Все смотрела вверх, на небо, и думала о

том, что редко размышляла о смерти, особенно такой. Если мне сразу не сломает шею, то я буду задыхаться в петле, скорее всего, опростаюсь, мое лицо сделается лиловым, а разбухший язык вывалится наружу. В смерти нет ничего красивого. Кто вообще придумал превозносить эстетику угасания? В юности мы с подругами из замка часто играли в похороны. Собирались на чердаке, убирали цветами волосы «покойницы» и громко, заунывно над ней рыдали. Помнится, мне жутко нравилось лежать там красивой, с цветами в волосах, а еще больше – видеть, как играют в горевание мои подруги. Вот родители наплачутся, вот все друзья поймут, как были неправы. А сейчас... Я окинула взглядом равнодушную толпу. Меня повесят, и уже через час обо мне никто не вспомнит. Мое тело будет изуродовано, мысли и чувства исчезнут. Год от года я буду становиться все призрачнее в памяти немногих оставшихся друзей...

К горлу подступила тошнота. Я с трудом подавила рвотный позыв, пришлось даже согнуться, натянув на горле веревку. Жизнь так прекрасна и так хороша. А воздух? Я жаловалась в городе на смог и чад? Чушь, я готова горстями его есть – был бы шанс. Меня заботили мои поправленные чувства к Слэйто или Атосу? И это чушь – вот они стоят живые, и я – живая. Разве надо больше?

– Вот бы сейчас появился ваш среброволосый принц и спас нас, – сказала я и рассмеялась так горько, что Слэйто тревожно задергался в своей петле.

Волк-солдат, который отчитывался перед Министром на площади, когда нас со Слэйто схватили, сейчас нервно расхаживал перед эшафотом. Толпу у помоста сдерживать не приходилось – но, видимо, эти понурые люди заставляли его переживать хотя бы из-за своего количества. Словно услышав мои мысли, полуволок обернулся и внимательно на меня посмотрел. Теперь у меня отпали любые сомнения – именно этого монстра я встретила в Волчьем саду. Не просто встретила, но отказалась от сражения и отпустила его самого и его женщину со щенками. Как я могла быть так твердо в этом уверена? Сама не знаю. Возможно, это было предсмертным откровением.

– Уже пора приступать к исповеди? – тихо спросил Слэйто. Он кивнул туда, где толпа заметно оживилась. Между людьми протискивались стражники, древками копий расчищавшие дорогу бобру-Министру.

Я отчаянно завертела головой. Героические истории так не заканчиваются. Кто-нибудь должен прийти на помощь. Мастос? Среброволосый принц? Извель? Но никого не было. Только мы, петли на шее и серое небо, под которым нам предстояло качаться еще несколько

дней.

Министр не без труда поднялся на эшафот. Отсрочкой нашей смерти служила только его речь.

– Жители Кармака, перед вами стоят преступники! – громогласно объявил он в абсолютной тишине. Толпа безмолвствовала. – Эти жалкие людишки убивали мой народ и пытались помешать Коронации. Они живы лишь потому, что я хочу показать, жалкое вы отребье, что время вашего племени подходит к концу. Истинные хозяева этой земли вернулись, и мы намерены править вами.

В толпе заплакал ребенок, но его крик быстро уняли – судя по всему, просто зажав ладонью рот.

– Если вы будете покорны, мы позволим вам жить, есть, может быть, даже иметь потомство. Если вы посмеете проявить хоть какую-то волю, то вам не светит даже петля. – Голос Министра становился все более низким и угрожающим. – Мы разорвем вас когтями, мы раздерем вас клыками, мы не оставим о вас даже памяти. Считайте, что эти трое были вашей надеждой – потому что сейчас они умрут. Пусть это же произойдет с вашими мечтами. Сержант, приведите приговор в исполнение.

Полуволк кивнул и поднялся на эшафот. И я вдруг поняла, что онемела в прямом смысле слова. Стоило бы крикнуть что-нибудь толпе, чтобы люди взбунтовались, – ведь их было значительно больше, чем захватчиков. Но ужас и близкое ощущение смерти стиснули мое горло. Я даже не смогла повернуть голову, чтобы посмотреть на Атоса и Слэйто. Я одеревенела.

– Я проверю петли, – рыкнул на одного из стражников полуволк и подошел ко мне. От его огромной морды разило сырым мясом и кровью. Он поднял мощные лапы и начал затягивать узел моей петли, а затем опустил морду к моему уху и тихо произнес:

– Я всегда отдаю долги, Не-охотница. Как только вы упадете – бегите что есть сил. Прочь из Кармака и Королевства.

До меня с трудом доходили его слова. Куда я убегу с петлей-то на шее? Между тем полуволк отошел и завожился с петлями крайнийца и мага. Я видела это боковым зрением, как и то, что по периметру площади в тени зданий стали появляться неясные силуэты.

– Узлы крепки, – подтвердил монстр, а затем выкрикнул в полный голос: – Открыть люки!

Мы рухнули вниз и летели гораздо дольше, чем следовало.

Я не почувствовала боли от перелома шеи. Напротив, словно погрузилась глубоко под воду. Вот она какая, смерть. Значит, не так уж и страшно...

– Эй!

Резкий удар по щеке привел меня в чувство. Затем еще один, и еще. Похоже, смерть откладывалась. Вокруг раздавались вой и крики, а Атос склонился надо мной и в четвертый раз занес руку.

– Не время отключаться, Лис.

Мысли понеслись вскачь. Мы не умерли, а просто провалились в люки под эшафотом. Вон Слэйто стягивает петлю с шеи, веревка явно подрезана. Разумеется, полуволок. На площади что-то происходило, но времени выяснять это у нас не было. Нельзя было упускать шанс.

Я поднялась на ноги.

– Бежим!

Мы проскользнули между плохо прибитыми досками позади эшафота. В нос ударил запах гари. Охраны почти не было, всего лишь один человек-хорек ошалело смотрел, как мы появляемся из-за деревянных балок.

– Здесь... – только и успел пискнуть он, перед тем, как Атос метнулся вперед и свернул ему шею.

Улица, на которую мы попали, была подозрительно пустынна, словно ее расчистили специально для нас. Но разве могла поджидать впереди еще большая ловушка, чем веревки на шеях? Поэтому мы смело устремились вниз по улице. Дорогу показывал Атос – он знал город. Слэйто чуть отставал, но в целом выглядел бодро.

– Какое это приятное чувство – быть живым! – прокричал он. И я не могла с ним не согласиться.

Мы приближались к воротам, которые вели из города. Уже издалека я заметила, что они, увы, охраняются. Перед тем как бросить нас в камеру, монстры забрали у нас все оружие. До свободы оставалось рукой подать, но мы едва ли могли противостоять даже пятерым вооруженным солдатам. У тех, что стояли наверху, были луки.

– Ни с места! – заревело одно из чудовищ, напоминавшее зайца-переростка. – Луки наизготовку!

Мы остановились и заозирались. Никакого ящика или двери, чтобы за них спрятаться, – мы были перед лучниками как на ладони.

– Прорвемся, – неуверенно сказал Атос.

Слэйто покачал головой.

– А-штаа! – заорала я в бессильной ярости. Еще шаг – и мы за стенами Кармака, где поля и леса, которые защитят нас, но до них не добраться. Я была готова к чему угодно, но второй раз повести себя на эшафот я не дам! – А-ШТАААА!

– А-штаа, сестра! – донесся голос из-за стены. И вместе с ним воздух

наполнился свистом стрел.

Стражники-монстры рухнули как подкошенные. Между лопаток зайца-переростка торчало красное древко стрелы со знакомым мне оперением. Выбеленные волокна опахала пересекали красные линии, нарисованные обычно кровью слугителя ратарана.

В воротах возникли конные всадники. Тот, что оказался ближе всего к нам, лучезарно мне улыбнулся и произнес на певучем заокраинском языке:

– Здравствуй, маленькая Хвоара. Духи сказали мне, что ты в беде.

– Кашим! Кэм! – Я кинулась к своему старому другу и схватила его за руки.

– Времени на объятия нет. В седла!

Семеро всадников захватили с собой еще трех лошадей. Долго упрашивать нас не пришлось. Мы запрыгнули на коней и помчались прочь от Кармака. Только сейчас я сообразила, что едва удерживаю поводья, – так тряслись у меня руки. Я боялась оборачиваться на город, страшилась, что увижу погоню, которая поймает нас и вернет на эшафот. Зато впереди открывался прекрасный вид – справа зеленел темной хвоей лес, слева сверкала медленная ленивая река. Судя по слабому отблеску солнца в облаках, мы двигались на север. В очередной раз нам удалось ускользнуть от смерти, но легкое чувство, что на этом вся удача вышла, не давало мне покоя. Я пришпорила коня.

Имя девятое: Капрал Заячий Хвост

Когда мы достигли пролеска, то сбавили скорость. Погони не было, нас никто не преследовал, а значит, можно было не мучить лошадей. Я тревожно оглядела лица моих друзей, но быстро успокоилась: похоже, ужас близкой смерти засел только в моей голове. Атос и Слэйто, будто два мальчугана, улыбались во весь рот, наслаждаясь свободой. Я была искренне рада, что страх не поселился в их сердцах.

Кашим остановил свою лошадь, и остальные всадники последовали его примеру. Из-за низкорослой ели на тропу выступила Извель, платье на ней было заляпано кровью и грязью. К груди ока прижимала потрепанную книгу, которую мы нашли в библиотеке. Подруга кинулась к нам с таким буйным криком радости, что моя лошадка едва не шарахнулась в сторону.

– Спасэны, спасэны! – причитала заокраинка.

– Это и есть те духи, что нашептали мне о твоей беде, кэм, – кивнул на Извель глава ратарана. Он продолжал говорить на заокраинском, не снисходя до языка королевства. – Мы встретили ее, испуганную, словно кролика, когда возвращались из одной важной поездки.

Внимание Извель переключилось на Атоса, и я смогла приблизиться к Кашиму, чтобы задать вопрос, который мучил меня с той самой секунды, как я увидела оперение стрелы ока:

– Что, во имя всех богов, отряд нашего токана делает так далеко на западе?

Несмотря на то, что я уже давно покинула палаточный город ока, я все еще продолжала считать его своим. Но Кашима мои слова не смутили. Товарищ подкрутил свой лощеный ус и произнес с тревогой в голосе:

– На одном из табато девочка принесла дурные вести о токане с запада. Мама-Ока решила, что мы слишком долго отсиживались в стороне. Северо-западный токан – это наш народ, наша кровь, а не просто люди Королевства. Поэтому она отправила нас проведать собратьев.

– И что же? – спросила я. Тревоги казни в Кармаке отошли на второй план.

– А ничего, – с резкой злобой ответил Кашим. – В прямом смысле – ничего! Не осталось ни одной палатки, ни одного кострища, ни одного человека. Может, они в одночасье снялись с места и уехали, не оставив после себя даже горки дерьма. Но я слабо в это верю. А то, что кажется наиболее вероятным... о том даже думать не хочется.

– Мне нет смысла что-то тебе объяснять. Ты видел, в кого стрелял на воротах Кармака. Монстры.

– Заокраинцы слишком долго закрывали на них глаза, Лис. И поплатились за это.

Извель меж тем добралась до Слэйто, стащив мага с коня и обнимая его, словно потерянного родственника.

– Куда мы двинемся теперь?

Этот вопрос неожиданно задал Атос. Все присутствующие обернулись и посмотрели на меня. С каких пор я вдруг стала ответственной за такие решения?

– Здесь кто-нибудь знает тилльский? – не особо надеясь на положительный ответ, спросила я.

Тишина стала почти звенящей.

– Пару дней назад мы повстречали женщину из Тилля, – сказал один из солдат ратарана.

– Не мели чушь, Ашмэш! Она могла говорить на тилльском, могла быть одета, как женщина Тилля, но ее глаза, нос и губы родом с юга Королевства. Просто такая же хитрая притворщица, как наша Хвоара.

– Я, кажется, понимаю их речь, – возбужденно произнес Атос. Неудивительно, ведь крайний язык был младшим братом заокраинского. – Они говорят про женщину, которая одета по-тильски. Спроси у своих друзей, была ли при ней секира?

– То, что ты плохо понимаешь мой язык, не значит, что твоя речь для меня тайна, человек-гора, – высокомерно ответил на неплохом королевском Кашим. – Да, при женщине был огромной боевой топор. Она выглядела как воин. Это ваша знакомая?

– Судьба плетёт свои нити, – загадочно произнесла Извель, сама того не зная, озвучив мои мысли. – Мы нашли нашу Сэкиру.

– Но как нам догнать ее, не разминувшись?

– Она шла в Кармак пешком, – пожал плечами Кашим. – Дорога тут одна. Поедете на север и встретите ее.

Извель сурово посмотрела на главу ратарана, но тот недаром слыл бывалым воином и даже не поежился от ее колкого взгляда.

– Ты что же, кэм, бросишь нас посреди леса? Израненных, нуждающихся в помощи?

– Я оставляю вам еду и лошадей, но сами мы возвращаемся в токан, – спокойно ответил Кашим, снова перейдя на заокраинский. – Мы исполнили долг перед своей кровью, забрав вас из города. То, что вы добрались до ворот, – счастливая случайность. Мы обещали Извель помочь, если

сможем. Но, честно говоря, увидев стражников-монстров я готов был развернуть отряд. Мы ценим и родство, и дружбу, но я не стал бы вести людей на самоубийственное задание.

– Мы не в обиде, кэм. – Я положила руку на плечо своему боевому товарищу, и он нежно сжал мое запястье. – Ты сделал что мог, и даже больше. Дальше мы пойдем сами. Но вам стоит знать, что война не на пороге – она уже в нашем общем доме. Что бы ни случилось с токано, все это – бусины одного браслета.

Тот с непониманием посмотрел на меня и отъехал, отдавая приказы делить поклажу на лошадях. Я спешила и подошла к Слэйто. Маг все еще выглядел болезненно бледным, но был полон решимости. Он проверял стремена на своей лошади.

– Ну как ты?

– Кажется, излечился от нытья, – сказал он, улыбаясь. – После того как падаешь с эшафота с веревкой на шее, жизнь начинает играть новыми красками. Да, два года – может, и немного. Но это, Войя подери, мои два года. Вместо того чтобы хоронить себя заживо, стоило подумать головой. Я многое упустил и намерен это наверстать.

– Что, например? – спросила я.

– Вот это! – ответил маг и, обхватив мое лицо ладонями, неожиданно меня поцеловал.

Всадники ратарана заулюлюкали и засвистели. Меня охватил мгновенный жар: то ли от стыда, то ли от страсти, которую Слэйто вложил в поцелуй.

– Не делай так больше, – почти по слогам произнесла я, вырвавшись из рук мага.

– И не надейся, – прошептал Слэйто, хитро на меня поглядывая. – Я думал, что умру и должен буду передать заботу о тебе Атосу. Но будь я проклят, если отдам тебя ему.

– Атос во мне и не заинтересован, глупый ты а-штаа, – сердито зашипела я на мага. – А я не предмет, чтобы отдавать меня кому-то на хранение. И, раз уж на то пошло, ты довольно паршиво справляешься с заботой обо мне. Напомнить тебе, что на эшафоте мы оказались втроем?

– В том-то и суть, – ответил Слэйто. – Мы не всегда можем защититься от смерти или спастись от нее. Как бы бешено того ни желал, я не мог спасти тебя с эшафота. Все решил слепой случай. Нам всем сколько-то отпущено: день, два, может, неделя или год. И не факт, что мне – меньше, чем другим. Но все это не повод существовать в постоянном ожидании конца. Я хочу жить здесь, сейчас, с тобой.

Он говорил это с небывалой искренностью и жаром. Я понимала его чувства и даже, возможно, хотела разделить их. Было одно но.

– Когда я была наемницей в Лароссе, Слэйто, мне рассказывали про эффект выжившего. Люди, которые чудесным способом спаслись от смерти, чувствуют внезапный прилив сил и счастья. Так наше тело реагирует на миновавшую опасность. Кто-то клянется посвятить всю жизнь богу, кто-то раздает состояние бедным. А ты вот решил воскресить что-то умершее, – горько заметила я. – Мы поговорим с тобой о чувствах и о жизни, когда пройдет время и эйфория схлынет.

Атос наблюдал за нашим разговором, стоя в тени большой ели. Я разозлилась на себя из-за того, что пытаюсь разгадать выражение его лица. Сердится ли он? Огорчен, что стал свидетелем этого поцелуя? «Да катитесь вы все к Войе, глупые мужчины», – с тоской подумалось мне.

– Возможно, что-то и изменится с течением времени, только мы узнаем об этом нескоро, – с нежностью в голосе произнес Слэйто. – Прямо сейчас я уезжаю.

– Куда это ты собрался? – нервно спросил Атос, подтвердив мою догадку о том, что нашу перепалку слышали все присутствующие.

У меня замерло сердце. Слэйто поправил прядку светлых волос, упавшую на лицо, и ответил:

– Вы поедете на север, ратаран – на восток, я же двинусь обратно в Ярвелл. Король остался совсем один, он не знает, что случилось в Кармаке. Как и не знает того, что мы там нашли. – Маг кивнул на книгу в руках Извель. – Пока вы будете искать перевод последней части, я помогу Гардио собрать силы. Может, мне даже удастся найти некоторых из моего рода.

Эту фразу поняли лишь я да Извель, и обе вздрогнули от такого великодушного предложения. Вспоминая свой последний визит в Удел Мрака, я стала бы искать помощи где угодно, но не у Поглощающих или Сияющих. Но подобный ход и правда мог стать той силой в руках короля, с которой пришлось бы считаться даже чудовищам. Неконтролируемая, дикая, опасная, но между тем и невероятно мощная. Мне раньше и в голову не приходило, что Слэйто, как и Слэйрус, мог обратиться к своим соплеменникам. И все-таки я раздраженно отрезала:

– Ты слаб и вымотан. Как ты намерен совершить путешествие через Хаурака в одиночку? Мы не знаем, сколько еще монстров бродит по округе. Поэтому не мели чушь, никуда ты не поедешь. – На последнем слове голос предательски дрогнул. Приказывать я не могла: и он, и я это знали.

– В том-то и дело, что слаб, – грустно произнес маг. – Сейчас я обуза для вашей компании. К тому же я уверен, что встречей с леди Секирой ваш

поход не ограничится.

Атос и Извель переглянулись. Им слова Слэйто ничего не говорили, тогда как внутри меня они всколыхнули погребенное ощущение чужой воли. Дорога звала меня и манила, ждала, что я ступлю на нее и растворюсь в ней. О нет, это не я вела Атоса к Лисьему чертогу и не я сопровождала Слэйто с Аэле к Волчьему саду. Чужая настырная воля тащила меня за шкуру от одной башни к другой. И вот на севере стояла третья и последняя твердыня Сияющего Слэйруса, и хранила внутри ларец, который должен был кто-то открыть.

– Я... я... – Я не знала, что сказать. У меня не было ни одной причины останавливать Слэйто, кроме того, что мне не хотелось с ним расставаться. Отпустить его, оставшись без присмотра, и, что важнее, оставить без надзора его самого – я будто отрывала часть души. Тот же эффект произвело бы расставание с Извель или Атосом. Сейчас мне, как никогда раньше, нужны были друзья.

Слэйто мягко взял меня за плечи и отвел в сторону. Видимо, и ему надоело быть центром внимания солдат-ока и Извель с Атосом.

– Лис, – мягко сказал он. – Я всю жизнь был трусом. Обе мои жизни удивительно схожи лишь в этом. Как Тоби я боялся мира и того, что он мог дать мне. Как Слэйрус – до дрожи в пальцах страшился чувств. И вот теперь я хочу сорвать эти опостылевшие оковы и перестать наконец так переживать за будущее.

Я смотрела себе под ноги, и Слэйто требовательно поднял мое лицо за подбородок. Пальцы у него, как всегда, были ледяными.

– Раз уж я, обреченный на скорую смерть, не боюсь любить тебя – то и тебе бояться тоже не стоит. Ничего не бойся, никогда. Страх заточает нас в самую глубокую темницу из ныне известных – ты становишься узником своей души.

Он нежно поцеловал меня в лоб, затем в скулу и порывисто прижал к себе. А меня трясло. Я понимала, о каком страхе говорил сейчас Слэйто, и открыто спросила, вдыхая запах его волос:

– Ты думаешь, что я обречена идти к третьей башне, правда? Что сама вселенная силком тащит меня по этой дороге?

– Ты можешь думать об этом, как о насилии. А можешь – как о почетной миссии, истинной цели которой мы не знаем. Я пока ума не приложу, зачем тебе придется идти в Медвежий острог, – но ты туда отправишься, это точно.

Я шумно вдохнула воздух, чтобы побороть рвавшийся наружу крик. Название было мне знакомо.

– Ладно. – Я делано бодро отстранилась от мага. – Длительные прощания – не мой конек. Я попрошу ратаран проводить тебя хотя бы на несколько километров от Кармака. Остальное ты знаешь: не ешь протухшее, держи ноги в тепле и будь начеку.

– А ты держись Атоса и Извель, – серьезно сказал маг. – Теперь я хотя бы не переживаю, что ты сбежишь вместе с Атосом в романтическое путешествие.

– Это почему же? – с улыбкой спросила я.

Маг посмотрел на наших спутников сквозь еловые ветки. В его взгляде не осталось того огня, который чуть не спалил нас возле стен замка Ярвелла. Теперь это был взгляд друга и товарища. Один эшафот на троих сильно нас сблизил.

– Атос просрал свой шанс, – просто заметил Слэйто. Услышать подобное слово от него было в новинку. Я удивленно приподняла бровь, а маг продолжил: – Как и я сам, кстати. Но я упорнее.

Я прыснула от смеха. Так мы и вернулись к всадникам – я смеялась, как безумная, а Слэйто загадочно улыбался.

* * *

Солдаты-ока указали нам дорогу, где парой дней ранее встретили женщину в тилльском одеянии. Прощались сухо и коротко: оставили лошадей с поклажей провианта, благословили дочерей своего племени, то есть меня и Извель, простым наложением рук да и растаяли в пыли, вылетавшей из-под копыт их коней. Вместе с ними отправился Слэйто. Маг улыбался, шутил и посмеивался, но я была уверена, что в глубине души ему было тяжело. Лишь боги знали, увидимся ли мы вновь.

Наша троица направилась на север. Мы не поехали по главному тракту, который в народе называли Девичьим. Поговаривали, что такое прозвище дорога получила из-за плавных изгибов, якобы повторявших силуэт женской фигуры. По другой версии, именно этим путем задолго до королей на север, в Тилль, угоняли невольниц из моей страны. По легенде, дорога была так обильно полита их слезами, что стала почти соляной. Именно на Девичьем пути всадники ратарана встретили Секиру, но мы опасались погони из Кармака, и вместо хорошей и широкой дороги выбрали лесную тропу, узкую настолько, что невозможно было даже развернуть лошадь. Тракт проглядывал среди деревьев, а мы оставались невидимыми для тех, кто решил бы по нему проехать. Оставалось

надеяться, что мы не пропустим Секиру.

Хорошо натренированные лошадки ока не боялись ни низких ветвей, ни корней деревьев, то здесь, то там выпиравших из земли, будто толстые змеи. Животные смиренно шли, прядая ушами и высоко поднимая свои точеные ноги, чтобы переступать через сухие ветки и поросль молодой травы.

Западный лес сильно отличался от восточного. Даже в Львиной чащобе – глухом, затерянном островке зелени – чувствовалось дыхание моря. Это было жуткое место, но ты всегда знал, что минувешь его и забудешь, как страшный сон. А вот западные леса Королевства совсем не казались местом действия страшной сказки или ночного кошмара. Они были реальнее всего, что я встречала на пути с юга. Как будто здесь поселилась единая мощная и бесконечно древняя душа. Лес следил за нами, и присутствие чужаков его пока не раздражало. Для лесной сущности люди были чем-то непостоянным, временным, ведь эти леса застали еще расцвет и падение проклятого народа.

– Почему мы не пошли со Слэйто? – спросила я у товарищей. – Это было бы самым разумным решением – вернуться к Гардио всем вместе. Он прав: во дворце полно переводчиков с тильского.

– Для начала я не могу бросить Секиру, – сказал Атос. – Если она идет в одиночку, значит, Тиль не просто отказал нам в помощи, но даже не выделил для нее эскорт. А ведь Секира еще не знает, что возвращаться через Кармак нельзя. Она одна и, случись что, может столкнуться с превосходящими силами врага. Даже несмотря на ее блестящие навыки обращения с оружием, добром это не кончится.

– Слэйто тоже может столкнуться, – с обидой произнесла я.

Атос посмотрел на меня, и я вдруг поняла, что мой генерал вовсе не повзрослел, а, как и я, Гардио, и все прочие, состарился от этой истории. Подобная старость не пряталась в морщинах или дряблой коже, нет – она засела на самом дне его голубых глаз. Его глаза, как и мои, слишком много повидали. Атос словно прочел мои мысли и, улыбнувшись, отвел взгляд, после чего словно нехотя ответил:

– Слэйто – Сияющий, Лис. И, возможно, меньше всех нас вместе взятых нуждается в защите. Не знаю, сколько времени у тебя ушло на то, чтобы понять, кто он такой. Но я догадался еще во дворе замка Ярвелла.

Извель беспокойно заерзала в седле. Она знала о происхождении магического таланта Слэйто и, видимо, переживала, что станет подозреваемой в раскрытии тайны. Но мне бы и в голову не пришло ее обвинять, тем более что секундой позже сам Атос развеял любые сомнения.

– Я уже говорил, что после того, что случилось в Сиазовой лощине, стал видеть магию. Ты не сознавалась, но, уверен, тебе это тоже знакомо. Маленькие завихрения, яркие следы. Например, ты вся пропитана тьмой, Лис. Моя тьма возникает, лишь когда я зол или нервничаю, да и полыхаю я намного более тускло, чем ты. Может быть, дело в том, что я стоял в оке шторма? Неважно. Главное, я вижу Слэйто насквозь и понимаю, с каким трудом ему давалось нахождение среди нас.

– Ты о чем? – нахмурилась я.

– Ты ведь понимаешь, что он не человек, – мягко произнес Атос. И за эту заботу в голосе мне захотелось хорошенько приложить его об одну из огромных елей, росших вокруг. – Я мало знаю о высших магах, но то, что слышал, наводит на мысль, что у них явные проблемы с общением. Есть они, и есть люди, и им хорошо только вдали друг от друга. Слэйто – отличный парень, но это дается ему через силу. Как будто то, что для нас просто и естественно – дружить, любить, чувствовать, – требует от него невероятных стараний. Он ведь не к Гардио ушел, а от нас сбежал...

Атос говорил это не от ревности или зависти, не придумывал на ходу. Крайниец рассказывал то, во что искренне верил. И я, смотревшая на все абсолютно иначе, впервые задумалась, насколько он, совсем не знавший Слэйто, мог оказаться прав.

Дорога стала шире, и мы смогли ехать по две лошади в ряд, чем воспользовались Атос и Извель. Я отстала от друзей на длину упряжи. Мне хотелось побыть одной, да и перестать уже обсуждать мага. Он ушел, и какой-то внутренний демон шептал, что мы больше никогда не встретимся. Я привычно полезла рукой в седельную сумку: желудок урчал от голода, а я еще со времен Бешенной лисицы знала, что лучшее средство от непрошенных мыслей – это занять себя едой. Солдаты ратарана оставили нам немного провианта, и я надеялась найти в своей котомке вяленое мясо или сушеную рыбу. Но пальцы сжали совсем не съестные припасы. Еще не достав свою находку, я уже знала, что увижу. Вместе с клоком какой-то шерсти на свет появились желтоватые листы пергамента, испещренные тысячами маленьких значков. Новое послание от Мастоса на этот раз оказалось среди вещей народа ока. Как такое возможно?

Я взгляделась в бумагу. Обычно изящный почерк монаха теперь выглядел, как вязь на незнакомом языке. Но лишь во вступительной части. Сама история, если это, конечно, была именно она, казалась написанной раньше и без спешки. Кроны деревьев, смыкавшиеся у нас над головами, пропускали мало солнечного света, и я с трудом различала символы. Как мне сейчас не хватало банки со светлячками или даже спокойного сияния

Слэйто!

– Что это?

Вопрос чуть не выбил меня из седла. Оказалось, Извель решила поравняться со мной и заметила листы в моих руках. Я растерялась и прижала бумагу к груди. Лихорадочные мысли подсказывали то одну ложь, то другую, но настойчивее всего была одна: почему, Войя подери, просто не рассказать правду? Но Извель истолковала мою растерянность иначе. Она понизила голос и мягко спросила:

– Это прощальное письмо от Слэйто, верно? Я нэ потревожу тэбя. – Ока прищпорила лошадь и, поравнявшись с Атосом, громко завела непринужденную беседу, лишь бы ему в голову не пришло оборачиваться.

Я мысленно извинилась перед подругой за свою безмолвную ложь и погрузилась в чтение.

Здравствуй, Лис.

Время бежит и подгоняет нас. Проклятый народ наконец сообразил, что я представляю какую-то ценность и играю свою роль в этом противостоянии, поэтому на меня открыли охоту. Да что на меня – мои ученики и даже наши пушистые почтальоны в опасности. Мне повезло, что свои люди у меня есть и в ратаране, – ты же понимаешь, как мал был шанс свести вас и их на огромном севере. Но я стараюсь и, видят боги, хорошо делаю свою работу. Эту историю я хотел сохранить напоследок, но что-то подсказывает мне: ее время здесь и сейчас. Имя Капрала было выведено иначе, чем остальные, чувствовалось что-то в наклоне букв и силе нажима. Как будто это особое имя. Я все еще не представляю, к чему все эти записи, но надеюсь, ты сама начинаешь смутно видеть цель. Иначе все зря.

Капрал Заячий Хвост

Разумеется, он был никакой не капрал, да и вряд ли солдат, дружище. То, как он прибил к нашему отряду, – это вообще смех. Мы чутка мародерствовали по ту сторону Хаурака. Шли от деревни к деревне, щипали девок, воровали гусей. Ну старик, не смотри на меня с таким осуждением! Времена тогда были другие. Это сейчас куда ни плюнь, всюду солдаты Крианны в чистых мундирах да с перекошенными от стараний рожами. А мы были истинными ловцами удачи, м-да. Не боялись ни богов, ни Войю. Воевали за себя, за себя же и умирали. В этом и есть настоящая

солдатская правда.

Ну так вот, в одной из деревень мы хорошенько надрались в трактирчике и, разумеется, решили не платить. Куш, мой дружище, успел уже хорошенько поколотить глиняную посуду, да и самому хозяину нос расквасил. И тут со стороны дверей такой тонкий писк: «Прекратите!». Думал: послышалось. Ан нет. Стоит там такой паренек, простой, рожа в веснушках, нос картошкой, а глазенки узенькие, как у тилльцев. Выродок, скорее всего, но, кроме странности с глазами, – обычный сельский парень. И видно, что ему, засранцу, страшно до одури, а все равно пытается нас утихомирить.

Я ему: «Иди куда шел, сапог деревенский, пока и тебе не насовали». А он мне, представляешь: «Я же вижу, что вы не конченные люди. У настоящих мерзавцев совсем другие лица: безысходные, пустые. А вы просто хорошие ребята, которые попали в паршивую историю. Да вся эта война – одна сплошная паршивая история. Мелет людей в муку, мелет. Пойди там себя найди!». И так он это искренне задвинул, что Куш совсем раскис. У него на западе сынишка остался, он, видать, скучать сильно стал и день ото дня становился все тоскливее. А тут этот чудак нарисовался.

Знаешь, старик, гораздо легче оставаться сволочью, когда тебя только ей в спину и кличут. А попробуй набей морду тому, кто тебя хорошим человеком называет. Так он к нам и прибился. Звали его на самом деле Тоби, но у нас в банде было не принято друг друга настоящими именами кликать. Так Пурт за свою жадность был прозван Кушем, а меня ребята называли Фалангой. Почему так вышло – отдельный рассказ, а у нас с тобой времени лишь до рассвета.

Тоби ну очень хотел стать солдатом. Не ради денег, славы или девок – у него была мечта повидать мир, найти что-то интересное. И как мы его ни пытали, он даже объяснить не мог, что же он ищет. «Бабу, – спрашиваю, – красивую, как принцесса? Изумруд величиной с голову? Гору дерьма размером с Хаурака?» а парень знай смеется. «Нет, Фаланга, – говорит, – все не то, но как найду – тебе первому расскажу».

Он веселый был малыш, но трусливый до ужаса. К воде даже на расстояние пердежа не подходил. В ссоры не лез. А уж если дело доходило до драки, то начинал трястись, что осенний лист на ветру. И шлем его идиотский, чуть не забыл ведь. У него с собой был шлем матового металла со стальными плашками по бокам. Обычно он его не надевал, но всегда держал при себе. И если паренек смекал, что вот-вот кулаки в ход пойдут, так он сразу свой смешной шлем напяливал и стоял-трясся. У нас так дважды драки прекращались, даже не начавшись. В последний раз

наемники с севера увидели нашего малыша, как его трясет, и давай ржать. Это, говорят, ваш самый смелый боец, что ли? Капрал Заячий Хвост? Куш не выдержал и тоже захохотал, так мы вместе погоготали да разошлись. А прозвище прицепилось.

Мы потом с Капралом много где побывали. Спускались к Флавис, один раз почти до Ярвелла дошли, а затем снова на север двинули. Славный был парень, хоть и трусливый. У нас в банде, конечно, такое не поощрялось: трусость, в смысле. Но он был мастак речи задвигать, и, когда однажды его вечером уж совсем доконали, Капрал нам сказал:

– Зря смеетесь над трусами. В этом мире нет никого сильнее и важнее тех, кто знает цену страху. Говорят, что смелость позволяет захватывать города. А вот трусость позволяет эти города защищать. Знаете, кто развязал войну? Смелые подлецы. Им не страшно было устроить кровавую резню по всему Королевству. Они не боялись людских жертв. Они не страшились той ответственности, что взяли на себя. Потому что смелость – это обратная сторона вседозволенности. А трусом был последний монарх. Всего боялся: ссориться с соседями, повышать налоги, боялся людского осуждения, а потому и вспоминаем мы его с тоской.

– Тебя послушать, так лучше, чтобы каждый был трусом, – недовольно сказал тогда Куш. Он ведь был сорвиголова, в любую драку кидался, как безумный. Не понравилось ему сравнение с подлецом.

– Трусом, может, и не стоит быть. Надо не уничтожить свой страх, а подчинить его себе. Сделать страх своим рабом, который будет идти перед тобой, проверяя, не ведет ли путь в болото. Страх – не твой хозяин, страх – твой поводырь!

Как сейчас его помню. Глаза сверкают, улыбка до ушей. Про таких, как Капрал, не пишут легенд, говорят: «Рылом не вышел». Не смельчак, не красавец, а ума хватало лишь байки паре грязных наемников толкать. Но что-то в нем было.

Не знаю, монах, какая-то предрасположенность к величию, что ли. Как будто все мы уже тогда подозревали, что впереди ребят вроде Куша или меня самого ждут только плаха или петля, а Капралу предстояло что-то великое. Он сам в это искренне верил, хоть и не хвастал много.

Ты попросил рассказать что-то особенное о Капрале, и, думаю, тут подойдет то, как наши с ним пути разминулись. Мы шли к границе с Элдтаром. По уговору с контрабандистами должны были в условленном месте оставить оплату, забрать товар и доставить его нашему нанимателю в Штольц. Мутное было дело. Наводку нам дал не знакомый посредник, а какой-то новичок. Деньги за товар лежали в опечатанном сундуке, и, если

что-то случилось бы с печатью, нам свернули бы шеи. То есть мы даже проверить не могли, чем собираемся платить на месте. Но времечко было гнилое, заказов хороших не случалось, и мы взяли то, что нам предложили.

Вот и попали в некрасивую историю. Товаром, который ждал нас на границе, оказалась молодая тилльчанка. Лет пятнадцать, не больше. Глазенки узкие, кожа белая-белая, а волосы в толстые косы вокруг головы намотаны – ни дать ни взять венец королевский. Мы до этого никогда с работорговлей не связывались, но я уже сказал: время было поганое... Оставили деньги, привязали девке веревку к ногам да повели за собой обратно в Штольц.

Стоило работорговцам скрыться из виду, как Капрал на нас налетел. Не можем же мы живого человека продать! Как же так? Мы отпустить ее должны, а то и на родину проводить. Бегал от одного к другому, а мы хмуро молчали. Да и что мы могли ответить этому щенку? Что связываться с нанимателем из Штольца мы не хотим и денег платить за ее свободу у нас нет? Беда была в том, что Капрал думал о нас лучше, чем стоило. Каждому в нашей банде нравилась его сказочка про хороших людей, сломленных войной. Поэтому мы и полюбили его, и пригтели. Он тешил наше самолюбие, заставляя поверить в эту сладкую ложь. А на самом деле были мы такими же мерзавцами, как и все. Людьми уже не были, понимаешь, проповедник?

И когда мы смотрели на эту сладенькую тиллечку, каждый из нас думал, как бы ее втихую оприходовать, да так, чтоб наниматель не заметил. А совсем не о том, как ее от рабской участи спасти.

Капрал день или два ходил от одного из нас к другому. Убеждал, увещевал, молил. Наконец Куш не выдержал и двинул ему в ухо так, что Капрал рухнул, будто подкошенный. И правильно сделал, ведь смысл Заячьего Хвоста был совсем не в том, чтобы напоминать нам, какие мы нелюди стали. И парень замолчал.

Мы проходили по окраине через осенний лес. Местные предупреждали, чтобы мы туда не совались, говорили, что где-то внутри спрятан Удел Мрака или Света. С такими вещами не шутят даже пропащие вроде нас. Поэтому границу, за которой то и дело мелькали лисьи силуэты, мы не пересекали. На одном из вечерних привалов я первым заговорил с пленницей, спросил о том, что втайне интересовало каждого из нас, ну, за исключением Капрала, конечно:

– Тебя, сладкая моя, уже трогали мужчины? Те, что передали тебя нам?

Она лишь взгляд на меня кинула, как обожгла.

– Я ведь и сам посмотреть могу, дело-то нехитрое.

Ее белоснежные щеки залило краской стыда.

– Меня никто не трогал, – прошептала тиллечка. – Меня хотят продать чистой.

Язык наш знала, а про чистоту и обмануть могла. Пойми, монах, она выглядела тогда, как сахарная голова, для человека, который год жрал одни помои. Как с Капралом повелись, почти и не насильничали ведь, а тут такой кутеночек рядом. Я всегда был самый догадливый, вот и выдал:

– Ну, в рот-то тебе новый хозяин заглядывать не будет. Пойдем-ка отойдем минут на десять.

Капрала аж подкинуло.

– Она же ребенок, Фаланга. Ты что, сдурел? У тебя дочь ее возраста. Да как у тебя...

Вот тут уже и я не смог сдержаться. Он был прав, у меня была дочка лет пятнадцати, не такая хорошенькая, как эта тиллечка, но что-то общее было: гордость какая-то во взгляде, непримиримость. И вот этого сравнения – того, что он мне напомнил о моем человеческом лице, о том, что я отец, – я ему не простил. Сначала просто сбросил на землю ударом, потом начал бить ногами. Все вокруг наблюдали за расправой молча, да и что они могли поделать? Капрал сначала вскрикивал, потом замолк. Его руки, сжимающие шлем с ушками, расцепились, и железка покатила прямо к ногам Куша. Тот довольно хмыкнул: «Теперь будет мой!» – да прибрал к рукам чужое. На хаяву Куш был падок больше, чем до сладострастия.

Я уже собирался увести тиллечку, как заметил, что глаза Капрала блестят. Он лежал без сил, но не без сознания. Следил за мной, окаянный, и глаза его сверлили меня не хуже пёрки.

– Запомни этот момент, Капрал, – с горечью сказал я. – Бывают в жизни дни, когда ты ничего поделать не можешь. И хоть тресни, будет так, как решит кто-то другой. Ты еще молодой, видать, жизнь тебя не била. Красивые речи ты заводил про страх и то, как им рулить. Но жизнь такова, что даже вот ты обуздал свой страх, а все равно проиграл – лежишь здесь и харкаешь кровью. Не жизнь, так люди тебя научат бояться и не высываться.

Он вроде как слушал меня и смотрел, и взгляд у него даже прояснился. Не то чтобы стал понимающим, нет, но наполнился болью до краев. Когда у меня с братом мамку на глазах убивали, у брата такие же глаза были. И когда жена моя первенца хоронила, в голодный год несдюжившего, у нее тоже этот взгляд был. Во мне даже гордость проснулась: объяснил я мальцу, что такое боль и беспомощность. Вспомнит еще добрым словом

старика Фалангу.

В общем, повел я тиллечку за ясень. Она не сильно упиралась, взгляд у нее затуманился. Видать, порка Капрала ей показала, что к чему. Думал, сейчас наслажусь по полной, но судьба иначе распорядилась. Девчонка меня цапнула за уд, да так прищемила, что шматок кожи оторвала с краю. Если хочешь, я даже покажу. Нет? Ну ладно, в общем, я взвыл и двинул ее по лицу. Не подумал, да и какие мысли, если мое естество во все стороны кровью брызжет, а эта ведьма ухмыляется и оторванным куском в зубах трясет. Не рассчитал я силы и так ее приложил, что она в траву упала. Да неудачно, лицом на сук. Как лицом... Глазом. Когда она поднялась и посмотрела на меня, все внутри замерло. Даже сейчас ее вижу с кровавой глазницей и торчащей оттуда деревяшкой... и слизь на щеке. А все одно: стоит и улыбается, сволочь.

– Продашь меня такой? – тихо так спрашивает.

А я дрожащим голосом отвечаю:

– Продам.

И тогда девчонка сук выдергивает и во второй глаз себя пыряет. Тут уж я ужин в себе не удержал. Стою в крови, в блевотине, и боюсь, как никогда до этого.

– Прав был ваш Капрал, – шепчет эта слепая ведьма, кровь по лицу размазывая. – Страхом надо управлять. Мне вот ослепнуть не страшно. И умереть не страшно. А ты боишься даже куска кожи со своего конца лишиться. Тебе мое лицо будет до конца жизни в кошмарах приходить, прихвостень страха.

Тут мне вдруг рука на плечо упала, и я заорал да свалился, как подкошенный. А это сзади, оказывается, Капрал подошел. Как долго он стоял за моей спиной, не знаю. Но на ведьму эту ослепшую, да и на меня, опростанного, смотрел без страха, скорее с тихой печалью.

– Уходи, Фаланга, – говорит, – и ребят забирай. Такой ты ее нанимателю в Штольце не отдашь. Ей цена была пять сотен оллов, я видел, как сундук с мздой распечатывали. Тебе руки поотрубают, да все равно не расплатишься за то, как товар драгоценный изуродовал. Тех, кому деньги отдали, тоже уже не догоните. И так, и эдак вы в долгах. На запад идите, не оборачиваясь. А случись кому вас поймать, скажешь, что Капрал Заячий Хвост девочку увел. Меня ваш наниматель видел: искать меня станут, с меня и спрос.

Я хоть и сидел без штанов да трясся, а все равно спросил:

– А что мне мешает эту бестию да тебя прямо на этом ясене повесить, сучье ты дитя?

Капрал ко мне наклонился и ласково так сказал:

– Страх твой помешает, Фаланга. Боишься ты не ее и не меня, а своего страха.

Я до сих пор не знаю, прав был Капрал или нет, но никого я в тот день не повесил. Бестию эту безглазую трогать уж точно не хотел. Собрал ребят и дал деру подальше от нанимателя и его сумасшедшего товара.

Капрал ни с кем не прощался, да и вообще как чужой стал. Видимо, то, что не смог он тиллечку уберечь, сильно его надломило. Попросил он у Куша свой шлем, но тот только загоготал в ответ:

– Будешь богам молиться – вернется к тебе твой шлем.

Ну да Капрал и не спорил. Что стало с ним и с заразой этой безглазой, я не знаю. Но наниматель из Штольца, несмотря на утрату пяти сотен, за нами так и не погнался. То ли и его эта война смолола, то ли напал на след Капрала, да тот за ошибку мою и поплатился. Кто знает? Но тот вечер многое изменил. Куш вскоре подался куда-то на юга, банда наша развалилась. Я все свой страх постыдный вспоминал, и каждый раз мне это было как укус той бабы. Гнобило меня, что в тот миг страх мной управлял, а не я им, да и то, что другие это заметили.

Вот и стал я совсем конченный да потерянный. От своих ребят отбился, ушел в столицу и начал тут беспредельничать. Убил кого-то в пьяной драке, даже не помню, кого, и страже попался. А вот теперь сижу тут, монах, и тебе грехи свои изливаю. Уже светло на улице, значит, скоро палач свой топор наточит и не станет больше Фаланги. А знаешь, что самое мерзкое? Страх все еще со мной, не вытравил я его, не обуздал. Я всего боюсь: и топора, и палача, и того, что после них будет. Интересно, если бы Капрал узнал про такой мой конец – позлорадствовал бы? Мне кажется, что нет. Поплакал бы со мною. Ох, прости, отец...

* * *

Когда я закончила чтение, света почти не было. Последние строки я больше угадывала, нежели видела. Удивления или шока, как после историй Роуэна или Леди Удачи, я не испытала. Было ясно, что все истории связаны: они происходили с людьми, которые меня окружали. Обнаружить здесь рассказ о Тоби было в порядке вещей. Что случилось с самим сельским мальчиком, я знала: он отправился в Лисий чертог и открыл ларец, содержимое которого не силах был постигнуть. А куда же подевалась ослепившая сама себя девушка из Тилля? И ведь даже спросить было не у

кого.

Я пыталась понять, что еще, кроме меня, объединяет эти собранные Мاستосом истории. Прошрое. Чужие имена, по которым я не могла догадаться, кто на этот раз окажется героем. Рассказчики, знавшие моих друзей лишь со стороны. А еще, пожалуй, все истории объединяла тяжесть, в одночасье свалившаяся на плечи героев. Роуэн, потерявший на долгие годы дом, Леди Удача, лишившаяся сына. На их фоне рассказ про Капрала выглядел доброй сказкой – в конце концов все выжили. Но я чувствовала, что пережитое в тот вечер повлияло на Тоби, а значит, отразилось и на Слэйто. Беспомощность, с которой столкнулся мальчик, могла надломить его.

И что, если что-то от этого разлома все еще живет в моем маге?

Я засунула листы обратно в сумку. Который это уже рассказ? Третий? Спohватившись, я начала шарить рукой под рубахой. Мы покинули Ярвелл, как мне казалось, уже сотни лет назад. И маленькая бумажка, на которой я начала вести список имен заново, не могла пережить несколько боев до Кармака, а затем пленение в самом городе.

Да что там бумажка – мой корундовый меч покоился где-то в казематах Кармака! Прекрасный клинок, оставшийся мне на память о Кэрке, пусть треснувший, но повидавший столько славных битв и не подведший меня ни разу. Спустя сотни лет после Слэйруса я так же, как и охотник на волков, бежала из воинской столицы Королевства, оставляя весь свой скарб за спиной.

Уже отчаявшись найти список, я вдруг нащупала уплотнение в шве пояса штанов. Нити разошлись, и между двумя складками материи оказался листок, сложенный в несколько раз. Я даже не смогла вспомнить, когда засунула его туда. Пока память меня не подвела, стоило записать новые имена, но как это сделать посреди леса?

Я вздохнула и пустила лошадь вслед за друзьями. На лес опускалась ночь.

* * *

Первая после нашего заточения ночевка на свободе далась непросто. Да, мы были вымотаны и морально, и физически, но сон не шел. Что-то шевелилось за деревьями, вздыхало, ухало, переползало... я пару раз погружалась в беспокойную дрему, но снова и снова, будто ужаленная, подскакивала, разбуженная то хрустнувшей веткой, то воем волчьей стаи

вдалеке. Наконец, смирившись с тем, что поспать не удастся, я взяла на себя караул и отпустила Атоса, который клевал носом.

Так я и осталась один на один с недружелюбным лесом. Я вглядывалась в темноту и пыталась понять, что же ворочалось в ней, но замечала лишь смутные силуэты, которые в равной мере могли быть и диким зверьем, и игрой моего воображения.

Я вновь достала из шва своих штанов помятый список и острым угольком добавила в него два имени: Леди Удача и Капрал Заячий Хвост.

Интересно, будь у меня на руках тот первый список, испорченный наглым котом в Ярвелле, стала бы картина яснее? Вряд ли.

Внезапно краем глаза я заметила движение справа. Кашим оставил нам пару своих изогнутых сабель: одну для меня, другую для Атоса. В руках крайний эта сабелька выглядела будто зубочистка, а для меня клинок был тяжеловат и неудобен. Но я мгновенно вскочила на ноги, схватив оружие и раздумывая, стоит ли будить товарищей. Между тем движение повторилось. А затем, будто в дурном сне, откуда-то сверху упало темное щупальце тумана. Огромной лапой оно накрыло поляну и затушило костер, заставив трещать и тлеть яркие уголья. Их света вполне хватило, чтобы разглядеть внутри этой тьмы человеческие очертания, – и я отлично представляла, кто может идти ко мне оттуда. Только Поглощающего нам не хватало! Разве здесь есть Удел Мрака?

– Атос! – крикнула я, но тьма, словно кисель, тут же заполнила мои легкие. Я захлебнулась воздухом и собственным криком. Даже если Удел был мал, попадая на его территорию, чужак будто нырял под воду.

– Он не услышит тебя, проклятое дитя, – прошелестел тихий усталый голос. Его обладательница приблизилась. Передо мной стояла женщина преклонных лет. Округлыми приятными чертами лица, тяжелыми веками и седыми распущенными волосами до плеч она больше напоминала жену зажиточного купца, нежели порождение тьмы. – В своем уделе я могу заставить человека уснуть, если захочу. А если пожелаю, то он и вовсе не проснется.

Она задумчиво замолчала, словно размышляя над тем, погрузить ли Атоса с Извель в вечный сон.

– Я уже убивала Поглощающих, – проговорила я с трудом, так как все еще не могла восстановить дыхание.

– Знаю, – равнодушно отозвалась женщина-маг. – Но против меня у тебя ни шанса. Убить свихнувшееся чудовище легко, а я все еще властна над своим сознанием. Впрочем, я пришла сюда не затем, чтобы сражаться с тобой.

Я крепче сжала рукоять сабли – Поглощающие не вызывали у меня доверия. Она могла лгать: выглядеть лучше монстра с Янтарного перешейка, но быть настолько же прогнившей внутри. Женщина словно прочла мои мысли:

– А вот тут ты права. Я умираю... Провалила свое посвящение в боги. Думала, что одной ненависти хватит, но вместо того, чтобы обратиться в Сияющего, стала чернеть и наполняться тьмой. Сейчас я в паре шагов от того, чтобы начать разлагаться. – Маг подняла руку, и вместе с темным куском ауры на землю упала большая, с кулак величиной, капля темной слизи. Крикун, пока не оформившийся в самостоятельное существо. Коснувшись земли, он растворился в воздухе.

– Что тебе нужно? – спросила я, опустив меч. Я ничего не могла противопоставить ведьме. Забывшиеся магическим сном друзья были в ее власти.

Женщина внимательно осмотрела меня с ног до головы. Взгляд ее был спокоен, но в его глубине, словно птица в клетке, билась то ли обида, то ли ярость.

– Ты ведь знаешь, кто такие салана-но-равэ?

– Знаю.

– Меньше, чем боги, но больше, чем люди, – нараспев произнесла она. – Я всегда мечтала стать богиней времени. Пока я была человеком, время меня страшило. Оно похитило мою красоту, мои силы, мой цепкий ум. Я отказалась от чувств, чтобы повелевать каждым мигмом бытия, чтобы править им, а не подчиняться ему. Я сражалась с временем, училась его укрощать и почти достигла цели...

Она всхлипнула и осела. Первым желанием было подбежать к ней и помочь подняться, как и любой другой ослабшей пожилой женщине. Лишь силой воли мне удалось удержаться на месте: передо мной было опасное существо, а не милая старушка. Маг подняла на меня глаза и засмеялась.

– Когда бог времени пришел ко мне, я попросила взять меня в подмастерья. Но он сказал, что я ошибалась. Всю жизнь я думала, что время зло и беспощадно к людям. А между тем бог времени – самый милосердный бог. Время лечит, говорил он, время все исправляет. Я слишком долго жила, веруя в ложь, поэтому так и не смогла понять его и смириться с ним. А затем я начала гнить. Он часто приходил после, гладил меня по голове, словно ребенка, и уговаривал не страшиться будущего, потому что оно – тоже временно.

Ночь, лес и этот разговор о богах выглядели страшным сном. Я не решалась спрашивать. Но женщина продолжала сама:

– Он и просил меня прийти к тебе.

– Он?

– Время. Старик, бдящий за каждым мигом человечества. Бог над всеми богами. Он знал, что ты придешь в мой лес, когда я буду еще в твердом уме, и просил помочь тебе.

– Помочь? – Вот теперь я действительно оторопела.

– Да, – вздохнув, произнесла женщина. – Твои друзья-ока убиты, перерезаны все до единого. Неужели, убегая из Кармака, вы думали, что за вами не вышлют погоню? Сам король-медведь охотится на тебя во снах. Почему же ты решила, что от твоего бегства отмахнутся?

– Убиты, – прошептала я. Колени подогнулись. Теперь и я рухнула на влажную лесную почву. Перед внутренним взором замелькали знакомые лица и самоуверенная улыбка Кашима. Вдруг меня подкинуло. – Слэйто?!

– Ушел раньше, – несколько тревожно отозвалась Поглощающая. – Так тщательно замечает следы, что даже я со своей силой не властна их отыскать. Его смерти я не видела, может быть, твой отступник и жив.

– Кто напал на ратаран? – спросила я, взяв себя в руки.

– Люди с конскими головами. Или кони с людскими телами? Они идут по вашему следу, ломают лес, как стадо диких мустангов. Чудовища быстрее вас, и только узкая тропа задерживает их. Вы можете скакать очень быстро, но рано или поздно придется принять бой.

Я затрясла головой. Отряд ратарана мертв, Слэйто пропал. Посреди темного леса, окруженные врагами, были лишь два бойца, измотанная предсказательница и две сабли.

– Помогите нам! – В отчаянии выкрикнула я.

Поглощающую будто обожгло от моих слов. По ту сторону стеклянного взгляда вновь зажглись обида и ярость.

– Я уже помогла, как и обещала Времени. Я предупредила вас, а спасать человеческие шкуры – забота самих людей. Он дал слово, что если я буду милосердна к вам, то он придет, чтобы освободить меня от мучений. Уговор выполнен.

Она поднялась, намереваясь уйти. Я же свесила голову между плеч и вцепилась пальцами в виски, пытаюсь найти решение. Тьма начала отползать, и уголья костра, свободные от удушающего щупальца, разгорелись ярче прежнего. Я не смотрела вслед Поглощающей, в этом не было смысла. Тем сильнее я удивилась, когда она вновь обратилась ко мне:

– Там, впереди, бредет женщина с большими топорами и горем на сердце. Бегите к ней, она поможет вам выстоять. Если только ты не боишься взглянуть в это зеркало.

– Зеркало? – спросила я. Но Поглощающая уже растворилась во тьме леса, будто ее никогда здесь и не было. Зато Атос услышал мой голос и поднялся, озираясь заспанным взглядом.

Вокруг смыкался вечный мрачный лес. И я понимала, что нам опять предстоит бежать наперегонки с ветром.

Имя десятое: Секира

Ночь еще не закончилась, когда мы впервые услышали в отдалении цокот копыт. В городе удары подков о булыжную мостовую звучат совсем иначе. А тут, в ночи, посреди темного леса, наполненного уханьем сов и хрустом веток, раздались отчетливые перетоптывания.

Неблизко, но кто знает, на сколько километров разносился звук? Может быть, наши преследователи уже дышали нам в затылок.

Атос и Извель не задавали лишних вопросов. Они в один миг встали, протерли глаза и, выслушав мои сбивчивые объяснения, оседлали лошадей. Сначала мы гнали что есть силы, но тропа становилась все уже.

– Лошади переломают ноги, если мы не сбавим темп. – Атос озвучил мысль, витавшую в воздухе.

Мы сбавили ход. Глухие удары копыт – не наших лошадей, а кого-то потяжелее, – чудились нам все чаще.

– Что, если мы забэремся в глухую чащу, бросив коней? – спросила Извель. Сейчас, когда я не видела ее лица, то сказала бы, что вопрос задала глубокая старуха. Настолько старым и безжизненным казался ее голос. Ока была не в том возрасте, чтобы носиться по лесам. У меня и Атоса еще оставались на это силы, но втягивать Извель мы не имели права.

– Вряд ли мы найдем такой бурелом, через который эти твари не перелезут. Рано или поздно нам придется принять бой, – мрачно ответил Атос. Он наоборот «звучал» моложе, будто опасность придавала ему сил. – Нам надо уехать как можно дальше. Тогда появится шанс встретить Секиру, и у нас будет три клинка против преследователей.

Мы снова скакали.

Деревья склонялись над нашими головами все ниже и ниже. В конце концов еловые лапы начали хлестать по лицам, и нам пришлось пригнуться, почти обняв лошадей. Глухой цокот приближался.

– Ладно, – деловито произнесла я, стараясь за наигранной бодростью скрыть страх. – Рассвет мы не догоним. Секиру мы не нашли. Тевий и его жеребцы совсем близко, поэтому лучшее, что мы можем, – подготовиться и выбрать место, где примем бой...

Но договорить я не успела. С сочным звуком «чоп» в дерево неподалеку от моей головы воткнулось копьё. Враги оказались куда ближе.

– Ходу! – заорал Атос. – Нам нужна поляна! Мы не выстоим на этой дороге.

Воздух вокруг взорвался ржанием и наполнился запахом конского пота. Я вонзила пятки в бока моей кобылы, и та рванула по дороге. «Чоп-чоп-чоп», – отзывалась темнота вокруг. Монстры не могли разглядеть нас, но слышали или чуяли прекрасно, и рано или поздно их оружие достигло бы цели.

Спереди раздалось приглушенное жалобное ржание, почти конский вскрик, и звук падения тяжелого тела.

– Попали в лошадь Извель! – прокричал Атос. – Ока у меня, но тебе придется прыгать!

В детстве у нас в ходу была шутка-загадка: «Что сложнее, чем найти черную кошку в темной комнате?».

– О, у меня есть ответ, – прошипела я себе сквозь зубы. – Перепрыгнуть через мертвую черную лошадь в темном лесу.

Едва заметив препятствие, я пустила свою лошадь в галоп, дослала ее и приготовилась к прыжку. Но то ли слишком рано привстала, то ли перетянула поводья, – кобылка сбилась с шага и вместо того, чтобы перемахнуть через свою погибшую товарку, рухнула прямо на нее. Я вылетела из седла и довольно удачно приземлилась. Пока я обдумывала, бежать ли мне за Атосом или затаиться, на меня внезапно обрушился тяжелый удар.

– От нас не спрячешься, Лисичка, – заржал Тевий, которого я узнала по голосу. Пока я пыталась подняться, древко копья снова сшибло меня с ног. – Неужели ты думала так просто спастись? Раз не будешь ви-и-исеть в Кармаке, останешься тут на дороге, как дохлая полевая крыса.

– Послушай...

Но договорить мне не дали. Новый удар, сильнее предыдущего, обрушился на меня. Я успела выхватить саблю ока и заблокировать его. Но полуконь был так силен, что отбросил меня в сторону. Я с размаху налетела спиной на дерево и медленно сползла по нему.

– Тебя никто не будет слушать. Тебя сейчас убьют, – тихо и очень доверительно произнес Тевий.

И я поверила. Поверила в то, что магия этого мира, оберегавшая меня до сих пор, иссякла. Уговоры не помогут, моя сила не поможет, чуда не произойдет. Нитка оборвалась.

Я попыталась увернуться, но мощный удар настиг меня вновь. Возле головы в землю вонзилось копьё – не потому, что меня пугали. Просто промазали. Я слышала пульсацию крови в висках. Я постарела, вновь начала бояться смерти и от этого перестала верить в жизнь.

Огромный темный силуэт надо мной поднялся на дыбы.

– Прощай, Лисичка, – заржал он и опустил копыта. Не на спину, как в прошлый раз. На лицо.

Я почти не почувствовала боли. Лишь удар и тепло, разлившееся над правым глазом, как будто лоб мне окатили горячей водой. Меня отшвырнуло. Я успела приподняться на локтях, когда сзади раздалось недовольное:

– Живучая...

Я обернулась, чтобы взглянуть в лицо своей смерти. Умирать лицом в землю не хотелось. Небо посветлело лишь самую малость, но я хорошо видела ликующую морду Тевия. Всегда думала, что перед смертью произнесу нечто стоящее вроде: «Я прожила хорошую жизнь». Но как жила, так и умирала с идиотским чувством юмора:

– От тебя несет навозом.

Тевий взвился...

Но в тот же миг неясный силуэт мелькнул между мной и монстром. Мне показалось, что я увидела блеск металла, но не сам удар, – настолько он был быстр. Спустя мгновение в одну сторону ударили темные струи крови, а в противоположную полетели отрубленные передние ноги Тевия.

На лице монстра отразилось недоумение, но буквально на секунду, потому что в следующее мгновение незнакомый воин огромным топором отсек ему голову, и тело его рухнуло. Расправившись с чудовищем, воин обернулся ко мне. Высокая женщина с копной темных волос держала в каждой руке по секире, опасно мерцавшей сталью.

Она не церемонясь подняла меня за ворот и взглядела в лицо. Недовольно нахмурилась и спросила глубоким приятным голосом:

– Идти можешь? Саблю удержишь?

Я растерянно кивнула.

– Тогда надо идти спасать нашего мальчика. Шевелись.

Женщина подхватила голову монстра и кинулась в гущу леса. Я поспешила за ней. Меня не страшил командный тон или близость битвы. Меня до смерти напугало, что я ничего не видела правым глазом. Только красное марево.

* * *

Ощущение дурного сна не покидало. Причем не собственного, а будто подсмотренного чужого.

Секира двигалась стремительно, как дикая кошка, с грацией, не

свойственной человеку, вооруженному двумя огромными топорами. Я пыталась за ней поспеть, но никак не могла привыкнуть к проблемам с обзором. Все, что находилось справа, приходилось разглядывать, повернув голову.

Мы успели вовремя: и Извель, и «наш мальчик», как его окрестила Секира, были живы. Два монстра лежали мертвыми, сраженные рукой крайнийца. Но еще с десяток с дружным улюлюканьем обступили моих друзей. В отличие от Тевия, они не спешили расправляться с легкой добычей.

Шансов на победу было немного, лишь трое из нас были вооружены. Да и меня можно было смело вычестить из расчетов – полуослепшая, оглушенная, я не могла считаться полноценным бойцом. В этот миг мне, наверное, следовало взять инициативу в свои руки – действовать, возглавлять, спасать. Но я не могла: просто не знала, что делать. Хорошо, что Секира не нуждалась в моих советах.

– Эй, коняшки, ваш главный погонщик мертв! – заорала она во все горло и подняла высоко над головой отсеченную башку Тевия. Деморализовать противника вестью о смерти командира было весьма позаокраински. – А сейчас и вы сгинете. Наш маг вернулся. Слышали о нем? Как он сжег ваш народ возле гор Хаурака? Сейчас запылают и ваши кости.

Она говорила настолько уверенно, что я обернулась и начала высматривать Слэйто. Но, разумеется, мага не было. Поглощающая не врала мне: он успел затеряться и спастся. Однако кое-что я заметила: слабое свечение и искры. Фитили? Когда, храни нас все боги, Секира успела там что-то запалить?

Но она это сделала. Лес расцвел яркими огнями, словно цветами, и взорвался оглушительной пальбой. Я видела такое однажды в Лароссе, когда заезжие купцы из Тилля праздновали день рождения своего посла в Королевстве. Они запускали маленькие, наполненные порохом промасленные конверты из бумаги по воде, запалив шнур, – и над водами моря расцветали то хризантемы, то яркие корабли с красными парусами. Жители Ларосса называли это магией, сами тилльцы – пламенной пылью. Я – развлечением для детишек.

Но сейчас эти хлопушки вместе с отрезанной головой Тевия произвели на наших преследователей невообразимый эффект. Они ничего не знали о пламенной пыли, а вот о нашей битве под Хаурака слышали. И приняли огненные цветы, распускавшиеся за спиной Секиры, за нападение мага. «Конница» бросилась врассыпную.

Этого было достаточно для двух опытных бойцов – двух генералов,

приведших королеву Крианну на престол, – чтобы спустя пару минут в живых остались только люди. Я не принимала участие в битве. Дышать было тяжело, голова гудела, а правый глаз, если он все еще был на месте, так и не прозрел. Поэтому я оперлась о ствол дерева, бессильно опустилась на землю и вознесла молитву всем, кто мог меня услышать, за посланную на помощь Секиру. За ее ясный ум, спасший наши жизни. За то, что хотя бы одним глазом, но я видела встающий над многовековым лесом рассвет.

* * *

– Глаз цел. И это все, что я могу сказать. – Хмурое лицо Секиры нависало надо мной, подобно оливковой луне. Своими изящными, но сильными пальцами она ощупывала мою правую скулу, лоб и надбровье. Кожа отзывалась болью, более слабой по сравнению с той, что я почувствовала в момент удара, но все же ощутимой.

– Тут вмятина. – Женщина надавила на бровь, и я вскрикнула. – Но я не врач. Перелом там внутри или просто ушиб, от которого все опухло, – только бог ведает.

– Боги, – поправила я ее, но Секира удивленно вскинула свои густые брови.

– В Тилле только один бог, которому следует служить. И лишь ему я возношу молитвы каждый день.

Мне показалось, что расспрашивать ее дальше было излишне. Атос занялся ранами Извель, а Секире досталась я. И пока она осматривала меня, я разглядывала ее саму, насколько мне позволял единственный глаз.

Я назвала бы ее метиской вроде Тобиаса. У нее были большие, широко распахнутые глаза, нехарактерные для уроженцев Тилля, приятного зеленовато-бурого оттенка. Скуластое лицо со слегка выступающим вперед подбородком – такой в легионе называли «подбородком гордеца». Волосы, показавшиеся мне черными в предрассветных сумерках, были скорее темно-каштановыми. Кожа же напоминала тилльскую: плотная, без малейшей видимой поры или прыщика, насыщенного оливкового цвета. Хотя, может быть, Секира, как и я, просто была кочевником, и годы, проведенные в степях Тилля, ветрами и палящим солнцем выжгли из ее лица следы южной породы.

– Я не знаю, вернется ли к тебе зрение, – с искренней грустью произнесла женщина. – Сам глаз покраснел и воспален. По моему опыту, лучшее, что мы можем сделать, – это скрыть его повязкой, чтоб ничего не

тревожило, и надеяться на удачный исход.

Она общалась со мной просто и приятно, без надменности или заискиваний. Так, словно мы были хорошими знакомыми уже много лет. Стыдно признаться, но женщина, которая, как мне казалось, украла моего лучшего друга, мне искренне нравилась.

– Спасибо, – произнесла я чуть тише, чем мне хотелось. – Я думаю, мы еще не успели тебя поблагодарить. Это была бы последняя ночь для каждого из нас, если бы не ты.

– Благодарю моего бога, ведь это он послал меня к вам. Бога Тилля, – уточнила она и усмехнулась. – Не думай, Лис, я не сумасшедшая. Но сны-откровения в последние дни – это не самое странное, что нас окружает, верно?

Она кивнула на лежащие вокруг тела монстров.

– Голос во сне торопил меня. Переговоры в Тилле не дали проку. Их верховный правитель-дарган верит, что монстры в своем завоевании остановятся на Королевстве. Книгохранилище там небольшое, и я ничего в нем не нашла. Поэтому я возвращалась в Ярвелл к Крианне, но сильно не торопилась, хотела разведать, как обстоят дела на севере. А потом новости посыпались на голову медным горохом: принц Роуэн вернулся, и Крианна уступила престол; после долгих лет молчания начались переговоры с Симмом; кто-то устроил огненную геенну у подножия Хаурака; Кармак пал. Я с шага перешла на бег, потом кинулась сломя голову. Но бог, являвшийся во снах, все твердил: «Ты не успеваешь! Быстрее, быстрее, быстрее!». Я шла два дня без сна и наконец меня ненадолго сморило. Бог явился ко мне печальным и сказал: «Твой сон стоил ей глаза».

Я ошарашенно смотрела на Секиру. Она могла всего этого не говорить. Мы были друг для друга никем, и о ее пророческих снах знала только она сама. Так зачем признаваться?

– Поэтому, если твое зрение так и не вернется, это будет моя вина. – Женщина покаянно опустила голову. – Прости, Лис.

Я обхватила ее за плечи, заставив взглянуть на меня, и проговорила:

– Секира, ты молодец. Если бы не ты, я бы сейчас перед тобой не сидела. Глаз – это крошечная цена за жизнь.

Я почти не лукавила. Сейчас, конечно, было тяжело поверить, что я больше никогда не увижу мир полноценно. А вдруг этот затянувшийся кошмар все-таки развеется? Однако у меня назрел вопрос, который был важнее прочего.

– Не подумай, что я тебе не доверяю. Но для человека, находившегося на другом конце страны, ты на удивление хорошо осведомлена о том, что

происходило на нашем пути. Неужели бог каждую ночь зачитывал тебе краткий перечень новостей? – Я попыталась шуткой смягчить вопрос, слишком походивший на обвинение.

Но Секира удивленно сдвинула брови, кажется, не распознав юмора.
– Разумеется, нет. Все новости я получала с кошачьей почтой.

* * *

О кошачьей почте она рассказала нам в общем кругу. Чтобы не сидеть среди трупов, мы отошли от места побоища примерно на пару километров. Даже если кто-то, кроме Тевия, искал нас, бежать мы уже не могли – все слишком устали.

Атос развел костер, а Извель поставила на него небольшой походный котелок, куда бросила пахучих трав. Такой заокраинский чай я нередко пила в токоне. Ока собирали для него семнадцать растений. Из тех, что я могла перечислить: зверобой, мята, кипрей, яснотка, рубус и еще парочка других. Над нашим лагерем уже через пару минут поднялся плотный травянистый пар. Головы прояснились, дрожащие пальцы успокоились на коленях.

– Я не думала, что одна получаю кошачью почту, – почти оправдывалась Секира, будто это какая-то тайна. – Первый кот пришел ко мне, если повспоминать, когда шла гражданская война. Я еще не повстречала Атоса, но мне уже порядком надоели грязные легионы, бесконечные смерти и беспросветность. Тихо жила, не лезла в гущу событий, скромно несла патрули на тильской границе. Лишь задумывалась иногда, кто я на самом деле, – все еще уроженка Королевства или уже давно стала одним из воинов орды-олонга. – Секира обезоруживающе улыбнулась, и я перехватила направленный на нее взгляд Атоса. Я уже давно забыла, каково это – так открыто улыбаться. Каждый раз я то злобно хохотала, то нервно хихикала, во мне не осталось вот этой простой настоящей улыбки. А у Секиры она была – не притворная, как у Алайлы, а самая настоящая из тех, что я видела. Возможно, именно такую улыбку Атос и искал.

– Первый кот был абсолютно черный с небольшим белым воротничком. Свиток с письмом висел у него на шее на кожаном ремешке.

– Он просто пришел? – удивилась я. Секира кивнула.

– Залез в мою комнатку в гарнизоне, сидел в изголовье кровати и истошно орал до тех пор, пока я не сняла у него с шеи свиток. После чего

умчался. Это была почта в один конец – я не могла отправить ответ. В том первом письме было немного. Отправитель представился как Мастос... Лис, что такое?

Я на миг задохнулась от возмущения. Старый интриган, мнивший себя, видимо, вершителем судеб, оказывается, писал еще и Секире.

– Я пересекалась с ним, Извель тоже. А Атос говорил, что Мастос помог вам устроиться к Крианне.

Крайниец и сам выглядел ошарашенным, но молчал. Секира же продолжила:

– Так вот, Мастос написал, что наблюдал за мной долгие годы и знает, что мне суждено стать частью чего-то великого. «У меня есть глаза и уши по всему Королевству и за его пределами», – примерно так он выразился. И сказал, что моя помощь нужна человеку, который бродит по зараженной Заокраине.

– Так вот, значит, что за таинственный наниматель! – не выдержал Атос. Он подскочил и начал широкими шагами наматывать круги вокруг костра. – Почему же ты сразу не рассказала об этом?

– А ты бы мне так сразу и поверил, – саркастично усмехнулась Секира. – Особенно добавь я, что в качестве оплаты через пару дней кот принес мне бумаги, согласно которым я стала владелицей дома в Ярвелле. Другой кот, если это имеет значение.

– Почему кошки? – удивленно спросила Извель.

Перебирая оборки своей рубахи, Секира неуверенно ответила:

– Не знаю. Может, потому что в военное время голубей и коршунов сбивают из лука. Так, на всякий случай: а вдруг это воздушная почта? А кошек много, их заводят почти в каждом доме для борьбы с крысами. Некоторые из них достаточно быстры и выносливы, чтобы добраться из города в город.

– Никка, – сказала я вслух.

– Никка? – переспросила рассказчица.

– Ученица Мастоса из Вурусты. Он говорил о ней как о своей ученице, но что, если она была одной из его «глаз и ушей»? Когда ее кот вернулся домой израненным, она сказала, что он подрался с кем-то из котов в Ярвелле. Тогда мы не заострили на этом внимание, но...

– ...Но Вуруста далеко от Ярвелла, чтобы сбегать туда поохотиться на голубей, – закончил за меня Атос.

Мы переглянулись. Затем я спросила Секиру:

– Как часто ты получала письма?

Она вдруг съежилась и показалась мне совсем не взрослой женщиной,

генералом с двумя боевыми топорами, которая еще час назад расшвыривала монстров, будто жеребят, а маленькой девочкой, вдвое младше меня. Она продолжала теребить оборки своей тилльской рубахи, и лишь сейчас я заметила, что подол искусно вышит совсем не узорами степного народа. Знакомые мне по югу яблоки, лошади и колоски переплетались в диком танце. Если Секира и хотела вытравить из себя все королевское, то у нее это плохо выходило.

– Я должна признаться, – тяжело вздохнула она. – Наши победы... Во всяком случае, многие из них – это заслуга Мастоса. – Женщина с тревогой посмотрела на Атоса, но, увидев, что тот скорее растерян, нежели разгневан, продолжила: – Он часто потом присылал письма. О том, что Крианна – самый достойный претендент на трон, я узнала от него. Мастос списался с ней и, можно сказать, составил нам протекцию. Это то, о чем я рассказала Атосу. Но было и другое... Мастос сообщил мне, как устроить осаду Буревестниковой заставы. Он давал советы, когда наступать, а когда отойти, потому что на подходе вражеское подкрепление. Я не такой уж хороший генерал, Атос. Боец неплохой, но все, что мы сделали потрясающего... в этом нет моих заслуг.

Она уныло повесила голову. Неожиданно с утешением помог не Атос, а Извель, чья темная ладонь легла на щеку Секиры.

– Ну-ну, как по мне, так ты достаточно потрясающая, – прошептала она, чем заслужила благодарную улыбку.

Как ни странно, признание Секиры в том, что она лгунья, меня не обрадовало, а расстроило. Легко было с недоверием относиться к ней, когда она была лишь образом, абстракцией, похитившей дружбу и расположение моего некровного брата. А в тот миг, как она предстала передо мной во плоти, неуверенная, честная, порывистая и вправду так напоминавшая меня саму пару лет назад, ненавидеть ее стало невозможно.

Все мы, словно приговора, ждали, что скажет Атос. Бок о бок он шел с Секирой на ратное поле, а она, оказывается, ставила все на карту по подсказке, возможно, самого сумасшедшего старика в Королевстве. Крайние вздохнул. Он тоже изменился, мой Атос. Может быть, и не стал всепрощающим, но его гордость, самолюбие и гневливость перестали кипеть, будто наш чай в котле. Они лишь оттеняли легким послевкусием его главные черты: великодушные и веру в людей.

– Мастос не махал за тебя топорами, когда мы бились у Катоны. Он не получал за тебя увечья, когда мы выстаивались у переправы Аскилоса. Он не поднимал флаг Белого Чертополоха над Ярвеллом вместе со мной. Да, возможно, он помог нам. Но ты сделала все сама.

Она с такой благодарностью взглянула на него, что мне вдруг стало неловко. Будто я присутствую при чем-то очень личном. Секира же посмотрела на меня и сказала:

– Мастос очень много в последнее время писал о тебе, Лис. О том, как важно нам с тобой встретиться.

– Я сейчас скажу откровенную глупость, но, – я запнулась, – каковы шансы, что Мастос и есть твой тилльский бог, который посылал тебе сновидения? Не подумай, что я сошла с ума, но я знала бога в человеческом облике. Такое вполне возможно.

– Мастос – мой бог? Это вряд ли. – Секира покачала головой. – Я не чувствовала ничего божественного в его письмах. Осведомленность, расчет – он будто выражал в этих посланиях самую суть своей жизни. Но он человек, не бог, в этом я уверена. Тилльское божество – Кац-Хуцаа – это бог времени.

– Но и он тоже постоянно нас преследует. – Я вскочила. – О нем говорила присланная предупредить нас Поглощающая, о времени твердилось в той рукописи, что мы нашли в библиотеках, – якобы оно покарало короля-медведя.

– Рукопись! – закричала вдруг Извель. – Тилльский!

Мы всполошились. Откуда-то из-под юбок ока достала истрепанные листы, пальцы ее дрожали так сильно, что казалось, будто строчки пустились в пляс.

– В конце истории был кусок текста. Пророчество о возвращении короля проклятого народа, – объяснила она ничего не понимающей Секире. – Может быть, мы уже пропустили его приход, а может, там есть что-то, что сможет нам помочь. Сможешь ли ты перевести язык ханси?

– Попробую, – неопределенно отозвалась Секира и положила старинную рукопись на колени. Ее глаза быстро забегали по строчкам, которые больше напоминали мне размазанного по листу жука, чем отдельные слова или буквы.

– Харбаа, – прошептала она. И, судя по тону, это было одно из тех слов, что приличные тилльцы не говорят в кругу семьи.

– Ну что там? – Атос уже не мог сдерживать нетерпение.

– Я поняла далеко не все, но переведу вам то, в чем уверена, – произнесла генерал. – «Король-медведь вернется, когда люди напитают его земли кровью и построят до небес огромную дверь из мокрого железа посреди кфалатат». Этому слова я не знаю, да и в «людях» не уверена, это могут быть прислужники или подданные, но на суть это не влияет.

– Зато я знаю, – прошептала Извель, и ее глаза расширились от

ужаса. – Это искаженный заокраинский. Кфалатат – это Квалла-туат.

– Матерь гор, – перевела я. – Яснее не стало.

– В Заокраине так столетия назад называли горную цепь Хаурака. Якобы от нее пошли все прочие горы. Дверь посреди матери гор, помилуйте нас все боги...

Мой разум судорожно пытался осознать масштаб влияния этого короткого предложения на всю историю Королевства. И хотя мои познания в ней были весьма поверхностными, я читала, что Врата Ремира, построенные посреди горной цепи Хаурака для связи юга и севера, стояли уже не одну сотню лет. В голове калейдоскопом проносились года, когда Королевство жило в роскоши и богатстве, а затем война за войной, нищета, голод, боль, разруха. О да, подданные короля-медведя хорошенько напитали нашу почву кровью.

Атос замотал головой, словно отказывался верить предсказанию.

– Эти чудовища не могли устраивать все наши восстания и войны. Мне бы хотелось в это верить, но люди сами по себе достаточно алчны до власти и глупы.

– Вот именно, глупы, – сказала Секира. – А много ли надо глупому человеку, чтобы развязать войну? Плохой советчик, дурные мысли, нашептанные на ухо, непрошенные увещания. Мы бы и сами бились, не сомневайся, но за последние десятки лет люди будто разучились жить в мире.

– Не десятки, – отрезала я. – Двести лет назад у нас были университеты, в которых изучали медицину, у нас были опера, гильдии. Много чего было. А что сейчас? Лекари, скоморохи и банды сброда, называющие себя военными легионами. Без обид.

Но ни Атос, ни Секира, кажется, даже не поняли моего уничижительного сравнения, поэтому я продолжила:

– Как будто нам старательно помогали деградировать.

– Но зачем им наш упадок? Об этом в пророчестве нет ни слова, – произнесла Секира и вновь начала вчитываться в рукопись, стараясь отыскать что-нибудь еще.

– Потому что только раса в упадке будет без конца создавать мокрое железо, – с горечью произнесла я. – Помнишь, Извель, как легко народ Штольца решился на кровавую расправу? Чтобы обагрить железо кровью, всего-то и нужно, что довести слабого и глупого человека до отчаяния.

– Ты у Слэйто этого набралась? – резко спросил меня Атос. Он был не на шутку рассержен. – Ты и о себе говоришь, Лис, ты тоже человек. Может быть, хватит принижать людей? Сияющий тут тебе не советчик.

– Слэйто знал о людях побольше, чем ты, – не выдержала я. – Он видел волчий оскал их натуры.

– И не дал им ни шанса, – прошипел Атос.

Мы стояли друг напротив друга, как годы назад в таверне, где я пыталась пристыдить Атоса за слепоту в отношении его возлюбленной генерала Алайлы. Сколько лет пролетело, но мы вновь оказались по разные стороны баррикад. Извель поднялась и, примирительно обняв меня, произнесла:

– В людях много злости и обиды, Лис. Но в них также и бэсконэчный океан любви, нэжности и вэры.

– В некоторых людях. В небольшом их числе, – проговорила я, нехотя принимая объятия. Я все еще была готова броситься на Атоса с кулаками.

– И что же? Посадишь этих десятерых святых в телегу и увезешь с собой в Тилль, надеясь, как и их дарган, что монстры туда не доберутся? – вздохнула Секира, до этого молча наблюдавшая за ссорой со стороны.

Странно, но ее спокойный голос словно привел нас всех в чувство.

Атос подошел и, глядя мне в глаза, сказал:

– Если так, то меня придется оставить в Королевстве. Я творил ужасные вещи в своей жизни, Лис, я черен с ног до головы. – Он поднял руку, и язычок темного пламени перескочил с него на меня и вмиг растаял в свежем лесном воздухе. – И я не о тьме, которую получил при Взрыве в Сиазовой лощине. Я совершил много непоправимого и все еще надеюсь, что у меня есть шанс на искупление. Как и у каждого, кто живет тут. – Он обвел рукой вокруг себя, словно пытаясь охватить все Королевство. – Это наш общий дом, и я хотя бы попытаюсь за него побороться.

– Тогда нам надо спешить к Гардию, – заметила Секира. – Врата Ремира, неважно, построены они были для этой цели или нет, сейчас используют как портал для призыва короля-медведя. До меня докатились слухи, что там укрепляют скалы: дескать, камни стали осыпаться на путников. Но мне и в голову не пришло спросить, кто это такой щедрый решил позаботиться о людях посреди войны. Поэтому, пока не случилось худшего, надо разогнать монстров от Врат и переплавить все собранное ими железо в... да во что угодно. В общем, хватит рассиживаться, нас ждут на юге.

Мы с Атосом переглянулись.

– Секира, – мягко проговорил крайниец, – мы не знаем, что за сила привела тебя к нам и она ли движет Мастосом с его интригами и кошачьей почтой. Но определенно эта же воля толкает Лис на север, к Медвежьему острогу.

Женщина растерянно переводила взгляд с меня на ока, а с той – на Атоса, пытаясь понять, что же мы имеем в виду.

– Но вот же все ваши ответы! – вскрикнула она и, будто флагом, потрясла в воздухе рукописью. – Какие подсказки к действию вам еще нужны?

– Нам нужна надежда, – прошептала я. – Потому что, если предсказание верно, мы не успеем на юг – короля призовут, и он соберет вокруг себя многотысячную армию тех, кто столетиями прятался в Королевстве под людской личиной. И эта орда хлынет на нашу землю, иссушенную и вымотанную войной. Как Кармак не оказал сопротивления, так и все последующие города будут сдаваться на милость победителя. Это предсказание не дало нам ничего, кроме видения того, откуда придет война.

– И что же, опустить руки? – растерянно спросила Секира.

Я вгляделась в серое утреннее небо сквозь мохнатые еловые ветки. То, что я видела лишь левым глазом, уже не печалило меня. В каком-то смысле я стала видеть намного больше. Страх перед лесом больше не было, как и ужаса от грядущего и неотвратимого будущего. Мне хотелось поделиться этим открытием с моими усталыми и измотанными друзьями, но я знала лишь один способ...

– Далеко-далеко на севере стоит прекрасная Белая башня, окруженная лесом, в котором живет несметное количество Лис. Вы все знаете эту сказку. Но в той башне никогда не было трех сундуков. Одна башня – один килиаз. Давайте я расскажу вам историю одного несчастного охотника на волков, который создал три самых могущественных артефакта в истории нашего Королевства...

* * *

Когда я закончила свой рассказ, заокраинский чай уже давно остыл, и лишь слабый запах напоминал о нем. Костер тоже прогорел, никто не подкидывал в него дрова, и уголья слабо светились, отдавая последнее тепло. Первой заговорила Секира.

– То есть ты веришь, что последняя башня Сияющего Слэйруса – или то, что от нее осталось, – находится в Медвежьем остроге. И там же стоит ларец, в который маг заточил Надежду. Ты считаешь, что именно тебе предстоит открыть этот ларец и это поможет в борьбе против короля-медведя.

Я кивнула.

– Мне предсказывали многое. Однажды посулили, что я открою два ларца из трех. Первый открыть я не успела, меня опередил Тоби – тот, кто в конечном итоге стал Слэйто.

– И тот килиаз был смертельно опасен, – напомнила генерал. Ее серьезный взгляд неотрывно следил за мной. Удивительно, что, получая во сне пророчества от своего бога, она с недоверием относилась к другим проявлениям магии в этом мире. Хотя ничего нового – вера ведь так привередлива. Люди с поразительной избирательностью подходят к тому, во что верить: например, выбрав свет, начисто забывают, что придет время кромешной тьмы.

– Да, килиаз с Истиной убил бы Тоби, не вмешайся Элея, – согласилась я. – Но другой ларец – с Любовью – позволил богине выжить, а мне – отвоевать у смерти Слэйто. Что ждет нас в ящике с Надеждой, думаю, не знает даже наш маг.

– А ты не думаешь, что очень странно было бросать тебя на подступах к ларцу, который сам же и сотворил? – недовольно заметил Атос. – Он один точно знал, куда следует идти и что ждет нас в Медвежьем остроге. Почему же он сбежал?

Я преодолела в себе желание снова начать ругаться. Поэтому медленно вдохнула, выдохнула и лишь затем поделилась своими соображениями.

– Для начала – Слэйрус создал три ларца, но никогда не открывал их сам. К тому же мне кажется, Слэйто уверен, что открыть килиаз должна я. Поэтому его главной задачей было проводить меня к ларцу живой и невредимой. Король-медведь охотится на меня во снах. – Я вскинула ладонь, предупреждая вопросы. – Это долгая история, но суть в том, что выследить меня, пока я одна, он не может. Слэйто хоть и притягивал короля, как магнит, но каждый раз был в силах отразить его напор. Полагаю, рана, полученная у перевала, темница и несостоявшееся повешение сильно подкосили его здоровье. И Слэйто понял, что не сможет защитить меня во сне, хотя продолжит невольно раз за разом приводить короля в мои кошмары.

– Или, – с усмешкой добавил Атос, – ты просто придумала эту отговорку, чтобы хоть как-то объяснить себе его бегство.

Его прервала Секира:

– Это не шутки, Атос. В мои сны король также пытался проникнуть. Я совсем забыла об этом, но на севере у меня был страшный сон о золотом смерче.

– Как же ты спаслась? – воскликнула я.

– Молитвой. Обратилась к Кац-Хуцаа, и он откликнулся на мой зов. Я

не видела бога, но слышала звон, будто от маленьких колокольчиков или мелочи в кармане. Этот звук спугнул золотой смерч. Больше кошмары меня не посещали.

– В сказке из рукописи говорилось, что именно Вре́мя наказало проклятый народ. Если это и есть твой бог, Секира, то нэудивитэльно, что король так его боится.

– Почему же он не приходил ко мне? – спросил Атос. Его вопрос прозвучал почти с обидой.

– Я связывала мои кошмары со взрывом, но... – я замешкалась. – Но Секира не облучена, за ней нет магического следа. Так что, возможно, воспользуюсь словами одного сильно непопулярного здесь господина, – я метнула многозначительный взгляд на Атоса, – «иногда страшные и ужасные вещи совершенно не связаны между собой».

– И все жэ взрыв повлиял на проклятый народ. Они как будто заторопились. Перэстали прятаться, как те, о ком ты рассказывала: дрэвние-мы, мамочка... – Сказав это, Извель растерянно огляделась, будто ожидая нападения монстров из-за ближайшей сосны. – Уже два года назад у нас не оставалось врэмени. А сейчас мы и вовсе каждой сэкундой дэлаем уступку врагу. Надо спэшить.

Секира поднялась и отбросила волосы с лица знакомым жестом. Так я убирала непослушные кудри до тех пор, пока не повязала на голову заокраинский фаранк. Мысль о нашей схожести в глазах Атоса заставила меня улыбнуться. Секира сказала:

– Мы не можем бросить столицу, Крианну и короля Роуэна. Посреди Королевства растет чудовищная стройка, а мы просто пойдем на север? Кто же их предупредит?

Тишина опустилась на наш небольшой лагерь. Где-то в отдалении завела трель незнакомая птица. Она жалобно выводила две ноты, которые для моего измученного ночной гонкой разума складывались в «Беееее-гии, бееее-ги».

– Монстры захватили Кармак – вряд ли они станут и дальше изображать строителей у Врат Ремира. Думаю, очень скоро король и без нас узнает, что там творится. – Я поднялась. Меня слегка качнуло, но я быстро поймала равновесие и покачала головой, заметив на себе встревоженный взгляд Атоса. – А нам пора в путь. Если, конечно, все намерены сопровождать меня к Медвежьему острогу. Думаю, король-медведь уже начал догадываться, куда мы идем, и впереди нас ждет не один сюрприз. Поэтому если кто-то захочет уйти...

Атос разъяренно хмыкнул и прервал меня:

– Прекрати, Лис, подобными вопросами ты унижаешь каждого из нас. В этом проклятом мире у нас только и осталось, что дружба. Будь добра, не пачкай ее домыслами о трусости тех, кто здесь собрался.

Чай выплеснули в угли, и те затрещали. Впереди нас ждал новый день и новый рывок к последнему ларцу, в котором для меня была сосредоточена судьба всего Королевства.

* * *

Почему я ничего не рассказала своим друзьям о записях, которые получала от Мастоса? Секира первой заговорила о кошачьей почте. Мои послания, скорее всего, находили меня так же, но с помощью людей попадали в руки уже снятыми с шей котов. Не было смысла скрывать сам факт общения с Мастосом, но вот содержание писем...

У меня не было ответа. С одной стороны, я не хотела беречь их раны и тревожить сердца: рассказы касались худших и страшнейших периодов жизни тех, кто шел рядом со мной. С другой стороны, то, что я так долго молчала, превращало меня в человека, подглядывающего за чем-то непристойным в замочную скважину. Раскрыться сейчас означало бы объяснения, почему я не сделала этого раньше. Ну и, наконец, меня преследовало ощущение, что рассказы Мастоса предназначались только мне, – почему-то лишь я одна должна была листать эти мрачные страницы.

Поэтому я договорилась с собственной совестью и спокойно продолжила путешествие. Лес начал редеть, а затем его темная чаща и вовсе осталась по правую руку. Мы двигались на северо-запад, куда ни разу не забредал мой ратаран. И если на восточном севере до Львиной чащобы и леса Лисьего чертога простиралась вытоптанная степь, то здесь сосновый бор сменили заросшие поля. Никем не возделываемые океаны колышущейся травы. Последняя наша выжившая лошадь, казалось, с ума сошла от такого щедрого подарка неба: она щипала сочную траву то здесь, то там. И даже строгий Атос, поднаторевший в обращении с животными, не мог заставить кобылку перестать метаться. Мы так бы и мучились, если бы Секира не предложила:

– Поклажи не так много, а ехать на лошади все вместе мы все равно не сможем. Давайте развьючим ее, а припасы разделим между собой.

– И просто оставим ее здэсь? – ужаснулась Извель. – Ее жэ раздэрут на части дикийе звэри.

– Возможно, это лучше того, что может ждать ее впереди, –

риторически заметила Секира. Спорить не стали. Когда весь оставшийся провиант разделили и нужда отвлекаться на увлеченную травой лошадь отпала, идти стало намного легче. Ратаранская кобылка радостно заржала где-то далеко за спиной, будто попрощалась, и исчезла в травяных озерах севера навсегда.

Из нас четверых Секира, безусловно, была самой бодрой. В то время как мы, прихрамывая и сцепив зубы, едва тащились, она рассекала травяные угодья, как крепкая лодка разрезает волны на непокорной реке. Может быть, Секира и сомневалась в том, кто же она – тиллька или жительница Королевства, – но я, глядя на ее прямую спину, темные кудри и резкий, почти чеканный шаг, точно знала ответ.

Она не навязывала беседу, но с легкостью отвечала, когда я о чем-нибудь спрашивала. С Атосом и Извель она тоже не секретничала. Складывалось ощущение, что северные поля и прогулка по ним доставляли этой женщине неизъяснимое удовольствие.

– Ты сама вышивала свою рубашку? – спросила я.

Она провела пальцами по вышивке и грубовато рассмеялась.

– Да. Наследие моей юности. Пальцы стали менее ловкими с иглой, нежели с оружием. Но это хороший способ расслабиться после битвы или скоротать вечер у костра. А ты, Лис, никогда не занималась рукоделием?

Теперь засмеялась уже я.

– Как ни билась моя мать – вышивка так и не далась мне. Мама порой говорила: «Доченька, скорее король позовет тебя на бал, чем ты сделаешь хоть один ровный стежок». И в свете последних событий она оказалась права. Шансы попасть на королевский бал у меня значительно возросли, а вышивать я так и не научилась.

– Это замечательно, когда мать учит ребенка, – мягко сказала Секира, но мне показалось, что за нежностью она попыталась скрыть какое-то глубокое горе. – Даже если ничего не выходит. Союз матери и ребенка свят.

Мне захотелось ответить ей, что это не мой случай, что стать сиротой можно и при живых родителях, но я промолчала. Зачем ей это знать? Да и мне самой вспоминать незачем.

Чуть позже, когда Атос отправился поискать какого-нибудь сухостоя для растопки, а Извель увлеклась смешиванием сухого мяса и трав для обеда, я набралась смелости задать Секире другой вопрос, мучивший меня гораздо сильнее прочих.

– Тебе, может быть, покажется, что я лезу не в свое дело. Так, наверное, и есть. Но я не могу не спросить: ты и Атос – насколько вы близки?

Секира устремила на меня взгляд своих зеленовато-карих глаз, и улыбка, которой я так завидовала, скользнула по ее губам. Она ответила вопросом на вопрос.

– Ты спрашиваешь, потому что у тебя самой какие-то планы на нашего мальчика?

Я ответила без запинки, потому думала об этом еще в Лисьем чертоге.

– Нет, никаких планов. Но он дорог мне: как брат, как друг, как соратник. И мне безразлично, какие люди его окружают. Однажды он уже попал в переплет из-за женщины.

– О да, печально известная леди Алайла. – Секира, продолжая усмехаться, склонилась над жердью, аккуратно обстругивая ее, чтобы сделать треногу для котла. – Он долго вытравливал из себя чувства к ней, но, боюсь, яд этой ведьмы еще долго будет жечь его изнутри. Любовь – сложнейшее из чувств, Лис...

– В любви нет ничего сложного, – неожиданно перебила я свою спутницу. – На протяжении моего пути мне только ленивый не сказал, как сложна любовь. Но это чепуха – любовь проста. Ты или любишь, или нет.

– И ты любишь Атоса, – попыталась подловить меня Секира.

– Ну разумеется, – не поддалась я на провокацию, – как люблю Извель и Гардио, как любила погибшего Кашима, как люблю Слэйто.

Секира зацокала языком.

– Любовь разная, тут ты права, – поправила я. – Но это не делает ее сложной. Я заглядывала в глаза богине любви и знаю, о чем говорю. Знаешь, что я увидела там, на самом дне? Исцеление от страха одиночества.

Секира вскинулась и посмотрела на меня так, словно я ударила ее наотмашь. Возможно, она знала об одиночестве гораздо больше, чем я. Затем, вновь поникнув над жердью, Секира призналась:

– Да, Атос – это мое исцеление, а я в каком-то роде исцеление для него. Хотя он занимает в моей душе намного больше места. Я постоянно чувствую себя замещением: Алайлы, тебя, его семьи. Но это цена, которую я готова платить каждый день за то, чтобы спастись от своих внутренних демонов. Я никогда не причиню ему вреда или боли, Лис. Потому что тем самым раню саму себя. И я думаю, это ответ, который ты искала.

И хотя Секира не ответила напрямую, я чуть лучше поняла ее в тот день. Какие бы тайны ни скрывала женщина-генерал, ее раны были такими же глубокими, как и у нас всех. Они могли показаться старыми рубцами лишь на первый невнимательный взгляд. Но, присмотревшись, я осознала, что к нашей команде покалеченных и истерзанных душ Секира подходит

как нельзя лучше.

* * *

Поле сменилось топкой хлябью, где мы шли друг за дружкой, аккуратно прощупывая длинной жердью почву впереди. Еще не болото – но его предвестник. В воздухе носились мириады комаров, которые с удовольствием лакомились мной и Секирой. Заокраинскую и крайнийскую кожу эта летучая напасть прокусить была не в силах.

Единственным ориентиром, который вел нас, были примерные представления Атоса о месте проживания племени ханси, оставшиеся от его кочевой жизни, а также подозрения Секиры о том, что Медвежий острог находится на месте старого капища ее бога Кац-Хуцаа. Эту версию разделяла и я, памятуя, что Слэйрус расставлял килиазы в местах наибольшего сосредоточения силы. На юге это было святилище Элеи, а на северо-западе – какого-то еще более древнего бога, вероятно, служителя Истины.

– Я частенько бывала на севере. Но есть место, которое и я, и все местные обходят стороной, – во время одного из привалов рассказала Секира. – Там много дичи: олени, зайцы, птиц видимо-невидимо. Но охотники предпочитают туда не соваться. Говорят, в лесу живут медведи-людоеды, громадные свирепые твари под три метра ростом, жадные до людского мяса. Меня эти страшилки никогда особо не трогали, но место там... гнилое, что ли. Добычи на севере и так вдоволь, так зачем соваться в чащу, от которой у тебя мурашки по коже?

А я про себя подумала, что если Лисий чертог был населен настоящими лисами, а Волчий сад – наполнен лишь статуями волков-чувств, то я даже представить себе не могла, чем или кем окажутся медведи из Медвежьего острога.

На отдыхе, когда каждый из моих спутников отвлекался и ничей пристальный взгляд не следил за мной, я доставала свой список имен.

Теперь сомнений не было: кот-разбойник в моей комнате в замке Ярвелла был одним из почтальонов Мастоса, а письма с него наверняка сняла служанка, которую я встретила внутри. И это нравилось мне меньше всего – власть, которая могла управлять людьми во всех концах Королевства: от служанки во дворце до заокраинца из ратарана (ведь кто-то же подложил мне в сумку рассказ о Капрале). Такая сила в руках одного человека пугала. Особенно учитывая, что никто, включая самого монаха, не

поведал мне о мотивах его стараний.

Когда топь осталась позади и твердая почва вернулась под ноги, мы вышли на опушку нового леса. Он был абсолютно непохож на тот, что мы оставили за спиной. Здесь будто сама земля светилась, наполненная холодным сиянием. Небо, как и во все последние дни, было затянуто серыми тучами – но лес оставался светел. Огромные дубы в десять человеческих ростов, казалось, подпирали унылые облака своими мощными ветвями. Деревья росли в отдалении друг от друга, а между ними хватало места для небольших растений. Тут ярко-фиолетовым пятном раскинулись лесные фиалки, чуть поодаль в такт ветру головками качали орлики-белочашники. Кроме воздуха и света этот лес наполняли еще и звуки: трели птиц, шорох листвы под лапами то ли барсука, то ли бурундука, шелест трав и шум ветра где-то в кронах.

– Он прекрасен, – вырвалось у меня. Хотелось окунуться в этот лес, остаться тут навечно и лежать на траве, разглядывая просветы между ветвями.

– Правда? – с удивлением спросила Секира. – На меня он наводит страх. Как будто маленький зверек скребется у меня в черепе, предупреждая не заходить.

– У мэня тоже, – заметила Извель. – Я вижу обычный лэс, но голос внутри твердит обойти это мэсто стороной.

Атос промолчал, но по нему и так было видно, что он скорее разделяет мнение подруги-генерала и ока, нежели мое.

То, что пугало моих друзей, влекло меня, как магнит.

– Скорее всего, это значит, что мы на верном пути, – заключила я и шагнула в лес, который принял меня в объятия свежестью и прохладой. Нелепая мысль возникла в голове: будто впервые за все эти годы скитаний лишь в северной дубраве я, коренная южанка, попала домой. Не оставляя моим спутникам времени на сомнения, я двинулась вперед.

Имя одиннадцатое: Ос Эстос

– Знаете, о ком мы забыли? – Громкий голос Извель вывел нас из сонного оцепенения. Мы шли по лесу уже пару дней, и каждый новый был похож на предыдущий. Дубрава не менялась, погода не менялась, даже голоса птиц оставались все теми же. За эти несколько дней лес ублажал нас, и мы продвигались вперед, словно под магическим гипнозом, почти не разговаривая и даже не останавливаясь на дневные привалы. Поэтому восклицание заокраинки вырвало нас из дремы. Мы переглянулись, но никто не ответил.

– О принцэ с серэбряными волосами!

От этого заявления мне стало тошно. Да, в нашей истории зияли одни пробелы: мы не знали, кто такой мистический бог Секиры, зачем Мастос контролирует наши передвижения и шлет свои письма. А теперь Извель напомнила еще об одном мистическом существе, которое пару раз являлось, чтобы спасти моих друзей, а по описанию походило на кошмар моей юности.

– Войя подери вашего принца, – злобно отозвалась я. – И вообще всех, замешанных в этой истории!

Мое плохое настроение и злость, конечно, были вызваны не воспоминаниями. Чем дальше мы шли, тем яснее становилось, что видеть правым глазом я уже не буду. На перевалах Извель и Секира осматривали меня по очереди, кивали головами, твердили, что рана над бровью выглядит намного лучше. Только и я ведь не идиотка – посмотрела в отражение ратаранской сабли. Возможно, кожа и подживала, но глаз выглядел абсолютно незрячим. Радужка побелела, как после Взрыва. И хотя само глазное яблоко повиновалось и послушно двигалось вверх-вниз, вправо и влево, сейчас я не видела даже того красного марева, которое стояло перед глазами после битвы с Тевием. Новая роль полузрячей мне совсем не нравилась.

Секира оторвала несколько лоскутов от подклада своего черного тильского жилета и сделала мне повязку. Такие во времена моего детства носили только бородатые пираты из книг сказок. Но я смирилась – в конце концов, наверное, никто не хотел раз за разом смотреть на мою рану. Атос пару раз пытался пошутить, что теперь у меня не будет отбоя от поклонников среди одноухих и одноруких. Но я вложила достаточно ненависти во взгляд, чтобы он примолк и спрятался за Секиру.

И вот пока я размышляла о своей потере, а ребята тихо обсуждали вероятную личность среброволосого принца, мы внезапно вышли к деревеньке. Дубы окружали ее по периметру, будто возвращаемый в течение столетий частокол. На нижних ветвях деревьев сохло множество шкур: от крошечных беличьих до огромных медвежьих, и последних было намного больше прочих.

Деревня насчитывала домов двадцать. По улицам носились дети. Маленькие, упитанные и крепкие, будто репки, они, несмотря на игры и шумную возню, были необыкновенно серьезны. Чужаков малышня даже не заметила, а продолжила с насупленными рожицами гоняться за деревянным мячом наперегонки с исхудалой собакой, разделявшей их забаву. Несколько женщин у домов колотушками отбивали белье. В их скользящих по нам взглядах я тоже не видела страха, лишь мимолетный интерес: кого это занесло так далеко на север?

Все домишки были будто выстроены одной рукой из крепких дубовых бревен, хорошо прошпаклеванных паклей, все под черепичными крышами, судя по цвету, из черной прокаленной глины. Небольшие дома, охотничьи, но выглядели они весьма уютно.

На миг я почувствовала тревогу, вспомнив слова Крианны. Она рассказывала, что многие поселения на севере были заполнены монстрами, которые подменили собой предыдущих жильцов. И хотя я видела вокруг себя вполне настоящих и довольных жизнью селян, сердце подсказывало, что, если мы не справимся с королем-медведем, это местечко может постигнуть та же участь.

Деревня ханси — а мы не сомневались, что это именно она, — находилась вблизи границы с Тиллем. И народность, обитавшая тут, мало походила на северян с востока. Жители Ларосса или Элеи внешне мало отличались от обывателей из столичного Ярвелла, тогда как в жилах местных селян явно текла кровь Тилля, пусть и совсем мало. Каждый из тех, кого мы видели, будь то женщина или ребенок, были скуласты, с желтоватого цвета кожей, коренасты и плотно сбиты. И лишь призрачный намек выдавал возможный узкий разрез глаз. Я вспомнила Тобиаса, чей отец был из Тилля и чью внешность он унаследовал с той же слепой избирательностью, как местные жители. Наверняка здесь бы он с легкостью сошел за своего.

Атос с удивлением осматривался, а затем смущенно выдал:

— Хотя прошли годы с тех пор, как я был здесь с... кхм... товарищами, такое чувство, что ничего не изменилось. Будто те же дети играют с той же собакой.

Он выглядел растерянным, пока Секира не похлопала его по плечу.

– Некоторые места столетиями выглядят неизменными, в этом их прелесть. Короли сменяют князей, армии стирают народы с лица земли, а в таких местечках внучка, как две капли воды похожая на бабуку, отбивает белье той же колотушкой в том же корыте. Я бы продала душу за такое постоянство. В нашей кочевой жизни именно этой неизменности очень не хватает.

– Выбэри что-то неизменное – и сам нэ заметишь, как сгниешь вместе с ним. Только в измэнениях возможно развитие. Сама жизнь и есть измэнение, – тихо произнесла Извель. Я много раз слышала эти слова от Мама-Ока. Тогда старуха пыталась вывести меня из ступора, в который я впала после Взрыва. Ела, когда кормили, пила, когда поили, справляла нужду, когда меня за руку доводили до отхожего места. Каждый день был похож на предыдущий, и Мама-Ока с настойчивостью комара зудела надо мной: «Жизнь – это вечные изменения. Ты сгниешь, если застрянешь в своем горе».

Секира так и не услышала произнесенного. Но Извель, кажется, и не для нее это говорила. Во всяком случае, весело подмигнула заокраинка именно мне.

Мы шли вдоль домов, пока не приблизились к самому крупному из них. Бревна его были обиты шкурами, составлявшими сложный пестрый узор, а труба, поднимавшаяся над черепичной крышей, была толще других. Из нее валил густой дым. Со скатов крыши свешивались пучки трав вперемешку с сушеными корнями и сплетенными из лозы талисманами. В таком видном доме мог жить только старейшина или какой-нибудь местечковый шаман.

– Думаю, глава этой деревеньки прекрасно знает, где именно искать Медвежий острог, – сказал Атос и с легкостью отворил хлипкую дверцу, которая плохо сочеталась с массивным домом. Мы прошли за ним в удивительно низкое помещение.

Пожалуй, из моих спутников лишь я одна могла стоять прямо. Да и то потому, что в лесу сменила свои походные сапоги на сандалики ока. Все остальные – два генерала и заокраинка – были вынуждены пригнуться. Атос, самый высокий из нас, сгорбился, как старик. То, что потолки в доме были низкими, объяснялось просто: снаружи сруб выглядел одноэтажным, но внутри ровно посередине него пролегалo легкое перекрытие. Видимо, искусственный второй этаж, потому что справа от двери куда-то наверх вела лесенка.

Печь в доме нещадно чадила. С непривычки я закашлялась, но потом

сообразила, что это не запах перегоревшего жира или тлеющего угля, а какая-то смесь ароматических масел и трав. Здесь проводили ритуал.

Внезапно гора тряпья у окна зашевелилась. Атос от неожиданности даже подпрыгнул и приложился головой и плечами о потолок, который зашатался, будто и не был прибит вовсе.

Надтреснутый бесполой голос из-под груды тряпья произнес на плохом королевском:

– Ну что же вы, гости, войти вошли, а не подходите и не здороваетесь.

Не ожидая опасности, мы приблизились к лежанке у окна, закиданной теплыми одеялами из шкур зверей. Откуда-то изнутри всего этого разноцветного вороха на меня посмотрели два внимательных ярко-зеленых глаза. Они принадлежали старушке, настолько усохшей, что по сравнению с ней Мама-Ока из восточного токана была молодой девицей. Маленькое и круглое личико словно меняло сотню выражений в минуту, уголок рта дергался, брови ходили вверх-вниз. У нас в замке был старик со схожим недугом, на юге это звали «бесий танец». Но при том что лицо старушки дергалось, глаза ее оставались абсолютно спокойными, вдумчивыми и даже любопытными. Пара седых прядок выбилась из-под матерчатого чепца и игриво упала на лоб. Старушка смотрела прямо на меня и, видимо, неверно истолковав мой исследующий взгляд, произнесла:

– Ну что же ты, не бойся этого. – И маленьким коротким пальцем указала на дергающееся лицо.

– А вы – не бойтесь этого, – произнесла я и в свою очередь продемонстрировала пожилой женщине повязку на глазу.

Та рассмеялась с каким-то трещащим в горле звуком, будто сухой горох рассыпался по деревянным половицам.

– Я давно жду одноглазого песца. Или недавно, так просто и не скажешь.

Я оторопела и выдала:

– Но я не песец!

– Дело может быть в переводе. В тилльском, из которого родился язык ханси, все хищники рода псовых зовутся аэнэги. И лисы, и песцы. Для нее нет разницы, – предположила Секира.

Атос, который подозрительно долго молчал, вдруг задал вопрос:

– А все ваши мужчины сейчас на охоте?

По голосу крайнийца я сообразила, что он или растерян, или напуган до ужаса. Стоило Атосу потерять душевное равновесие, как он начинал разговаривать на тон выше.

– Да-а-а, – протянула старуха.

Мой друг пристально смотрел в окно, а затем указал туда и нам. Разумеется, в деревне не было никакого стекла, вместо него на раму был натянут лишь тонкий холст. Атос открыл ставни и произнес:

– Смотрите на мальчика в красной рубашке. Сейчас он разозлит собаку. Через пару мгновений она его укусит, затем он заревет, как девчонка...

Предсказания Атоса сбывались с молниеносной скоростью. По улице поплыл протяжный вой маленького сорванца.

– Он отправится к дому справа, у которого женщина в синей шапке лущит лук. Видите? Нет, она его не пожалеет. Покажет пальцем на собаку и что-то скажет на своем языке. Вроде как: ты сам виноват...

– А затем обиженный мальчик отправится за ограду и влезет на одно из деревьев. Будет срывать листья и гневно кидать их вниз, да, – прошамкала женщина, которая все еще разделяла нас и окно.

Лицо старушки по-прежнему жило своей жизнью. Другого это бы испугало, но я не ощущала угрозы. Напротив, в этой деревне меня окутывало удивительное спокойствие, какого давно не испытывало мое сердце.

– Я, вероятно, не самый умный парень в Королевстве, – тихо, с расстановкой произнес Атос, – но даже я понимаю, что если с промежутком в десяток лет я прихожу в вашу деревню, а тут один и тот же день и одни и те же люди раз за разом проживают одни и те же события... То что-то тут не так.

Старуха задумчиво посмотрела в окно. Слабым старческим зрением она бы вряд ли разглядела, что происходило на улице, да и сомневаюсь, что там было что-то новое для нее.

– Каждый день, – начала она, – мы встаем и знаем, что наши мужчины вчера ушли на охоту. К вечеру некоторые из женщин начинают переживать. Но это проходит, ведь на следующий день они встают в уверенности, что мужчины ушли вчера.

– Нэвэроятно, – прошептала Извель. – У вас повторяется один и тот же дэнь? Как долго?

– С тех пор, как мужчин убили на охоте, – с неподдельной грустью произнесла старуха. – Дети не растут, женщины не стареют, старики – не умирают. Тогда мне казалось, что это благо: уберечь их от переживания трагедии, смерти их отцов и мужей.

Рука Атоса скользнула к перевязи. Я сделал предупреждающий жест, но крайниец, кажется, меня даже не видел. Он сказал:

– Я знаю только одно место, где погода и время суток не меняются.

Как мы вошли в Удел, сами того не заметив?

Старушка вновь сухонько рассмеялась, но за нее ответила я:

– Мы не в Уделе, Атос. Ты пережил Взрыв, а после этого перейти границу Удела не так уж просто. Ты захлебнулся бы его отравленным воздухом. Нет, время остановилось здесь по какой-то другой причине.

– Меня зовут бабушка Ошкэ. Вы не в Уделе, но в чертогах того, кто стал предтечей всех уделов, – прошамкала старуха.

– Вы нэ можете быть Ошкэ, – неуверенно произнесла Извель. – Она была рассказчицей много лэт назад и повэдала свои сказки летописцу...

Старуха улыбнулась каким-то своим воспоминаниям и произнесла:

– Славный мальчик. Для вас, всех тех, кто остался снаружи, прошли годы – а для меня не прошло и дня с тех пор, как мы повидались в последний раз.

– Почему вы застряли во времени?

– Застряли? – Бабушка Ошкэ явно удивилась. – Вовсе нет. Застревает птица в силке. Мы сознательно погрузились в него. Наш народ поклонялся самому великому из богов. Мы проводили самые ярые обряды и приносили самые драгоценные жертвы. Мы любили нашего бога, а он благоволил нам. Но однажды все мужчины нашего села ушли на охоту и не вернулись. Простых северных охотников убили злые люди. Из-за еды? Из-за шкур? Не знаю, да и не интересовалась. Мы выплакали все глаза, изломали все пальцы, копая могилы, но за потерей кормильцев пришел голод – и наши дети стали страдать. Я взмолилась богу: попросила убить нас всех быстро, но не дать погибнуть мучительной смертью. Дети, чьи слезы по отцам не высохли, и матери, хоронившие своих плачущих детей, – пусть лучше бы бог забрал нас к себе. И наш повелитель услышал мой крик отчаяния. Он сказал, что не в силах вернуть наших мужчин, но может закольцевать время в селении – и мы навечно останемся в дне, предшествующем нашим горестям.

– Это ужасно! – вскричала Секира. – Вы-то помните, что ваши охотники погибли. И вы десятками, если не сотнями лет живете с этой ношей!

Старуха смерила высокую женщину взглядом и мягко ответила:

– На тебе одежда из Тилля, значит, мы поклоняемся одному богу. Но ты ничего не знаешь о времени, девочка. Я вижу в твоих глазах старые раны, которые полыхают, будто ты получила их вчера. Разве одно это не доказывает, что у времени нет сегодня и завтра? Для тех, кто снаружи, прошли годы. А для меня и моих людей будущее так и не наступило. Это было не проклятие, это был величайший дар.

Внезапно заговорил Атос:

– Раз время стоит и в Уделах, значит ли, что ваш бог – Поглощающий?

– Это значит лишь то, мальчик мой, что мой бог царь всех богов. И он закольцевал время в Уделах, как сделал это в нашей деревне. Потому что люди могут познать себя только в неизменности.

– Люди, – недоумевающе произнес Атос.

Объяснять ему сейчас про то, что Поглощающие – это, по сути, люди, сдающие экзамен на божественность, было бы слишком долго. А мне не хотелось оставаться в этом селении дольше, чем требовалось. Я испытывала странную неприязнь к старухе, которая за всех жителей своей деревни приняла такое страшное решение.

– Бабушка, – обратилась я к старухе. – Мы ищем Медвежий острог. Проклятый народ во главе с королем-медведем вернулся. Они строят дверь из мокрого железа прямо посреди Королевства. Мы не знаем, что делать, – но неведомые силы и, возможно, твой бог ведут нас на север.

– Конечно ведут, дитя. Ведь в башне Медвежьего острога скрыта Надежда.

Она подняла руку. В подрагивавших пальцах старуха сжимала кусок пергамента из шкуры животного. На нем синими чернилами была выведена карта.

– Идти вам осталось недолго. Впрочем, я уже и подзабыла, что означает это слово. – Она хихикнула. – Пусть твои друзья идут, песец, а ты задержишься.

Я обернулась и кивнула остальным. Чем мне могла навредить старуха, прикованная к кровати? Мы получили карту, и меня уже не беспокоило, что собиралась сказать мне Ошкэ. Как только за замыкающим процессию Атосом закрылась дверь, старуха приподнялась на локтях и позвала тонким голосом:

– Кить-кить-кить.

Откуда-то из-под печи, распушив огромный серый хвост, вылез кот. Настоящий северный мышелов – с мощными лапами, короткими полукруглыми ушами и слегка приплюснутой мордой. Кот подошел к старухе и заурчал, когда та принялась его наглаживать.

– Этот кот пришел вчера или сотню лет назад. Но ему тут нравится. – Старуха подняла на меня хитрый взгляд. – В отличие от тебя, песец. Ты нас осуждаешь.

Я решила, что скрытничать не обязана, поэтому сказала просто:

– Да. Я всю жизнь боролась со своими горестями и училась оставлять их позади. Попросить бога забрать память о них и позволить мне жить так,

словно их и не было... я никогда бы не стала самой собой, не перешагни я через свою боль. Это часть меня. Возможно, лучшая и самая мудрая часть. Я не вправе судить никого, – тут я улыбнулась, потому что непредвзятости учил меня Слэйто, – но я никогда не пошла бы вашей дорогой и не стала бы отнимать выбор у них. – Я кивнула за окно, на играющих детей. – Эти дети никогда не вырастут, никогда не познают любви, не заведут свои семьи...

– ...И не встретят смерть от голода. – Старуха пыталась казаться равнодушной, но по тому, что ее лицо задергалось сильнее, я догадалась, что мои слова задели ее. Поэтому сложила руки на груди и склонила голову.

– Я пришла не осуждать, а за помощью. Вы дали нам карту, спасибо. Нам пора.

– Постой, песец. Этот кот пришел не просто так, он принес на шее письмо, которое предназначается тебе. Он решил остаться тут, в селе, где постоянно есть молоко, да, мой хороший? Ведь свою главную задачу он уже выполнил.

Кот заурчал еще сильнее, а старуха указала на низкий столик возле печки, на котором покоились уже знакомые мне желтоватые листы бумаги. Очередное письмо от Мастоса жаждало быть прочитанным.

– Можешь не торопиться, – произнесла старуха, лаская кота. – Твои друзья уже вышли за околицу, и теперь сколько бы времени ты ни провела у нас в гостях – минуту или вечность, – снаружи ты будешь отсутствовать всего миг.

Я послушалась ее, взяла листы в руки и начала читать.

Лис,

Моих рассказов осталось всего ничего. И хотя я десятки лет посвятил их сбору, могу поклясться: до сих пор не знаю, на какие размышления они должны тебя натолкнуть. Они важны, но в чем? Я возлагаю все надежды на богов и молюсь им, чтобы они указали тебе путь.

Ос Эстос

В последний раз, когда я видел Ос Эстоса, он собирался мертвецки напиться в безвестном кабаке в Раздолье Флавис. Называйте его как хотите: хоть Кремень, хоть Атос, хоть Главнокомандующий – без разницы. Лично для меня он навсегда останется Ос Эстосом – маленьким дьяволом, если по-вашему. А дьяволом в Крае именуют Войю.

Так вот, когда я встретил Эстоса в кабаке, он уже прилично накидался. Но кое-что, видимо, соображал: он узнал меня и окликнул. Я как раз выторговывал у местной барменши кружку приличного пива в обмен на пару добрых медных серег, а она артачилась. Хотя не виделись мы лет пять, не меньше, Ос Эстос помнил меня. Память на лица у этого засранца всегда была что надо. С последней нашей встречи он раздался в плечах, стал огромный, что бык. Да только я же его еще пацаном сопливым помнил, для меня он всегда был Ос – маленьким – понимаете?

И вот мой друг из далекого прошлого позвал меня за свой стол. Я знал, что он стал генералом в одном из легионов. И хотя бы поэтому не ожидал встретить его в таком хмелю. И знаете что? Как всегда, виноватой оказалась баба! Терпеть не могу их подлое племя. Чуть покраше – так нос задрала, чуть умнее – суется куда не просят. Но уж у Ос Эстоса история была почуднее многих. В их легионе кроме него заправляли еще два генерала, и один из них – такая вся из себя аристократочка из Ярвелла. Красавица, умница, денежный мешок. Я так и не понял, похаживал ли к ней в шатер Эстос или нет, но что влюблен был, как щенок, это увидел сразу. Так вот эта стерва его выставила. Представляете? Как будто он не генерал, а какой-то простой служака.

Будь Ос Эстос трезвым, никогда бы мне этого не рассказал. А так, под хмелем и обидой, вывалил всю историю. Она, эта баба, выходила замуж и решила прибрать к рукам весь легион. Атос мешал ей строить личную армию. «Иди куда хочешь, – так и сказала, – ты здесь больше не нужен. Попытаешься остаться – сгною, отниму власть, подниму против тебя весь легион». Вот ведь сука бешеная! Я так думаю, будь на месте этой бабенки мужик – Эстос бы просто дал ему в морду и тем закончил разговор. Но это была баба, та самая, единственная, как он сказал. Сдвинула ноги и вышвырнула из легиона.

С ума сойти, зачем бабам столько внимания? Когда я только приехал в Край, их сестру даже полы в Церкви Прощения мыть не пускали. Как же все изменилось с тех пор! Бабы-командиры, бабы-мечники, тьфу. Скупаю я по старым временам. Вы ведь про это и хотели услышать – про то, как мы с Ос Эстосом познакомились и почему его так прозвали?

Я был в составе специального отряда Церкви. Его прислали, чтобы расследовать одно мерзкое дело, связанное с основанным нашими священниками в Крае детским приютом. В детали я вдаваться не буду, скажу лишь, что четырнадцать детей-висельников сняты мне и по сей день. Ос Эстос тогда был простым мальчишкой-крайнийцем, одним из приютских. А я – намного моложе, усы толком не росли, – мечтал стал

паладином, ха. После того расследования моя вера сильно пошатнулась, друг. И пошел я по наклонной дорожке прямо вот в эту паршивую забегаловку, где мы с тобой и сидим.

Ладно, хватит обо мне. Ты знал, как Эстос попал в приют? Сбежал от хозяев. Видишь ли, в Крае до сих пор процветает работорговля, хоть и зовется она красиво «сатасанса» – услужение. Чаше всего к сатасансе прибегают бедные семьи. У Эстоса была именно такая: отец козовод, мать при семерых детях, а он вроде как самый младший, лишний рот. Видимо, у него и тогда был не характер, а дерьмо, и пасти коз он не хотел. Вот отец и продал его, семилетнего, в дом одного богатого крайнийца – или, культурно говоря, наложил сатасансу. Все это мальчишка рассказывал мне, когда я жил в приюте и пытался придумать, как объяснить начальству в Секойе про повешенных мальчиков. Словно мало было этого ужаса, Ос Эстос уж постарался макнуть меня с головой в традиции Края. Год мы прожили бок о бок. Я писал отчеты и письма, в которых переругивался со своим начальством в церковной столице. А Ос Эстос рассказывал мне о себе, об обычаях, принятых у него на родине, обо всем, что знал, – просто потому, что ему было скучно.

Хотя я всегда подозревал, что для него эти рассказы могли быть сродни врачеванию душевных ран. Излить всю грязь из сердца на меня, словно ушат с помоями опрокинуть. Чтобы я не думал, что приехал в своих белых церковных одеждах и смогу таким же чистеньким уехать.

Ос Эстоса отдали в дом хозяина-табунщика Диостоса. Тот воротил множеством голов скота, имел много жен, любовниц и детей от них. А еще все вокруг знали, что именно он управляет степными бандитами, которые грабят села на границе с Королевством. Может, Эстоса и ждала бы судьба разбойника. Да только когда мальчонка впервые попал в дом табунщика, никто и предположить не мог, что он вырастет в этакую гору мышц. Эстос уже тогда был высокий, да, но тощий от постоянного недоедания, на лице одни глаза да скулы. По крайнийским меркам – заморыш, но чем-то он приглянулся Диостосу, и тот выдал отцу Ос Эстоса пару коней да увез мальчика в свой дом.

Ты прости, я как вспоминаю эту историю, меня аж потряхивать начинает. Сатасанса, подумай только. Сначала Ос Эстос был обычным дворовым мальчишкой: чистил конюшни, мел двор, носил дрова для очага. Но прошло пять лет, и Эстос из мальчика превратился в симпатичного подростка. И однажды старшая дочь Диостоса позвала его в свои покои помочь передвинуть комод, да там паренька и оседлала. Вы, может, скажете: «Ну и свезло ему – ведь соки в этом возрасте бурлят». Да только

это было лишь начало. Потом в свою комнату Эстоса увела другая дочь Диостоса, потом одна из его жен, потом сам хозяин.

Знаете, как Ос Эстос рассказывал об этом? «Меня использовали все в этом доме, в любую минуту, любую часть моего тела или любое отверстие, хотел я того или нет. И очень скоро я перестал что-либо соображать от их похоти. От меня ничего не осталось. Только пустая оболочка».

Во дворе дома частенько забивали лошадей. Вы ведь знаете, что крайнийцы очень падки до конины. Но чистоплотностью этот народ никогда не отличался. И вот однажды Ос Эстос шел от очередной дочери Диостоса и поскользнулся в луже лошадиной крови посреди двора. Он рассказывал мне: «Я упал и попытался подняться, но вновь поскользнулся на внутренностях. Я падал и падал. Кровь покрыла меня сверху донизу. Ладони, лицо, волосы. Но я вдруг понял, что совсем не запачкался. Что внутри я по-прежнему намного грязнее, чем снаружи. Я начал хохотать и барахтаться в грязи. Диостос увидел это и велел меня высечь. А потом поимел. Кнуты его заводили».

Уж не знаю, как долго готовил Ос Эстос план побега из дома своего хозяина. Но однажды он вышел за дровами и просто растворился в ночи. Он сбежал туда, где его могли защитить. Так ему, по крайней мере, казалось. Миссионерский приют охраняли обученные паладины, да и ссориться с Церковью Всепрощения даже человеку с влиянием Диостоса не стоило. Скорее всего, табунщик даже не искал Эстоса: подумаешь, одна из игрушек убежала, он и так выжал из мальчишки все, что можно было.

Так мы и встретились в миссии. Этот искалеченный ребенок и я, сам еще мальчишка, в ужасе от страны, обычаев и этого дикого, охочего до разговоров зверька. Приют не стал безопасным местом для Эстоса, он это уже осознал. И, кажется, хорошо понимал, что такое жизнь, – может быть, уже тогда разбирался в этом лучше, чем я сейчас. Знаешь, как он мне сказал однажды? «До сих пор жизнь ездила на мне верхом, потому что я сам вставал на четвереньки и брал узду в зубы. А надо нагнуть ее и надеть седло. Нагнуть каждого, кто встретится на пути, и оседлать его». Как только он произнес это вслух, началось его превращение в Ос Эстоса. Мальчик сбежал из миссии, как сбежал от Диостоса. В этом была и моя вина, я был плохим надзирателем и позволил ему уйти. И я отправился вслед за Эстосом. Меня никто не просил искать мальчишку, у Церкви были дела и поважнее. Но это было мое личное желание – найти засранца. Увезти, может быть, даже в Королевство, и дать ему хоть минуту передышки. Поэтому я отправился за ним в крайнийскую ночь, ведь догадывался, куда он пойдет.

Я всегда хорошо ориентировался: по звездам, мху на камнях, даже по рекам. Наверное, поэтому и стал в итоге не паладином, а картографом. Свиток с картой не пытается тебя убедить, что ты веруешь не в того бога. Он просто лежит, а ты наносишь на него города, тракты, реки, и управляешь ими. Можешь намеренно допустить ошибку и никому в этом не сознаться. И ты навсегда переменишь сознание человека, представляешь? Он, как идиот, будет думать, что река Толула течет в Раздолье Флавис, только потому, что ты нарисовал это именно так. В какой-то мере разум человека – та же карта. Мы вроде бы знаем, что такое хорошо и что такое плохо. Но всегда найдется идиот-картограф, который нарисует реку в неверном углу пергамента. Ос Эстос был хорошим парнем, но его карту разума перечеркивали такое количество раз, что он уже не отличал севера от юга. А еще он был зол.

Я нашел его неподалеку от дома Диостоса, но не стал пытаться ему мешать или убеждать не делать то, что он затеял. Мы сидели в засаде день, и два, и три. А он все твердил себе под нос: «Я смогу их зарезать? Нет, не смогу. Я смогу их задушить? Нет, не смогу. Я смогу их отравить?..». И так без конца. Я был уверен, что мальчик просто свихнулся, и ждал, когда он утратит бдительность или заснет, чтобы скрутить и силой увезти подальше от этого злосчастного места. Но в результате потерял терпение и спросил:

– Ты думаешь, что, если отомстишь Диостосу и его семье, тебе станет легче? Ты разве станешь от этого чище?

Он посмотрел на меня, как на умалишенного, чуть повременил с ответом и сказал медленно, словно объясняя скорбному разумом прописные истины:

– Я не собираюсь мстить Диостосу. Он просто развратник и подлец. Он следовал своей низкой натуре, но не предавал меня. Это моя семья отказала мне в доме. Мой отец наложил на меня сатасансу, не Диостос. И сейчас я размышляю, как отомстить моей семье. Отцу, что продал меня, матери, что не заступилась, братьям и сестрам, равнодушно смотревшим мне вслед.

Представь мое удивление. Оказывается, мы сидели не возле дома Диостоса, а между домом его хозяина и отчей хижинкой, по два километра в обе стороны. Эстос неслучайно выбрал это место: просто боялся, что дойди он до хижины сразу, то на задуманное духу не хватит. А здесь он каждый день мог смотреть в сторону дома табунщика, и это подпитывало его ярость. Он копил ее, стараясь решиться на месть.

И он придумал, что делать. Знаю, сейчас он больше напоминает мясника, а не умника, но Ос Эстос тогда был очень смышленным. Думается,

и сейчас таков, если не растерял смекалку с годами или не пропил, как я. Эстос не мог ранить своих близких, не мог убить их. Несмотря на испытания, мальчик оставался их сыном, возвращённым в стенах убогой крайнийской хижины. Поэтому он поступил иначе. Как только мы приблизились к дому его семьи, Эстос сорвался на бег. Он влетел в жилище и начал кричать. Он нес бред о том, что убил одну из дочерей Диостоса, и табунщик поклялся смыть этот грех кровью всей семьи. Парень врал, что к хижине уже едут степные бандиты, которые собираются предать всех смерти. Дети закричали, женщины завyli, отец схватился за голову. Они верили Эстосу, и только я видел, как он усмехался, пряча взгляд под своей пепельной челкой.

– Я вас подвел, я же и спасу! Бегите, убегайте, хватайте только самое ценное. Я направлю табунщика по ложному следу, – кричал он.

У меня и сейчас стоит перед глазами та скорбная процессия. Женщины с детьми, молодые мужчины и старик, прихвативший из дому только молитвенный коврик да два витка конской колбасы. Мать Эстоса с перекошенным от ужаса лицом, шепчущая: «Эстос, эстос, эстос». То ли она так называла своего сына, то ли оклеветанного Диостоса. За какие-то полчаса крайнийцы сбежали, покинув осиротевший дом и блеющих в загоне коз.

Эстос же по-хозяйски обходил дом – не трогал вещи, а только смотрел. Потом выпустил коз из выгульного двора и кремнем подпалил сено в их кормушках. Огонь быстро занялся, перекинулся с сена на ограду, потом на крышу лачуги. Вскоре уже вся хижина козопаса и его семьи полыхала. А мальчик стоял с улыбкой до ушей и смотрел на пламя.

– Что будет, если твоя семья вернется? – спросил я.

– Не знаю. Разве не замечательно? – ответил мальчик. – Я не знаю, что с ними будет: далеко ли убегут, что будут есть, на что будут жить, вернутся ли к этому пепелищу. Они лишили меня дома, теперь я сделал то же самое с ними.

Потом он помолчал и вдруг попросил:

– Не называй меня больше Атосом. Это имя значит «верный», а я теперь совсем не таков. Мать права: я самый настоящий Эстос. Дьявол.

– Маловат ты для дьявола, – заметил я. – Ос Эстос.

– Ос Эстос, – эхом откликнулся он, развернулся и пошел прочь от полыхающего дома.

Потом было много чего. Мы путешествовали вместе, я потерял свою должность при Церкви, почти спился. Эстос крепчал, сходилась в схватках с бандитами, организовал свою шайку. Он поступил, как и обещал: нагибал

жизнь и надевал на нее седло. Садился верхом на каждого, кто оказывался у него на пути. Потом мы потеряли друг друга из виду. Я слышал, что он перебрался в Королевство, вернул свое прежнее имя и даже стал генералом в легионе. Это не сильно вязалось с тем, что я встретил его пьяного в кабаке. Хотя он уже и не был генералом, а лишь бесприютным солдатом без легиона и надежд. И вновь судьба испытывала его: преданный своей возлюбленной, озлобленный на весь мир, этот парень вновь приближался к тому, чтобы стать Ос Эстосом.

Я не смог дать ему дельного совета. Во-первых, я тоже уже как следует надрался. Во-вторых, сложно что-то навязывать огромному и злому крайнийцу, в одночасье потерявшему все. Я сказал только, что на севере, там, где раньше был Элдтар, собираются шайки бандитов. Я картограф и живу сведениями не только о том, какой овраг где исчез, но и картами безопасных торговых путей. Так вот, в Элдтаре в то времечко было совсем не безопасно.

– Попробуй пойти туда, Эстос, – сказал я. – Собери этих бродяг, подави их, сколоти собственный легион. А потом вернись и покажи этой суке, кто тут настоящий генерал. Тебя всегда прокормят твой меч и твоя рука. Иди на север, это лучше, чем просто сидеть здесь и напиваться, как свинья.

Мы не так уж долго и говорили. Я допил подаренную им бутылку и решил уходить подобру-поздорову, правда, замешкался на пороге. У дверей метался паренек, на вид ему было столько же, сколько Эстосу, когда мы познакомились. Только на этом мальчишке был идиотский шлем. И так мне этот малыш напомнил Ос Эстоса, что я обернулся напоследок, надеясь снова увидеть своего знакомого из прошлого. Не вышло: это был просто огромный косматый крайниец. Он стал частью чужих карт, а с моих уже исчез без следа.

* * *

Читая этот рассказ, я пару раз начинала задыхаться. Взгляд скакал, иногда пропуская строчки, а ворот рубашки вдруг начал давить. Я оттягивала его пальцем, надеясь вздохнуть посвободнее, но не выходило. И лишь когда я закончила чтение и отложила листы, поняла: меня душила не рубашка и не спертый воздух шаманского дома – меня душили невыплаканные слезы. Умение плакать так и не вернулось ко мне, но сейчас, узнав историю Ос Эстоса, я почувствовала, как скопившаяся боль

запросилась наружу. Эти истории о Извель, о Гардио, о Слэйто и Атосе – все они капля за каплей наполняли меня океаном чужих страданий. И, не найдя выхода в слезах, чужая боль начала душить меня изнутри. История маленького дьявола была ближе мне, чем сказка о юном принце или потерянном сыне. Маленький крайниец пережил насилие, подобно мне он столкнулся с силой, которой не мог ничего противопоставить. Ни один мускул не дрогнул на лице Атоса, когда я в далеком прошлом рассказывала свою мрачную историю. Ни звуком, ни словом он не выдал, что знает о беспомощности не меньше меня.

Я пошатнулась и присела на край деревянной скамьи. Старуха-ханси следила за мной со спокойным, почти не кривящемся в болезни лицом. Она не задавала вопросов и не пыталась разузнать, что творится со мной. Возможно, бабушка Ошкэ лучше других знала, каково это – быть переполненной чужой болью.

Я вдруг осознала, что чувствую себя грязной, такой же запачканной, как и сам Ос Эстос. Кто дал право Мастосу копаться в чужих тайнах, кто позволил ему сделать меня подглядывающей соучастницей? Как мне теперь смотреть в глаза моему милому Атосу и не вспоминать ни его страданий, ни той тьмы, которую он носил в себе все эти годы?

– Мне надо идти. Мои друзья ждут меня, – сказала я и резко поднялась. Комната поплыла перед глазами, но усилием воли я осталась на ногах.

Когда я уже дошла до двери, старуха меня окликнула:

– Ты думаешь, что я ошиблась, песец? Ты заронила эту мысль в мою голову, и она никак не покинет меня. Неужели я проведу вечную жизнь в сомнениях?

Я подумала, а потом отозвалась:

– Сомневаться – это и значит жить. До этого вы просто существовали. После чего вышла из дома.

* * *

Когда я покинула деревню ханси, Атос раздраженно произнес:

– Не надо было тебе там торчать, пусть и пару минут – а все же. Карта у нас, и, судя по ней, мы в двух шагах от цели.

Я хотела возразить ему, но смолчала. Внутри klokотал гнев. На Мастоса с его письмами, на саму себя, участвующую в этой игре, и – довольно неожиданно – на Атоса. История Ос Эстоса отступила, и на

первый план вышла тайна, сокрытая между строк. Спустя годы я узнала истинную причину, подтолкнувшую Атоса покинуть легион. Конечно, он и не собирался искать сказочную башню вместе с наивной девчонкой, равно как и отдыхать от своего генеральского чина и обязанностей.

Прочитанное наконец объяснило мне, почему никто не кинулся за нами в погоню. Алайла выставила Атоса за порог и попросила его вернуться только тогда, когда задумала провести демонический ритуал с проклятым ключом. Атосу дали отставку, и он всего лишь шел на север, чтобы сколотить банду и начать свою карьеру легионера с чистого листа.

Я взглянула на своего друга. Он, оживленно жестикулируя, спорил с Извель о значении знаков на карте. Мы стояли под сенью дубов, которые по велению вздорного бога времени были обречены оставаться неизменными.

А была ли между нами дружба или я только выдумала ее себе? Мы ведь все-таки дошли до Лисьего чертога, и даже после этого Атос не сбежал от меня в Элдтар. Мы вернулись в Элею и собирались проверить еще две башни, если бы не Алайла...

– Аргх... – вымученно вскрикнула я и схватилась за голову.

Но заметила это проявление чувств одна только Секира. Она подошла, не привлекая внимания спорщиков, и аккуратно развернула меня к себе. По сравнению с ней, как и с Атосом, я была ростом с ребенка.

– Что случилось, Лис?

Не было никакого поучительного тона, который нет-нет да проскальзывал в речах Извель. Не было скрытой насмешки Гардио. Из всех моих старших друзей только Секира разговаривала со мной на равных, не таясь, не подлизываясь, искренне и участливо.

Я подняла на женщину измученный взгляд.

– Я ненавижу людей, – прошипела я сквозь зубы. – Какой смысл воевать за них, если они через одного лгуны? Наша земля так пропиталась ложью, что отравила все, что стоило спасения. Любовь, дружба, приязнь? Они существуют или только мне примерещились? Может быть, их давно и нет на свете, а я все проморгала, – саркастически усмехнулась я и указала на глазную повязку.

Секира помолчала, будто и вправду размышляла над моим вопросом. А затем тихо ответила:

– У людей сотни причин для лжи, Лис. Иногда мы врем из страха, иногда от любви, чтобы защитить того, кто нам дорог. А иногда ложь – это единственная дорога к новой жизни.

Хотя ее слова идеально описывали нашу с Атосом историю, мне почудилось, что Секира говорит о самой себе. Женщина протянула мне

раскрытую ладонь, и я не без удивления вложила в нее свою: намного меньше и казавшуюся игрушечной.

– Я могу поклясться тебе в своей дружбе, Лис. И если я лгу при этом, то пусть Кац-Хуцаа немедленно покарает меня.

Мы обе задрали головы, словно ждали, что кара может обрушиться с небес на голову Секиры. Но над нами шелестели дубовые листья. Бог времени либо счел слова своей подопечной правдой, либо не расслышал ее громкого заявления.

– Вы там дождь, что ли, вызываете? – крикнул нам Атос. Его голос потерял капризные нотки, кажется, они с Извель договорились о пути. – Пойдемте, сестрички, остался последний рывок.

Мы с Секирой переглянулись. В каком-то другом мире мы и правда могли бы стать сестрами. Что-то неуловимо схожее было в наших жестах и движениях. И я уверена, что Секира это тоже замечала. Может, дело было в нашей южной крови, но мы сходились не только во внешнем. В конце концов, и Секира, и я сама избрали одного и того же мужчину на роль поверенного наших тайн. И независимо от того, что двигало Атосом в прошлом, я не сомневалась в своих чувствах к нему ни тогда, ни сейчас.

Мы двинулись прочь от застрявшей во времени деревни. Улучив момент, я сорвала калидониум, во множестве росший под сенью дубов. Переломила крепкий стебель, чей ярко-оранжевый сок мы в детстве, пачкая одежду и лица, использовали вместо чернил, и написала на маленьком клочке бумаги новое имя: Ос Эстос. Места осталось совсем немного.

Имя двенадцатое: Хлоэ

Я единственная, кто ожидал перемены погоды. Поэтому когда хлесткий ветер начал колоть щеки, а воздух заискрился маленькими, но острыми снежинками, догадалась, что мы подобрались совсем близко к Острогу. Моих друзей такие погодные причуды скорее удивили, чем напугали.

– Так странно, – изумилась Извель. – Еще пару шагов назад было намного теплее. Там стоят зеленые дубы, а у этих, смотрите, вся листва померзла.

– Когда мы пришли в Лисий чертог – там была теплая осень. В Волчьем саду нас встретило весеннее цветение, – пришлось объяснить мне. – Я ожидала встретить здесь цветущее лето, но зимняя стужа логичнее – мы все-таки на севере.

Трава под ногами стала промерзшей и жесткой. Ломаясь с явственным хрустом, она обнажала твердую, будто камень, землю. Дыхание вырывалось облачками пара, оседая на коже крохотными каплями, которые тут же замерзали на студенном ветру. Я спустила кольцо фаранка, прикрыв нос и рот. Пришлось сменить обувь обратно на сапоги.

К Острогу мы вышли внезапно. Удела здесь не было веками, как и в Волчьем саду, поэтому никакой особой атмосферы или воздуха мы не почуяли. Просто высыпали перед башней, сложенной из серых гранитных блоков, и замерли в удивлении.

Вокруг башни, будто застывшие часовые, стояли непонятные фигуры. Трое из нас привычным жестом схватились за оружие, но окружавшие Острог не шелохнулись. Выждав немного, мы подошли ближе. Поначалу я решила, что это некрупные медведи: явственно видела медвежью морду, застывшую в оскале, и бурую шерсть, покрытую инеем. Но оказалось, что голова – лишь капюшон накидки, в которую были одеты люди... или те, кто когда-то был людьми. Изможденные лица цвета снега, глаза и рты плотно сомкнуты... Атос прервал молчание:

– Это охотники-ханси. Только они одевались в подобные звериные шкуры. Кажется, владелец башни заморозил их. В качестве украшения своего двора? Не знаю...

У меня стиснуло горло. Я прекрасно понимала, кто строил эту башню и прятал тут килиаз. После моего рассказа знал это и Атос. И его подначивание не было случайным.

Подойдя к башне, я коснулась пальцами промерзшего камня. Ледяной холод сквозь кожу проник до самого сердца, и я со страхом отдернула руку. Издалека монолитная глыба гранита казалась гладкой, но вблизи стало заметно, что ее покрывает повторяющийся узор.

Секира возникла за спиной настолько бесшумно, что, когда она заговорила, я вздрогнула:

– Два треугольника, соединенных вершинами. Мне знаком этот символ – один из древнейших в Тилле. Это грубое изображение песочных часов.

– Символ вашего бога времени? – уточнила я.

Секира кивнула.

– Возможно, до того как Слэйрус пришел в эти земли, тут было святилище вашего Кац-Хуцаа. Сияющий уже однажды проделал это, заняв бывший храм Элеи в Волчьем саду. Он говорил, что для хранения килиазов выбирал места древней силы. Вполне логично, что на севере, почти на самой границе с Тиллем, расположен храм вашего бога.

– Неважно, – вмешался Атос. – Давайте зайдем внутрь. Может, там и не теплее, но хотя бы нет этого проклятого ветра. Знай я, что мы попадем в такую холодину, спустил бы с тех конелюдей шкуры и сшил бы себе плащ поплотнее.

– Ты не умеешь шить, – одновременно произнесли мы с Секирой и засмеялись, будто девочки-подружки лет десяти.

Едва ли эта башня была выше, чем ее белая сестра в Лисьем чертоге. Но если ту опоясывали деревянные мостки, то здесь неведомые строители вмуровали гранитные ступени прямо в стену. Я чувствовала могильный холод даже сквозь подошвы сапог, поднимаясь круг за кругом к самой вершине. Лестница привела нас к массивной двери, которая хоть и была сделана из дерева, выглядела такой же несокрушимой, как и вся башня.

Я шла первой, с этим никто не пытался спорить. Поэтому именно мне пришлось навалиться плечом на дубовую створку. Я специально приложила всю свою силу, ожидая, что та примерзла к петлям или просто тяжела до невыносимости. Однако такое рвение чуть не стоило мне жизни. Дверь распахнулась, а я по инерции полетела в темноту. От падения удержала только цепкая рука Атоса, схватившая меня за воротник рубахи.

В башне не было пола и потолка. Всю ее сверху донизу заполняла густая тьма. Но спустя пару мгновений после того, как мы с Атосом стали вглядываться в каменное нутро, на стенах один за другим начали зажигаться красные огоньки.

– Это магия? – с опаской поинтересовался крайниец.

– Даже если и она, – отозвалась я, – кажется, нас приглашают войти.

Пола в башне не было, но каменные ступени, опоясывающие ее снаружи, внутри спускались той же спиралью куда-то в центр темноты. Огоньки, больше всего напоминавшие маленькие шары пульсирующего света, мерцали вдоль стен, освещая дорогу. Секира просунула голову между нами и воскликнула:

– Да вы шутите! Мы столько поднимались, чтобы снова спускаться?

– Можешь спрыгнуть, – ехидно заметил Атос. – Кстати, я подозреваю, что идти вниз нам придется намного дольше, чем наверх. Проверим?

Он нагнулся и пошарил рукой по морозным плитам, видимо, в поисках камня. Не найдя ничего, крайние чертыхнулся и открыл потайной карман на заднике своих сапог. На свету блеснула золотая монета в один олл.

– Очень надеюсь, что дно там есть, – сказал Атос и швырнул золотой вниз. – Потому что это не просто монета. Этот олл прошел со мной и Взрыв, и казнь в Кармаке. Потерять его будет ужасной трагедией.

Мы зачаровано наблюдали, как монетка блеснула и провалилась в темноту. Звук падения так и не раздалось. Ни через минуту, ни через две.

– Там может быть болото, – произнесла Секира таким тоном, будто старалась утешить Атоса. Тот только обиженно метнул на нее взгляд из-под челки и подтолкнул меня вперед. Он был прав: выбора особо не было – нам пришлось спускаться.

Внутри оказалось не так холодно, как снаружи. Толстые стены отсекали ветер, но согреться все равно не удалось. Гранит промерз до основания, а чтобы не упасть, нам приходилось держаться за камни руками. Огоньки вспыхивали, стоило нам подойти поближе, и гасли, как только мы достаточно удалялись от них. Они освещали лишь небольшой участок пути впереди и пару шагов сзади. Атос было потянулся к одному из мерцающих клубочков, но тот проворно, будто паук, пополз вверх по стене.

Спустя бесчисленное количество шагов первой заговорила Извель:

– Вы заметили, что мы спустились ниже уровня зэмли? Я считала ступэни. Мы намного ниже основания башни.

– Может быть, она идет до самого центра земли? – шепотом поинтересовалась Секира.

– И упирается в болото? – с усмешкой спросил Атос. Он так и не смог попрощаться с упущенным оллом.

– Нельзя быть таким скрягой, Атос. Когда ты станешь дедушкой, то будешь прятать еду от своих внуков под подушку и коллекционировать всякий хлам, – предрекла я.

Мы засмеялись, но смех резко оборвался. Мимо нас сверху вниз что-то пролетело. Небольшое и небыстро, но достаточно явственно, чтобы

каждый из нас заметил это движение. Прошла пара мгновений, и все повторилось.

– Вот опять, – заметила Секира.

Мы подождали еще. И когда сверху снова послышался тихий звук рассекаемого воздуха, Атос резко выбросил руку и поймал падающий предмет. Он раскрыл ладонь – на ней лежала золотая монета.

Мы остолбенели. Я даже задрала голову, пытаясь разглядеть, кто же стоит сверху и столь щедро рассыпает золотые.

– Это моя монета, – с трудом, отказываясь верить своим собственным словам, произнес крайниец. – Лицо последнего короля, а не претендентов, щербинка у короны и слегка погнутый снизу край.

Мы немного подождали. Новых монет не появилось.

– Если она, – указала на монету Извель, – попала в ловушку врэмени, то почему стала падать только сэйчас? Мы давно кинули ее и давно идем по башнэ.

– Может быть, мы приближаемся к цели? Магия становится сильнее, чем ближе к ее эпицентру ты находишься.

Атос что-то пробурчал себе под нос. Мне показалось, что это было: «Магия-шмагия, я просто рад, что моя монета вернулась».

Я продолжила спуск, мимолетом поглядывая на темное пламя на своем запястье. Я могла ошибаться, но его языки поутихли. Это могло быть шуткой полумрака или моего усеченного вдвое зрения, но казалось, что пламя гаснет, и лишь слабый отсвет на коже говорил о том, что оно не исчезло совсем.

Так, занятая разглядыванием своих рук, я и не заметила, как сошла со ступеней на твердую землю. Лестница окончилась, мы добрались до дна башни.

Красноватые огоньки не покинули нас, они медленной чередой заняли места вокруг комнаты – или пещеры? – В которой мы очутились. Каменные своды, испещренные тысячей рисунков, были абсолютно сухими и даже слегка теплыми.

– Это история проклятого народа: от взлета до падэния, – произнесла Извель, разглядывая наскальные изображения. – Как и рассказывала бабушка Ошкэ лэтописцу. Мы в Медвэжьем остроге.

Пока друзья изучали стены, я двинулась в самый темный угол. Огоньки будто намеренно обходили его стороной и не освещали. Но их присутствия хватило, чтобы разглядеть плохо сколоченный ящик, прятавшийся в тени. Подобно грубому острогу, где он хранился, килиаз с Надеждой был угловатым, тяжелым на вид и безвкусным. Ему было далеко

по затейливости до братьев-ларцов из Сада и Чертога. Но, возможно, только такая оболочка и пристала надежде, самому эфемерному и непрочному из всех чувств на земле. Я всегда почитала ее слабостью и теперь была готова встретиться с ней лицом к лицу.

Руки легли на тяжелую крышку.

– Лис, постой! – В отчаянии крикнул Атос, заметивший наконец, чем я занята. Но его оклик уже не мог меня остановить.

Я подняла крышку.

Из ларца вырвался спертый воздух, словно вздохнуло громадное животное. На миг я почувствовала запах прелой листвы и подгнивших яблок. Ветер, вырвавшийся из-под крышки, заполонил свод пещеры. Явственный голос без пола, возраста и тембра произнес:

– Хлоэ.

Все затихло.

* * *

В ящике больше ничего не было. Я обшарила каждый сантиметр дна, но он был пуст. Если в килиазе что-то и хранилось, то только бестелесный голос.

– Что это значит? – Когда Атос сталкивался с необъяснимым, он начинал злиться подобно капризному малышу. – Что такое «хлоэ»? Вид арбалета, которым мы сможем убить короля-медведя? Яд? Может, страна, откуда к нам придет пара тысяч бойцов?

– Это женское имя, – произнесла Секира. – Южное.

Теперь на меня смотрели все трое – внимательно, почти не моргая.

– Не хочу вас разочаровывать, – произнесла я недовольно. – Но до того, как я стала Лис, меня звали совсем не Хлоэ. Имя довольно дурацкое. А что насчет Секиры? Она тоже с юга, и я не думаю, что младенцем ее называли в честь топора.

– Ирэне, – просто отозвалась она.

– О, это имя у нас было очень популярно, – улыбнулась я, вспомнив свое детство в замке. – Так звали одну мою троюродную бабушку, двух теток и как минимум трех подруг-служанок. Похоже, на юге негусто с идеями, как назвать девочку.

– Нэ отвлекайся от главного, Лис'енок, – оборвала меня Извель. – Кто жэ эта загадочная Хлоэ?

– Не знаю, – просто ответила я. – По-моему, вся эта надежда – один

большой пшик и ничего более. Я никогда особенно не верила в ее силу. Надеяться в этом проклятом мире можно только на себя. Иногда надежда лишь вредит истине, любви или дружбе. – Я взглянула на Атоса, вновь вспомнив подлинную причину его путешествия со мной.

– И что же нам делать? – растерянно спросила Секира.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время напряжение, тащившее меня на привязи к третьей башне, рассеялось. Я знала, как быть дальше.

– Мы вернемся к Гардио и будем воевать, вот что. Чем проклятый народ отличается от другого захватчика? Мы соберем остатки армий, возьмем в руки мечи и отправимся к Вратам Ремира. Если успеем, то короля даже не призовут. Если опоздаем – с честью примем бой.

Однако моей радости никто не разделял. И было ясно, почему. Только меня угнетала необходимость идти к башне. Мои друзья действительно верили, что найдут здесь нечто, способное помочь им в борьбе. Извель качала головой, Атос сердился, Секира так и стояла в растерянности.

– Послушайте. – Я начала заводитьсь. – Вся история этих килиазов с самого начала была глупостью. Не может глубоко несчастный человек создать любовь, истину и надежду. Его истина убила мальчика. Его любовь не сделала ничего для меня или Слэйто. Что могла подарить нам надежда? Спасибо, что оттуда не вырвался монстр и не пооткусывал нам головы.

– Мы понимаем это, Лис'енок, – тихо проговорила Извель. – Просто мы надеемся найти что-то, что позволит избежать лишних жертв. Новая война против огромного войска... Погибнут десятки тысяч жителей Королэвства.

Она замолчала.

А я вдруг увидела между нами незримую стену. Все мои друзья, несмотря на личных демонов, таившихся в прошлом, были готовы идти и сложить головы в честь мифического подвига – спасения страны. Они переживали за людей, их страшили жертвы, они и правда верили, что должны сделать больше, чем прочие. А я делала это только потому, что это было правильным. Но я не верила, что люди в большинстве своем заслуживают спасения. У меня на миг мелькнула крамольная мысль: может быть, жители Королевства и должны быть захвачены и уничтожены? Это просто очередной виток огромного колеса истории, а проклятый народ всего лишь возвращается на земли, некогда принадлежавшие им?

– Мы попытались. – Я пожала плечами. – Ничего не вышло. Поэтому нам нужен новый план.

– Лис, – произнес Атос. Его голос был ледяным, как стены башни, и я вдруг до смерти перепугалась, что он прочел мои мысли. – Ты будто и не

сильно расстроена?

– А это поможет? – ответила я в тон ему, хотя внутренне вся сжалась.

Я первой двинулась к лестнице и начала подниматься. Путь обратно занял намного меньше времени, чем спуск вниз, – видимо, это тоже была часть игры времени, как падающая раз за разом монета.

Не то чтобы мне хотелось вернуться в пургу, но от ледяных застенок я уже устала. Поэтому как только мы переступили порог, я чуть ли не вскачь понеслась по ступеням вниз, до того хотелось отойти подальше от мрачной башни.

– Лис, стой! – Окрик застал меня врасплох. Я запнулась на одной из последних плит и недоуменно стала озиаться. Опыт разведки в легионе научил меня, что после подобного крика оборачиваться на предупреждающего тебя – самая дурная идея. Смотреть надо по сторонам.

Вьюга уже занесла следы, протоптанные нами от кромки леса. Солнце так же серело сквозь снежную пелену. На первый взгляд, ничего не изменилось. Вот только... кое-что исчезло. Ни одной из застывших фигур, окружавших башню, не было. Охотники-ханси сгнули, будто их не существовало вовсе.

– Что за чертовщина... – произнесла Секира сверху и осеклась.

Утробный рык взорвал воздух. Массивная фигура, которую я вначале приняла за сугроб, отделилась от леса и начала приближаться к нам.

Это был гигантский белый медведь, похожий на своих бурых собратьев и одновременно отличавшийся от них. Голова была непропорционально мелкой для туловища, а морда – узкой и будто бы хранившей выражение полного равнодушия. И это несмотря на то, что зверь ревел подобно грому. Вокруг него мелкими букашками на четвереньках, перебирая руками и ногами, ползли охотники-ханси. Они больше ничем не напоминали людей: накидки из медвежьих шкур скрывали их конечности и лица. Процессия остановилась шагах в тридцати от нас.

С верхних ступеней донесся сбивчивый шепот тилльской молитвы. Атос что-то скомандовал, и я услышала, как каблуки походных сапог Извель отбили удаляющуюся трель: ока возвращалась ко входу в башню. Я так и не повернула головы, завороченно разглядывая новых врагов.

Белый медведь поднялся на задние лапы. Теперь он был ростом с добрый двухэтажный дом. Животное задрало голову, и шкура от подбородка до живота разошлась, обнажая красную пульсирующую плоть, из которой навстречу нам выгнулась юная светлая девушка. Она вращала в тело медведя от талии и была абсолютно обнажена. Но ее,

кажется, не беспокоила метель. Явившись миру, девушка покачала хорошенькой головкой. Светлые золотистые прядки чуть короче плеч и челка придавали ей даже не юный, а детский вид.

– Здравствуй, Лис! – произнесла она звонким голосом.

Моя рука уже лежала на эфесе ратаранской сабли. Сейчас я как никогда скучала по своему корундовому мечу, оставшемуся в застенках Кармака. Заметив мою боевую стойку, девушка произнесла:

– Мы можем начать битву. Кто-то выиграет, кто-то погибнет, может быть, даже я. Но, думаю, можно и не доводить до боя. Все наши проблемы – из-за недопонимания, ты разве не согласна? Почему же никто из моего народа не попробовал просто поговорить с тобой?

– Хорошая попытка, – отозвалась я, еще крепче сжав рукоять сабли.

– Твой глаз? Это Тевий постарался? Мне очень жаль. – Девушка хоть и старалась имитировать переживание, но голос ее звучал так ровно, что становилось ясно: ей плевать. – Изменить этого я не могу. Поэтому прошу, прими мои извинения за него. Сам он вряд ли сможет просить прощения, он ведь мертв. – Она хихикнула.

– К чему этот разговор? – крикнул сверху Атос. – Ты пытаешься заговорить нам зубы, считая нас идиотами?

Девушка взглянула на крайнийца, томно закусил губку и вздохнула.

– Вы такой горячий и сладкий, генерал Атос. Прямо как пирог: хоть режь да ешь. Но нет, я не пытаюсь вас уболтать – я просто не хочу рисковать собой и ввязываться в битву, исход которой совсем не ясен.

– Так отойди и дай нам уйти, – предложила Секира.

– С величайшим удовольствием, дорогуша, – радостно закричал монстр. – Но взамен мне нужно только одно маленькое обещание. Идет? Лис должна покинуть Королевство раз и навсегда. Мир большой, столько неизведанных земель впереди, зачем оставаться здесь?

– Серьезно... – начала я, но девушка-медведица не дала мне закончить.

– Будет война, ее исход тоже не предопределен. Может быть, она затянется на долгие годы. Может быть, нынешние люди Королевства даже отстоят свои земли, кто знает? – Она тепло улыбнулась. – Это не предательство, Лис. Ты лишь маленькая песчинка в водовороте событий, и твое присутствие или отсутствие в этой войне ничего не изменит.

– Зачем тебе это? – спросил Атос.

– Где мои манеры? – переполошилась девушка. – Меня зовут Замия, я – младшая сестра нашего короля. И Лис – хоть и является лишь песчинкой – умудрилась попасть именно в глаз моего сиятельного брата. Она тревожит его, не дает ему спокойно готовиться к возвращению и изматывает силы. Я

хочу без лишней крови лишить короля этих тревог. Я очень хорошая младшая сестра.

Я смотрела на белоснежную громаду белого медведя, на саму Замию и вдруг поняла, что не могла считать эмоции ни со звериной морды, ни с лица девушки. Она улыбалась, поднимала брови, озорно поглядывала на Атоса. Но за этим всем крылось холодное равнодушие дикого зверя.

Я пока не представляла, как мы справимся с такой машиной, поэтому решила, что тянуть время для нас выгоднее, чем для них.

– И ты уверена, что я сдержу подобное обещание? Не обману тебя, уйдя отсюда невредимой, и не возникну в гуще боя?

– О, ты сдержишь, – без сомнения заявила Замия. А затем с удивлением взглянула поверх моей головы. – Неужели твои друзья – сладкий генерал и суровая генеральша – не знают, что ты уже думала об этом?

Я вскрикнула:

– Не слушайте ее! Она пытается рассорить нас перед боем.

– Глупости, – прервала меня получеловек, – не стыдись своих желаний. Ты не хочешь участвовать в распре не из страха, а из презрения к сторонам. В этом нет ничего постыдного. Я тоже презираю людей.

Это сравнение выбило почву у меня из-под ног. Так вот в кого я превращаюсь, размышляя, достойны ли спасения жители Королевства...

Замия продолжила:

– Мой брат... консервативен. Он верит в старые пророчества и считает, что ты будешь слепо следовать предсказаниям и мешать его коронации. Но я слышу твое сердце – и ты бунтарь, а не марионетка. О, Лис, ты не из тех, кто играет по расписанной другими партитуре, верно? Я чую твою душу. – Монстр вдохнула, будто приносясь. – Ты в ярости от того, что тебя тащат волоком от одной цели к другой. Ты должна была найти себя в этой дороге, а в итоге совсем потеряла, бедняжка.

Она каким-то пугающим образом запустила пальцы в самые потаенные уголки моей души. Эта власть и всепроникающий взор пугали меня куда сильнее, чем ее облик.

– А ты, сладенький генерал? – Замия хищно задышала, вероятно, приносясь и к душе Атоса. – Чуешь, что потерял ее, упустил? Хотел, чтобы она была лучшей версией тебя, более чистой, да? А повелся на женские чары и сам отдал ее в руки мага, который высосал из нее все человеческое. И сейчас стоишь за ее спиной, замерев от ужаса. Думаешь, а вдруг она согласится и уйдет, потому что и сама уже больше не человек?

Замия перевела взгляд выше:

– Ах, о тебе, леди-топор, я многое могу рассказать...

– Довольно, – просто и емко произнесла Секира. И одного этого слова было достаточно, чтобы развеять ту магию чтения душ, которой монстр загипнотизировала нас. – У меня полно темных секретов, но меня ты ими не удивишь.

Замия зарычала. Глухой утробный звук издавали одновременно и огромная медвежья голова, и маленькая девичья.

Секира обошла меня и спустилась по ступеням, поигрывая огромными топорами. Затем обернулась. В ее взгляде не было ни капли осуждения, ни тени презрения, только искренняя поддержка.

– У всех нас бывают тайные мысли, Лис. Не стоит их страшиться. Они не делают тебя монстром, напротив, именно они делают тебя человеком – со своими слабостями и страхами. Даже если ты решишь уйти позже, я не буду тебя осуждать. Но сейчас нам нужна твоя помощь.

Иногда для того, чтобы принять верное решение, нужно, чтобы кто-то другой искренне верил в тебя. И если Атос, видимо, уже утратил свои надежды, то веры Секиры хватало с лихвой. Я достала саблю из ножен.

Лицо Замии подернулось пленкой. С него разом слетели все изображаемые ею эмоции. Не осталось ничего, даже ярости или обиды за то, что ее щедрое предложение было так грубо отвергнуто.

– Как пожелаете, – бесцветно произнесла девушка, и ее втянуло внутрь медведя. Чудовище тяжело упало на передние лапы, закрыв брюшину и таившуюся там человеческую часть, и двинулось вперед.

– Не подходите к ней, – крикнула Секира. – Ваши сабли не выдержат.

Она была права. Как бы я ни любила ковку заокраинцев, против острых когтей такого огромного зверя сабли бы не выстояли. Возможно, топоры Секиры сдержали бы удар, но и это было лишь предположением.

На нашей стороне оставалась только скорость. Медведь был слишком большим и неповоротливым, чтобы атаковать молниеносно. Пока чудище замахивалось, мы без труда перебежали с места на место. А вот мертвые охотники-ханси в скорости нам не уступали. Они, словно пауки, быстро передвигались, выставив вверх неестественно выгнутые колени и локти. Но когда первый из них достиг меня, он поднялся во весь рост, будто вздернутая за ниточку кукла, и оказалось, что его руки сжимают два клинка с широкими лезвиями.

Охотник, напавший на меня, без сомнения был давно мертв. Но что бы за сила им ни двигала, она разбудила в теле инстинкты человека, умевшего прекрасно управляться с охотничьими кинжалами.

Я отклонила два резких удара, припала на колено и врезала мертвецу

локтем под дых. От такого удара живой человек сложился бы пополам, но ханси лишь отступил на пару шагов и в следующий миг снова атаковал. Справа ко мне приближался еще один охотник, а я судорожно вспоминала, сколько их всего было вокруг башни.

– Я отсек ему руку и пронзил насквозь, – донесся справа голос Атоса. – И он не собирается умирать. Как вообще можно убить мертвое?

– Они задерживают нас, чтобы медведица успела нанести удар, – отозвалась Секира, которая рубилась сразу с тремя. Одному она, как и Тевию, отсекла ноги, но он продолжал размахивать кинжалами возле ее колен, подтаскивая себя руками.

На крыше башни что-то неясно блеснуло. Я отразила несколько ударов, сменила позицию, так как медведица оказалась чересчур близко, и взглянула вверх. На крыше Медвежьего острога сидел человек. Вернее, светящаяся фигура. Голова его была окружена облаком серебристых волос, спина и плечи покрыты багрянцем. Незнакомец молчал, но явно делал мне знак рукой, чтобы я приблизилась.

Кем бы ни было это существо, но оно приходило к нам раз за разом, чтобы выручить кого-то из моих друзей. Возможно, сейчас оно явилось за тем же.

Я подбежала к основанию башни и крикнула:

– Ну, что тебе надо? Быстрее!

Среброволосый принц, как назвала его Извель, метнул что-то вниз. Передо мной в снег вонзился угольно-черный клинок. Мой меч! Сзади уже насел охотник, и мне ничего не оставалось, как выхватить верный корунд из промерзлой земли и одним ударом снести ханси голову. Когда я обернулась, светлой фигуры на крыше уже не было. Принц исчез так же быстро, как и появился.

Но времени размышлять особо не было, тем более я заметила кое-что важное. Тогда как Атос уклонялся от лап Замии, а Секира отбивалась уже от доброй пятерки охотников, единственный, кто оставался недвижимым, – это обезглавленный мной ханси.

– Рубите головы, – закричала я. – И расчистите мне путь к медведю.

Вместе с моим мечом ко мне вдруг вернулась уверенность в собственных силах. Это же клинок Кэрка, а я быстрее ветра. Разве что-то способно нас остановить? Точно не глупый медленный медведь. Даже Замия сообразила, что бой подходит к концу. Она не стала дожидаться, когда мы насядем на нее втроем. Пока мои друзья отбивались от мертвецов, медведица с ревом и так быстро, как могла, двинулась ко мне. В конце концов младшая сестренка короля-медведя хотела избавиться только от

меня. Видимо, в звериных пророчествах Атос или Секира играли не такую важную роль.

Я уже приготовилась проскользнуть под брюхо монстра, туда, где скрывалась его человеческая часть, и вспороть его, как в свое время поступила с пастью Мамочки-осьминога. Но Замиа оказалась далеко не так глупа. Приблизившись, она с силой ударила лапой, но не целясь в меня, а просто о землю. Удар был такой мощный, что вибрация едва не сбила меня с ног. Комья снега вперемешку с мерзлой землей взвились вверх. За этим последовал новый удар, и еще один. Я пятилась, и на четвертом ударе тряска заставила меня упасть возле основания башни. Отступить было некуда. Справа лежал труп обезглавленного мной охотника. Пальцы нащупали отсеченную голову.

Замиа возвышалась впереди, будто гора. Мне вспомнилось, что так же стоял надо мной Тевий, лишивший меня глаза. Я заорала от ярости и метнулась к Замии. Она присела, закрывая живот. Хитрая зверюга знала, куда я метила. Не знала она другого.

– Если за спиной препятствие, а перед тобой враги, – вопила я, – надо научиться летать!

Мои слова ничего не значили для Замии. Монстр распахнул свою пасть, намереваясь перекусить меня. А я метнула в развернутый зев голову охотника. Она ударилась о небо и исчезла в глотке. Медведица изумленно захлопнула пасть и кашлянула – мертвец не пришелся ей по вкусу. Этого мгновения мне хватило, чтобы подпрыгнуть, оттолкнуться руками от тупой медвежьей головы и приземлиться чудовищу на спину.

Со всей возможной силой я вонзила клинок в шею медведя – в то ее место, где у обычных животных должна находиться сонная артерия, и рванула его вбок, после чего резко выдернула. Фонтан крови брызнул на стену Острога, монстр заревел на два голоса: женский ужасающий крик и медвежий рык сплелись в одно звучание. Я успела спрыгнуть с чудовища. Медведица неуверенно развернулась, попыталась достать меня лапой, все еще заливая кровью все вокруг, сделала пару неуверенных шагов и завалилась на бок.

Из брюшины, будто потроха, вывалилась человеческая часть Замии. Она была бледна и часто дышала. Девушка цеплялась пальцами за снег, будто пыталась выбраться целиком. Словно не понимала, что является частью огромного чудовища, и сбежать от его смерти не выйдет. Это была ужасающая картина. Огромный белый медведь на красном снегу и обнаженная девушка, вспахивающая сугроб в попытке оторвать себя от монстра.

Когда Замия на краткий миг пришла в сознание, ее взгляд прояснился, и, глядя куда-то сквозь меня, она произнесла:

– Я думала, что хотя бы во время смерти что-то почувствую: страх или печаль. Но внутри так же пусто. Не надо было слушать брата. Не на...

Эти слова замерли у нее на губах. С ее последним вздохом оборвались и невидимые нити, на которых были подвешены охотники-ханси. Те немногие, что еще остались с головами, рухнули на землю. Причем не мертвыми телами в медвежьих шкурах, а горстью праха, которую тут же начала растаскивать поземка.

– После того как ты убила его сестру, король вряд ли позволит тебе просто уйти из Королевства, – подал голос Атос откуда-то из-за моей спины.

Боевая ярость, которая помогает заскочить на спину монстру и перерезать ему горло, не затихает быстро. Внутри меня все еще клокотал целый сонм чувств. Поэтому я развернулась, схватила Атоса за наплечник и потащила его прочь от Секиры и спускавшейся по лестнице Извель. Я не была уверена, что пара десятков шагов заглушит мои крики, но мне не хотелось устраивать безобразную сцену прямо на глазах не посвященных в наши дела людей.

Крайниец безропотно тащился за мной, то ли ощущая сгущающиеся над головой грозовые тучи, то ли сам имея на уме что мне сказать. Наконец, я остановилась и с размаху швырнула свой корундовый меч на снег.

– Атос, ты вообще планировал рассказать мне, почему на самом деле пошел со мной к башне?

Этого он явно не ожидал – заметно опешил и только открывал и закрывал рот. Видимо, он собирался обсудить обвинения Замии в неверии и вновь рассказать, как именно Слэйто испортил его золотого Лисенка.

– Я ведь думала, что мы друзья. – Мой запал начал стихать уже на первом слове, а на последнем я и вовсе как-то неловко всхлипнула. – Ты что, просто ушел бы через Чертог в Элдтар, не попадись тебе загадка с тремя башнями? Или ты собирался попрощаться со мной уже в Элее? А я бы просто сидела и думала: «Что же со мной не так? Чем я его обидела?» и свято, как дура, продолжала бы верить, что ты ушел из легиона в поисках себя.

Мне срочно надо было швырнуть что-то еще, но в руках больше ничего не было. Поэтому я с размаху пнула Атоса по голенищу сапога. Крайниец охнул от боли и схватился за лодыжку.

– Мы с тобой прошли сотни километров по Королевству. И за все эти

дни и месяцы ты не нашел минуты рассказать, почему ты бросил вместе со мной легион? Вся наша дружба построена на лжи!

– Не тебе говорить мне о лжи, – вдруг рассвирепел Атос. Он наставил палец мне в лоб, будто намеревался пробить в нем дыру. – Я познакомился с мальчишкой-легионером и относился к нему, как к младшему брату. А потом внезапно выяснилось, что это просто девчонка со вздорным характером. Ложь пробралась в наши отношения задолго до ухода из легиона.

Он был прав, я ничего не могла ответить на эти обвинения. Мои сапоги начал заметать снег.

– Иногда самые лучшие вещи на свете построены на лжи, – воскликнул Атос. – Ты дожила до таких лет, но все еще по-детски уверена, что сама являешься мерилom честности и чести. С легкостью обманывая даже самых близких людей, ты не признаешь их право утаить что-то от тебя. Скажи, Лис, что за письма периодически появляются будто из ниоткуда у тебя в руках, а? Что за список ты носишь за поясом? И правду ли говорила Замия? У тебя в сердце целая крепость секретов, и ты стережешь ее так же яростно, как я охранял свою причину уйти из легиона.

– Ты собирался мне когда-нибудь об этом рассказать? – прошептала я.

– Конечно нет, Войя тебя раздери. Это мой позор и моя боль! Женщина, которую я любил без памяти, вышла замуж за другого и выставила меня из моего же легиона. Какой мужчина будет рассказывать о таком унижении? Что бы это, а-штаа, изменило?

Атос был кругом прав. И насчет моих секретов, чуть менее тайных, чем мне казалось, и насчет моей собственной лжи в легионе. Но самое важное, что сейчас Атос искренне говорил о своих переживаниях. Во всей этой круговерти я забыла о чувствах моего друга.

– Прости, – шепотом произнесла я, не глядя на него.

– Не слышу, – пророкотал Атос.

– Прости. Прости! Мне просто показалось, что эта ложь обесценивает все. От самого начала моего путешествия до конца. Как будто она превратила нашу дружбу в мыльный пузырь.

– Вот дура.

Атос вдруг схватил меня и зажал голову между локтем и боком, после чего начал яростно ворошить мои волосы, как бывало, когда мы путешествовали к своей первой башне.

– Наша дружба прочнее гранита Острога. Она крепче твоего корундового меча. Это единственная проклятая вещь, в которой я уверен посреди этой войны. И вместо того, чтобы вообразить ее мыльным

пузырем, лучше бы ты за нее держалась, как это делаю я.

Я попыталась вырваться, но Атос лишь усилил хватку, видимо, пытаясь превратить волосы на моей голове в воронье гнездо. Поняв тщетность своих попыток, я просто обняла друга, уткнувшись лбом ему в бок. И вдруг поняла, что именно он хотел сказать мне. Наша дружба была нашим Уделом. Самым защищенным и теплым местом на свете, в котором никогда не менялась погода. Подобно Уделу Мрака или Света, наша дружба путешествовала с нами по дорогам и каждый день защищала нас от неверия, измен и предательства.

– Так это и есть настоящий Лисий чертог, – прошептала я, еще крепче обнимая Атоса. – Мой чертог.

Имя тринадцатое: Ирэне

Возвращаться тем же путем, которым мы шли к Острогу, было нельзя. Кармак пал, и, скорее всего, все окрестные поселения также оказались во власти проклятого народа. Уйти восточнее мы тоже не могли: по дороге на север мы поднимались по Иолитовым тропам, и это был единственный путь на востоке до Ярвелла, не считая Врат Ремира. А сунуться туда сейчас было бы чистым самоубийством.

Поэтому мы дружно решили, что оставим Кармак по левую руку, покинем пределы страны и пройдем по кромке трех приграничных государств Тилля, Заокраины и Края. Я мрачно пошутила, что в какой бы стране мы ни нарвались на местных жителей, у меня в отряде всегда найдется его соплеменник, разговаривающий с аборигеном на одном языке.

Все сложилось на удивление удачно. Мы вышли к пограничному посту Тилля, и вместо того, чтобы задержать нас или попросту послать подальше, радушные солдаты отогрели нас и накормили. И это был не просто жест милосердия. Несмотря на то, что Тилль отказал моей стране в воинской помощи, солдатам дали четкий указ: усиленно помогать беженцам, если таковые объявятся, и оказывать малые услуги военачальникам Королевства. А Секиру и ее статус по ту сторону границы здесь знали хорошо.

От щедрот нам дали трех лошадей, теплые пихоры, вдоволь сусликового мяса, мешок ямса для запекания в костре и огромную флягу с тильским самогоном вараком. Солдаты также указали тропу, которой пользовались купцы и контрабандисты всех мастей, когда хотели попасть в Тилль, минуя Королевство. Ее прозвали Заокраинский серп, хотя по бывшей стране ока она тянулась едва ли пару километров. На юге дорога упиралась в столицу Края, но если свернуть раньше, то можно было легко попасть в Ярвелл, – так сказали солдаты.

И мы двинулись в путь, укутавшись в пихоры и пустив лошадей по тонкому слою снега. Навстречу нам почти не попадалось людей, хотя в прошлые годы тропа пользовалась популярностью. Даже контрабандисты замерли, ожидая исхода того, что творилось в Королевстве. Редкие путники проходили мимо, опустив глаза.

На пятый день пути я увидела впереди темное пятно, слишком маленькое, чтобы быть человеком. Надо признать, что мой дефект, мешавший мне лучше разглядывать картину боя, стал почти незаметен для меня в обычной жизни.

Когда мы приблизились, я поняла, что на снегу перед нами стоит кот. Зверь в пышной серой шубке зябко переступал с лапы на лапу. Я спешила, ожидая, что найду на шее почтальона последнее письмо Мастоса, – но с ошейника сиротливо свисали обрывки знакомой желтой бумаги. Кто-то перехватил послание раньше. Кот, видимо, чудом уцелел – но замерз, продрог и выглядел так, будто с минуты на минуту свалится в снег.

Я проворчала себе под нос, что Мастос мог бы и сам доставлять письма, раз он такой умник, и, подхватив безвольного кота, засунула его за пазуху.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил Атос.

– Теперь у нас есть кот, – мрачно ответила я, садясь на лошадь.

Крайниец посмотрел на меня, как на сумасшедшую, и поинтересовался:

– Ты шутишь, что ли?

– Я назову его Лорд Мерзлые Лапки.

– Тебе не кажется, что здесь не самые подходящие время и место, чтобы подбирать животных?

Кот высунул круглую толстощекую голову из-под моей пихоры и с презрением, свойственным только кошкам, взглянул на Атоса.

– И что, мне бросить его умирать? – спросила я, пуская лошадь вперед. – Скольких людей я не спасла? Скольких еще не спасу? Можно я хотя бы позабочусь о замерзшем коте? Сделаю то, что в моих силах здесь и сейчас.

– Убирать за своим котом будешь сама! – крикнул мне в спину Атос. – И кормить тоже. И если он сдохнет...

– Не слушай его, Мерзлые Лапки, это плохой, злой крайниец. Если он будет ругаться, мы пустим его на колбасу и поужинаем ей, – сказала я коту, и тот заурчал где-то внутри меховой пихоры.

* * *

Мы двигались намного быстрее, чем по дороге на север. С нами не было раненых, нам не приходилось бросать лошадей. Все, что нас задерживало, – отдых, который надо было дать коням, да свой собственный сон. Лошадки с тилльского поста были, подобно всем ездовым животным этой страны, мощными, приземистыми, с толстыми ногами, которые не могла поранить даже твердая корка наста.

Впрочем, уже через неделю метель прекратилась. Мы сместились на юг и вышли на заокраинскую землю. Я ожидала каких-нибудь внешних признаков того, что мы ступаем на облученную землю: выжженной травы, почерневшей до золы земли, пустоши. Но нет – если бы не Извель, поглядывавшая изредка в карту, мы бы и не узнали, что уже пересекли границу ее родной страны. Когда заокраинка вглядывалась в глубь земель, которые некогда принадлежали ее народу, в ее взгляде читалась тоска.

– Скучаешь? – спросила я. – Хотела бы когда-нибудь вернуться? Атос ведь рассказал тебе, что в Ирбисе теперь нет облучающей магии. Ты можешь привести своих людей туда, укрыться от проклятого народа на родной земле. Найти Эшема и сбежать сюда. Разве ты не думала об этом?

Ока покачала головой.

– Королэвство тэперь мой дом и очаг. А их мэняют лишь двоеженцы и дэзертиры. Нас вэками убивали, прэзирали и нэнавидэли люди Королэвства. Но вмэсте с тэм... никогда нэ гнали назад. Именно там родился мой сын. Имэнно там я встрэтила настоящих друзей и обрэла короля, за которым готова идти на войну.

Ветер трепал белые кудри моей подруги. Ее прекрасный наряд наездницы, в котором она покидала столицу, поистрепался, и сейчас заокраинка вновь напоминала ту нищенку-ока, которая повстречалась мне в горных деревнях впервые. Нас всех состарила эта гонка, но сильнее всего это было заметно по новоявленному королю Роуэну, на которого свалилась громадная ответственность за судьбу страны, и по Извель, которая и так была немолода. Она без сомнений ринулась в эту авантюру с поиском ответов, думая, что может помочь. Но сколько сил и, может быть, даже лет жизни она отдала за призрачный шанс? За имя Хлоэ, которое ветер из килиаза шепнул нам на ухо.

Размышляя над этим, я пережевывала жесткий кусок суслатины, чтобы затем сплюнуть его в руку и сунуть за пазуху. Как только мы миновали выюжные земли, пихоры отправились на круп лошадей, а кот перебрался ко мне под рубаху. Мерзлые Лапки не мог сам справиться с вяленными до твердокаменности кусками, поэтому приходилось ему помогать. Лакомство было готово и отправилось к зверьку. Тот жадно зачавкал, обслюнявив мне бок.

– Я знаю тут каждую травку, – сказала Извель с улыбкой. Пока я кормила кота, она спешила и стояла, перебирая в пальцах коричневый стебель сухостоя. – Что ядовито, а что исцэляет. Я знаю, какие мэталлы лэжат под зэмлей, какие звэри ходят в лэсах. Во всяком случае, тех, кто ходил там до трагедии...

– Извель. – Какая-то неявная, не до конца сформировавшаяся мысль пришла мне на ум. Я постаралась распустить этот клубок как можно осторожнее, чтобы не потерять нить. – В токоне ты не так много рассказывала мне о катастрофе Заокраины. Только то, что простые люди обвинили во всем ученых, искавших темных знаний.

– Все так, – кивнула она.

– А что, если в Заокраине произошел самый первый магический взрыв? Намного мощнее того, что случился в Сиазовой лощине. Очень многие детали схожи: убийство всего живого вокруг, облученная земля и то, что со временем этот яд уходит.

Ока удивленно прикрыла рот рукой.

– Лис, трагедия в Ирбисе случилась во времена жизни Слэйруса. Это было очень давно, Алайлы еще не было даже в божественных свитках.

– А Алайла и не нужна была. Она служила лишь инструментом для проклятого ключа. – Я была воодушевлена открытием.

Заинтересованные Атос и Секира подъехали, чтобы послушать нас. Даже Мерзлые Лапки высунул голову из-под рубашки и будто бы увлеченно слушал.

– Мы почти ничего не знаем о ключе. Алайла думала, что это артефакт Поглощающих, который поможет ей стать одной из них. Но она ошибалась. А вот в чем эта стерва была права, так это в том, что ключ и правда открыл какие-то двери. Атос видел много дверей, когда за ним в око шторма пришел среброволосый принц. Еще мы знаем, что ключ поглощает чужие души, заставляя людей убивать, – я проговорила все это на одном дыхании.

– Может быть, и не души, – задумчиво произнес Атос. – Перед тем как произошел Взрыв, Алайла просила кого-то унять свой голод. Я думаю, она разговаривала с ключом. Прежде чем броситься на Крамера, она прошипела: «Смири свой голод. Я не могу дать тебе еще больше боли».

Секира удивленно вскинула брови:

– Так ключ питался не смертью, а болью от нее?

– Нэ думаю, что речь о боли физической, – покачала головой Извель. – Скорее боль и страдание от потэри жизни.

– А еще от разрушенных надежд, – воскликнула я. – О, на Переправе Адской гончей и в Сиазовой лощине было целое море боли. Я почти уверена, что ключ побывал в Ирбисе у ваших ученых, Извель. Они тоже заставили его работать, но, похоже, нашли для него намного больше топлива.

Тишина повисла над нашим небольшим отрядом. Я видела по лицу ока, что в душе ее борются желание оправдать своих далеких предков и

стремление найти правду. Наконец она произнесла:

– Мы не можем сказать это навэрняка. Алайлу с ключом мы видэли, а взрыв в Ирбисе не оставил в живых ни одного свидетеля.

– Почему мы вообще говорим о ключе и Алайле? – вмешалась Секира. – Разве наша истинная задача – остановить коронацию и приход короля-медведя – как-то связана этой историей?

Атос хмыкнул и тронул поводья. Извель согласно кивнула и направилась седлать лошадь. Я же едва слышно пробормотала себе под нос:

– В этой истории все связано. Что бы ни говорил Гардио о страшных вещах, которые происходят независимо друг от друга, все бусины должны оказаться на одной нитке, просто, может быть, в разных ее концах.

Затем я крикнула Извель в спину:

– А что изучали ваши ученые? Кто-нибудь из выживших знал это?

– Никто бы не побожился, – ответила она, пожав плечами. – Но поговаривали, что они пытались вмешаться в ход врэмени.

На эту реплику никто не обратил внимания. Все были сосредоточены на зримом враге. А я, кажется, нащупала пока бессвязные концы всей этой истории, но не торопилась с выводами. До Ярвелла нам оставалось чуть больше двух недель.

* * *

Это был мой второй визит в столицу, и я словно попала в другой город. Никаких праздных зевак, приветливо распахнутых ворот, поднятых флагов Белого Чертополоха. Отряд из шести стражников проводил над каждым приезжим странный обряд. Старший офицер, совсем молодой паренек с соломенными волосами и носом картошкой держал в руке багровый камень-кулон на цепочке и с застывшим лицом раскачивал его над головой путника, стоявшего прямо перед ним.

Мы оказались в конце небольшой очереди. Лошадей мы предпочли оставить в конюшнях возле городских стен: бродить с навьюченными животными по узким улочкам Ярвелла не представлялось приятным занятием.

Женщина с малышом, привязанным к груди объемной шалью крест-накрест, шагнула вперед, заняв место прошедшего в ворота мельника. Я была достаточно близко, чтобы услышать заученную речь, которую сержант читал бесцветным голосом:

– Сейчас вы пройдете проверку на принадлежность к проклятому народу, также известному как зверолюди. Если проверка покажет, что вы не принадлежите к человеческому роду, то будете казнены на месте. Без ареста и суда. Вы вольны отказаться от проверки и покинуть престольный регион.

Женщина испуганно пялилась на солдат, но не уходила. Офицер понял, что сбегать никто не собирается, и начал делать магические пассы, раскачивая камень над ее головой. Ничего не произошло и в этот раз. Женщина прижала плачущего младенца крепче к груди и шмыгнула в ворота. Подошла наша очередь.

– Генерал Секира, генерал Атос, – безрадостно произнес сержант, заведя моих спутников. Он поднес кулак к груди в старинном жесте легионеров, означавшем приветствие, а по более старинным поверьям – клятву в верности тайне. Но вряд ли этот безусый юнец знал истинное значение своего приветствия.

Секира оглядела молодого мужчину с ног до головы.

– Что ты делаешь здесь, Анастас? За какие грехи тебя сослали на ворота?

– Это все происки Крианны, нашей бывшей королевы и тетки престолодержателя, – произнес парень с надрывом. – Она бродит по отрядам и выбирает тех, кто на ее взгляд слишком хлипковат для битвы. Она отправила Чакатни чистить конюшни, а Тильду – сторожить королевский амбар с мукой. А я тут! Занимаюсь чепухой.

Сержант грозно потряс перед нами кулоном, зажатым в кулаке. Я осторожно оглянулась – кроме нас, путников, ожидающих проверки, больше не было. Значит, можно было спросить:

– Так значит, это бутафория? Насколько я знаю, настоящих средств узнать, кто перед тобой, человек или монстр, не существует. Они обращаются, только если захотят, или ты разгневал или напугал их. Но камешек в этом вряд ли поможет.

– Конечно, – согласился парень. – Я изображаю тут из себя какого-то гадателя-оку, простите, госпожа. – Он вежливо поклонился Извель, та в ответ мягко улыбнулась. – Но на кого-то и этот цирк действует, правда, ребята?

Легионеры дружно закивали. Самый пухлый из них, с румяными щеками и смоляно-черными прядками, выбивавшимися из-под шлема, промямлил:

– Второго дня как была пара. Стояли третьими в очереди, а как услышали про проверку – дали деру.

– Но вы же понимаете, что рано или поздно обман раскроется. Притом Гардио... – Атос осекся и поправился: – Король Роуэн даже не знает, сколько монстров осталось внутри города.

Безусый Анастас с жаром подтвердил:

– Конечно! Все это понимают. Но мы должны делать хоть что-то. Не ради защиты, а ради веры людей. Если у них отнять хотя бы эту имитацию защиты, они падут духом. Тогда мы проиграем, даже не вступив в бой. После того как захватили Кармак и отрезали нас от севера, заблокировав Врата Ремира...

Худшее уже случилось, поняла я. Мы опоздали. Но вслух произнесла лишь:

– Поспешим! К королю!

* * *

Если раньше Гардио выглядел уставшим, то теперь все стало намного хуже. Король казался вконец отчаявшимся. Это проскальзывало в его осунувшемся лице, быстрых движениях, надломленном голосе.

Когда мы вошли в зал, он опрометью кинулся к нам. На миг в его взгляде затеплилась надежда, но, заметив наши понурые головы, он все понял и сник.

– Значит, вы ничего не раздобыли? – спросил он и опустил на ступень возле колонны. Гардио не носил царственных одежд, украшений, даже мантии из соболей, положенной правителю Королевства. Судя по истрепанному виду его камзола, король больше времени проводил на учениях своего легиона, чем на золоченом троне. Тренировки шли полным ходом – когда мы проходили через двор, то видели множество легионеров, оттачивающих свои навыки. Множество, но все же недостаточное количество.

– Имя Хлоэ что-нибудь тебе говорит? – спросил Атос. Дождавшись отрицательного ответа от короля, крайние закончил: – Тогда мы не нашли ровным счетом ничего. По пути нас едва не повесили, мы потеряли нашего надменного мага, нам пришлось сразиться с сестрой короля проклятого народа. Но мы не получили ровным счетом ничего.

– Слэйто не потерял, он связался со мной, – отозвался Гардио. И я вдруг вздохнула так неприлично громко, что даже Извель, посвященная во все мои душевные тайны, посмотрела на меня с легким недоумением.

Впрочем, Гардио продолжил ровным тоном:

– Он написал мне, что не смог перебраться через горы Хаурака. Слэйто первым рассказал, что мы отрезаны от севера. – Король запнулся, видимо, размышляя о непрестом положении, в котором оказалась вверенная ему страна. Но затем справился с волнением и закончил: – Парень намеревается собрать тех Поглощающих и Сияющих, которые откликнутся на его призыв, и вместе с ними встать живым щитом на северном выходе Врат Ремира. Мы тоже должны собрать все силы, что есть, и идти к южному выходу. Зажать их в щипцы. Тогда у нас есть малый шанс...

Извель, все это время равнодушно смотревшая в высокое узорчатое окно тронного зала, вдруг спросила:

– Их вэдь нэ можэт быть так много, дорогой. Ты хочэшь созвать великие силы, но наших врагов вряд ли набэрется пара сотэн.

– Пятнадцать тысяч, по весьма приблизительным данным моих разведчиков, – устало произнес король. – И это только те, что встали плотным кольцом вокруг Врат Ремира. Еще сотни, если не тысячи, блокируют все горные проходы Хаурака: от Янтарного перешейка до Тильского кряжа.

– Не может быть, – поразилась Секира.

Она тяжело опустилась на мраморные ступени. Мы стояли в самом средоточии сил нашей немалой страны – дворце Ярвелла – и чувствовали себя как никогда беззащитными.

– Ты сказал, Слэйто попытается собрать магов, – произнесла я, стараясь обойти тему о пятнадцатитысячной армии. – Как он планирует это сделать?

Король произнес:

– Не знаю.

– Маги – хорошее подспорье в битве. Один маг стоит сотен солдат, – начала перечислять я доводы за и против. – Но будут ли они воевать за народ Королевства? Или Слэйто уговорит их защищать собственный покой?

Гардио встал и начал раздраженно мерять тронный зал шагами. Фалды его поношенного сюртука развевались. Я заметила, что волосы его скреплены порванной перчаткой: видимо, не найдя бечевки или завязки, король воспользовался тем, что было у него под рукой. Гардио выглядел трагикомично, но сейчас именно от него зависело наше будущее.

– Даже если Слэйто соберет десяток магов и они не позволят орде проклятого народа выплеснуться на север, это никак не поможет нам на юге. У меня пять тысяч обученных бойцов, собранных по разбитым остаткам легионов.

Я попыталась прикинуть, сколько всего легионеров было в Королевстве, и спросила:

– Постой, но где же остальные?

– На погосте, – сухо ответил Гардио. – Оставшиеся зализывают раны в родных домах: без рук, ног, глаз.

Король с тоской посмотрел на меня. Он просто боялся спросить про мой потерянный глаз, а вовсе не проглядел увечье.

– Проклятый народ выбрал лучшее время, чтобы уничтожить нас, – сказал он. – Мы почти справились с этим сами, но они явились, чтобы добить оставшихся. Те, кто сейчас метает копья у меня во дворе, – либо ветераны, уставшие от битв, либо желторотые юнцы, которые еще и девушек-то не щупали. Я не знаю, как с такой армией победить ту силу, что засела в самом сердце Королевства.

– А ты и не должен знать, – раздался надтреснутый голос.

В зал, опираясь на плечо своей верной горничной и поварихи Глэйды, вошла Крианна. Старуха хромала сильнее обычного и, видимо, без помощи своей подруги не смогла бы идти вовсе. Гардио удивленно воззрился на нее и спросил:

– Скольких еще парней ты отправила сегодня на бесполезную работу, тетушка, лишь бы освободить от тренировки и не отправлять в бой?

– Недостаточно, – в тон ему ответила старуха. – Так вот, милый, ты – король. Ты не должен знать, как выигрывать битвы имеющимися силами. Для этого у тебя есть генералы.

Старуха кивнула Атосу и Секире, мягко улыбнулась Извель. Когда ее взгляд задержался на моем лице, она содрогнулась и с негодованием воскликнула:

– Вот об этом я тебе и говорю! Юные ребята не должны слепнуть, не должны умирать и ложиться в сырую землю. Такие лица не должны носить траурные повязки. Бедное дитя, бедное дитя, – прошептала старуха.

Почему-то именно от этих слов, вернее, от тона, которым королевская тетка их произнесла, мне стало невыносимо жаль себя. Когда Извель стала моей подругой, она перестала быть тем всеведущим прообразом матери, в котором я так отчаянно нуждалась. Я приобрела гораздо больше, не спорю, но потеряла то покровительство и жалость, которые может подарить только мать, а не друг. И вот Крианна за всеми моими шрамами, за моими доспехами, разглядела ребенка, достойного жалости. У меня задрожала нижняя губа, но в тот же миг я почувствовала шевеление за пазухой.

Лорд Мерзлые Лапки вел себя тихо с тех самых пор, как мы прибыли в Ярвелл. Он высунул из-под рубашки свой розовый нос, только когда мы

проходили коптильню, – учуял запах мяса. И вот сейчас, будто встревоженный чем-то, выбрался из своего тканевого плена и прыгнул на пол. Кот недовольно огляделся, посмотрел на короля с плохо скрываемым презрением, так же, как он смотрел на Атоса, и нетвердой походкой двинулся к Глэйде и Крианне.

– Кис-кис, – неуверенно сказала старая служанка.

– Сама ты «кис-кис», старая трещотка. Такой кот не приемлет подобного балагурства, – сурово произнесла Крианна.

Кот посмотрел на бывшую королеву, та – на него. Наконец Мерзлые Лапки решил для себя что-то важное – подошел к старухе, сел возле ее ноги и с размаху ткнулся плюшевым лбом в сухую щиколотку, видневшуюся из-под юбки. Он не пытался потереться или помурлыкать. Лишь с какой-то обреченностью уперся в ногу Крианны.

– Вообще, я из тех, кто любит собак, а не кошек, – безапелляционно произнесла старая леди. – А ты наверняка блохастый и с глистами. Но какая разница, если жить нам осталось мало, верно?

Она вдруг с неожиданной ловкостью перехватила шерстяное тельце и, прижав его подмышкой, ловко поковыляла из зала. Кот даже не пискнул. Глэйда пыталась поспеть за своей госпожой, но у нее это получалось плохо. Старуха, которая не могла войти без помощи служанки, вышла самостоятельно и стремительно, можно сказать, вылетела вон.

– Когда есть о ком заботиться – силы появляются, – проговорил Гардио. От наблюдения за этой небольшой сценой его лицо разгладилось. «У меня красивый король, – подумалось мне. – У него ясное лицо. Если мы переживем эту ужасную войну, многие прекрасные и благородные леди с ума сойдут от желания стать не только королевой, но и женой этого мужчины».

– Тебе тоже есть о ком заботиться, – отозвался Атос. – У тебя остались десятки тысяч подданных, которые ждут, что ты спасешь их. Поэтому собери свои собственные силы.

– Мне так и не удалось уговорить Тилль. Они оставили свой отказ в силе, – вставила Секира.

Король не выглядел удивленным или расстроенным.

– Я ожидал этого, – произнес он равнодушно. – Симм обещал прислать пять сотен солдат. Это очень много для такого крохотного острова, наверняка вся их действующая армия. Но они пошли на это, стоило только попросить.

– Это же отличная новость... – начала я, но Гардио прервал:

– Они не успеют прибыть. Нам надо выдвигаться уже сейчас, а они

пока где-то в море. Еще у нас есть сотня солдат ратарана, из трех выживших токанов. А Край оказал нам великую милость. – Король кисло улыбнулся. – Обещал удержать в узде песчаных бандитов, пока мы пытаемся спасти свою землю.

– Значит, пойдем в бой теми силами, что есть, – уверенно сказал Атос. – Я выигрывал сражения, в которых солдат у меня было вдвое меньше, чем у противника.

– Нас меньше в три раза, – почти шепотом произнес Гардио. Уныние вновь вернулось на его лицо. – Против нас чудовища, один вид которых повергает моих легионеров в ужас. Там есть монстры размером с целое здание, Атос.

– А у нас есть надежда. Иногда большего и не нужно. Это наша земля и наш дом, и мы защитим их. Или умрем, – отрезал Атос.

В тронном зале повисло молчание. Мне вспомнилось, как Атос в наш первый визит сюда говорил, как они отстроят замок. Возможно, царственные чертоги Ярвелла вновь засияют, вот только вопрос – при каком короле?

* * *

Пока король и генералы решали вопросы военной кампании против проклятого народа, я решила побродить по Ярвеллу. Подданные достаточно тонко чувствовали настроения во дворце и перенимали его: вся столица погрузилась в уныние.

Первым делом я направилась к бару, где мы в прошлый раз так душевно посидели с Извель. «Тромбон и гусь» стоял на своем месте, а вот булочная с нервным Нэрвином закрылась. Незаколоченные ставни хлопали на ветру, являя миру пустые окна. Я на миг закрыла глаза и попыталась представить запах свежее испеченной сдобы, которая приманила меня и ока в этот переулочок. С тех пор будто бы минули тысяча лет и сотня битв. Сколько радости мне подарил тот визит в Ярвелл: живой Атос, моя Извель и противный блондин Гардио. Тогда со мной еще был Слэйто. А сейчас? Я чувствовала себя заброшенной и одинокой. Как бы я ни храбрилась у Медвежьего острога, война никогда не являлась для меня самоцелью. Конечно, всегда были люди, для которых поле боя становилось смыслом жизни, а кровавая рубка – способом существовать. Но я-то всю жизнь билась за что-то. В легионе – чтобы выжить и сбежать от своего прошлого, затем – спасая тех, кто мне дорог.

И вот внезапно я столкнулась со своей внутренней пустотой. Что, если никто из моих друзей не нуждался в спасении? А те, кто о нем безгласно молили, на мой взгляд, не стоили даже потери правого глаза. Я невольно коснулась повязки, скрывавшей ранение. Сегодня с утра Секира, осматривавшая глаз, довольно сказала, что краснота спала: сосуды зажили, а шрам над бровью уже совсем скоро превратится в тонкую полоску.

– Только радужка побледнела, – с удивлением произнесла она. – Один глаз карий, а другой будто позеленел. Но то, что я не вижу инфекции или раздражения, отличный знак. Зрение к тебе вот-вот вернется, Лис.

Но она врала, и мы обе это знали. С момента травмы прошло достаточно времени, и если бы у меня был шанс снова стать зрячей, то были бы сигналы: размытые очертания предметов или реакция на свет. Но нет – глаз выглядел нормально, но ни Войи не видел.

– Все мы что-то потеряли, – произнес знакомый голос у меня за спиной.

Шмулс, чернобровый кабатчик «Тромбона и гуся», с грустью смотрел на меня. В его пышных темных бакенбардах прорезалась седина, и теперь они выглядели, будто присыпанные пеплом.

– У вас вроде оба глаза на месте, – попыталась пошутить я. Но тот лишь неловко улыбнулся, пожал плечами и ответил:

– Я отдал бы оба, чтобы узнать, как там моя старшенькая в Кармаке. Я только-только стал дедом и уж обрадовался, что внуку предстоит расти в мире без войны. И на тебе...

Мы помолчали, затем Шмулс добавил:

– Все пустое. Мне не узнать о дочери, а тебе не вернуть глаз. Все, что мы можем, – это выпить чего покрепче. – И взмахнул рукой, приглашая внутрь.

В зале трактира было пусто. Хотя, казалось, обреченность должна способствовать пьянству. Заметив мое недоумение, кабатчик хрипло засмеялся.

– Я перестал пускать посетителей еще неделю назад. Все в таком ужасе от происходящего, что совсем не чувствуют берегов. Напиваются, как свиньи, ломают мебель, бьют на пол. – Мужчина скривился.

Мы присели. Шмулс разлил кас-кас из мутной бутылки в два небольших стакана. Мы залпом выпили горячительное. Крайний напиток обжег горло, но почему-то дал дышать чуть-чуть свободнее. Помнится, в прошлый раз кабатчик неодобрительно отзывался об этой выпивке, а тут даже глазом не моргнул.

Резкий звук заставил нас поднять головы, но это оказался всего лишь

белоснежный кот, который вскочил на полку за стойкой и со звоном подвинул несколько бутылок.

– Кыш, дуралей, – разозлился кабатчик и было замахнулся, чтобы бросить в кота пепельницей со стола. Но пожалел и ее, и бутылки.

Я вздохнула и спросила:

– Ну и как давно вы на него работаете?

Шмулс поднял на меня тяжелый взгляд.

– Да бросьте. Не надо служить в отделе дознаний королевской стражи, чтобы догадаться. Повышенный интерес к моей персоне, кот – слишком все гладко. Поэтому я и спрашиваю: как давно?

Легкая тень улыбки мелькнула на лице кабатчика.

– Почитай что с детства. Он вытащил меня из одной передраги и дал ценный совет: «Найди то, что тебе нравится, и занимайся этим, чтобы склотить состояние, а не наоборот». Богатств я так и не скопил, но живу лучше многих.

– Что вы знаете о нем?

– Как и большая часть из нас – мало. Он был учителем в старой королевской семье, затем, когда произошел переворот, спешно покинул двор. Старик уверен в какой-то своей избранности и особой миссии. Я же просто благодарен ему за участие в моей жизни.

Я откинулась на спинку стула. Собрать такую огромную сеть осведомителей и скрыть о себе правду? Нужно было очень постараться, посвятить этому всю жизнь. Но разве такое возможно?

– У вас есть что-то для меня? – поинтересовалась я.

Мужчина, как мне показалось, был несколько смущен.

– Этих бумаг не должно было быть здесь. Другой почтальон нес это письмо. Но говорят, он пропал в Тилле. Эти звери открыли охоту на каждого из нас. Не знаю, как, но они теперь в курсе, что многие коты в Королевстве – не просто домашние любимцы.

Несмотря на то, что этот человек поначалу скрывал свои истинные мотивы, мне почему-то захотелось его подбодрить.

– Ваш почтальон выжил. И будет жить в достатке, если не задохнется в объятиях одной безумной старушки. А вот письмо не сохранилось.

Кабатчик выдохнул:

– Значит, не зря я его переписал, когда у меня остановился учитель. Можете назвать это безумием, но в ту ночь ко мне в кабак явился сам Войя.

Я удивленно приподняла брови. Рассказчик раздраженно махнул на меня рукой.

– Старик в тот день приехал поздно. Я гостеприимно встретил его, но

тот даже отказался от пищи, так был утомлен и расстроен. В руках учитель держал кипу бумаг. И как только прошел внутрь, стал быстро писать, как полоумный, на свежем листе посвящение к тому, что уже у него было. «Это последнее мое письмо, если уж оно не поможет, то что тогда?» – бормотал старик. Когда он закончил писать, то оставил все бумаги на столе и отправился спать на лавку в углу. Я же проверил все засовы и поднялся к себе на второй этаж. Как Войя попал внутрь, ведомо лишь ему и прочим богам. Но посреди ночи ко мне в комнату явился горящий белым пламенем демон с красной, будто покрытой багряным плащом спиной. И это проклятое существо держало в одной руке записи учителя, а в другой – чистые листы. Тут уж и дурак бы догадался, чего от меня хотят.

Я попыталась унять возбуждение: среброволосый принц в багряном плаще побывал и тут.

– И вы скрыли от Мастоса, что переписали его письмо? – спросила я.

– Да, – с глубоким раскаянием в голосе признал Шмулс. – Но в тот миг мне казалось, что я делаю это, потому что это... правильно? И вот теперь, когда вы говорите, что последнее письмо не дошло до вас, я понимаю: Войя пришел не просто так.

– Несите, – вздохнула я, – сейчас мы и узнаем, был ли в этом толк.

Кабатчик достал из-за пазухи стопку сероватой бумаги – цвет это первое, что бросилось мне в глаза. Следом – чужой почерк. На протяжении всей нашей односторонней переписки я так привыкла к изящным буквам Мастоса, что грубые и угловатые слова Шмулса не вязались у меня с историей, в которую мне предстояло погрузиться. Но выбора не было.

Лис, здравствуй.

Это последняя история, которую ты должна узнать. Она встревожила меня – ведь я, разумеется, понял, о ком речь. Что должно дать тебе это знание? Изменит ли оно тебя и поможет ли победить в той войне, что грядет? И что ты сделаешь с этими листами: сожжешь их на углях своей памяти или же раздуешь костер поисков? Я верю лишь в то, что список и все имена в нем были даны мне не просто так. Яркий посланник ведь знал что делал, верно?

Ирэне

Я сама не знаю, зачем сижу и все вам рассказываю. Может, надеюсь, что это покаяние и оно избавит меня от боли. Я уже не верю монашкам

Сефирь: отдала им почти тридцать лет своей жизни, а сейчас убеждена, что все это время они мне лгали. Как и другие богословы. Если где-то и есть святые, они не плачут над нашими бедами, а смеются. Хохоют над нашими несчастьями, понимаете, о чем я?

Но вы хотели не про меня слушать, а про Ирэне. Даже после исчезновения она остается из нас более интересной сестрой, ха. И так было всегда. Она была леди-совершенство. И хотя я была старше и вроде как должна была заботиться об Ирэне, выходило, что сама постоянно просила ее о помощи.

Мне было шестнадцать лет, когда мы уехали из материнского дома в деревне. Не знаю, как сейчас, – но тогда это было уже поздновато. В этом возрасте мои сверстницы рожали первых детей и всю вели хозяйство. А мне вся эта деревенская жизнь была противна. Тошнило от кур и свиней, вечной грязи, пьяных мужчин и даже от своей собственной матери. Она была хорошей женщиной, но слишком уж простецкой. Моя троюродная тетка меж тем служила в замке, и я всегда восхищалась ей. Да что там, именно так я и видела свое будущее – горничной или дворовой девкой, уж точно не пастушкой среди свинопасов. Но даже этот самый важный шаг в моей жизни – побег из родительского гнезда – я бы не сделала без Ирэне. Она была на четыре года младше меня, всего двенадцать. Тощая пигалица, да и только. Но именно она позаботилась обо всем заранее: выяснила, что в замке у тетки нужны рабочие руки, и договорилась с почтовой каретой, чтобы туда добраться. Я оставалась безучастным свидетелем этих приготовлений и готовилась к главной роли в своей жизни – жительницы замка. А она... Тоска в ее глазах, которую я подметила, трясаясь на кочках в карете, так никуда и не исчезла. Ирэне любила мать, и природу, и местных – словом все то, что я ненавидела. Весь наш побег она устроила ради меня. Может, Ирэне даже думала вернуться, когда я обустроюсь. Но и ее затянуло.

Так славно было в первые годы. Мы с сестрой всегда были работающими девушками. Я брала усердием: могла всю ночь начищать медные тазы, чтобы к утру в них можно было смотреться, как в зеркало. А Ирэне была талантлива во всем, и я говорю это не для красного словца. Она, как и я, чистила, скоблила, скребла, но делала это быстрее и лучше. А как она вышивала! Пальцы с иглой порхали над пяльцами, и на ткани оживали птицы или диковинные звери. Да я бы душу Войе заложила, чтобы уметь так вышивать. Ну а сестрица дико презирала вышивку, как и всякий женский труд, и даже не пыталась это скрывать. Ей бы все бегать да с мальчишками сливы воровать. Как сейчас помню: стоит перед глазами ее

высокая фигурка с растрепанными кудрями и порванной по подолу юбкой.

Мы росли. Мне исполнилось восемнадцать, и в те времена это значило, что если меня в течение года не возьмут замуж, то я стану переспелком. Это означало – слишком старая, чтобы стать женой или матерью, проще говоря, засиделась в девках. От женихов отбоя не было. Многие работники в замке мечтали не только пожениться, но и взять меня в жены. Уже тогда было видно, как высоко я мечу. Не просто стать горничной у господ или кухаркой, нет. Поэтому я могла не торопиться и выбирать. У нашего оружейника обнаружилась легочная болезнь, старик сдавал на глазах. И его сын, молодой Адар, в скором времени должен был занять место отца. Вот я и сделала свой выбор, пусть без любви, зато верный. Спустя пару месяцев после свадьбы старик и вправду отдал богам душу, и я стала женой главного оружейника замка. Адар и сам никогда не любил меня той любовью, о которой пишут в книгах. Нет, наш брак строился на взаимном уважении и стремлении занять стоящее положение в замковой иерархии. И знаете, наша семья была и остается покрепче прочих.

А пока я устраивала свою жизнь, Ирэне неожиданно расцвела. Ей было четырнадцать, она была смешливой и стройной девушкой, быстро вытянувшейся и слишком рано обретшей женские формы. Бегала по полям и лугам с мальчиками, а я холодела от ужаса при одной мысли, что она там с ними делала. А уж как она любила драться – боевого духа ей было не занимать. Могла устроить во дворе показательный турнир по бою на шестах, да так ловко, что зрители только диву давались. И мальчишек-ухажеров от таких увлечений у нее только прибавлялось.

Но глядела я, как выяснилось, совсем не туда. Лорд замка тогда был зрелым мужчиной. У него год как подрастал наследник. Но радость отцовства для нашего мастера навсегда омрачилась трагедией. Молодая и прекрасная леди умерла при родах. Лорд души не чаял в своей супруге и, к счастью, не переложил гнев за утрату на своего сына, хоть и не проявлял особого участия в жизни младенца. Он не пытался найти новую жену, но и по дворовым девкам не пошел. С одной стороны, он вел себя как стойкий мужчина: не топил свою печаль в кутеже. С другой, как говаривал повар, хуже нет для мужчины, чем копить свою мужскую силу и не изливать ее. Лорд мрачнел, старел на глазах и все чаще покидал замок, чтобы бесцельно бродить по своим уголкам.

Все переменялось за какой-то месяц. Вот он седеющий старик, а вот – радостный и полный счастья мужчина, который раздает оллы своим слугам направо и налево и разве что не пляшет в коридорах. Полагаю, что они с

Ирэне встретились где-то в лесах. Он топил свое одиночество в прогулках, а она вспоминала природу родной деревни. Что там произошло и как вообще закрутилось – я не могу представить. Может, Ирэне пыталась его утешить, как положено доброй душе? Может, мужская похоть прорвалась наружу и он просто овладел глупой деревенской простушкой? Нет, вряд ли. Все происходило по воле Ирэне, в этом я уверена до сих пор.

Конечно, я узнала об этой истории не сразу. Лорд повеселел – хорошо. Ирэне где-то пропадает – ничего нового. У меня было слишком много других забот. Наша тетка, главная экономка, готовилась уйти на отдых и подыскивала себе помощницу. Старуха ясно дала понять, что будет рада увидеть на своем месте меня. Адар с головой ушел в свое оружейное дело. Я слегка волновалась оттого, что, несмотря на замужество, живот мой не наливался, но за повседневными хлопотами не придавала этому значения. Кто же знал, что Ирэне обойдет меня и тут? Не только в вышивке, чистке столового серебра и рисовании узоров толченой хной к празднику осени.

Моя четырнадцатилетняя сестренка пришла ко мне однажды посреди ночи. Мне пришлось покинуть супружескую постель, и я была больше раздражена, чем встревожена. Она стояла, сурово стиснув губы и сложив ладони на животе, словно защищая его от всего света, и сознавалась в каждом своем проступке. Что не раз и не два делила ложе с Лордом, что красные дни перестали посещать ее, что, кажется, она ждет ребенка, который может навлечь беду на весь замок.

Она говорила спокойно, немного отстраненно, но самое обидное – без какого-либо сожаления. Это взбесило меня больше всего. Маленькая и идеальная Ирэне оказалась простой шлюшкой, но не стыдилась этого.

Я допытывалась у нее: «Он платил тебе за это деньги? Он обещал назначить тебя главной горничной, Ирэне? Иначе зачем ты раздвигала ноги?». И добила своего: сделала ей больно. Она смотрела на меня своими огромными зеленоватыми глазами, а по щекам текли крупные слезы. Даже здесь она меня уела: не рыдала, как положено кающимся грешницам, не спрашивала, за что я с ней так. Молчала и плакала, только и всего.

Беда крылась в том, что единственной слепой в замке была я сама. Слухи среди прислуги ходили уже нешуточные. И я приняла единственное верное решение. Взяла сестру и уехала с ней к матери. Останься мы в замке и начини у нее расти живот – каждая кухарка знала бы, чьего ребенка та носит под сердцем. А подобного исхода не надо было никому: ни мне с моими претензиями на место главной экономки, ни Ирэне, ни Лорду. Последний, кстати, подобно многим мужчинам, почуяв беду, исчез. Сказал

только, что какие-то дела в столице требуют его участия, за ночь собрался и ускакал прочь, оставив меня, раздираемую злобой, и Ирэне с округлившимся животиком.

Я не размышляла, что мы будем делать с ребенком после. Сможем ли оставить младенца нашей немолодой уже матери и получится ли у Ирэне вернуться в замок. Я решала проблемы по мере их появления. Всей прислуге мы сообщили, что наша старуха-мать нездорова и мы едем помогать ей с хозяйством. Каждый в замке понимал, что это ложь. Не было там такого скотного двора или посадок, на которые требовались бы две пары крепких молодых рук. Да и мой отъезд почти на корню рубил все шансы занять место главной экономки. Но это было необходимо: я надеялась сохранить беременность Ирэне хотя бы в некоем подобии тайны. И мы покинули замок.

Мать приняла нас с расprostертыми объятиями. И это стало вторым ударом, который я не смогла простить Ирэне. Она была блудницей, вне брака принесшей ребенка в подоле. Она подставила под удар меня, мое положение в замке. Но будущая бабка ни словом не укорила ее. Сестры Сефирь позже говорили мне о всепрощении, о том, что нет таких грехов, которые нельзя смыть раскаянием. Но беда в том, что Ирэне не раскаивалась, – она словно думала, что случайно попала в эту передрагу и получала ровно то, чего и ждала от близких: помощь и поддержку.

И вот мы снова оказались там, откуда уехали два года назад: среди свиней и навоза. Беременность Ирэне протекала лучше не придумаешь. Она словно еще больше похорошела: щеки налились сочным румянцем, кожа от деревенской жизни приобрела оливковый оттенок, а каштановые кудри выгорели почти в рыжину. Она легко, несмотря на огромный живот, управлялась с прополкой, сеном и домом. Я следила за ней со странной смесью ненависти и любви. Несмотря на обиду, она оставалась моей сестрой – нежным и доверчивым ребенком. Но я ни разу не дала ей понять, что вся моя злость – напускная. Мать и так окутала ее своей любовью. Я заняла место неизбежного зла в их жизни, чтобы Ирэне ни на миг не забывала об ошибке, которую совершила.

Помнится, шел девятый месяц, по словам поселковой знахарки, до родов оставалось еще дней двадцать. Однажды ночью я проснулась от удушья. Мы закрывали окна, чтобы мошкara не залетала и не мешала спать своим жужжанием, поэтому в доме всегда стоял спертый воздух. Но в эту ночь грудь стиснуло так, словно меня душили удавкой. Едва я отдышалась, как заметила, что Ирэне нет на ее тюфяке. Я вскочила, словно ошпаренная, и выбежала из дома, удивительно, как только мать не разбудила грохотом.

Сестра лежала на молодых побегах мяты неподалеку от дома, обхватив руками живот, и смотрела в небо. В тот месяц оно было удивительно чистым: звезды сияли ярко, как фонари на воротах замка. По щекам Ирэне катились слезы. Как и тогда, в замке, она плакала молча – и эту тишину соблюдал весь мир, вокруг не раздавалось ни звука. Только терпкий аромат мяты, слезы Ирэне и новая жизнь, которая решила прийти чуть раньше срока.

Там, на этой мятной грядке, Ирэне и родила чудную девочку. Мать не успела добежать до повитухи, и ребенка приняла я сама. И не подумать, что недоносок, – крепенькая, бодрая и молчаливая, вся в мать. После первого крика, возвестившего начало жизни, малышка замолчала и уставилась в небо, куда все роды смотрела Ирэне, так и не проронившая ни звука.

Моя сестра не взяла малышку на руки, не приложила ее к груди, не позволила себе ни на миг ощутить материнство. Она отказалась от ребенка, даже не взглянув в ее маленькое розовое личико. И этого я тоже не смогла простить Ирэне.

Я же решилась на все, стоило мне взять маленький комочек в руки. И я хочу, чтобы вы знали: как бы я ни жалела об этом, по сей день считаю, что поступила правильно. «Вернусь в замок с ребенком, и это дитя станет моей дочерью, раз уж Ирэне она не нужна», – подумалось мне.

Я оставила мать и сестру и уехала с малышкой в замок. Адар, встретивший меня, все понял – ему даже и объяснять ничего не пришлось. Он принял мое решение и младенца, пусть и не родного ему по крови. Первые дни меня настолько переполняла эйфория, что у меня даже молоко пошло, – и я смогла самостоятельно кормить малышку. Даже самые скептические обитатели замка поверили, что это моя дочь от Адара, а Ирэне просто осталась с матерью. Все же знали, как она скучала по деревне, и было непонятно, вернется ли моя сестра вообще.

Эта история не обо мне или моей дочери, а об Ирэне. Поэтому надо закончить тем, что я не знаю, где сейчас моя сестра и жива ли она. Ирэне прожила с матерью лишь пару месяцев, а потом сбежала из деревни с каким-то тилльским наемником. Ее всегда тянуло к их узким глазам. Может быть, я вовсе не ошибалась, считая ее обычной шлюхой. А может, эта история с ребенком сломала мою талантливую и гордую сестру и потому она пошла по наклонной дорожке?

Я замаливала грехи своей сестрицы долгие годы. Вместе с подросшей дочерью ходила на службы Святой Сефирь, и, когда свет освещал скамьи, где мы сидели, я видела рядом не мою малышку, а маленькую копию Ирэне с ее пушистыми ресницами и кудрями.

Я запретила матери говорить что-либо о моей пропавшей сестре, на что та ответила: «А что бы я могла рассказать твоей дочери о ее тетке?». Мы скрепили договор молчания ради малышки.

Вот вы и выслушали всю историю. Но не спрашиваете о тысяче мелочей.

А что же Лорд? Узнал ли он, что под крышей замка растет не только его наследник, но и дочка? А где же моя дочь теперь? Пыталась ли я найти Ирэне? Вы молчите и только осуждающе смотрите на меня. Или, может, осуждение мне только чудится?

Тысячи часов, проведенных на коленях в церкви Сефирь, не уберегли меня от самой страшной ошибки в моей жизни. Я отреклась от своего дитя, пойдя на поводу у мужа, общества, своей прислужнической сути. Я сказала дочери Ирэне правду: «Я не твоя мать», в самый страшный час ее жизни. И между тем я соврала ей. Она всегда была моей дочерью и останется ей до последнего моего вздоха.

Теперь оставьте меня. У меня полно работы в замке. И молодой лорд просил подать ему к полудню кофе с булочкой. И я, как всегда, плюну в этот кофе. Это все, что мне осталось.

* * *

Некоторое время я сидела неподвижно, затем отложила записи. Снова их подняла, перебрала лист за листом, вновь отодвинула. В моей голове стояла звенящая пустота. Хотелось чем-то занять руки, просто чтобы не сидеть, подобно истукану.

– Этого ведь не может быть? – обратилась я к Шмулсу и сама поразилась, насколько ровно звучал мой голос. – Так просто не бывает, верно?

Он в оцепенении смотрел на меня.

Затем я расхохоталась. Уронила голову на стол с такой силой, что приложилась лбом, и пару раз между взрывами безумного смеха ударяла кулаком о столешницу.

– О боги. Нет, ты представь... Ну, хотя... А-ха-ха. – Смех шел изнутри, не истеричный, замешанный на безумии и запачканный слезами, о нет. Чистый смех, подобный воде из горного ручья, смывавший скопившееся внутри напряжение своим мощным потоком.

Немного отдышавшись, но все еще посмеиваясь, я спросила кабатчика:

– А вы знаете, некоторое время назад были популярны эпосы из Тарасийи. Наш народ с удовольствием их слушал, но от души веселился, потому что герои там постоянно кого-нибудь находили: потерянную сестру, бывшего мужа, матерей и детей. Вот начинаешь ты слушать это сказание и к концу уверен: будет найден какой-то родственник!

Шмулс все еще испуганно глядел на меня. Я уже почти без смеха произнесла:

– Моя жизнь – это проклятый тарасийский эпос.

Я достала из-за пазухи огрызок карандаша, которым запаслась еще в замке, и свой список, а затем вывела на бумаге довольно криво: Ирэне. После чего, слегка пошатнувшись, встала. Меня качал не хмель, а скорее бессилие. Смех помог мне пережить эту правду, но он же вымотал меня, как двухчасовой бой.

– Теперь хотя бы понятно, откуда у меня такая тяга к оружию и иноземцам: что из Тилля, что из Края, – с горечью сказала я. А затем подошла к стойке с выпивкой, почесала за ушком белоснежного кота и забрала без спросу первую попавшуюся под руку бутылку, надеясь, что там плещется что покрепче. Кабатчик не протестовал, он молча следил за мной с таким видом, будто опасался, что я начну крушить его заведение, как умалишенная. Кивнув ему вместо прощания, я вышла из «Тромбона и гуся» в новую жизнь, в которой у меня было две матери.

* * *

В замок я вернулась затемно, почти опустошив ту бутылку, что прихватила с собой: в ней оказался на удивление недурной херес. В тронном зале все еще кипело обсуждение. Над столом посреди комнаты склонились Гардио и Секира, которая с жаром доказывала королю, что часть войск придется оставить для защиты Ярвелла.

Я оставалась незамеченной и из тени следила за женщиной-генералом. Играла в любопытную игру. Уголок рта – мой, а вот скулы – совсем нет. Кудри вьются, как и у меня, но цвет совсем непохож. Есть что-то в развороте плеч, но вот руки у меня изящнее.

Я сделала еще один глоток и спросила вслух:

– Ну и что же мне с этим делать?

– Можешь отдать мне. Я допью. – Возникший из ниоткуда Атос указал на бутылку в моей руке. Я покрепче прижала ее к груди и недовольно воззрилась на крайнийца.

– Иди куда шел. Не мешай мне предаваться унынию.

– Ты не выглядишь унылой, – заметил Атос. – Ты выглядишь вдрызг пьяной.

– Всегда подозревала, что это близкие понятия.

Теперь мы вместе смотрели на освещенный круг стола и мужчину с женщиной за ним. Мне пришла в голову абсолютно бредовая мысль: если Атос когда-нибудь сойдется с Секирой, он фактически станет мне названным отцом. От этого у меня в горле вновь заклокотал зарождающийся смех, однако крайниец истолковал его неверно.

– Так, Лис. Давай-ка ты не будешь здесь чистить желудок! – И, подхватив, будто безвольную куклу, Атос потащил меня в сторону крытой галереи, на свежий воздух. – Сегодня днем тронный зал уже заблевал Господин Мерзлые Лапки, боюсь, король Роуэн расстроится, если этот подвиг повторить еще и ты.

– Он – лорд, – с трудом сдерживая хохот, произнесла я. – Лорд Мерзлые Лапки!

– Крианна его разжаловала. Сказала, что даровать титул может только коронованная особа, – а у тебя на голове царского атрибута она не заметила.

Я кивнула, признавая его правоту, и свесилась через перила. В воздухе пахло прелыми листьями, и, хотя Ярвеллу не грозила осень, запах был точь-в-точь, как в Лисьем чертоге.

– Знаешь, Атос, – сказала я, – Мама-Ока сделала мне много предсказаний, но самое страшное пророчество принесла старейшина древних-мы. Она сказала, что я одна пойду против армии противника и встречу свою смерть в одиночестве. Казалось бы – чушь. Вокруг меня сейчас друзья, мы двинемся к Вратам Ремира с огромной армией. Но почему так пусто внутри? Будто я и в самом деле одна?

– Ты слишком много думаешь, Лис.

– Но я...

– Нет, – тихо прервал меня мой друг. – Я не о том, что тебе надо отвлечься. В Крае есть поговорка, что можно иметь тридцать жен и сто слуг, но три вещи настоящий айрак будет делать в полном одиночестве. Рождаться, умирать и думать. Ты слишком часто ныряешь в свои мысли, поэтому и чувствуешь себя так одиноко. Делись ими с кем-то, иначе эта внутренняя пустота сожрет тебя.

– Что, если я скажу тебе, что знаю страшную правду о каждом члене нашего отряда? – решила я. – Самые мрачные и тяжелые моменты их жизни лежат передо мной как на ладони.

Атос не выглядел ошарашенным. Лишь с легким удивлением взглянул мне в лицо и, увидев ответ на свой незаданный вопрос, кивнул.

– Значит, тебе зачем-то нужна эта боль. Не знаю, кому бы пришло в голову наполнять тебя ей, – ты ведь, словно губка, впитываешь все: и плохое, и хорошее. Но, может быть, и у этого наполнения есть цель?

– А что, если нет? – с надрывом произнесла я. – Мы верим в какие-то неизведанные пути, но пока все, что мы получили за свои страдания, – это имечко Хлоэ, да и только.

– Значит, все бессмысленно, – с легкостью произнес Атос. – Но и в этом есть своя прелесть. Значит, завтра просто будет новый день, который принесет что-то еще.

И мы оба начали вглядываться в расстилавшуюся перед нами ночь, будто надеялись рассмотреть завтрашний день и то, что он нам готовит.

Имя четырнадцатое: Настоящая Хлоэ

Я мрачно смотрела на Врата Ремира, которые распахнули свою голодную пасть в нескольких километрах от нашего лагеря.

– Мне только кажется... – начала я. Но продолжать нужды не было. Я, как и все, видела то, что озвучил король.

– Не кажется. Разведчики донесли, что отшлифованные скалы Хаурака, которые и представляют из себя Врата, сверху донизу утыканы железом.

К нам подошла Секира. Она казалась старше и собраннее в своей генеральской броне. Но, несмотря на ее новый облик, я все равно вздрогнула и отвела взгляд. Идей, что же мне делать с правдой об Ирэне, не было, и, казалось, лучшее решение – вообще ничего не предпринимать.

Секира удивленно произнесла, глядя в оцетинившиеся железом скалы:

– Это какая-то ловушка или хитрый прием? Они намерены бросать на скалы наших солдат, чтобы пронзить их? Да мы так близко и подойти не сможем.

– Нет, – мрачно отозвался Гардио. – Это и есть та самая дверь из мокрого железа посреди кфалатат, о которой говорит предание. Я не знаю, какое значение для ритуала имеет форма двери и почему зверолюди не могли призвать своего проклятого короля, просто разложив кровавые сабли полукругом или шалашом. Вероятно, твари ценят традиции.

– Что еще разглядели лазутчики? – спросила я.

– Больше ничего не успели. На них напали. – Король вздохнул и указал на плотное темное кольцо, опоясывающее южную часть врат. Издалека оно выглядело природным явлением: скальной породой или темной почвой. Но, приглядевшись, ты понимал, что кольцо живое и слегка меняет свои размеры. Чудовища стояли плечом к плечу живым щитом – настолько плотным, что между ними нельзя было разглядеть даже клочка зеленой травы.

– Но кто-то же вернулся и рассказал о мечях, – с надеждой произнесла я.

– Один из тридцати, – припечатал Гардио. – Да и того какая-то огнедышащая тварь опалила так сильно, что жить ему осталось всего ничего.

Над нами на сильном ветру захлопал флаг королевского дома.

Геральдические лилии, которые я видела в Ярвелле, уступили место двум новым символам: русалке из Штольца и серебряно-зеленому гербу легиона Чертополоха. Это было так странно. Какие-то мастерицы, возможно, даже из Вурусты, сидели и вышивали ночами новые королевские штандарты. Они не знали или не хотели думать, что этой работе предстоит прожить, быть может, лишь пару часов ожесточенного боя. Затем придет новый король с медведем на флаге и они, уже рабыни, будут вышивать коричневые когтистые лапы, а не веселую серебристую женщину-рыбу.

– Твое унылое лицо, король, тушит весь огонь морали, который мы с Атосом раздували последние десять дней, – покачала головой Секира. – Своей кислой миной ты рушишь наши многочасовые труды.

Гардио взглянул на нее, будто побитая собака. По случаю генерального и, похоже, единственного сражения он тоже приоделся. Серебристый мундир с кантом, вышитый золотой нитью, высокие вычерненные сапоги и перчатки грубой кожи. На боку у короля висела богато изукрашенная драгоценными камнями сабля. Видимо, мой дорогой вольный копейщик окончательно решил сменить оружие. Среди самоцветов, которыми поблескивала гарда, я разглядела фиолетовый неприметный всполох иолита.

Пока я изучала облачение короля, он жарко спорил с Секирой.

– ...Пойми, то что делала моя тетка в Ярвелле, отправляя молодых парней рыть окопы или копать огороды, я хочу сделать для всей армии. Я не готов вести людей на смерть.

– Ты и не поведешь, – спокойно отвечала Секира, и я подивилась ее хладнокровию. – Мы поведем.

– Но решение-то принимаю я! И кровь этих людей будет на моей совести, сколько бы мне ни было предназначено еще прожить.

Голос Атоса, раздавшийся за спиной короля, оборвал пререкания.

– Кровь наших солдат будет на руках проклятого народа, и только. Возьми себя в руки, Гардио, иначе мне придется свергнуть тебя и узурпировать трон.

Как и я, Атос продолжал звать короля его старым походным именем. И только он мог привести бросавшегося из крайности в крайность монарха в чувство. Какое бы хладнокровие ни проявляла Секира, генеральского чина было мало. А Атос был не просто военачальником – он был другом и поверенным Гардио.

Сейчас крайниец вернулся со смотра войск. И, несмотря на шутку про захват власти, я видела, насколько он тревожился о предстоящей битве. По традиции, которой он придерживался еще со времен Алой Розы, Атос шел в

атаку вместе со своими людьми. Секира тоже предпочитала не отсиживаться, когда кипел бой. Они оба планировали идти в авангарде, но старательно избегали вопросов о том, к какой части войск буду приписана я. Было бы забавно пройти сквозь тысячу битв, потерять стольких друзей, перестать до одури бояться смерти и вновь оказаться в снабженцах.

– Лис, – обратился ко мне Атос. – Извель сейчас с солдатами ратарана за палатками лазарета. Она сказала, что кто-то из прибывших жаждет тебя увидеть.

Я пожала плечами и направилась в указанном направлении. Пустые тенты лазарета стояли, будто в ожидании. Битва еще не началась, раненых не было, но мне уже представлялось, как спустя короткое время это безмолвное пространство наполнится криками агонии и боли. Только одна палатка мягко светилась сквозь темно-синюю ткань с серебряными звездами. Изнутри доносился детский плач. Неужели кто-то из врачей принес сюда ребенка? Безумные.

Миновав палатки, я вышла к построению ратарана. В отличие от выверенных линий, по которым строился королевский лагерь, тут царил хаос, будто солдаты ратарана принесли с собой кусочек токана. Без особого порядка разбросанные палатки и кострища, собаки, путавшиеся под ногами, хриплые песни на ставшем мне родным языке...

– Кэм! Кэм! – раздавалось со всех сторон сразу. Народ ока знал и приветствовал меня. Тут были солдаты ратарана с севера и юга. Различить их можно было по одеянию. Приложные воины каждого токана носили свои цвета и узоры. Не было лишь северо-западных ока – их токан исчез без следа. Горло стиснуло: я вспомнила Кашима, который отправился на поиски своих собратьев да так и сгинул, убитый неведомыми монстрами на чужой для него земле.

– Лис, сюда. – Извель ждала меня в расположении ратарана северо-востока. Я была уверена, что с ними приедет Мама-Ока, кто же еще мог искать встречи со мной.

– А где наша старушка, Извель? – спросила я, подходя к группе. От нашего ратарана осталось немного, капля в море этой войны. Но ни один из солдат ока не выказывал страха или сожалений.

– Мама-Ока? – В свою очередь удивилась заокраинка. – Ей на поле битвы делать нечего. Она осталась в токане молиться богам. Кое-кто другой слишком уж навязчиво искал встречи с тобой.

Женщина отошла в сторону, и из-за ее спины вышагнул Ким. Я не сразу узнала в этом хмуращемся и мрачном мальчишке малыша, который путешествовал с нами от Штольца, чтобы обрести свой дом в токане.

После магического взрыва, когда я думала, что потеряла все, мальчик-ока бродил за мной по токану хвостом. И злил меня этим, как и тем, что напоминал о невосполнимой утрате – Атосе.

Сейчас Кима было сложно узнать. Он повзрослел. Сколько ему – восемь? Девять? Мальчишка вытянулся еще сильнее и, казалось, вот-вот сравняется со мной ростом.

Я чувствовала неловкость и не знала, что сказать. А мальчик, потерявший голос вместе с родителями, лишь сурово сверлил меня пронзительным взглядом светлых глаз.

– Ну ты и вымахал, – наконец произнесла я. – Через пару лет станешь выше Атоса.

Мальчик молчал.

– Ты уже знаешь, что Атос жив? – робко спросила я. – Ты можешь сходить и повидать его.

Монолог затягивался.

Я так и не научилась общаться с детьми, да и назвать этого хмурого волчонка ребенком было уже сложно – одно слово: подросток. Что я могла ему сказать? Как я стыдилась того, что отказалась от него в токане, потому что он напоминал мне про Атоса? Или о том, что, будучи наемницей в Лароссе, я попросту не вспоминала о нем? Отрезала от сердца и закрыла за самой глухой дверью своей души.

– Ким, я...

Мальчик резко поднял на меня глаза и шагнул вперед. Мне показалось, что он сейчас ударит, но он обхватил меня так крепко, что затрещали кости.

– Рад, – глухо сказал Ким, уткнувшись мне в грудь.

Судя по вытянувшемуся лицу Извель, она тоже не ожидала слов от него. Я неловко подняла руку и погладила вихрастый затылок.

– И я рада, малыш. Плохое место, плохое время, плохие обстоятельства. Но я все равно рада.

Так же резко, как обнял меня, Ким отошел. Кивнул мне и растворился в подошедшей толпе южного ратарана.

– Зачем он здесь, Извель? – спросила я, повернувшись к ока, которая смотрела вслед мальчишке. – Я надеюсь, старосты не сошли с ума и не отправили на битву детей?

– Ким – самый быстрый наездник среди наших людей. Если наши войска разобьют, он поскачет в южный токан, чтобы предупредить свой народ.

– И что же вы сделаете? Сядете в лодки и уплывете? Ты не задумывалась... – я попыталась сама оборвать неблагоприятную мысль, но

потерпела неудачу. – Ты не задумывалась, что проклятый народ не станет устраивать геноцид жителей Королевства? Только уничтожит армию и людей вроде меня, особенно неугодных королю-медведю. В Кармаке осталось достаточно жителей: их не вешали и не сжигали. Да, тем людям пообещали будущее рабов. Но это все-таки жизнь.

Извель посмотрела на меня с удивлением.

– Конечно, мы обсуждали это, Лис. Главы токанов волнуются не о защите престола Роуэна, а только о своих людях. Преклонить колéно перед новой силой было заманчиво, но то, что случилось с нашими братьями с севера... Проклятый народ непредсказуем: они ели людей, высаживали на них свои семена, убивали ради забавы. Хотя в этом они довольно близки с жителями Королевства. – Заокраинка бросила грустный, но не осуждающий взгляд за мою голову, туда, где располагались основные силы армии короля. – В любом случае договариваться с ними все равно что надеяться на разумность дикого зверя. Он может пройти мимо, а может откусить тебе голову.

Я приобняла подругу, сжала ее предплечье и произнесла:

– В тебе так много силы, Извель. Ты четко видишь цель этой битвы, хочешь сражаться за будущее своего народа и мечтаешь отыскать после войны сына. А мне как будто чего-то не хватает. Я знаю, что уже в печенках у вас всех сижу, но у меня на душе словно кошки скребут. Будто я могу спасти всех, но, чтобы это сделать, мне предстоит отыскать еще некий кусочек головоломки. И главное, кажется, что он прямо над головой, но стоит мне посмотреть наверх – там пусто.

– У тебя над головой не пустота, а бескрайнее небо, – проговорила ока. – И если даже его тебе мало, чтобы успокоить свою душу, то ответ на свои тревоги стоит искать только внутри себя, Лис.

* * *

Попрощавшись с Извель, я пошла обратно к королевскому шатру той же дорогой, глубоко погруженная в свои мысли. Тихий, но настойчивый звук возле одной из палаток лазарета вновь привлек мое внимание. Детский плач. Когда я шла к ратарану, ребенок заходился в крике, а сейчас скорее хныкал. Усталая и раздраженная, я решила не давать поблажек тому, кто притащил младенца в столь неподходящее место. Шагнув к светившемуся изнутри шатру, я рывком отдернула полог и зашла внутрь.

Обстановка тента-лазарета хорошо была знакома мне по легиону Алой

Розы. Простая, наскоро сбита кровать. Высокая тумба с ночной свечой и россыпью трав, порошков и эссенций. С другой стороны кровати обязательно стояла миска с холодной водой и тряпкой для компрессов. Однако в этой палатке, помимо кровати, на травяном полу была еще и корзина. Хныканье доносилось именно оттуда.

Я подошла к кровати. На ней, вытянувшись струной, лежал мужчина, точный возраст которого было сложно определить из-за опоясывающих его голову бинтов. Белая марля оставила свободной только узкую полоску рта. Верхняя часть тела также была перемотана, но там, где бинты спадали, обнажалась красная, в страшных волдырях кожа.

– Кто здесь? – хриплым, булькающим голосом спросил раненый. Он попытался привстать на локтях, но даже это малое движение отдалось такой болью, что рот его искривился в судороге.

– Всего лишь один из солдат его величества, – тихо ответила я. – Я услышала плач ребенка и зашла.

Солдат вдруг оживился.

– Вы, должно быть, генерал Секира? У вас властный голос, да и кроме нее я тут женщин не видел. Все рыцари-самоцветы разбежались, когда дело дошло до настоящей драки. Остались только истинные воины вроде вас. Я всегда мечтал с вами познакомиться, поглядеть своими глазами, но теперь... – и он кудахтающе рассмеялся. Повязка на голове скрывала оба глаза.

– Вы довольно бодры, – заметила я и присела на край кровати, стараясь не задеть обожженного солдата. – Лекари дали хороший прогноз?

– О, лучше не бывает, – отозвался лежащий. – К следующему утру, если не раньше, я отдам богам душу и перестану коптить это небо.

Я растерянно молчала, затих и младенец.

– Это ваш ребенок в корзине? – наконец тихо спросила я.

– Да, моя малышка, – с нежностью произнес мужчина. А затем намного суше и строже добавил: – Мы были в разведке, когда на нас напали. Выжил только я, но принес важные сведения. Я уверен, что важные.

«Так это тот самый солдат, про которого говорил Гардио», – подумалось мне. Единственный, кто уцелел. Стараясь отвлечь его от мыслей о надвигающейся смерти, я вновь спросила про ребенка:

– Как ваша дочка оказалась тут? Надеюсь, вы не брали ее с собой в разведку?

Больной слабо улыбнулся.

– Моя жена – настоящая сумасшедшая, отказалась оставаться дома.

После того как король Роуэн созвал нас под свои знамена и мне пришлось уехать, она схватила ребенка и поскакала следом. Сначала я распекал ее: «Что подумают другие солдаты? Бегая за легионом короля, ты выставляешь меня на посмешище!». Но сейчас, о боги, как я рад, что она здесь и я могу проститься с дочерью. Сейчас жена вышла поискать мне опиума, чтобы снять эти адские боли. Можете взять мою девочку на руки? – попросил он. – Только посмотрите, какая она хорошенькая!

Я никогда не ладила с детьми постарше, а с младенцами все обстояло еще хуже.

Во времена моей юности стоило мне взять на руки грудничка, как я моментально оказывалась в чем-нибудь липком и дурно пахнущем. Но отказать умирающему отцу было невозможно. Поэтому, склонившись над корзиной, я аккуратно достала ребенка, завернутого в дорогое пуховое одеялко.

Малышка перестала хныкать и теперь жмурилась от света свечи. Она и правда была хорошенькой, смешно морщила носик и разевала беззубый рот. На ее головке даже росли мягкие волосы, отливавшие в полутемной палатке серебром.

– Ваша дочка – чудо, – произнесла я, уверенная, что именно такие слова хочет услышать любой отец. Но тот внезапно произнес глухим голосом:

– Мне надо исповедаться...

Я переполошилась.

– Сбегать за священником Церкви Прощения? Или позвать кого-то из монахов, служащих простым богам?

– Я не верю в богов, – отозвался лежавший. – Я верю в людей, поэтому хочу исповедаться вам.

Мне вдруг стало страшно, почти настолько же, насколько я была перепугана в Сиазовой лощине.

– Я плохой слушатель...

– А я – никудышный рассказчик. Но тем не менее судьба свела нас здесь, в этой палатке, где мне предстоит умереть. Вы зашли, повинуюсь минутному зову, а меня сюда привела долгая дорога искупления. Я согрешил против женщины и судить меня должен кто-то из вашего рода.

Я в панике смотрела на корзину и думала, смогу ли быстро уложить ребенка, не причинив ему вреда, и сбежать от душевных излияний этого обезумевшего от страха смерти человека.

Но он уже начал свой рассказ.

– Знаете, она всегда называла меня «мой Принц». Другие служанки

шутили над ней, но ее вера в меня была непоколебима. Она верила в меня, как в бога, и именно это ее и сгубило.

Мир начал темнеть и плыть перед глазами. Только то, что у меня на коленях лежал ребенок, не позволило мне рухнуть на пол. Я с усилием схватилась за деревянный набалдашник кровати, удерживая себя в этом мире. Хотя разум просто отказывался верить в происходящее.

– Я был наследным лордом замка. А она – всего лишь дочерью служанки высокого ранга, но росли мы вместе. Отец никогда не рассказывал, почему оказал такую милость простой девчонке. Я часто ловил его взгляд на своей подруге. Глупым подростком я думал, что это была похоть, но нет – в глазах моего отца царила печаль.

– Я не хочу слушать вашу историю! – Мне показалось, что я прокричала эти слова, но на самом деле они вырвались у меня изо рта жалким шепотом. Настолько тихим, что раненый даже его не услышал.

– Она тоже училась наукам. Я подначил ее, и она стала изучать искусство владения мечом. За что бы эта девочка ни бралась, все у нее выходило лучше.

– Ты лжешь, – прошипела я. – Ты всегда был лучшим.

Но рассказчик уже не слышал ни одного слова из внешнего мира, он плыл по волнам своей памяти.

– Вернее будет сказать так: все давалось ей легко. Чтобы получить высшую оценку по предмету, я ночами просиживал над книгами. А она весь день гоняла овец на пастбище, а потом приходила и сдавала тест чуть хуже меня. Постепенно детское восхищение во мне превратилось в жгучую и черную зависть. Как могла девчонка из низшего сословия так легко все схватывать? Мы были друзьями...

– О да, мы были.

– ...Но я смотрел на нее сквозь призму, исковерканную завистью и злобой. Порой мне казалось, что Лорд предпочел бы стать отцом этой служанки и отказаться от меня, своего законного сына. Когда он приходил на урок, то хвалил ее одну, а наблюдая за нашими тренировками с оружием, нередко говорил мне что-то обидное. Это не оправдание, но я нуждался в любви отца, а тот мной пренебрегал. Как бы меня в этом ни разубеждали многочисленные няньки, я знал, что он не смог простить мне того, что мать умерла, производя меня на свет. Я был живым напоминанием о его разбитом сердце.

– ...А я – вторым...

– Но хуже всего то... – Мужчина, столь знакомый мне и столь чужой одновременно, закашлялся. Я подождала, пока он уймёт спазмы. Передо

мной, страдающий и в бинтах, лежал человек, которому я долгие годы искренне желала если не смерти, то забвения.

Наконец солдат справился с кашлем.

– Хуже всего было то, что безразличный ко мне отец пристально следил за успехами моей подруги. А она этого не замечала. Я был светом ее жизни, а старый лорд – какой-то блеклой тенью на стене. То, о чем я мечтал, – любовь и признание отца, – сыпалось на нее, словно из рога изобилия, но она с безразличием это отметала.

– ...Я просто не видела...

– И я взрастил гнев, раздиравший меня изнутри. Выпестовал его. Я убивал дворовых животных, издевался над деревенскими мальчишками, одному даже отрезал ухо. И лишь ее одну я не мог тронуть, потому что... в некотором роде любил ее.

– Нет! – Я выкрикнула это так яростно, что дрогнули стены палатки, а девочка у меня на руках беспокойно захныкала. – Ты никогда ее не любил.

Но умирающий с легкостью отклонил мое негодование.

– И все же любил. Пусть не так, как хотелось бы ей самой, но я берег ее и даже старался простить ей любовь моего отца, нагло украденную и незамечаемую. Мы были уже достаточно взрослыми, и папенька стал подыскивать мне хорошую партию. Я же, отчаявшись получить отчую любовь, просто пытался вывести его из себя. «Пусть не любовь, но твою искреннюю ненависть я уж точно заслужу», – так мне думалось. И вот, отвергнув очередную знатную девицу, я заявил своему отцу и лорду, что намерен взять в жены подругу детства, служанку оружейника и горничной. В тот день отец впервые меня ударил.

Я слушала этот нескончаемый поток бреда и пыталась укачать на руках встревоженную малышку. Она была слишком мала, чтобы представить, какой водоворот страстей бурлит сейчас под тканевой крышей палатки. Но определенно что-то чувствовала. Девочка переводила свои ясные глазки с меня на отца и обратно и тревожно хмурила брови.

– Отец сказал, что готов терпеть любое мое безумие, – продолжил раненый, – но запрещает мне даже в мыслях прикасаться к той девушке. Что она моя названная сестра и за подобное преступление боги проклянут меня, а сам он – закопает заживо.

– ...Не названная, – тихо прошелестела я.

– Но своей угрозой старик сделал только хуже. Теперь я не мог коснуться ее, а лишь ненавидеть и любить, презирать и восхищаться. И все это сопровождалось ее щенячьим взглядом, полным бесконечного обожания. Кто знает, не ударь меня в тот день отец и не поставь он ее выше

всех прочих – как бы все это закончилось?

– ...Все закончилось бы так же, потому что ты подонок.

Неожиданно именно эту фразу раненый услышал и согласно кивнул, хоть движение и далось ему с трудом.

– Вы правы, генерал. Дело всегда было во мне. Спустя годы, а тем более на смертном ложе, я вижу это как нельзя четче. Натянута струна оборвалась в мой день рождения, когда названная сестра легко и играючи победила меня в шуточной дуэли на шпагах. Она была низкородной, она была в сковывающем движения платье, она была всего лишь девчонкой, той, кому природой дано, казалось бы, меньше, чем мужчине. Но все равно победила меня. Будь она чуть мудрее, как женщина, то она бы поддалась. Но она была наивна порой до глупости.

– Разве наивность – грех? – горько спросила я. – Вы искали исповеди, но все еще продолжаете находить себе оправдания.

Больной встрепенулся.

– Простите ради богов! Я ничуть не пытаюсь снять с себя груз преступления, просто до сих пор ищу дороги, сверни я на которые, все закончилось бы иначе. После той дуэли мой разум помутился. Мне хотелось уничтожить ее, раздавить, указать на ее место в этом мире, но запрет отца удивительным образом удерживал меня самого. Что ж... я уничтожил ее чужими руками. Вы вряд ли захотите узнать подробности...

– ...Я знаю их слишком хорошо...

– ...Но я уничтожил в ней разом и девушку, и женщину. Узнав о случившемся, отец вызвал меня к себе. Я думал, что он убьет меня, такая ненависть сквозила в его взгляде, но он... разрыдался. Тот, за чьей любовью я бежал всю свою жизнь, словно бродячий пес, теперь вызывал недоумение и презрение. Старик сказал, что я вынудил его выбирать между нами, и, словно по волшебству, весь замок принял мою сторону – сторону чудовища. Просто потому, что это показалось им верным решением. Я только и слышал: «Оступился. Вся жизнь впереди. Она сама напросилась. Как-нибудь переживет».

– ...Я тоже это слышала.

– И эти слова принесли мне столько боли, сколько до того дня не приносили вместе презрение папеньки и успехи названной сестры. Отец с матерью отреклись от жертвы, люди в замке плевали ей вслед. От моей прежней веселой подруги не осталось ничего, я хотел проучить ее...

– ...Но ты ее убил.

Человек на кровати вздрогнул.

– Нет. Вернее, возможно, я убил ее душу. От моей подруги остался

только остов, словно пустая клеть без птицы. Через пару дней она покинула замок, а я стоял на крепостной стене, смотрел ей вслед и слезы текли у меня по лицу.

— ...Ты лжешь.

— Вовсе нет. В тот самый миг, когда она обернулась, оглядывая замок, я понял, что никогда не совершу ничего ужаснее и ничем не искуплю свой грех. Это открытие поразило меня. Словно вместе с ней я убил и свою душу, а заодно и душу своего отца. Старик сдал, ему отказали ноги, он целыми днями сидел в розарии и разговаривал с неведомой мне женщиной, вымаливая у нее прощение.

Я же пытался найти точку опоры. Сначала хотел уйти в монастырь, принять постриг и оставшиеся дни посвятить молитвам. Но отец расхохотался, когда услышал об этом. «Ты так легко не отделаешься, — сказал он. — Нет, теперь ты ответственен за замок. Ты до дна изопьешь отраву, которую сам приготовил». И он был прав: я не мог бросить свои земли на безногого старика без наследников. Не мог бросить людей, которые презирали меня и шептались за спиной. Да, в момент преступления они дружно встали на мою сторону, их вынудили так поступить: отчасти приказ отца, отчасти — принятые в замке понятия о чести рода. Но прошла неделя, месяц, год, и все встало на свои места: во мне наконец признали то чудовище, которым я являлся. Плевали вслед уже не моей подруге, а мне. Старухи сыпали мне проклятия в лицо, а отцы презрительно кривили губы и прятали дочерей за спины.

Я не мог сбежать из замка, как сделала она. Все эти люди и мой отец ненавидели меня до глубины души, но также и нуждались во мне. И на какое-то время я принял эту епитимью. Старик же стал совсем плох, и, повинаясь его воле, мне нашли невесту, которую я не видел до дня свадьбы даже на портрете. Откуда-то с северо-запада в разбитой кибитке мне привезли и выдали на руки усталое дитя, которому едва минуло шестнадцать лет. Моя супруга не была красавицей, не обладала должными обаянием и манерами. Ее кровь не сравнилась бы по благородности с моей. Но чего в этой маленькой девочке было больше, чем в ком бы то ни было, так это веры и любви. Я исповедался ей так же, как и вам, в первую нашу ночь после венчания. Я считал себя слишком грязным, чтобы притрагиваться к любой женщине в мире. Тем более мне не хотелось принуждать новобрачную, пока еще совсем незнакомку. Выслушав меня, новоиспеченная жена долго плакала, но затем сказала: «Стыд, боль и грех нельзя смыть лишь жизнью в самоосуждении. Придется жить, и жить лучше, чем до этого. Придется сделать всю свою жизнь манифестом добра.

И даже это не исправит содеянного, но уравновесит весы блага и отчаяния в этом мире». Как видите, моя супруга была мудрее любого ученого мужа.

Под управлением ее маленькой, но уверенной руки замок ожил. Люди продолжали говорить, что такой подонок, как я, не заслужил столь ангельского существа. Да я и сам так считал и продолжаю считать. Но тучи безысходности над нашим замком рассеялись. Не помогло это только моему отцу. Видимо, отведенный ему срок подходил к концу. Он уже не вставал с кровати, зрение и слух отказывали ему. Однако отец сердечно полюбил мою жену и, когда она понесла, позвал ее к себе.

Старик положил ей руки на живот, заулыбался и произнес: «Я чувствую, будет девочка. Я тоже мечтал о дочке. Если бы она у меня была, я бы назвал ее Хлоэ». Это были его последние слова, и мы отнеслись к ним с почтением. Малышка, которую вы держите на руках, носит имя, предназначенное моей сестре.

Мое сердце билось так громко, что, казалось, его стук заполнил палатку лазарета до самого полотняного потолка.

– Теперь вы понимаете, генерал, – с улыбкой произнес мой Принц. – Хлоэ и есть мое искупление. Если даже такое чудовище, как я, способно создать что-то столь искреннее и невинное, как Хлоэ, может быть, для нас еще не все потеряно?

Я вздрогнула, а малышка у меня на руках беспокойно заворочалась. Девочка потянулась маленькой ручонкой в сторону отца, и когда он протянул ей обмотанный бинтами палец, то схватила его и счастливо, как умеют лишь маленькие дети, рассмеялась.

– Я ведь и на передовую приехал, чтобы жить лучше и достойнее, чем прежде. Несмотря на свой титул, пошел с рядовыми разведчиками в первую вылазку. Я так хотел быть полезен... и вот, посмотрите, оставляю жену вдовой, а Хлоэ – сиротой. И, пожалуй, единственное, что меня волнует, – кто позаботится о них завтра? Кто сможет защитить мою дочь от надвигающейся тьмы?

– Я смогу, – просто сказала я.

Все фрагменты истории встали на место. Причина идти вперед была найдена в маленькой душевной палатке, в корзине рядом с умирающим человеком, чья любовь и ненависть когда-то заставили меня бежать быстрее ветра. Но сейчас пришло время остановиться и взять на себя хоть немного ответственности за этот мир. Я произнесла:

– Вы не поймете того, что я сейчас скажу, но невозможно любить всех людей, это точно. В мире всегда останутся подонки вроде вас и святые вроде вашей жены. И мы всегда спасаем мир не ради света или тьмы, а

ради того, что их уравнивает. – Я нежно погладила Хлоэ по серебристой головке. – Люди идут в бой ради надежды на то, что грехи можно искупить, а завтра будет лучшим днем, чем вчера.

Я чувствовала, как рассыпаются в прах цепи, стягивавшие мое сердце долгие годы. Нет, боль, обида, ярость и гнев не исчезли в один миг. Просто они перестали сковывать мысли и диктовать мне свою волю. Я впервые почувствовала себя свободной настолько, что могла идти вперед спокойным шагом, а не бежать, обгоняя ветер.

Аккуратно положив Хлоэ в корзину, я поднялась с кровати. Принц вдруг тревожно спросил:

– Как вы думаете, она бы меня простила?

– Нет, – с легкой грустью ответила я. – Но это и неважно.

После этих слов я вышла из палатки. Моему Принцу, как и мне, предстояло последнее сражение. И провести его, как бы сказали крайнийцы, ему предстояло в полном одиночестве, несмотря на жену и дочь у смертного ложа.

* * *

Уже стемнело. По небу ползли ленивые облака, выделявшиеся белесыми пятнами на темно-фиолетовом своде. На севере внезапно вспыхнула молния, и мне показалось, что она озарила Врата Ремира в надвигавшейся тьме. Это встревожило меня, и я поспешила к королевскому шатру.

На этот раз здесь собрались все мои друзья. Они вглядывались в сумерки.

– Скажите, что я ошиблась, – выкрикнула я, подбегая.

– Думаю, нэт, – сказала Извель. За плечи она обнимала Кима, словно ища у мальчика поддержки и опоры. – Всэ мы видели вспыхнувшие ворота. Коронация свершилась, король-медведь вернулся в этот мир.

– Я ожидала чего-то более эпичного, – удивленно произнесла Секира. – Думала, будет какое-то светопреставление, может быть, даже дьявольская музыка.

Ее шутка не вызвала ни одной улыбки.

– Зло обычно довольно тихо входит в наш мир. Этот раз – не исключение. Я рад хотя бы тому, что наши солдаты пока не в курсе, что у армии чудовищ кроме когтей и клыков сейчас появился озлобленный вожак, – отметил Гардио.

Я оглядела площадку перед королевским шатром. Здесь стояли близкие мне люди, список в кармане подтверждал это. Стремительно опускающаяся тьма накладывала резкие тени на их лица. Все застыли, словно в постановке камерного театра. Мое желание спасти их и этот мир в тот миг было так велико, что я могла бы взять его вместо меча и в одиночку броситься на весь многотысячный легион врага.

Где-то по ту сторону гор был Слэйто. Возможно, один, а может, с парочкой еще вменяемых Сияющих, решивших в кои-то веки сделать доброе дело. И, несмотря на километры, которые нас разделяли, я была уверена, что его сердце продолжает биться в унисон с моим. Я просто не могла допустить этой битвы, потому что не знала, кого из дорогих моему сердцу людей потеряю в гуще сражения.

– У меня есть безумная идея, – тихо начала я и, когда друзья с интересом обернулись, продолжила чуть громче: – Короля-медведя за гордыню заточили в темнице времени. Сделал это бог времени, известный в Тилле как Кац-Хуцаа. Я порасспрашивала солдат на границе с Тиллем и местных знатоков – его всегда изображают как старца с песочными часами в руке и связкой ключей на поясе. Тот звон, который слышала Секира, когда золотой вихрь пытался ворваться в ее сон, – это был не звон колокольчиков, а звяканье ключей. Она обратилась к своему богу, и тот пришел, чтобы спасти ее.

– Ты ведешь к тому, что бог времени – это реальное существо, у которого некогда были силы заключить короля-медведя в темницу? И сейчас этот старец бродит где-то вокруг? – саркастично спросил Атос. Секира метнула на него гневный взгляд, но крайниец лишь развел руками. – Тогда почему бы этому Хуц-Каа не постараться и не загнать ублюдка-медведя в темницу снова?

– Кац-Хуцаа, – поправила генерала Извель, но тот пренебрежительно отмахнулся.

– Так, готовьтесь, моя теория становится еще безумнее. – Я даже нервно засмеялась. – Как многие из присутствующих знают, боги не настолько всемогущи, как нам бы хотелось. Что, если у Кац-Хуцаа был артефакт, который помог ему справиться с медведем, а потом он его... Допустим, потерял?

Даже в наступающих сумерках я увидела, как вытянулось лицо Атоса.

– Войдя тебя раздери, ты имеешь в виду проклятый ключ?

Я кивнула и продолжила:

– Кац-Хуцаа – бог-времени и ключник. Он не бог-воитель и не бог, создающий клетки. Единственное, что мог старик, – увести короля-медведя

так далеко в глубь времен, чтобы тот никогда не выбрался. Ключи на его поясе символизируют двери в другие времена. Я уверена, что каждый из них обладает какой-то властью, но лишь проклятый ключ был настолько мощным, что пробил брешь в начале времен.

– А потом он потерял ключ, – задумчиво предположила Секира. – Никогда не думала, что мой бог такой растяпа.

– Не спеши обвинять его, – вдруг мрачно вставил Гардио. – Как ни странно, но если весь рассказ Лис – правда, то я смогу пролить свет на историю с тем, как именно был утерян ключ.

Такого не ожидал никто. Мы замерли в напряжении. Меж тем солдаты начали зажигать костры и факелы, чтобы осветить наш лагерь и отогнать подступающую тьму.

– Вы же знаете, что мой отец с ума сходил по безделушкам Поглощающих, – начал свой рассказ король. – Он коллекционировал их, будто обычные сувениры. В детстве мать рассказывала, что, когда она еще жила во дворце, к отцу приходил человек, похожий на змею. Разве что не шипел, сказала она. Посетитель предложил королю сделку – за часть его пугающих игрушек ему был обещан артефакт, принадлежавший богу. Не знаю уж, как его уговаривали, но мой отец согласился и отдал большую часть коллекции, а через месяц получил нечто настолько ужасное, что хранил это в самом темном подвале в нескольких вложенных друг в друга сундуках. «Чистое зло и горе», – так описала это моя мать.

– Это была не потеря. – Я в ярости пнула землю так, что кусок дерна взвился вверх. – Это была военная операция. Зверолюди вооружились магическим оружием недобогов, чтобы обезоружить бога настоящего. Они отбили у него ключ, который был опасен для их хозяина, и спокойно начали готовить возвращение.

– Но зачем они отдали его королю? – С недоумением произнес Гардио. – Они могли просто не спрятать его или уничтожить.

– Не думаю, что артефакт подобной мощи так легко истребить. А вернули его, скорее всего, просто чтобы запутать следы. Чудовища надеялись, что король защитит свою новую игрушку от бога лучше, чем они сами. Тут они угадали: началась гражданская война, и ключ, как и многие другие сокровища короны, был утерян. До тех пор, пока его судьбу не отследила некая леди-генерал, решившая, в силу своего скудоумия, что он поможет ей стать Поглощающей. Она и отправила маленького legionера за заветной шкатулкой, хранившейся в ту пору в замке Рэймис.

Я ненадолго замолкла, но затем через силу продолжила:

– Очень странно осознавать, что одна из величайших трагедий твоей

жизни – всего лишь маленькое колесо какого-то гигантского механизма. Ты сам – все твои печали и страдания – всего лишь крошечная часть чужого огромного плана. У меня сегодня просто вечер открытий. И история ключа бога Кац-Хуцаа – далеко не самое удивительное из них.

– Но мы потеряли ключ вместе с Алайлой, верно? – полуутвердительно спросил Атос. – Нечто утащило ее вместе с ключом в одну из дверей.

– Это навэрняка и был король, – проговорила Извель. Сейчас ее эбеновая кожа сливалась с окружающей нас тьмой, а волосы светились ореолом, будто паря в невесомости над землей.

– Да, я тоже думаю, что это король утащил Алайлу вместе с ключом. Почему он не остался? Почему, вырвавшись из одной двери, сразу шагнул в другую? Может быть, годы заточения лишили его разума, а может, он боялся остаться в центре урагана смерти, который создал ключ. Скорее всего, око спокойствия сжалось бы до точки, убив и его, и Атоса, которого очень вовремя спас среброволосый принц.

– Мы постоянно про него забываем, а ведь его помощь неоценима, – подала голос Секира. – Что, если это и есть Кац-Хуцаа?

Я лишь пожала плечами:

– Кац-Хуцаа всегда являлся в виде старца. Зачем ему весь этот маскарад? – А про себя подумала, что единственный среброволосый принц, которого я знала, хоть и пережил определенное превращение, но совершенно точно не являлся нашим магическим помощником.

Гардио устало махнул рукой, будто отпуская нас.

– Если ключ и был единственным оружием против короля-медведя, то сейчас он у него. Монстр на престоле, вокруг – многотысячная армия, и все эти предположения нам никак не помогут. Как не помогли записи из библиотеки в Кармаке, как не помог сундук с надеждой в Медвежьем остроге. Похоже, что полагаться мы можем только на свою собственную сталь. Завтра с рассветом отправляемся в бой, и да помогут нам все боги, что будут наблюдать за сражением.

С этими словами король развернулся и понуро побрел под свой тент. Уже по его сторбленным плечам и шаркающей походке можно было понять, что в победу он не верит.

– Нам тожэ пора отдохнуть, – промолвила Извель. – Постарайтэсь не накручивать сэбя пэред битвой.

И ока покинула площадку, уводя за руку Кима. Остались лишь трое: два генерала и я.

– Лис, – начал крайниец. – Может быть, я произнесу это не вовремя и

невпопад, но ты же знаешь, как это бывает на войне. Завтра нас может и не быть в живых. Поэтому если уж дозрел, то говори, я так считаю.

– Ты тянешь, – заметила Секира. Видимо, она знала, что собирался выдать Атос. Они это уже обсуждали. Мило.

– Да-да, – замешкался крайниец. – Я думаю, что был слишком суров к Слэйто и к тому влиянию, которое он оказывает на тебя. В свое время я был твоим учителем, и посмотри на себя: ты прекрасна!

Такого эпитета я точно не ожидала, поэтому слегка опешила, а крайниец продолжил:

– Я был уверен, что ты берешь у меня самое худшее, но ты будто мельница: перемолола все это во что-то новое, свое. Не стала волчицей, осталась собой и даже, возможно... – Атос бросил взгляд на Секиру, словно ища поддержки. Та кивнула, и он завершил фразу: – Возможно, ты делаешь людей вокруг лучше. Я изменился рядом с тобой. Так почему Слэйто не может? Тебе нужно время, это верно, ты быстро увлекаешься людьми и начинаешь их копировать. Но пройдет день, два или десяток лет, и ты вернешься к себе, чуть исправив весь мир вокруг.

Было видно, что он говорил искренне, но сказанное давалось ему непросто. От смущения Атос всегда злился, вот и сейчас он начал закипать.

– Эм, – вымолвила я. – Спасибо.

– Вот и все, что я хотел сказать, – буркнул генерал. – Хорошенько отдохните.

Он развернулся и мгновенно растворился во тьме. Секира хохотнула.

– Какие же все-таки нежные существа, эти мужчины. Могут часами рубиться в кровь, не зная усталости, но заставь их сознаться в собственных чувствах, как с них сойдет семь потов. Кто бы ни выдумал идею, что миром правит их племя, он был сумасшедшим. – Затем она сделала шаг ко мне, но отступила, будто боясь обжечься. – Лис, я вижу, что после Ярвелла ты избегаешь меня. Нет-нет, не нужно объяснять, я уверена, что у тебя есть на это причины. Просто знай, что я всегда рядом, и, когда тебе понадобится помощь, даже если это случится завтра, в гуще сражения, я приду на твой зов.

Видимо, что-то промелькнуло у меня на лице, и света факелов было достаточно, чтобы Секира это заметила.

– Значит, не показалось, – тихо и грустно произнесла она. – Когда Роуэн говорил, что мы ничего не добились в Кармаке и Медвежьем остроге, ты выглядела так, будто знала чуть больше, чем он. И сейчас я вижу, что ты что-то замышляешь.

Я молчала.

– Не доверяешь? Или... Нет, ты просто не хочешь впутывать меня в это, верно? – Секира произнесла это и обхватила себя за плечи, будто начала мерзнуть.

Я не могла сознаться, но и оставить ее без ответа тоже не могла.

– Ты уже помогла мне, Секира. И Гардио, и Атос, и Извель со Слэйто. Вы об этом не знаете, но, возможно, если все получится, именно вы выиграете эту войну, даже не взявшись за эфес меча. Не проси у меня признаний, просто поверь в меня. Иногда веры бывает более чем достаточно.

Секира неуверенно кивнула и развернулась, чтобы уйти, но, не сделав и пары шагов, порывисто развернулась и подбежала ко мне. Несколько робко она заправила выбившуюся из фаранка прядку и начертила пальцем у меня по лбу два соприкасающихся вершинами треугольника. Затем прошептала короткую молитву своему богу и уже уверенным шагом покинула освещенный факелами круг.

Я осталась одна. Именно этого одиночества мне не хватало, чтобы наконец сложить все имеющиеся у меня факты и понять, что план действий возможен лишь один. Несмотря на талантливых генералов, несмотря на целую армию за спиной, я должна была, как и предсказывала древняя-мы, встать одна против этого легиона чудовищ. Потому что только я могла добраться живой через заслон из пятнадцати тысяч монстров до короля с ключом на шее.

Я легко двинулась в путь. Стоило мне выйти за пределы лагеря, как высокая невытопанная трава начала гладить мои бедра. Справа возникла коренастая тень.

– Только недалеко, Ким. До конца со мной ты не пойдешь.

Мальчик кивнул и начал срезать стебли своим заокраинским кортиком. Правда, развлечение длилось недолго: мы вышли на Центральный тракт. Впереди раскинулась армия короля-медведя. Как и в нашем лагере, тьму разбивали точки костров. Где-то там, среди палаток, мог быть и мой знакомый сержант-волк, спасший мне жизнь. У него были семья и дети, как и у многих наших солдат, как и у моего умирающего Принца. Война заставляла выбирать, мы или они, но издалека лагерь чудовищ ничуть не отличался от нашего. Для них мы были агрессорами и захватчиками, для нас – они. И я надеялась, что мне хватит сил окончить эту историю.

– Беги назад, Ким. Но не говори никому, что видел меня тут, болтунишка.

Мальчик улыбнулся. Я ожидала, что он начнет капризничать, как бывало в токоне, и потащится вслед за мной, но нет. Ким вырос и научился

без упрёка принимать решения окружающих его людей. Он вложил мне что-то в руку, легко развернулся и зашагал обратно в траву.

Я раскрыла ладонь. При слабом лунном свете я смогла различить кулон, изображавший две руки, – одну чернильно-синюю и одну белую, в потрескавшейся краске. Когда-то я отдала эту побрякушку Атосу, надеясь его защитить. А он, видимо, подарил кулон Киму в честь встречи. И вот подвеска вновь вернулась ко мне. Ничего не значившая, просто древнее и не очень изящное украшение. И все же... и все же.

Я надела цепочку через голову, зацепив фаранк, и грязно выругалась. Шарф развязался, но заматывать его заново не было времени. Ведь теперь я вполне подготовилась к встрече, которую так долго откладывала. Кинув фаранк в пыль дороги, я направилась на аудиенцию к королю-медведю.

Имя пятнадцатое: Настоящий принц

Когда я приблизилась к первому посту чудовищ, в воздух мгновенно взвились подожженные стрелы, оставляя за собой в черном небе оранжевые хвосты. Стрелы воткнулись в землю полукругом. Меня пытались не убить, а только разглядеть, и это было логично. Отряд Принца опознали как разведчиков, поэтому без промедления уничтожили. А я? Просто шла напрямик по тракту к легиону монстров. Слишком уж самоубийственно для военной хитрости.

– Следующая стрела полетит тебе в голову, – проскрежетал из темноты бестелесный голос. – У нас тут праздник, какого рожна тебе надо?

– Пришла поздравить вашего монарха с коронацией, – отозвалась я. – Он долго меня искал, и вот я решила приготовить ему такой подарок. Меня зовут Лис, но ваши люди также зовут меня Палач и Проклятое Дитя.

Тьма передо мной взорвалась голосами. Начали вспыхивать факелы. Их пляшущие огни выхватывали из темноты пугающие морды: звери, птицы, насекомоподобные чудища. Неприкаянные души проклятого народа нашли себе новые дома в телах тысяч существ. Но вряд ли каждый из этих солдат слепо поддерживал короля-медведя.

Сколько из тех, кто здесь присутствовал, не разделяли темных увлечений своих господ? На скольких кара пала не за настоящие проступки, а за одну принадлежность к общему роду?

– Эй, Лис! – выкрикнул тот же хриплый голос из темноты. – Я и мой отряд отведем тебя к королю на двух условиях. Ты сдашь оружие и скажешь, что тебя поймал Типан-песец. Если мы тебя не окружим, тебя попросту растерзает толпа, а мне повышение за такую ценную добычу не помешает.

Я молча достала меч из ножен. Корундовый клинок, наследие Кэрка, не обладал магическими свойствами бусин из браслета Карамина или крепкостью заокраинской брони, но в нем таилось волшебство иного толка. Меч многие дни придавал мне силы и веры в саму себя. Неидеальный, как и я сама, с трещиной, тянувшейся по темной глади изнутри и на поверхности. Но сейчас, как никогда раньше, мне захотелось его отбросить, как и все свои внутренние надломы. Пришло время оставить эту тьму позади. Поэтому я легко кинула клинок в траву и подняла руки, показывая, что они пусты.

– Веди меня, Типан-песец, я расскажу твоему королю, что ты выбил

оружие из моих рук в жестокой схватке. В конце концов, лисы и песцы должны помогать друг другу, как ты думаешь?

Из темноты раздался похрюкивающий смех, а затем явился и сам мой пленитель. Он выглядел не как сержант-волк – устрашающе и грозно, – а как-то нелепо. Будто сытый и толстый горожанин решил приклеить к своим щекам сизый мех и надеть острые уши на макушку.

– А ты точно Лис? – поинтересовался Типан. – Нам тут байки рассказывали, что ты двухметрового роста и у тебя красные глаза.

– Прости, что разочаровала.

Мы двинулись вперед. Бойцы получеловека-полупесца рассредоточились и окружили нас. Такая защита была не лишней: вокруг горели тысячи костров, и множество любопытных глаз следило за тем, как мы проходим мимо. Мне даже не связали руки.

– Ты идешь просить за свой народ? – вдруг спросил Типан.

– Нет, – ответила я. – Мне даже в голову такое не приходило. Да и разве ваш король из тех, кто купится на подобные мольбы?

Песец расстроено почесал затылок и, помедлив, ответил:

– Вряд ли. Но не все же здесь такие... черствые. Будь у меня выбор, думаешь, я стал бы устраивать бойню с твоими людьми? Но это вопрос выживания: либо вы, либо мы. Нам нужен был король и мы призвали его, и теперь участь твоего народа предрешена. Но честно, мне вас жаль.

В воздухе разлилось зловоние, и я увидела над головами зевак Фрейлину, свою старую знакомицу из Кармака. Она испускала мерзостный запах и была вне себя от ярости, но помалкивала. Я указала на нее своему провожатому.

– Тебе жаль, а вот она бы с радостью убила каждого жителя королевства лично.

Типан фыркнул.

– Так то князья. Они обладают огромной властью, и им есть что терять, в отличие от простых солдат. Разве у вас иначе? Тут далеко не все одобряют войну, знаешь ли, у нас есть дети и старые матери.

– И много вас таких... неодобряющих?

Полупесец сощурился.

– Ты что, хочешь нас собрать и мятеж устроить, что ли?

– Я хочу предупредить вас. – Я вздохнула. – Ты, как и каждый из вашего народа, знал, с какими силами играл ваш король. Из-за его высокомерия целая раса была проклята и обречена на один лишь Войя знает какие муки. Я намереваюсь призвать те силы вновь и устроить ад на земле. Может, у меня ничего не выйдет, а может быть, на месте Врат

останется одна дымящаяся воронка.

– Но с тобой нет мага, – испуганно произнес Типан.

– А мне он и не нужен, – тихо произнесла я. – Ты даже не представляешь, какая магия хранится у меня внутри.

Песец замолчал – то ли испугался моих слов, то ли счел меня сумасшедшей. Мы двигались в глубь лагеря чудовищ и подошли достаточно близко, чтобы я разглядела скалы, образующие Врата Ремира. Они и правда были утыканы мечами снизу доверху, щетинились, будто еж. Металл светился красноватым оттенком, будто его только что достали из горна и он хранил внутри непомерный жар.

Сколько же «мокрого», обогрванного кровью оружия собрал проклятый народ за все те годы, что пытался вернуть своего короля? Сколько крови было пролито, чтобы создать эти новые Врата, приветствующие монарха?

Не каждый, но многие хотели внести свой вклад в строительство этих огромных дверей. Гардио рассказывал, что монстры даже дрались между собой на аукционах, выкупая оружие с самой мрачной историей.

И вот их правитель явился. Цель достигнута. Что дальше? Готовы ли эти несчастные сами решать свою судьбу? Или они ждут, что все решит король-медведь, который однажды уже обрек их на муки?

Я обратилась к своему провожатому.

– Типан. Если ты не хочешь этой битвы, если в глубине души ты больше человек, чем зверь, беги отсюда быстрее ветра.

Монстр отшатнулся, но я продолжила:

– У тебя не так много времени, чтобы рассказать это каждому, кто захочет слушать. Король Роуэн не жаждет крови, и он не устроит на выживших охоту. Не сразу, не быстро – но люди Королевства привыкнут к вам. А если и нет, на свете столько замечательных земель, куда можно отправиться. Но здесь оставаться нельзя. Сейчас тут будет одна лишь смерть. Если ты верен до кончиков усов, мои слова ничего не изменят. Но если для того, чтобы отречься от чудища на вашем престоле, тебе нужна была лишь одна капля, – то вот она: беги, спасайся. Забирай своих детей и стариков, если они в лагере.

– А ведь он говорил правду, – с сомнением в голосе произнес Типан.

Я подумала, что песец имеет в виду те байки, что про меня слагали среди монстров, и понурилась, но солдат пояснил:

– Мой друг, который остался в Кармаке, говорил, что Лис совсем не охотница на волков. Не салана-но-равэй. Теперь я вижу, что это так. Увы, менять что-то слишком поздно.

Мы вышли прямо к вратам на ярко освещенную площадку, посреди

которой возвышался трон.

Я отвернулась от него и крикнула в спину удалявшегося Типана:

– Никогда не поздно что-либо менять! Надо всего лишь бежать быстрее ветра!

– Боюсь даже представить, что за ветер принес тебя сюда, дорогая, – произнес голос, который я вряд ли смогла бы когда-нибудь забыть.

Я резко развернулась и охнула. На престоле в свете оружия, мерцавшего в скалах Врат Ремира, сидела прекрасная и невозмутимая леди Алайла.

* * *

Но я увидела ту леди-генерала, с которой когда-то сошлась в схватке в Сиазовой лощине, всего на миг. Стоило приглядеться, и я заметила зеленоватую бледность кожи, местами отсутствовавшие на скальпе волосы, неестественно склоненную шею – будто она была давно сломана, но держалась лишь силой воли существа, сидевшего передо мной. И самое главное, конечно, швы, бегущие от уголков рта к вискам и скреплявшие разошедшуюся плоть.

– Ты мог выбрать что угодно в этом мире, но выбрал падаль. Seriously?

Король-медведь – а это был именно он – оценил шутку и улыбнулся. Зрелище было устрашающим. Нитки швов натянулись, синие губы, когда-то принадлежавшие Алайле, потянулись вверх и обнажили желтые кривые клыки, которых было явно больше, чем у любого известного мне зверя.

– Я ожидала встретить здесь большого бурого медведя, а вижу гниющий труп. И это еще меня укоряют, что я не соответствую ожиданиям.

– Не то чтобы я собирался перед тобой оправдываться за свой вид. Но поначалу это было единственным доступным мне телом, а сейчас... Это некая дань уважения глупости этой девочки. Ведь именно ее узколобость выпустила меня из темницы. Слепая вера в свои желания – самое страшное оружие на свете.

– Я разгадала почти все части этой истории, но не могу понять двух вещей: почему ты не остался в Сиазовой лощине, вырвавшись из небытия? И когда твои люди начали возрождаться? Я видела монстров-голубей задолго до Взрыва и, думаю, зверюды начали собирать оружие для этих врат задолго до моего рождения.

Существо на троне смотрело на меня со слабым любопытством.

Король будто размышлял, стоит ли вспороть мне брюхо сию же минуту или подождать чего-нибудь интересного, а затем лениво произнес:

– Я отвечу на твои вопросы, но и ты ответишь на мой, а после этого умрешь. Идет?

Я кивнула – выбора у меня особенно-то и не было. Король приподнялся и начал сходить со ступеней. Мне очень не хотелось, чтобы гниющая Алайла приближалась. Повезло, что монстр замер в десятке шагов от меня.

– Мои подданные начали просыпаться, как только я вырвался из плена, тут ты права, но случилось это не два года назад в Сiazовой лощине. Там я вышел, но разум мой был мутен после тысячелетий заточения. Поэтому я схватил ключ, а вместе с ним и тело этой девчонки, и метнулся в первую попавшуюся дверь. Я вышел в Заокраине около двух столетий назад и принес с собой тьму, рожденную в лощине.

– Ты и был магическим бедствием, разрушившим эту страну, – прошептала я, невольно зажимая рот.

– Не я сам, а ключ, который я нес. Он выплеснул остаток магии и разрушил небольшую страну до основания. Колдуны из Заокраины сделали дверь, чтобы заглянуть в будущее, а из нее вышел я. – Король расхохотался. Мне почудилось, что за смехом Алайлы я слышу еще и чужой голос, мощный и древний. – Но я не мог остановиться. Предсказание вынуждало меня искать нужную дверь из мокрого железа. И хотя ключ больше не нес смерти, я бродил из двери в дверь.

Король оттянул цепочку на шее. На ней покачивался хорошо знакомый мне ключ с ломаной спиралью. Легкое чувство, что нечто подобное со мной уже происходило, кольнуло сердце. Алайла и ее ключ.

– Но кое-что случилось после взрыва в Ирбисе. Души моих людей почуяли королевскую силу и начали возвращаться: через почву, через камни, через скалы. Сначала немногие, но с каждым годом все больше. И пока я шел сквозь нескончаемую череду дверей, мои верные слуги собирали оружие, чтобы построить выход из этого лабиринта.

Король подошел ко мне. Я с трудом подавила омерзение и взглянула в лицо некогда прекрасной женщины. Глаза Алайлы были мутными, а в волосах запуталась пара мух. Король взял меня тонкими пальцами за подбородок и склонился надо мной, улыбнувшись жутким оскалом. Его дыхание внезапно оказалось не гнилостным, а цветочным, с запахом роз.

– А теперь твой секрет, проклятое дитя и палач. Назови мне свое истинное имя. Я придушил бы тебя во сне уже очень давно, если бы знал его. Но ты так умело запутывала следы, и этот твой настырный маг... –

Король скрежетнул клыками. – Каждый раз, когда я пытался пробраться в твою голову, то думал, что отыщу твое имя. Но, похоже, ты сама его не знаешь. Как такое возможно?

– Иногда бывает так, что настоящее имя человека долго ищет его. Мое задержалось в пути больше чем на четверть века, – сказала я. Чтобы осуществить свой план, я позволила королю подойти достаточно близко, к тому же он слушал меня с жадным интересом. – Меня должны были наречь Хлоэ, но это имя утекло и теперь принадлежит одной маленькой девочке, которая отчаянно нуждается в моей защите.

Алайла склонилась надо мной. Из разверзнутой пасти несло уже не розами, а гниющим цветником.

– Так как же тебя зовут?

– Меня зовут Лис! – заорала я ему в лицо и, приложив всю силу, сорвала ключ с цепочки, а затем оттолкнула чудовище от себя. – Иногда приобретенное имя оказывается настоящим, прогнившая ты башка. Просто я сама слишком долго не могла этого понять!

Король зашипел и метнулся ко мне. Бежать было некуда. Я сжимала ключ с такой силой, что он вновь, как в замке Рэймис, пропорол мне ладонь, и горячая кровь заструилась по пальцам.

Король схватил меня за волосы и двумя резкими рывками намотал их на кулак.

– Ну и что же, Лис, как ты используешь этот ключ? Это и был твой гениальный план? – Монстр расхохотался. – Глупой Алайле пришлось убить большую часть своего драгоценного легиона, чтобы заставить его работать. А что сделаешь ты? Где же твоя жертва ключу? Где сотни тысяч смертей?

– А ему никогда и не было нужно сотен тысяч, – прошептала я. – Он открывает двери, не поглощая людские жизни.

– А как же тогда? – Чудовище вновь склонилось надо мной, и в блеклых глазах Алайлы я увидела золотой вихрь. – Просвети меня, только быстро. Потому что сейчас тебе суждено умереть.

Чистое кристальное понимание вдруг заполнило мою голову. Наконец-то список у меня в кармане, и многолетние старания Мастоса заняли свое место во всей этой истории.

– Как можно прожить тысячу лет и не понять, что проводник между мирами не смерть, а человеческая боль? Только боль позволяет нам путешествовать в прошлое и мечтами уноситься в будущее, которое еще не наступило.

– Тебе сейчас будет достаточно больно. – Король-медведь занес

тонкую руку, и ногти на ней удлинлись, превратившись в желтые, заскорузлые, но очень острые когти. – Но, думаю, одной твоей боли будет недостаточно, чтобы вложить ее в ключ.

– А у меня и не одна боль.

Рука опустилась. Одновременно с этим я попыталась вырваться и резко дернулась в сторону. Не достигнув шеи, когти прошли по волосам, зажатые в кулаке короля, и частично вырвали, а частично срезали всю мою копну.

Я откатилась в сторону.

– Тебе только кажется, что я здесь одна со своей болью! – закричала я. – Но оглядись вокруг!

Монстр заозирался, будто и правда ждал нападения армии.

– Рядом со мной наследник престола, в рваных чулках убегающий из дома, где убили его родных. Рядом со мной мать, думающая, что ее сына сожгли. Рядом со мной мальчик, потерявший веру в людей и собственные силы. Рядом со мной подросток, с которым сотворили страшное и который отомстил самым близким людям. Рядом со мной моя мать, отказавшаяся от меня, и моя племянница, оставшаяся сиротой. Разве ты их не видишь?

– Ты бредишь, – заявил король. Но не приближался снова. Сжимал мои отрезанные волосы и смотрел, пожалуй, со страхом.

Ключ в моей руке начал пульсировать все сильнее. Сила, исходившая от него, толчками разливалась по моему телу. Тьма, которой я была облучена, начала сдавать позиции. Вверх от запястья по локтю поднималась сила ключа. Не темная, которая овладевала мной или Кэрком, нет. Невероятно слепящий белый свет, намного ярче того, что носил в себе Слэйто. И он уверенно вытеснял тьму.

– Сердце человека бесконечно глубоко, – проговорила я. – Оно может вместить как несметное количество любви, так и бездонную яму боли. Этим мы отличаемся от тебя: умением сопереживать и нести в себе этот груз. Мои боль и ненависть из прошлого ничто по сравнению с тем, что пережили мои друзья. Но я узнала об этой боли, пропиталась ей и принесла ее с собой. Когда ключ требовал жертв, он никогда не жаждал убийств. Он заставлял меня вспоминать пережитое насилие, а Кэрка – потерянных сестер. Убийства творили сами люди, одержимые демоном собственной боли, с которым были не в силах совладать. Я не знаю, что видела Алайла, но она тоже неверно истолковала призывы ключа. Ее боли всегда было достаточно, чтобы открыть двери, – для этого не пришлось бы убивать тысячи людей. Какая жалость, что именно поражение в дуэли со мной перевесило эту чашу страдания, и ключ открыл двери, впуслав в этот мир

тебя.

– Ты не откроешь их вновь! – взвизгнул король и метнулся ко мне. Но с ног его сбила первая волна, вырвавшаяся из ключа. Она, как и в прошлый раз, лишила мир цвета. Источником этой волны была я, поэтому она не причинила мне вреда – лишь слегка всколыхнула коротко остриженные волосы.

Я уже с ног до головы полыхала белым пламенем. Взглянув на свой кулак, в котором держала ключ, я с трудом смогла различить пальцы, настолько сильно сияние скрадывало контуры.

С противными щелчками вокруг нас начали возникать двери.

– Я не позволю!.. – закричал король, но тут вторая волна высвободилась и лишила мир звуков. Он лишь нелепо разевал рот.

Никто из подданных монарха не спешил к нему на помощь. Насколько я успевала замечать, монстры пытались спастись. Они убегали, как я когда-то, через вербовую рощу. И какая бы жалость к этим безликим солдатам ни жила в моей душе, я знала, что для большинства из них все уже кончено.

Третья волна ударила ураганом, оставив меня и короля в оке спокойствия шторма. Снаружи тьма начала истреблять проклятый народ: они разлетались в пыль, как песчаные скульптуры, сносимые ветром. Мы же стояли на твердой земле, защищенные от ярости, которую ненадолго выпускал в этот мир ключ. Судя по рассказу Атоса, око шторма начнет сжиматься. Поэтому оставаться здесь было самоубийством, на которое я осознанно шла. Но меня ждала еще одна задача.

Очередная дверь распахнулась прямо за королем. Она была воздвигнута из огромных валунов и покрыта склизким мхом. Из-за створок пахло могильным холодом и пылью. Король все еще не мог прийти в себя, и это был мой лучший шанс.

Я разбежалась, обхватила Алайлу за плечи и втокнула ее в дверной проем. Мы упали в небытие. Дверь с жадным чавканьем захлопнулась.

* * *

Стоило нам пересечь неведомый порог, как тело Алайлы в моих руках обмякло, а то, что являлось в нем незванным гостем, выскользнуло и поспешило прочь. Я видела размытый силуэт, который скользил от угла к углу небольшой детской комнаты. Я отпустила труп женщины, и он с сухим звуком упал на ясеневый пол, который был мне хорошо знаком, как и вся обстановка. Алайла, только что выглядевшая вполне живым чудовищем,

сейчас стала походить на ребенка. Черты ее лица разгладились, и эта вселяющая ужас женщина сейчас напоминала мирно спящую девочку.

Существо, вырвавшееся из тела Алайлы, со вздохами металось по комнате. Оно искало дверь, но та, через которую мы сюда попали, исчезла, а той, что я помнила из детства, – высокой с железными потемневшими от времени скобами, – так и не появилось. На ее месте виднелся хорошо знакомый мне гобелен. Я могла часами разглядывать его, угадывая в абстрактных узорах принцев и принцесс, драконов, безжалостных злодеев и их приключения.

Правда, этот гобелен никогда не висел в моей детской. На самом деле полотно принадлежало родителям и украшало стену слева от их кровати. Здесь оно было призвано заполнить пустоту на месте исчезнувшей двери.

Король перестал скакать и захныкал, будто капризный ребенок. Я пригляделась: не было больше монстра, не было золотого вихря, был лишь маленький медвежонок, у которого забавно торчали нижние клыки. Он царапал лапами стены в поисках выхода, и на какой-то короткий миг мне даже стало его жаль. Мертвая девочка Алайла, медвежонок-король и я, все еще полыхавшая, как факел, и с ключом в руке, – нам троим теперь предстояло коротать вечность вместе.

У меня возникло странное предположение. Я спешно начала осматривать руки и ноги. Очертания были едва различимы, но все же, кажется, сама я не уменьшилась и не превратилась в ребенка.

– Интересно, почему?

– Потому что это не твоя тюрьма, Лис. А раз ты здесь не заключенная, то и носить арестантскую одежду тебе не пристало.

Передо мной возник старик. На лице его некоторое время сменялись, словно маски, облики совершенно незнакомых мне людей. Но затем оно застыло, обретя вполне узнаваемые черты. Этого усатого легионера я когда-то встретила на поле Песчаных мышей, а затем – в Сiazовой лощине.

– Ты не можешь быть Карамином, – с сомнением произнесла я, указывая на зажатую в ладонях старца колбу с песочными часами и массивную связку ключей на поясе. – Ты должен быть Кац-Хуцаа, богом времени. А Карамин – это бог дорог.

– Дорога – и есть время, Лис. Уж ты-то должна это понимать лучше прочих. Сколько километров ты прошла? Много, не правда ли? И каждый из них – это время взросления твоей души. Люди, сидящие дома, очень редко растут внутренне, в отличие от путников. Путешествие и время суть одно и то же.

Медвежонок перестал ныть и подошел к Карамину. Я знала его именно

под таким именем и решила на нем остановиться. Бывший король, вселявший ужас в подданных и врагов, ткнулся мокрым носом в ладонь старика, и тот ласково потрепал его по макушке.

– И что, он так и проведет здесь вечность в этом обличье? – спросила я.

– Может быть. А может, наконец взрастит свою душу без путешествия – в четырех стенах это невероятно сложно, но возможно. И тогда ему откроется новая дверь. Кто знает, возможно, даже эта глупая девочка очнется от своего вечного сна и решит пойти дальше. А пока, Лис, отдай мне ключ. Он достаточно дел натворил в людских руках.

Я протянула Карамину артефакт, который больше не казался мне пугающим. Его секрет был разгадан. Сияние, однако, не оставило меня, его перебивали лишь пятна свежей крови на ладони.

Старик забрал ключ и разглядывал его, будто диковинную зверушку. На миг его лица вновь сменились, и где-то за всеми этими масками я увидела старого крайнийца, повелителя империи котов и слухов – Мастоса!

– Войя тебя раздери, почему же ты никогда не сознавался, что ты и есть и Карамин, и Кац-Хуцаа? Зачем была эта мистификация, Мастос?

Тот удивленно взглянул на меня.

– Мастос тебя не обманывал, дитя. Пройдет еще не один год, прежде чем он станет сначала Сияющим, а потом мной. Он крепкий старик, но годы неблагодарной работы вымотали его. А еще больше его разрушили истории твоих друзей. То, что придало тебе сил и открыло все двери, уничтожило его веру в людей. Так бывает, и это первый шаг к салана-но-равэ, ты сама знаешь.

– Так откуда десятилетия назад у него оказался список имен людей, часть из которых еще и не родилась в те времена?

Старик лишь ласково улыбнулся. А затем, словно спохватившись, залез рукой в карман и достал браслет из зеленых бусин. Я хорошо знала эту вещицу, ведь именно я ее и уничтожила, попав под действие трех волн в Сиазовой лощине. Но сейчас браслет выглядел как новый, хотя что-то в нем и смущало. Я быстро пробежалась глазами по бусинам:

– Восемнадцать штук. А должно быть шестнадцать!

– Их всегда было восемнадцать – по количеству волков Элеи.

– Почему тогда мне достался браслет без двух бусин?

– Может быть, потому, – старик хитро сощурился, – что тот, кто передал его Извель, сам получил неполную нитку?

– Но бусины спасают жизни и взамен этого разбиваются. – Я почувствовала отчаяние и почти кричала. Даже медвежонок, копошившийся в

углу, затих.

– Вот именно, – словно бы ответил Карамин и развернулся, явно собираясь уходить.

– А что насчет меня? – заволновалась я. – Может быть, выведешь меня отсюда?

– Ты и сама в силах это сделать, девочка.

– Но ты забрал ключ.

– Этот ключ отпирал только самую первую дверь, Лис. А теперь твое путешествие началось, и кто же, кроме тебя самой, способен остановить ту, что обгоняла ветер? Кто посмеет запереть перед тобой любую дверь? Ты всегда так отчаянно искала спасителя, такого принца, чтобы он на правах героя разрешал все твои беды. Но иногда наступают времена, когда принца нет. Хватит ли у тебя решимости занять его место самой?

С этими словами Карамин растворился в воздухе. Король-медвежонок опять занял. А я сжимала браслет с зелеными бусинами и знала, куда мне предстоит направиться, но пока не знала, как.

– Мне надо идти вперед, – вслух произнесла я. – Мне надо стать среброволосым принцем для моих друзей и спасти их.

Словно этого было достаточно, передо мной распахнулась дверь. Вернее, собирательный образ всех дверей в мире. Она была настолько обычной, будто и не была дверью вовсе. Словно что-то иное притворялось входом и, не зная, как себя преподнести, приобрело настолько обыденный облик, что это выдавало его с головой.

Тем не менее я без раздумий шагнула внутрь, даже не обернувшись на медвежонок и Алайлу. Им предстояло собственное путешествие.

Я вышла в пустоту.

Вокруг было темно и прохладно. Ни пола, ни потолка, ни стен – лишь легкое ощущение чего-то огромного, неподвластного моему разуму. Передо мной вновь стояла та же самая дверь, через которую я только что прошла. Мне даже не потребовалось оглядываться: дверь сзади, разумеется, исчезла.

Я вновь попыталась войти и снова оказалась в гнетущей пустоте. Мне пришлось сделать пять входов, чтобы наконец признать свое поражение. А ведь об этом и говорил король-медведь: что-то про то, что, выскочив в Ирбисе, ему пришлось идти дверь за дверью и он не мог остановиться. Он застрял здесь же, в безвременье. Стоило признать, подобное могло свести с ума кого угодно.

Что же помогло ему выйти? Огромная дверь из мокрого железа, которую воздвигли преданные слуги. Но эта дверь была не магическим

порталом – я была в этом уверена, – а всего лишь символом, древним предсказанием, в которое свято верил и сам король, и его подданные. Это был ориентир.

– Маяк, ну это же очевидно, – вновь произнесла я вслух. – Мне тоже нужны маяки.

Сейчас меня больше всего тревожил лишь один человек на свете. От появления среброволосого принца зависела его жизнь. Разрушенный лагерь, запах гари, яркая кровь. Я тщетно перебирала в уме, что могло бы привести меня в то место, но не находила ни одной зацепки. Что на нем было одето или что он держал при себе? Что могло стать маяком?

– Кусок иолита, – сказала я достаточно громко. Дверь распахнулась.

Дверь первая

Я вышла на свет. Где-то за каменным выступом свистел ветер и прошлая я сражалась рядом с Атосом. Передо мной еле держался на ногах Слэйто, он был изранен и пытался закрыться от нападавшего. Я выскочила между ними, чтобы нежным объятием обхватить моего мага. Удар монстра пришелся не на Слэйто, а в меня. Боль оказалась пронзительной, но времени на страдания не было. Я выхватила саблю Слэйто и наугад всадила ее во врага за спиной, сильно дернув клинок вниз. Позади мага распахнулась новая дверь, и я без раздумий в нее шагнула.

* * *

И вновь оказалась в первородной тьме. Кинжал так и остался во мне, кровь стекала по спине, будто укутывая ее изысканным алым плащом. Я с усилием достала клинок и поняла, что, скорее всего, пробито легкое. В горле заклокотало, дышать становилось все труднее.

– Еще много дверей. Еще немного сил, – прошептала я, прося у неумолимого времени отсрочку.

В сжатом кулаке что-то взорвалось со звонком чмоканьем. Я разжала ладонь: на ней лежал позабытый мной браслет, который насчитывал теперь только семнадцать бусин да зеленую пыль от разбившегося шарика. Зато утихла боль, и, хотя кровь никуда не исчезла – я по-прежнему ощущала мокрую спину, – появились силы идти дальше. Еще один друг нуждался в моей помощи. Как же мне найти Атоса? Тепло, разлившееся возле ключицы, дало подсказку.

– Подвеска Синей Далии! – крикнула я.

Дверь распахнулась...

Дверь вторая

Я оказалась в оке шторма Сиазовой лощины. Атос сидел и ошалело смотрел на дверь, ведущую в Ирбис. Видимо, король-медведь, вырвавшийся из плена, только что уволок туда Алайлу. Я вышла позади крайнийца. Мир был лишен звуков и цвета, а кольцо безопасной земли стремительно сужалось. Времени, как всегда, не было.

Поэтому я подошла к Атосу и схватила его за цепочку на шее, рывком поднимая крайнийца на ноги. В паре шагов от нас я увидела дверь с узорами ока, она наверняка должна была выбросить Атоса в Ирбис, но уже в наши дни. Как и рассказывал, Атос вдруг начал упираться, вспомнил, Войя его покарай, что где-то снаружи бегают его ученица. Я с размаху зарядила ему под дых – уговаривать было некогда. Он согнулся пополам, но не поддался и начал жестами указывать мне за пределы круга, который продолжал уменьшаться.

Мы слишком долго здесь находились. Я почувствовала движение в ладони и подняла ее. Одна из бусин треснула и начала рассыпаться. Однако увиденное, казалось, успокоило Атоса. Он перестал упираться, и я успела втолкнуть его в приветливо распахнувшуюся дверь. Око шторма вокруг сузилось до пары метров, а моя дверь всех дверей так и не появилась. Зато вокруг было несколько других: с морскими якорями, неведомыми цветами и животными. И только на одной из них я различила нечто знакомое. Гордый орел, расправивший крылья, был вырезан по деревянному полотну, его окружали королевские лилии. Когда-то давно я видела эту птицу на морщинистом запястье в виде татуировки. Мне ничего не оставалось, кроме как рвануть эту створку на себя.

Дверь третья

Я оказалась в небольшой светлой комнате. Детская, но разительно отличавшаяся от моей. Бархат, позолота, мрамор. Над уютной на вид колыбелью склонился молодой крайниец. Гораздо ниже и стройнее Атоса, он с улыбкой следил за золотоволосым малышом в кроватке. В изголовье стояла маленькая корона, слишком тяжелая для младенческой головы, сделанная скорее для украшения комнаты.

Крайниец поднял взор на меня и застыл. Я, впрочем, тоже. Именно эта встреча за годы до моего рождения положила начало всей истории и тому, что мы смогли победить проклятый народ. Я достала из-за пазухи небольшой листок и положила его на полку, на которой стояла корона.

– Найди их всех, – проговорила я странным, вибрирующим голосом. Неудивительно, учитывая, что я только что вырвалась из беззвучного мира. – Найди их всех, узнай их истинные имена и покажи список той, что

их связывает. А еще покажи ей свою птицу, это будет знаком и маяком.

Я на миг задумалась и с небольшим сожалением положила рядом с листком браслет с бусинами Карамина. Попав в руки к Мастосу, нить проделает длинный путь через Извель, чтобы спасти меня в Сиазовой лощине.

– Спаси Королевство, Мастос. Кроме тебя – некому.

Молодой Мастос продолжал с удивлением на меня смотреть. Я же подхватила корону и шагнула навстречу новой двери. Эта тоже была покрыта лилиями, только потрескавшимися.

Дверь четвертая

Я вышла в лесу. Тент на небольшой поляне мягко светился изнутри в ранних сумерках. Внутри кто-то сидел, склонившись над книгами, а около входа происходила небольшая потасовка. Извель, облаченная в свою старую заокраинскую одежду, пыталась пройти внутрь, громила-охранник ее не пускал. Они спорили, но ока явно не смогла убедить детину. Мужчина наотмашь ударил мою подругу так, что она упала на траву. Я видела ее лицо, на нем гнев сменился усталостью, а та – безразличием. Ока поднялась с колен и уже собиралась уходить, когда рядом появилась я.

Нужно было освободить руки, поэтому я водрузила корону на голову. Ничего не понимающий охранник пялился на меня, как на чудовище, но, кажется, и не думал защищать палатку. Поэтому я с легкостью двинула ему в челюсть с такой силой, что мужчина отлетел на добрый метр, да так и не поднялся.

Сидевший в палатке поднялся, заслышав шум. Извель смотрела на меня, вглядывалась и пыталась узнать. Я приподняла корону, будто шляпу, над головой и помахала ей. Передо мной открылась новая дверь.

Дверь пятая

Стоило мне выйти у огромной каменной стены, как на голову чуть не упал какой-то предмет. Его неясный силуэт темнел теперь в шаге от меня. А сверху раздавались голоса.

– Министр просил сохранить этот меч как подношение королю, сержант...

– Министр может сожрать свою мохнатую задницу и плоский хвост, – отозвался знакомый мне подпрыгивающий голос. – Королю требуется только мокрое железо, а это корунд. К тому же этот меч принадлежал достойному воину, нельзя так глумиться над стоящими клинками.

– Но он принадлежал... человеку?

– А кто ты, рядовой? В глубине души осталась ли в тебе хоть капля человечности? Если да, оставь этот клинок потерянным в траве.

Я нагнулась и подняла свой меч. Новая дверь распахнулась прямо в каменной кладке.

Дверь шестая

Вьюга швырнула мне в лицо мокрые хлопья снега. Я стояла на крыше Медвежьего острога, внизу кипела битва. Ноги начали соскальзывать с черепицы, поэтому мне пришлось присесть на промерзший край крыши.

Маленькая фигурка металась внизу, борясь за свою жизнь. Для нее, в отличие от меня, эта битва еще не была выиграна. Та Лис еще не простила Атоса и не знала, что Слэйто жив. Не представляла, что сражающаяся рядом с ней Секира гораздо ближе, чем казалось. Она еще не догадывалась, что имя Хлоэ станет для нее синонимом прощения для людского рода.

Прошлая я заметила меня и что-то яростно воскликнула, а я сделала ей знак рукой, чтобы она подошла ближе. Дождавшись, когда утихнет очередной порыв ветра, я скинула меч вниз, и он вошел в мерзлую землю, будто нож в масло. Прошлая я подняла голову и попыталась разглядеть меня сквозь снег.

Для меня же открылась новая дверь. Снова та, что вела в темноту. Я с легкостью спрыгнула с крыши в ее распахнутую створку.

Дверь седьмая

И оказалась в кабаке Шмулса. В углу при свете сальной свечи беспокойно спал Мастос, а на столе посреди комнаты лежали желтоватые листы с историей Ирэне. Рядом белела бумага, которую услужливый Шмулс, видимо, подсунул своему наставнику на случай, если тому не хватит своей. Я взяла их все и поднялась на второй этаж. Дверь в спальню скрипнула, разбудив кабатчика. Все было как в его рассказе: сияющий и молчаливый демон, призывающий Шмулса переписать историю, и он сам, испуганный донельзя. Убедившись, что кабатчик взял бумагу трясущимися руками, я развернулась к новой двери. Куда идти дальше, я не знала.

Дверь семьсот семьдесят шестая

Я продолжала счет скорее по привычке. Пламя, охватывающее меня, начало слабеть. Вместе с ним утекали и силы. А двери одна за другой возвращали меня в извечную тьму. Мне даже показалось, что я сама тону в ярости, как когда-то король-медведь. Каждая новая дверь манила обещанием выхода, но я не продвигалась ни на шаг.

Я слабо разбиралась в сути этих путешествий. Первые три двери удалось найти по маякам. Все последующие открывались потому, что я точно знала, куда идти, – к тем, кто уже видел среброволосого принца. А теперь что-то сломалось. Дальше двигаться было некуда. Я не понимала, что может послужить достаточным маяком, чтобы вернуть меня хотя бы

в мое время. Пусть на тысячи километров от дома, но к тем, кто меня ждет.

– Извель, – повторяла я, открывая дверь снова и снова. – Гардио. Секира. Атос. Слэйто.

Заклинание не работало. И тогда я начала произносить другие их имена:

– Леди Боль. Роуэн. Ирэне. Ос Эстос. Капрал Заячий Хвост.

Но и это не помогало. Я выкрикивала в темноту имя-надежду:

– Хлоэ!

Но даже оно никуда не вело меня. Миссия была выполнена: принц всех спас, поэтому от него больше не было никакого толку. Я рухнула на пол между двумя дверями, не решаясь сделать еще один шаг, и хрипло рассмеялась. Не зря моя бабушка говорила: «Не садись за один игровой стол с богами. В конце партии ты обнаружишь, что была не соперником или союзником, а всего лишь пешкой». Моя бабуля всегда оказывалась права.

Друзья не являлись для меня маяком. Они были прочной нитью всего этого повествования, но не вели меня назад. Что-то щелкнуло раз, другой. Мысль настойчиво пыталась пробиться из подсознания. А вдруг все это время я искала вовсе не их? Вся моя дорога, бесконечное путешествие, войны, страхи, влюбленности и дружба привели меня к младенцу в колыбели. Эту девочку назвали именем, которое должно было стать моим. Чье-то искупление, ставшее моим прощением. И позволением себе жить дальше.

Я встрепенулась.

Что, если все это – долгий путь к самой себе? Значит, я должна вернуться не к своим друзьям. Это же так просто!

Я глубоко вздохнула, боясь потерять и эту робкую надежду, и тихо, но уверенно произнесла:

– Лис. Отведите меня к ней.

Дверь без номера

Я оказалась в разрушенной церквушке, той самой, что возле Ярвелла. Колокольчики, как и в прошлый раз, цвели, наполняя воздух своим сладким ароматом. Возле сломанного алтаря стояла женщина. Когда она повернулась, чтобы взглянуть на меня, – сердце мое замерло.

Длинные кудри ниже лопаток были серебристо-белыми. Повязка исчезла, но правый глаз, в отличие от левого карего, был светло-голубым. На женщине был походный доспех, расписанный в память о прошлом узором из переплетающихся лисиц. Всего лишь два предмета служили ей украшением: венок из белых колокольчиков, которые своим молочным

цветом оттеняли серебро волос, и фиолетовое, выточенное из кристалла кольцо на пальце.

Я взглянула самой себе в лицо и в отчаянии спросила:

– Как мне вернуться?

Дверь церкви за моей спиной скрипнула. Другая, будущая Лис взглянула на того, кто вошел и встал у меня за спиной, и мягкая улыбка тронула ее губы.

– Чтобы вернуться, надо бежать быстрее ветра, Лис, – сказала она, не сводя с меня глаз. – А еще лучше – лететь.

И легонько толкнула меня в грудь, но едва ощутимое прикосновение опрокинуло меня навзничь. Я даже не успела испугаться, что ударюсь. Подо мной распахнулась дверь, и я полетела.

Двери раскрывались с безумной скоростью. Я падала и парила одновременно, однако уже не возвращалась в извечную тьму. Перед глазами мелькали чужие миры, но так быстро, что я вряд ли смогла бы запомнить хотя бы один. Створки хлопали, открывались и закрывались, не задерживая мой полет. Я почувствовала себя пером – легким и невесомым – и от этого сравнения рассмеялась. Мой голос задерживался в чужих мирах, когда двери за мной захлопывались.

С этим же смехом я упала в холодную грязь между Врат Ремира и, хотя довольно сильно приложилась спиной, продолжала хохотать. Наше небо не было таким же голубым, как в одном из тысяч увиденных мной миров, а солнце не было настолько ярким. Но сейчас я пыталась вобрать в легкие воздух своей реальности, насладиться возвращением и тем, что я наконец-то дома.

Не было ничего важнее осознания себя в тот момент. Я была собой, я жила в этом самом мире и любила его. Меня звали Лис. И моя история только начиналась.